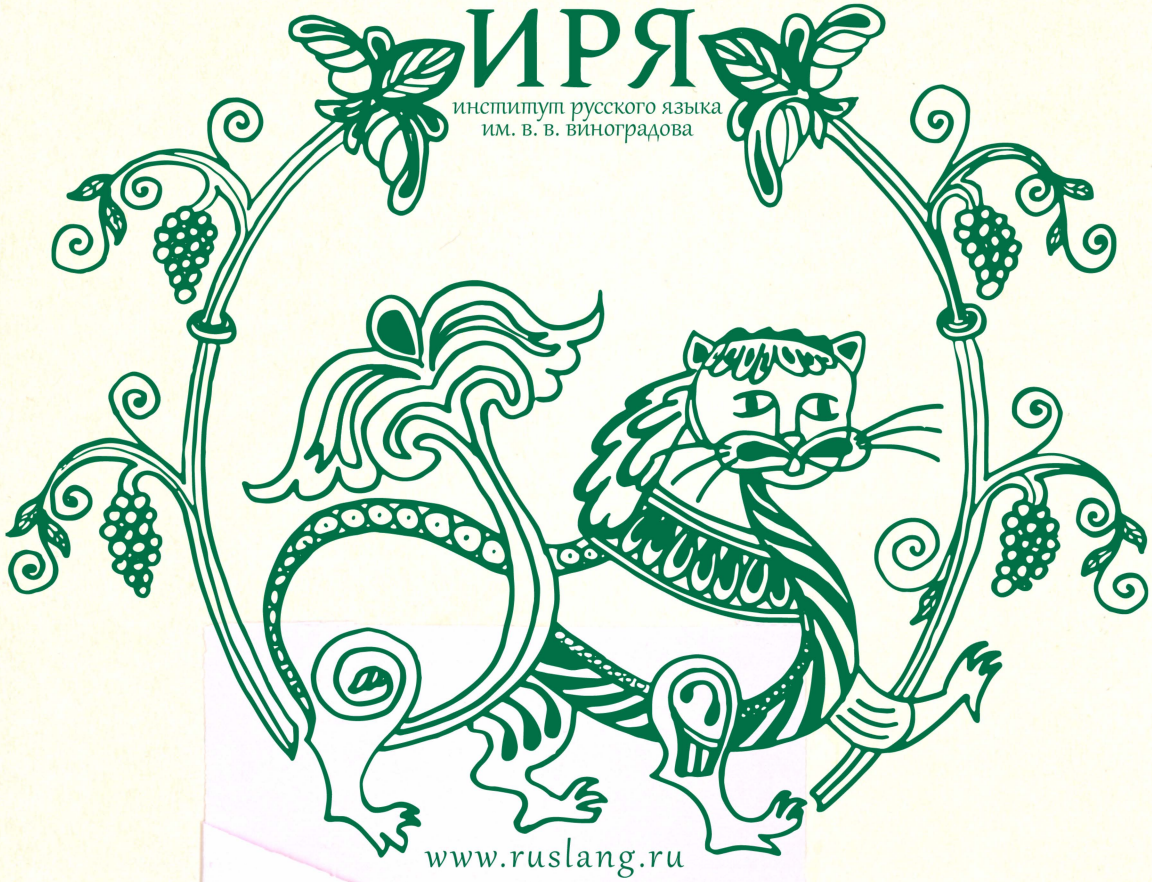
4
В-78

Восточнославянские визоглоссы

ВЫПУСК 4

МОСКВА 2006

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

р 345

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

Восточнославянские изоглоссы

ВЫПУСК 4

МОСКВА 2006

УДК 811.161.1/3'286
ББК 81.2-67
В78

4
В-78
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ОТДЕЛ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
р 345

Ответственный редактор
доктор филологических наук *Т. В. Попова*

Рецензенты
кандидат филологических наук *М. И. Ермакова*
кандидат филологических наук *О. Г. Ровнова*

Восточнославянские изоглоссы. Вып. 4. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006. —
В78 176 с.

ISBN 5-88744-064-3

В четвертом выпуске коллективного труда «Восточнославянские изоглоссы» продолжается комплексное лингвогеографическое исследование диалектов восточнославянских языков (русского, украинского и белорусского) на основе сопоставления материалов трех национальных атласов (ДАРЯ, АУМ и ДАБМ); широко привлекаются также и другие работы по диалектологии и истории указанных языков. Карты и комментарии к ним, вошедшие в этот выпуск, посвящены изучению важнейших для восточнославянского диалектного континуума явлений из области фонетики, морфологии, словообразования и лексики. Впервые в данном труде дается анализ лексических изоглосс, выделяющих ареалы, которые являются наиболее значимыми в диалектном членении восточнославянского пространства. Результаты исследований, составивших содержание четвертого выпуска, могут быть использованы при разработке некоторых вопросов восточнославянского глоттогенеза и этногенеза, не получивших еще в славистике удовлетворительного решения.

Для лингвистов — специалистов по славянским языкам.

УДК 811.161.1/3'286
ББК 81.2-67

ISBN5-88744-064-3

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (*Т. В. Попова*) 5

Список сокращений названий атласов и программ, использованных в данном выпуске ВСИ 9

Г. П. Клепикова. Дифференциация восточнославянского диалектного континуума и «Общеславянский лингвистический атлас» 10

Л. Э. Калнынь. Гласные предударного слога 30

А. В. Тер-Аванесова. Рефлексы **ě* под ударением 41

Н. Н. Пшеничнова. Новые сочетания с /j/ 68

Т. В. Попова. Конечные /т/, /т’/ и /∅/ в формах 3 лица множественного числа настоящего времени 82

Т. В. Попова. Глагольная форма 1 лица множественного числа настоящего времени 109

И. А. Букринская, *О. Е. Кармакова.* Названия орудия для ручной молотьбы и его деревянных частей 146

Г. И. Клепикова. Названия укладок снопов (в поле) 167

С. В. Бромлей. Восточнославянские изоглоссы 172

www.ruslang.ru

Предисловие

В четвертом выпуске коллективного труда «Восточнославянские изоглоссы» (далее — ВСИ) продолжается сопоставительное лингвогеографическое изучение восточнославянских диалектов. Накопленный к настоящему времени материал по картографированию разноплановых явлений в рамках *всего* восточнославянского диалектного континуума уже может служить основой не только для систематизации известных науке, но подчас разрозненных и по-разному интерпретируемых данных по истории и диалектологии восточнославянских языков, но и для определенных выводов синхронно-типологического и диахронического характера.

В свое время Р. И. Аванесов специально подчеркивал принципиальное преимущество изучения диалектных явлений на материале всех родственных языков одной группы (а не каждого языка в отдельности). По этому поводу он писал: «многие проблемы не могут быть разрешены на материале одного языка, в изоляции от данных других близкородственных языков. Понятие отдельных языков (например, русского, украинского и белорусского) относится прежде всего к сфере социально-исторической, культурной, а не структурно-языковой. Ареалы самых различных языковых явлений нередко охватывают соседние территории близкородственных языков» [Аванесов 1964: 558]. Однако важно также иметь в виду и то, что именно картографирование явлений в масштабе всего восточнославянского диалектного пространства дает возможность выявить наиболее яркие специфические особенности русского, украинского и белорусского языков на фоне объективно существующей восточнославянской языковой/диалектной общности.

Напомним, что в славистике существуют различные гипотезы о существовании восточнославянской общности и о происхождении восточнославянских языков. Например, одна из таких гипотез признает восточнославянское (исторически — древнерусское) языковое единство как единство генетическое, т. е. обусловленное происхождением всех восточнославянских говоров из одного праславянского диалекта, или восточнославянского языка-основы. Другая, прямо противоположная, утверждает изначальную диалектную неоднородность (в большей или меньшей степени) восточнославянского праязыка (см. подробнее в [Попова 1995: 4–6]).

Современные историки и диалектологи, учитывая вклад в изучение исторической диалектологии русского, украинского и белорусского языков такими учеными, как А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, Б. М. Ляпунов, Н. С. Трубецкой, Н. Н. Дурново и др., продолжают развивать их достижения на основе новых исторических и диалектных данных и переосмысления известных уже науке фактов.

Из последних работ укажем, например, на исследование О. Н. Трубачева «Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения» [Трубачев 2000], в котором он подчеркивает наличие в прошлом «единого большого ареала, охватывавшего все позднейшие восточнославянские языки» (с. 19), т. е. наличие в прошлом «общевосточнославянского ареала» (с. 20); при этом О. Н. Трубачев категорически отрицает «гетерогенные версии русского глоттогенеза» (с. 22) и, разрабатывая «современную концепцию сложного единства восточнославянских диалектов» (с. 23), утверждает, что «идея сложного состояния древнерусского пространства и языка отнюдь не противоречит идее единства». Отметим также и мнение Т. И. Вендиной, солидаризирующейся с О. Н. Трубачевым, которая на основе изучения ею материалов вышедших из печати двух томов лексико-словообразовательной серии ОЛА «Животный мир» и «Животноводство» уверенно говорит о наличии «восточнославянского древнерусского единства» [Вендина 2004].

Напротив, А. А. Зализняк и С. Л. Николаев в работах, затрагивающих вопросы, связанные с проблемами глоттогенеза и этногенеза восточных славян, придерживаются мнения о существовании неоднородной (= гетерогенной) правосточнославянской основы, включающей в свой состав различные (племенные) диалектные группы (новгородскую, кривичскую, галицкую и др.).

Однако и сейчас еще отсутствуют весомые аргументы для убедительного подтверждения той или другой гипотезы, хотя определенные успехи в этой области уже наметились. Так, развернувшиеся в последние десятилетия исследования исторических и синхронных диалектных данных русского, украинского и белорусского языков/диалектов (в частности, в коллективном труде ВСИ) позволяют по-новому взглянуть не только на развитие праславянского языка, но и на образование восточнославянской группы языков, которые являются периферией Славии, а также на их диалектное членение. Эти исследования расширили наши представления о восточнославянском лингвистическом пространстве и показали, что истоки отдельных диалектных разли-

чий вполне обоснованно можно возводить к тем различиям, которые были свойственны еще правосточнославянским (племенным) диалектам. Очевидно, что уже в древнейшую эпоху реально существовало несколько диалектов (= групп диалектов), и это свидетельствует о наличии (в определенной степени) изначальной неоднородности (возможно, даже и гетерогенности) единого восточнославянского диалектного континуума. Однако говоря о гетерогенности, нельзя недооценивать факт существования и той глубокой общности, которая в действительности характеризует современные диалекты восточных славян и служит веским основанием для их объединения в отдельную восточнославянскую языковую группу. Карты и комментарии ВСИ — это один из вполне надежных источников для реконструкции древнего состояния целого ряда явлений, свойственных правосточнославянским диалектам. Именно эти исследования дали новые убедительные аргументы (прежде всего ареалогические) в пользу признания того, что на всем протяжении существования восточнославянской языковой общности активно действовали как дивергентные, так и конвергентные процессы, определившие современную картину *единства* (= целостности) Восточной Славии, которое характеризуется в то же время и значительной дифференцированностью восточнославянского диалектного континуума (ср., например, констатацию специфического развития некоторых диалектов того или иного языка, развитие одинаковых инновационных черт, представленных в диалектах разных языков, сохранение архаизмов в отстоящих друг от друга диалектных зонах Восточной Славии, влияние различных неславянских языков на отдельные восточнославянские языки/диалекты и под.). Следует специально подчеркнуть, что в рамках ВСИ многие описанные в комментариях и показанные на картах типы пространственной дифференциации восточнославянской территории выявлены *впервые* именно в данном коллективном труде.

Вышедшие в свет первые три выпуска ВСИ и данный 4-й выпуск освещают целый ряд вопросов, связанных с членением восточнославянского диалектного континуума в прошлом и настоящем, с аргументированным обоснованием наличия архаических и инновационных зон этого ареала, с определением тенденций развития многих конкретных диалектных явлений и т. д.

На данном восточнославянском диалектном пространстве изоглоссы разных явлений дают возможность выделить следующие ареалы:

1. *Юго-западный* и *северо-восточный* ареалы, образованные одинаковыми признаками и очерченные целыми пучками изоглосс. Здесь отмечены, например, такие явления, как наличие: невеляризованного латерального сонанта, нелабиализованного гласного ненижнего подъема типа [е] на месте **ę* и **'a*, сужения предударного [о] (т. е. [о > у]) независимо от качества последующего ударного гласного, инфинитивов на /ти/ и др. Говоры, входящие в указанные ареалы, как типично периферийные, характеризуются повышенной ролью вокальных средств в фонетических системах, а также сохранением многих архаических черт. Факт языковой соотнесенности двух прямо противоположных по локализации периферийных зон является чрезвычайно важным в вопросе интерпретации лингвистического прошлого восточнославянского диалектного континуума.

2. Ареал, образованный *украинскими* и *белорусскими* (или *южнобелорусскими*) говорами, имеет такие архаические черты, как: сохранение флексии И.-В. дв. существительных **a-* и **o-*основ (женского и среднего рода); наличие специфического устройства слога, заключающегося в том, что еще *до* падения редуцированных правило вокального завершения слога было реализовано более сильно (т. е. выражено, например, более последовательно, чем в прарусских говорах), в результате чего в сочетаниях **tъlt* и **tьlt* латеральный велярный сонант **l* изменился в билабиальный спирант **w* (ср. *жоўтий*, *тоўстий*; ср. при этом более поздние образования, возникшие уже *после* падения редуцированных, — *палка*, *веселка*) [Калнынь 2002: 12] и др.

3. По многим признакам выделяется ареал, охватывающий *украинские*, *южнобелорусские* (а иногда и *все белорусские*) и *южнорусские* говоры. Об этом свидетельствует, например, наличие в данных говорах: глагольной флексии /т'/ в формах 3 л. ед. и мн. наст.; лексемы *дежа* в значении 'посуда для замешивания теста'; употребление архаической формы И.-В. мн. одушевленных существительных в функции прямого объекта (*пасти коровы*, *коні*, *свині*, *волы*); употребление синтаксической конструкции *по лесах* (*по лясах*) и др.

4. Многие явления свидетельствуют об известной обособленности *украинского языка*: так, только в украинских говорах находим: указательное местоимение *цей* в значении 'этот'; стяженную глагольную форму 3 л. ед. наст. типа *зна*; глагольную парадигму настоящего времени, образованную по модели *л'убл'у*, *л'убл'ат'* — *л'убиш...*; название «кукушки» — *зозуля*; название «укладки снопов» — *копа*; отсутствие последовательного смягчения согласных перед рефлексами **ę* (перешедшего в [е]), **е*, сильного **ь* и **i*, а также

отвердение исконно мягких *l' и *n' в ряде позиций; артикуляционное сближение по уровню подъема предударных [е] и [и] и мн. др.

5. *Северо-восточный* ареал, в котором отмечены, например, такие явления, как: наличие фонетического ∅ на месте редуцированного *ŭ в формах настоящего времени глагола *мыть* (*м/йу/*...); обобщение твердого заднеязычного в исходе основы в формах настоящего времени глаголов 1 спряжения (*пеку́*, *пе-[k]о́шь*..., *берегу́*, *бере[г]о́шь*...); отсутствие координации между субъективными и адъективными флексиями в Тв. падеже мн. числа типа *сух'и́ма дрова́м'и*; наличие лексем *ши́бко* 'очень', *па́лка* 'валек для выколачивания белья', *квашо́нка* 'деревянная посуда для теста' и др.

6. Ареал, образованный *русскими* (а также часто и *севернобелорусскими*) говорами, характеризуется, например, такими чертами, как: наличие флексии *-м* в глагольной форме 1 л. мн. наст.; наличие разнообразных рефлексов слав. **otъvalъ* для названий «отвала плуга» и мн. др.; кроме того только в русских говорах употребляются инфинитивы типа *печ'ч'и́ / пет'ч'и́*, *береч'ч'и́ / берет'ч'и́*.

7. Стало возможным выделение зон, в которых наиболее часто фиксируются архаические явления (это, как правило, периферийные говоры), и зон, в которых обычны инновации (это, как правило, говоры центра) — ср., например, реализацию «тематического гласного» в формах настоящего времени от глаголов I спряжения лабиализованным гласным типа [о] (в центре восточнославянского пространства) и нелабиализованным гласным типа [не-о] (на периферии).

8. Кстати, исследование соотношения отдельных изоглосс и пучков изоглосс, расположенных в рамках всей восточнославянской территории, помогло в ряде случаев решить вопрос о явной архаичности некоторых явлений, которые ранее считались инновациями. Так, изоглоссы отдельных явлений (ср., например, соотношение изоглосс диалектных вариантов такого типа, как *л'у/бл'/ў*, *л'у/б'/ў*) могут быть интерпретированы как принадлежащие позднепраславянскому периоду только на том основании, что они совпадают с изоглоссами тех явлений, архаичность которых несомненна.

9. Важно также отметить, что лингвогеографическое исследование диалектных явлений на всем восточнославянском пространстве в сочетании с данными памятников письменности дали возможность определить направление (движение) в географическом плане развития многих явлений, а также их продуктивность и непродуктивность (см. карты и комментарии в трех вышедших выпусках ВСИ и в настоящем, четвертом).

Таким образом, на основании лингвогеографического сопоставительного анализа диалектного материала всех трех восточнославянских языков (с привлечением в ряде случаев данных памятников письменности) в работе сделаны определенные заключения, относящиеся не только к собственно географическому распределению разных соотносительных диалектных явлений (диалектных вариантов) и конструированию *новых* изоглосс, но и к истории их возникновения.

В заключение мне хотелось бы обратить внимание на то, что в каждом из комментариев (и в картах) при изучении того или иного явления представлена, как правило, собственная и во многих случаях новаторская позиция автора. При всех явных достоинствах такого творческого подхода к данной сложнейшей работе, он (этот подход) не свободен подчас от определенных упущений, которые, чаще всего, связаны с недостаточной аргументированностью некоторых выводов (особенно исторического характера), относящихся к дискуссионным вопросам, и с индивидуальным представлением автора о необходимом объеме привлекаемой литературы. Однако, учитывая право каждого автора на собственную точку зрения, «недоработки» такого рода при редактировании не устранялись. Важно также отметить, что указанное обстоятельство ни в коей мере не снижает реальной научной значимости данного четвертого выпуска коллективного труда «Восточнославянские изоглоссы».

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов 1964 — *Аванесов Р.И.* О состоянии и задачах научных исследований в области диалектологии // ИАН ОЛЯ. 1964. № 6.

Вендина 2004 — *Вендина Т.И.* Восточнославянские языки в общеславянском контексте // ОЛА. МИ. М., 2004.

Калнынь 2002 — *Калнынь Л.Э.* Восточнославянская лингвогеография в ее отношении к славянскому континууму // Исследования по славянской диалектологии, № 8. М., 2002.

Попова 1995 — *Попова Т.В.* Введение // Восточнославянские изоглоссы. 1995. М., 1995.

Трубачев 2000 — *Трубачев О.Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // ВЯ. 2000. № 5.

Т. В. Попова

ТЕРРИТОРИЯ, КАРТОГРАФИРОВАННАЯ В ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ АТЛАСАХ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ (ДАРЯ, АУМ, ДАБМ)
30°
40°
50°
60°
55°
50°
Онежское озеро
Сев. Двина
Ладожское озеро
оз. Белое
Финский залив
Рыбинское вдхр.
Ока
Волга
Дон
Днепр
Десна
Сейм
Припять
Западная Двина
Неман
Прут
Днестр
Южный Буг
Северский Донец
Петрозаводск
Каргополь
Вельск
Великий Устюг
Котлас
Сольвычегодск
Подосиновец
Лодейное поле
С.-ПЕТЕРБУРГ
Волхов
Тихвин
Белозерск
Череповец
Вологда
Тотьма
Никольское
Солигалич
Киров
Чудово
Гдов
оз. Чудское
оз. Псковское
Псков
оз. Ильмень
Новгород
Боровичи
Валдай
Вышний Волочек
Чагода
Чухлома
Георгиевское
Галич
Ветлуга
Ярославль
Кострома
Урень
Йошкар-Ола
Р О С С И Я
Углич
Юрьев
Иваново
Ниж. Новгород
Чебоксары
Оршанская
Осташков
Торжок
Тверь
Ростов
Переславль
Залесский
Владимир
Богородск
Муром
Арзамас
Выкса
Опочка
Торопец
Ржев
МОСКВА
Можайск
Вязьма
Витебск
Полоцк
Калининград
Лепель
Смоленск
Калуга
Рязань
Касимов
Саранск
Алатырь
МИНСК
Гродно
Могилев
Рославль
Тула
Шацк
Пенза
Б Е Л А Р У С Ь
Барановичи
Слуцк
Брянск
Орел
Тамбов
Ясельда
Брест
Пинск
Гомель
Новозыбков
Липецк
Мордово
Балашов
Саратов
Мозырь
Чернигов
Курск
Воронеж
Борисоглебск
Луцк
Ровно
Житомир
КИЕВ
Сумы
Белгород
Львов
У К Р А И Н А
Харьков
Ужгород
Ивано-Франковск
Хмельницкий
Винница
Полтава
Волгоград
Черкассы
Черновцы
Днепропетровск
Донецк
Вознесенск
Николаев
Мелитополь
Ростов-на-Дону
КИШИНЕВ
Бендеры
Одесса
Херсон

Список сокращений названий атласов и программ, использованных в данном выпуске ВСИ *

[АУМ 1] — Атлас української мови. Ч. 1. Київ, 1984.
[АУМ 2] — Атлас української мови. Ч. 2. Київ, 1988.
[АУМ 3] — Атлас української мови. Ч. 3. Київ, 2001.
[Вост. 1957] — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Карты. М., 1957.
[Вост. комментарии 1957] — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи. Справочные материалы и комментарии к картам. М., 1957.
[ДАБМ] — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Карты. Мінск, 1963.
[ДАБМ, каментарыі] — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы. Даведачныя матэрыялы, каментарыі да карт. Мінск, 1963.
[ДАРЯ I] — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. Карты. М., 1986.
[ДАРЯ I, комментарии] — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. Вступительные статьи. Комментарии к картам. М., 1986.
[ДАРЯ II] — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. Карты. М., 1989.
[ДАРЯ II, комментарии] — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. Комментарии к картам. М., 1989.
[ДАРЯ III] — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. III. (Часть 1). Лексика. Часть 1. Минск, 1997.
[ДАРЯ III, комментарии] — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. III. Лексика. Синтаксис. М., 1997.
[Зап.] — Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы. (Рукопись).
[ЛГГБГ 1969] — Лінгвістычная географія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1969.
[МУ 1957] — Методические указания к «Программе собирания сведений для составления "Диалектологического атласа русского языка"» (под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой). М., 1957.
[Назарова 1985] — *Назарова Т.В.* Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яті. Київ, 1985.
[ОКДА 1987] — Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск. Скопје, 1987.
[ОЛА 1994] — Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. М., 1994.
[Праграма 1950] — Праграма па вывучэнню беларускіх гаворак і збіранню звестак для складання дыялекталагічнага атласа беларускай мовы. Мінск, 1950.
[Програма 1949] — Програма для збирання матеріалів до Діалектологічного атласу української мови. Київ, 1949.
[Программа 1947] — Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947.
[С.] — Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы. (Рукопись).
[С.-Зап.] — Атлас русских говоров северо-западных областей СССР. (Рукопись).
[Ю.] — Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы. (Рукопись).
[Ю.-Зап.] — Атлас русских говоров юго-западных областей РСФСР. (Рукопись).

* Работы, не вошедшие в этот список, даны в конце каждого раздела.

Г. П. КЛЕПИКОВА

Дифференциация восточнославянского диалектного континуума и «Общеславянский лингвистический атлас»

Как известно, тема успешно реализуемого в настоящее время проекта «Восточнославянские изоглоссы» (= ВСИ) возникла на основе идеи комплексного лингвогеографического изучения восточнославянских языковых фактов, отраженных в национальных атласах русского, белорусского и украинского языков. Эта идея была предложена Р. И. Аванесовым еще в середине XX в.[1] Однако активная работа по данной теме началась лишь в 80-х годах, когда С. В. Бромлей сформулировала концепцию ВСИ как сводного атласа языков восточнославянской группы, создаваемого путем рекартографирования соответственных явлений, отраженных в указанных национальных атласах, — именно поэтому данные последних образуют фундамент «источниковедческой базы» труда ВСИ. Его задачи определяются, с одной стороны, как решение некоторых важных вопросов исторического развития отдельных восточнославянских языков (resp. языковой семьи в целом[2]), с другой, — как изучение проблем типологии восточнославянского лингвистического континуума. Одним из эффективных методов решения этих задач является ареалогический[3].

Создание подобного атласа представлялось достаточно реальным, если иметь в виду значительную близость содержания и характера вопросников ДАРЯ, ДАБМ[4] и АУМ и наличия в последних большого числа тематически близких карт. Это позволило С. В. Бромлей составить весьма обширный перечень явлений, общих для трех атласов. В дальнейшем члены авторского коллектива ВСИ, исходя из данного списка, подготовили «сводные» карты для нескольких выпусков этого труда; в настоящее время количество таких карт приближается к ста, они посвящены явлениям всех языковых уровней — фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики[5]. В большинстве своем они опубликованы в серийном издании ИРЯ РАН «Восточнославянские изоглоссы»[6].

Вместе с тем наличие общих (одинаковых) вопросов в программах-вопросниках трех национальных атласов не всегда означает существование в последних соответствующих карт, — если составители по тем или иным причинам признавали публикацию каких-либо карт нецелесообразным, они оставались в архиве соответствующего атласа[7]. Материалы по тому или иному восточнославянскому языку, которыми располагает исследователь-автор карт ВСИ (даже при формальном наличии одинаковых вопросов в вопросниках и опубликованных карт) иногда может сильно различаться, поэтому по возможности он дополняется за счет иных источников, прежде всего лингвогеографических (таковы региональные атласы каждого из языков), а в отдельных случаях — и за счет материалов ОЛА, — отметим здесь карты ВСИ, посвященные некоторым фонетическими[8] и лексико-семантическим[9] явлениям. Однако очевидно, что использование такого источника как ОЛА при изучении синхронных и диахронических проблем восточнославянского диалектного континуума явно недостаточно.

Перспективы более широкого привлечения в дальнейшем данных этого атласа в работе над ВСИ определяются, по нашему мнению, рядом причин. 1) Как указывалось выше, восточнославянских диалектных явлений, представленных в национальных атласах и еще не изученных в сопоставительном плане в рамках ВСИ, остается все меньше. Не исключено, что выбор тематики будущих карт ВСИ потребует широкого обращения к архивным материалам национальных атласов, — в тех случаях, когда соответствующие явления картографировались во всех трех атласах, а лишь в двух или даже в одном (что отражено в упоминавшемся выше списке С. В. Бромлей — см. сн. 7)[10]. Поэтому продолжение исследования проблем ВСИ неизбежно потребует все более активного обращения к такому ценному диалектологическому источнику, каким является материалы ОЛА. 2) Его материалы позволяют более точно интерпретировать противопоставленные явления, установленные на территории Восточной Славии, и, в частности, оценивать некоторые из них как компонент дифференциации собственно восточнославянского диалектного континуума, другие же — как характеризующие более обширные ареалы. Упомянем в этой связи черты, выделяющие украинские диалекты в рамках восточнославянского лингвистического пространства и одновременно сближающие их с западнославянскими и иными славянскими диалектами[11]. 3) Наконец, необходимо учитывать и то обстоя-

тельство, что в ДАРЯ по ряду причин русская диалектная территория ограничена 62° с. ш., тогда как в ОЛА подобное ограничение отсутствует, что позволяет учитывать данные севернорусских говоров в большем объеме[12].

При этом принципиально важным в использовании материалов ОЛА для решения задач ВСИ является не механическое отражение на картах этого труда *всех* диалектных различий (=противопоставлений), присутствующих на картах ОЛА, но — по возможности — хронологическая стратификация указанных различий, и тем самым — разграничение более старых и более новых явлений, в соответствие с которыми осуществляется *современная* дифференциация восточнославянского диалектного континуума.

Настоящая статья посвящена опыту анализа особенностей восточнославянского лингвистического ландшафта, — как он отражен на картах 2-го выпуска Лексико-семантической серии ОЛА[13], и выявления различных *типов* дифференциации восточнославянского диалектного континуума в целом. Заметим, что этот аспект восточнославянской лингвогеографии в последнее время привлекает внимание исследователей, поскольку уже опубликованные карты ВСИ позволяют приступить к каталогизации типов восточнославянских изоглосс (=ареалов) и определения их фреквентности.

Ниже, на примере 11 карт, репрезентирующих в обобщенном виде данные ОЛА, предлагается характеристика некоторых изоглосс, расчленяющих восточнославянское лингвистическое пространство на ареалы различной величины и конфигурации, что дополняет наши знания в этой области, полученные в ходе работы над ВСИ.

Карта 1 представляет тот тип изоглосс, выявленных на восточнославянском языковом пространстве, который свидетельствует в пользу значительного его единства — на современном этапе — и который редко отмечается в ОЛА. Речь идет о географическом распределении на территории Восточной Славии изоглосс названий 'места, где стоят ульи' (ОЛА, к. 54).Наиболее частотными являются названия, описываемые метафоремой pa-sěk-a (см.: [Фасмер III: 211]), — они распространены практически на всей территории Восточной Славии[14]; исключение в *русской* диалектной зоне составляют несколько относительно компактных микроареалов, в которых фиксируются названия с корнем *bъčel=[15]: **a)** р-н нижнего течения р. Оки и в верховьях Дона (p'č'el'n'ik и под.), **b)** ареал к западу и северу от Москвы (p'č'el'nik, pč'el''n'ik), **c)** р-н в междуречье Днепра и Оки, в верховьях Зап.Двины (p'č'el'n'a, pč'el''n'a, p'č'el'n'ik, pč'al''n'ik и др.). Кроме того, как видно на карте ОЛА, во многих среднерусских говорах отмечены дублетные формы — репрезентанты *paděka и дериваты с корнем *bъčel=. В *белорусских* говорах обычными являются рефлексы *paděka, вместе с тем в ряде микроареалов на территории Беларуси находим:p'č'ol'n'ik, pčal''n'ik и др. (запад, к востоку от Минска, некоторые пп. на северо-западе), ср. и варианты: 'pas'ika, pčal''n'ik (восток). В *украинских* говорах обычными также являются рефлексы *paděka, ареал компактного распространения названий с корнем *bъčel= — запад Закарпатья (pčo'lynok, pče'lynok и др., единично — pčul'nyk, pčo'larn'a, pčo'lynyc') (см. и: ЛАЗГ, № 295; ср. и укр. диал. p'čulńik [Вост. Словакия] — ОЛА; также: КДА № 174). Наличие подобных лексических вариантов обозначения 'места, где стоят ульи' может иметь как собственно лингвистическое, так и экстралингвистическое обоснование[16].

На фоне основного противопоставления (paděk-a ~ дериваты с корнем *bъčel=) ОЛА фиксирует в восточнославянских диалектах и ряд других, единичных наименований (употребляющихся иногда как лексические варианты к более частотным названиям), которые выступают как ареально немаркированные. Так, в *русских* говорах: 'pas'eka/ d'e'l'anka (п. 566), 'pas'eka/ p'c'el'n'ik/ 'ul'ij (п. 645), 'pas'eka/ 'dom'ik'i (п. 689), 'pas'ixa/ sat (п. 666), 'pas'ikə/ as':evn'ik (п. 714), 'pas'eka/ s'tojanka (п. 736), 'pas'eka/ nata'čok[17] (п. 811). и под.; в *белорусских* говорах единично зафиксированы: ul'a'je, 'wul'aji (запад Полесья), s'tajło, ka'łodы (юг); варианты отмечены и в украинских говорах: 'pas'ika/ wu'l':i (п. 434), 'pas'ika/ 'wul':i (п. 437), 'pas'ika/ 'wul':e (п. 426), единичные формы — pas'i'čys'ko (п. 472), ti'čok (пп. 501,521), to'čok (п. 443).

Карта 2, отражающая материал двух карт ОЛА — № 71 ('суягная, котная') и № 72 ('родила детеныша [овца]') представляет пример уникального членения территории Восточной Славии, а именно — четкое противопоставление севера и юга. При этом «северный» ареал образуют лишь русские говоры (северные и часть среднерусских), а «южный», помимо всех белорусских и украинских говоров, — значительная часть южно- и среднерусских говоров. В «северном» ареале типичными являются глагольные формы, репрезентирующие слав.*sǫagniti (sę) (о глаголе *agniti[sę] см.: [ЭССЯ 1: 57]) и соотносительное с ним прилагательное *sǫ-agnъ(jь), в «южном» глагол — kotiti (sę) и прилагательное *kotьnъ(jь) (см.: ЭССЯ 11: 219–220)[18]. Границы обоих ареалов максимально сближены, за исключением нескольких небольших участков[19] и про-

ходят в строго широтном направлении, на западе в основном следуя госграницe между Россией и Беларусью, далее — южнее Москвы, по среднему течению р. Ока (рус. диал. *суягная* и соответствия представлены в ДАРЯ, № 67).

Весьма немногочисленны и случаи параллельного функционирования в говорах двух основных лексических вариантов, характерных для восточнославянского диалектного континуума в целом. Отметим, например: (**а**) 'суягная': сев.-рус.su'jagna/'kotna (п. 597), su'jan:a/'kotna: (п. 620), su'jagnaja/o'kotnaja (п. 585), ср.-рус.kot'naja/ su'jagnaja (п. 638), su'jagnəja/'kotnəja (п. 723), зап.-рус.su'jagnaja/a'kotnaja (п. 579), 'kotnaja/ su'jaγnəja (пп. 710, 714), ю.-рус.'kotnəjə/su'jagnəjə (п. 764) и под., вост.-укр. 'kitna/*su'jahna (п. 514), 'k'itna/ su'jahna (п. 519); (**б**) 'родила': сев.-рус.oko't'iłas'/ 'jagn'iłas' (п. 551), o'kot'ic'a/objeg'n'ic'a (п. 556), o'kot'iłaś/o'jagn'ilaś (п. 622), сев.-зап.рус. ko't'iłas'/ jag'n'iłas' (п. 564), okọ't'iłas'/jag'n'iłas' (п. 611), ю.-рус.ajag'n'iłas'/aka't'iłas' (п. 750), objig'n'iłəs'/ aka't'iłəs' (п. 752), aka't'iłəs'/ ajaγ'n'iłəs' (п. 765), aka't'iłəs'/ajəg'n'iłəs' (п. 839) и др.

Наконец, в ОЛА зафиксировано и некоторое число словообразовательных вариантов двух основных лексем, выражающих понятия 'суягная' и 'родила (овца)'. В «северном» ареале наиболее частотны варианты, описываемые метаформой sǫ-//AGn-A (= sujagna[ja]), иные варианты относительно редки, см., например: su'jagnata (пп. 697, 731), su'jagnətəja (п. 733) и под.; в «южном» — обычен вариант kot-ьn-A (= kotnaja), отмечаются и другие формы, ср. ю.-зап. рус. su'kotnəja (п. 726), ю.-вост. рус. su'koč'ija (п. 768), s'kotnыja (пп. 765, 834), s'kotənaja (п. 792), s'kotneja (п. 807), s'kotnaja (пп. 819–821) и под.; подобные варианты очень редки в белорусских говорах (упомянем a'kotna [п. 393]) и не фиксируются ОЛА в украинском. Что касается глагольных форм, то в «северном» ареале достаточно четка граница между двумя субареалами — *западным*, где отмечены варианты, объединяемые метаформой //aGn-i-l-a <sę>, и *северным* и *восточным*, где представлены варианты ob-//aGn-i-l-a <sę>; условно граница между ними проходит в направлении север – юг: Онежское оз. – Рыбинское вдхр. – западнее Москвы. Кроме того, можно указать на компактные микроареалы, где употребляются варианты, объединяемые метаформой o-//aGn-i-l-a, ср.: aja'niłəs' (п. 525), ajag'n'ilas'a (п. 527), ojag'n'iłas' (п. 659), ojag'n'ilas' (пп. 642, 648), ojag'n'ilaś (п. 622), ojag'n'iłas' (п. 573) и под.; единичны фиксации таких форм, как сев.-рус.objegn'i't'iłas' (п. 540), objegn'a't'iłas' (п. 546), ojagn'a't'ilas' (п. 530), sujag'n'iłas' (п. 565), opsu'jagn'ilas' (п. 534) и под. Напротив, словообразовательные варианты, отражающие слав. *kotiti (sę) немногочисленны и отмечены в небольшом числе пунктов. Основным является вариант, объединяющий диалектные записи в метаформе o-kot-i-l-a <sę> — южнорусские, бóльшая часть белорусских и все украинские говоры. Достаточно компактно — в части южнорусских и восточнобелорусских говоров — представлены фиксации, объединяемые бесприставочной метаформой kot-i-l-a <sę>; ср. и единичное зап. укр. obko'tełas'a (п. 416).

На **карте 2** представлены также материалы карты № 27 ОЛА (FPMSl *žerbę), она позволяет изучить такой тип членения восточнославянского лингвистического пространства, который основан на четком противопоставлении, с одной стороны, украинской диалектной зоны, с последовательной фиксацией лексического варианта loš-ę (ło'ša, lo'š'a, ło'š'e, ła'ša и под.) (об этимологии: ЕСУМ 3: 296)[20], — за исключением западнозакарпатских говоров, где употребляются названия 'c'ikuų и др. 'жеребенок' (< венг. csikó 'то же' — MNyTESz 1: 525) и единично — 'hač'a (п. 448) (< тур. at 'лошадь' — ЕСУМ 1: 483; Machek: 119; ср. вост. слвц. hače, hača 'то же' — ОЛА), а с другой, — говоров на всей остальной территории Восточной Славии, с наиболее частотными наименованиями 'жеребенка', восходящими к слав.*zerbę и соответствующими дериватами (заметим, что фиксации в украинских говорах названий, восходящих к слав. *žerbę, единичны). При этом *точные* продолжения слав.*žerbę отмечены преимущественно в средне- и южнобелорусских говорах: žara'b'a (пп. 343, 353–356), žara'b'o (пп. 345–347) и под., единично — в украинских: žereb'je (п. 401), ž9reb'ja (и lo'ša — п. 458), žygyb'ja (и lo'š'a — п. 493 и др.)[21].

На всей русской и большей части белорусской языковой территории отмечаются дериваты различной структуры. Наиболее частотной является модель žerb-en-ъk-ъ — основной массив русских говоров, средне- и восточнобелорусские; в целом как малочастотные (и единичные) оцениваются следующие модели: žerb-en-ъč-ьk-ъ (разные районы русской территории, единично — в Беларуси), žerb-ъč-ik-ъ (рус. že'r'epc'ik [пп. 548, 570], že'r'epč'ik [п.563], бел. ža'repč'ik [п. 333]), žerb-ьk-ъ (рус. žыg'a'bok [п. 710]), žerb-uš-ьk-o (že'r'obuška [пп. 608, 633], že'r'ebuška [п. 618]) и некоторые иные; специфически белорусской является словообразовательная модель žerb-ь=o: žara'b'o (пп. 338, 339), žera'b'o (пп. 347, 348, 378), ср. и: žerb-ęt-ьk-o (зап. бел. žereb'jatko [п. 363], žygy'b'atko [п. 362], žara'b'otka̯ [п. 331]), единично и žara'buk (п. 337), žarabu'čok (п. 332).

Карта 3 интерпретирует материал к. № 24 ОЛА, посвященной названиям 'скота', и презентирует наиболее важные характеристики дифференциации восточнославянского диалектного континуума по данному лексико-семантическому признаку. Это позволяет установить соотношение ареалов, близкое к рассмотренному выше (к. № 2 — 'жеребенок'), а именно: противопоставление украинской диалектной зоны остальной части восточнославянской территории. Речь идет о распространении, с одной стороны, репрезентантов слав.*xudoba (см.: ЭССЯ 8: 110–111), отмечаемых главным образом в украинских диалектах, а также в некоторых пограничных с ними юго-восточных белорусских (иногда — параллельно с иными названиями, см. ниже), а с другой, — рефлексов слав. *skotъ/ skotina (о skotъ см. в: Фасмер III: 655), которые часто фиксируются параллельно (в обобщающей транскрипции skot-ъ : skot-in-a), и прежде всего в русских говорах, большей части белорусских[22]. Подобные названия известны и украинским говорам (восток и центр) и фиксируются чаще всего параллельно с продолжениями слав. *xudoba (см. и данные АУМ 3/4: 116).

Это основное членение может быть детализировано сведениями об ареалах названий с иными корнями, которые достаточно часто образуют лексические варианты к рассмотренным выше. Таковы наименования с корнем *žyv-, отмеченные в узком ареале, протянувшемся с юго-запада на северо-восток на части восточнославянской территории. Зафиксированы следующие словообразовательные варианты: рус. žыvo't'ina (ž'ivo't'ina, žыva't'ina и др.), реже — зап. рус. žыva'tы (pl.) (пп. 677, 693, 694), žы'vot (п. 710), зап.-бел. žы'v'ina (пп. 336, 343, 353)[23], žы'w'oła (пп. 357, 365, 376, 385 и под.).

Как результат польского влияния можно трактовать наличие в западнобелорусских и северо-западных украинских говорах названий, объединяемых метаформой by-dl-o (: слав. *bydlo — ЭССЯ 3: 147), ср. бел. 'bыdła, укр. 'bydło и под. (часто — параллельно с основными для соответствующей зоны наименованиями)[24]. В некоторых восточнославянских диалектах употребляются и названия, данные в обобщающей транскрипции под формой tovar-ъ (см. *товар* в: Фасмер IV: 67–68, — квалифицируется как тюркизм). Название (to'var, tu'var) фиксируется преимущественно в Правобережной Украине (север, Полесье и под.), единично — в Левобережной, см. to'var (п. 493), а также в Белорусском Полесье и соседних р-нах: ta'var, to'var и под. (пп. 382, 386, 389, 394, 398 и др.). Небольшой четкий ареал образуют в карпатоукраинских говорах заимствование из венгерского 'marha и производное от него mar'žena и под.[25]

Другие локальные названия 'скота' в Восточной Славии могут быть изучены непосредственно по материалам ОЛА.

Карта 4, основанная на данных к. ОЛА № 16 'самка кошки', также указывает на противопоставленность значительной части украинской диалектной зоны остальной территории Восточной Славии (в том числе — восток и север Украины), при этом если последняя отличается несомненным единством — превалируют названия, объединенные метаформой ko=-š-ьk-a (ср. рус.'koška, 'koškə и др., бел. 'koška, укр. 'kiška ('kuška, 'kuoška (от *коша < *kotъ — Фасмер II: 360), исключение составляют лишь отдельные микрозоны (ср. сев.-рус. 'kыska [по-видимому, от междометия *кыс*, о нем см.: Фасмер II: 440], сев.-зап.бел. 'kotka[26]), то первая оказывается расчлененной на несколько компактных небольших ареалов. Так, (**а**) в говорах Правобережной Украины частотным является вариант [kyc]-ьk-a (: 'k'ic'ka, 'kyc'ka и др.) (ЕСУМ 2: 440, 450), (**b**) в карпатских и средненадднестровских говорах фиксируется вариант kot-ъk-a (: 'k'itka, 'kitka, 'kutka и под.) (см. выше), (**c**) в Закарпатье — 'mač'ka (об этимологии — ЭССЯ 17: 115; ЕСУМ 3: 422) (см. и: ЛАЗГ № 8; КДА № 13)[27]. Кроме того, в закарпатских говорах единично отмечены варианты 'mыca, 'mыcka (< рум. mâță < слав. *maca, оцениваемое как звукоподражательное: ЭССЯ 17: 110; ЕСУМ 3: 469). Ср. заметно отличающееся соотношение ареалов рассмотренных лексем со значением 'кошка (о.н.)' (к. № 23 ОЛА) на белорусской и украинской территории.

Карта 5 составлена по материалам к. № 22 ОЛА 'утка' и показывает тот же тип членения восточнославянского диалектного континуума, который отражает противопоставление, с одной стороны, основной массы белорусских и украинских говоров, где репрезентированы названия,выраженные метаформой kač-ьk-a (Фасмер [II: 214] определяет рус. *качка* как заимствование из польского и считает его деминутивом от имени Katarzyna; ср. и сомнения в этом в: ЕСУМ 2: 409), а с другой, — русских говоров, вместе с некоторыми восточнобелорусскими и северовосточными украинскими, характеризующихся употреблением рефлексов слав.*ǫtъka (см.: Фасмер IV: 174) — 'utka ('vutka, 'wutka и под.). При этом отмечаются микрозоны параллельного употребления обоих лексических вариантов, ср. укр. 'utka, 'kač$^{()}$ka (пп. 463, 478–479, 492–494 и др.), 'wutka, 'kač'ka (п. 502) и под., ю.бел. 'kačka, 'utka (пп. 382, 395), сев.бел. 'wutka, 'kačka

(пп. 328, 334, также 379 и др.), ср. единично — зап.-рус. ˊutka, ˊkačka (п. 527). Известны и иные, немногочисленные словообразовательны варианты, ср., например, фиксацию модели ǫt-ъv-a (: слав. *ǫty) на северо-востоке Украины, в Белорусском Полесье. Из иных вариантов ОЛА отражает в севернорусских говорах наличие таких названий, как s'el'ez'n'uxa (п. 548), s'el'ez'nuxa (п. 549).

Карта 6, использующая данные к. № 13 ОЛА 'самец утки', в целом воспроизводит рассмотренный выше тип членения — основное лексическое противопоставление выражается, с одной стороны, вариантами, объединенными метафоромой SęJZ-en-ь (см.: Фасмер III: 595), а с другой, — kač-Er-ъ/ kač-ur-ъ (к kač-ьk-a — см. выше; также: ЕСУМ 2: 409). Однако это противопоставление выражено менее ясно, — за счет (**a**) более обширной зоны употребления лексических дублетов с соответствующими корнями[28] (ср., например, ситуацию в Левобережной Украине; (**b**) наличия большого числа словообразовательных вариантов основных лексем. Ср. рус. ˊs'el'ex (п. 741), ˊs'el'ux (пп. 755, 756) и др., бел. ˊs'el'aγ, (п. 382), укр. ˊselax (п. 401), ˊs'el'ah (п. 439) и др., а также сев.вост.-укр. ˊseleh (ˊsel9x, ˊsełex и под.); (**c**) кроме того, в качестве названий 'селезня' выступают и лексемы с корнем *ǫt- (и их варианты), см.: ˊutka (пп. 541, 547, 569, 577 и др.), uˊtak (пп. 652–654), также единичные: ю.рус. vuˊtak (п. 844), сев.вост. укр. wuˊtah (пп. 444, 446), сев.-зап. бел. wuˊc'ak (пп. 329, 333, 342) и др.[29]

Карта 7 (по материалам к. № 49 ОЛА, посвященной названиям 'рыла свиньи') демонстрирует редкий тип членения восточнославянского лингвистического пространства; как следствие этого ареал, охватывающий западные, югозападные белорусские говоры (и отдельные западнорусские, северноукраинские, а далее на запад — и польские) *в целом* противостоит значительно большему по величине ареалу, образованному русскими и украинскими говорами за счет употребления в первом продолжений слав.*lyčь (см.: ЭССЯ 17: 18)[30], ср. бел. łыč и др., укр. lyč, lič, рус. łыčˊ, łыč и др., во втором — рефлексов слав. *rydlo (Фасмер III: 528), ср. рус.ˊгыło (ˊгыlo, ˊгыła), укр. ˊrylo (ˊгуło, ˊгilo, ˊг9lo), единично — бел. ˊгыła и под. Кроме того, в небольшом ареале на юго-западе Украины отмечены дериваты, образованный по иной словообразовательной модели: гу-j-ьk-a (ˊгyjka, ˊгыjka и др. — пп. 466–468, 483), единично — гу-j-ьk-ъ (ˊгыjok — п. 489), ср. также единичное сев.зап. укр. ˊгуja (п. 401) и под. Эти дериваты могут быть сопоставлены и с общепольской формой гуj и польск. диал. гyl, гyjak.

На фоне основного бинарного противопоставления названий с указанными корнями иные, менее масштабные противопоставления могут быть оценены, с одной стороны, как второстепенные, а с другой, — в качестве возникших, по-видимому, в более позднее время. Характерно, что ОЛА отмечает их прежде всего на русской языковой территори и частично — в восточноукраинской микрозоне. Ср., например, названия под метафоромой ręt-ak-ъ, ręt-ač-ьk-ъ, преимущественно в средне- и некоторых севернорусских говорах (вероятно, со вторичным значением, от рус. *пятак* 'монета' — отсутствует в словаре М. Фасмера); можно упомянуть достаточно хорошо представленные в средне-, южнорусских, некоторых восточноукраинских говорах названия с корнем *nos= (о слав.*nosъ см.: ЭССЯ 25: 214–215 и сл.), а также единично в Правобережной Украине названия с корнем pysk= (об их близости к глаголу *пыхать* см. в: Фасмер III: 420). Можно также упомянуть большую группу названий, оцениваемых как экспрессивные, с варьирующимся корнем [xrjuk]-/[xrjuč]-/[xrjuš]-/[xrjun]- (ср.: *хрюк* «звукоподражание» — Фасмер IV: 280), см., например, ю.рус. ˊr'uškə (п. 789), xˊr'uš'ka (п. 802), xˊr'uč'ka (п. 803), xˊr'un'ka п. 794), xˊr'ukəlkə, xˊr'ukəłka (пп. 805, 807, 826, 827) и под. География малочастотных названий может быть изучена на соответствующей карте ОЛА.

Атлас позволяет изучать варианты дифференциации восточнославянского диалектного континуума на достаточно четкие (хотя и различные по величине) *три* ареала.

Карта 8, составленная на основе данных к. № 62 ОЛА 'лает', является примером такого членения. Зафиксировано основное противопоставление ареалов следующих глаголов: **a)** объединенных метафоромой la-j-e-*tь* (см. слав. *lajati — ЭССЯ 14: 20) и представленных главным образом в северно-, среднерусских говорах и многих южнорусских (где как правило данная лексема употребляется наряду с иными), также в некоторых юго-восточных белорусских и восточноукраинских (и — единично — в наддднестровских). Ср. рус. ˊlajet/laet (ˊlajot, ˊłait и др.) (см. и: ДАРЯ № 72), бел. ˊlajic' (пп. 342, 350 и др.), укр. ˊlaje (пп. 455, 477, 493–494), ˊlaje (п. 478), зап. укр. ˊlaje (п. 470) (дополнительно см.: АУМ 3/4: 130–131). **b)** Для украинских говоров обычным является употребление глаголов с корнем *gav-/*kav-(звукоподражательное, от междометия *гав* — ЕСУМ 1: 446; см. и: Фасмер I: 379 [рус. *гавкать*]; ср. также: *gavati — звукодражательный глагол, связанный со слав. *gava 'ворона' и далее с *kavъka — ЭССЯ 7: 110). Полагаем, что в морфоно-

логической транскрипции картографируемых в ОЛА форм не совсем точно отражено качество начального согласного (xav=), тем не менее мы используем эти формулы. Наиболее частотен именно вариант [xav]-ъk-a-j-e-*tь* — укр. ˊhau̯kaje (ˊhau̯kaj9, ˊhaɸkaji, ˊhau̯ka и др.), ю.бел. ˊɣaukaje (п. 366 и под.), редко ю.-рус. ˊɣau̯kajit', ˊɣau̯kaje, ˊɣafkəjit' и др.; ср. также сев.зап. рус. ˊkafkaet (п. 582), ˊgafkat (п. 664). Единичны и не образуют особого ареала формы [xav]-ъč-e-tь, ср. сев.зап. укр. hau̯ˊčyt (п. 401), рус. ˊɣau̯čˊit (пп. 729, 844) и под.[31] **c)** Глаголы, объединяемые метаформой breš-e-*tь* (см.: слав. *brexati — звукоподражательный, ЭССЯ 3: 13–14) отмечаются преимущественно в белорусской диалектной зоне, во многих соседних средне- и южнорусских говорах (часто — параллельно с иными наименованиями), а также в отдельных северно- и юго-западных украинских. Ср., например: бел. bˊrešыsʼ (bˊreša, bˊreše и др.), ю.рус. bˊrešыtʼ (bˊrešəcʼ, bˊrešet и др.), укр. bˊrą̆š9 (bˊreše и др.)[32].

Описанные выше ареалы являются обширными (особенно ареал продолжений слав. *lajati) и компактными, с достаточно четкими границами (при том, что существуют и «зоны смешения» лексических вариантов, ср., например, к югу от Москвы, в верховьях р. Дон, в Украинском и Белорусском Полесье, на юго-западе Украины). Число локализмов, выражающих данное значение, невелико. Упомянем единичные рус. ˊvojet (п. 683)/ˊvыjet (п. 725), зап.рус. ˊɣamkajit (п. 527), ˊɣamaje (п. 638), ю.рус. ˊɣamʼit (п. 826)[33], ю.-зап. рус. gыˊčʼitʼ (пп. 830 и др.) и под.; возможно, что семантика некоторых из упомянутых выше глаголов описана собирателями не совсем точно.

Карта 9 (использованы материалы к. № 73 ОЛА ‘бешеный [о собаке]’) демонстрирует такой тип членения территории Восточной Славии, который характеризуется четырехкомпонентной структурой, при том, что ареалы названий с наиболее частотными корнями оказываются достаточно компактными. Наибольшее распространение имеют наименования с корнем *běs=; обычным вариантом является форма причастия от слав. *běsiti <sę> (ЭССЯ 2: 88), — в морфонологической транскрипции: běš-en-Ъ. Данный ареал охватывает бóльшую часть русской языковой территории, восточнобелорусские говоры и некоторые говоры на севере, востоке и в центре Украины. Ср. рус. ˊbʼešenыj (ˊbʼešanoj, ˊbʼešenoj и др.), бел. ˊbʼešanы (ˊbʼešanыj), укр. ˊbešany, ˊbešanyj (п. 424), ˊbešenyj (п. 436), ˊbʼešanyj (п. 439), ˊbišenyj (п. 458), ˊbʼišeny (п. 461)[34] и др.[35] Менее распространены названия с коренем *šal=, по большей части — от причастия глагола *šaliti (о глаголе см. в: Фасмер IV: 399; Machek: 493 и под.), ср. говоры севера и центра Беларуси (šaˊlʼonы и др.), некоторые юго-западные русские (šaˊlʼonыj, šaˊlʼonaj). **(c)** Специфически украинскими (центр, восток) являются названия, представляющие собой причастие от слав. *(sъ)kaziti (sę) (о слав. *kaziti[sę] ‘портить’ и под., как о дуративе к глаголу с корнем *kōz=, не зафиксированному в славянских языках, см.: ЭССЯ 9: 171, 169; в: Machek: 197 — трактуется как неясное), ср. skaˊženyj (skaˊžen:ij, skaˊženy)[36]. **(d)** Небольшой, но четкий ареал (север Украины, юг и запад Беларуси) занимают названия, восходящие к причастию от глагола слав. *krǫtiti(sę) (о нем: ЭССЯ 13: 30–31), ср. бел. kˊručanы (kˊručanыj, kˊručenы), укр. kˊručeny (kˊručanyj, kˊručenі и др.).

Заслуживают упоминания и редкие фиксации в юго-западных украинских говорах (надсанских, закарпатских и под.) — названия от причастия глагола слав. *vъztešti (: *tekǫ) (Machek: 579, 524), ср. sˊtekłij (п. 412), styˊčenyj (п. 413), u̯sˊtekłyj (п. 419), sˊteklyj (п. 485), u̯sˊtekl9j (п. 496), osˊtekl9yj (п. 497) и под., ср. и в п. 233 (Восточная Словакия): sˊteklыj. При этом название известно на восточнославянской периферии обширного ареала, охватывающего бóльшую часть польских (wśćiekły), лужицких (śćekły/ śćakły), чешских (vzteklý) говоров, в Южной Славии оно фиксируется в словенских (stekel).

Данная карта ОЛА представляет и многие локальные названия, которые не образуют значительных ареалов и поэтому не существенны для описания основных лексических противопоставлений в рамках восточнославянского диалектного ландшафта. Ср., например, названия, объединенные метаформами dur-ьn-Ъ (отдельные белорусские и украинские полесские, русские вологодские говоры), bolg-Ъ (błaˊga [п. 689] и др.), sъ-větr-j-en-Ъ (укр. zˊvitrenyj [п. 469] и др.).

Карта 10 (по материалам к. № 56 ОЛА ‘бодает [о корове]’) отражает вариант четырехчленной структуры восточнославянского диалектного ландшафта. **a)** Наиболее значительным является ареал глаголов, обобщенных метаформами boD-e-*tь* и boD-a-j-e-*tь*, первая соотносится со слав. *bosti (sę) (: *bodǫ) (ЭССЯ 2: 222–223), вторая — со слав. *badati (sę), представляющим инновацию с дуративно-итеративным значением, в которой нынешний «вокализм *-o-* был обобщен в ряде языков позднее, под влиянием *bodǫ, *bosti» (ЭССЯ 1: 121). Вариант boD-a-j-e-*tь* чаще всего фиксируется в русских говорах (boˊdajet, baˊdaitʼ, buˊdajot, buˊdat, buˊtaet и др.) (см. и ДАРЯ, № 70), редко — в белорусских (buˊdajicʼ [пп. 330, 350], baˊdajic:a [п. 388] и др.) и единично — в украинских: buˊda (п. 459),

bo'daje (п. 480) и под. Напротив, для севернобелорусских, некоторых русских типичны формы boD-e-*tь*, ср. бел. (ba'ʒec:a, ba'ʒec'), зап., ю.зап. рус. ba'd'ot (ba'd'o, bo'd'ot), сев.рус. (вологод.) bu'd'ot (bo'd'oc:a, bo'g'ot и др.); сходные формы записаны в небольшом ареале на юго-западе Украины, ср. закарп. bo'de (единично — bы'de [п. 483])[37]. Заметим, что ареал рефлексов bosti продолжается на запад, охватывая большую часть польских говоров (boʒe и под.), лужицкие (boǯe), отдельные северовосточные чешские (bode), этот же вариант является наиболее частотным в говорах Ю. Славии. (**b**) Значительное распространение имеют и рефлексы слав. *biti (ср. ЭССЯ 1: 99–100) — метаформа bьj-e-*tь*; глагол зафиксирован в говорах востока и центра Украины, редко — на северо-западе (bje, b'jec':a), в Беларуси — в западных и южных говорах: bje, b'jec:a, b'jeca (часто — параллельно с иными лексическими вариантами). (**c**) Весьма обширен ареал использования в данном значении рефлексов слав. *kolti (sę) (ЭССЯ 10: 154), они характерны для большей части белорусских говоров (кроме северных), многих западных, центральных и северовосточных украинских, а также для юго-западных русских, граничащих с украинско-белорусской языковой территорией (иногда параллельно с иными глаголами, — с корнями *bod=/*bad, bi=). (**d**) Четвертым основным компонентом данного типа ландшафта выступает ареал исключительно русского локализма, возводимого к слав. *brukati (ЭССЯ 3: 46, — где примеры с h[x] < k объясняются экспрессивным характером глагола). Периферийное положение ареала (говоры юго-востока, в области среднего течения Оки — в верховьях рр. Дона, Сев.Донца) определяет и наличие большого числа лексических вариантов, ср., например: bru'xait'/ba'dait' (п. 765), bru'xajic:ə/ ba'daic:ə (п. 790), bru'xaicə/ ba'daicə (п. 793), bru'xait'/r'a'γaic:a (п. 804). Кроме того, в восточнославянских говорах отмечается некоторое число малочастотных названий, они, как правило, образуют «разреженные» ареалы (или вообще не образуют ареалов), ср., например, бел. 'bora (пп. 355, 343, 355 и др.), укр. 'bore (п. 455), 'pore (пп. 430, 489 и др.), рус. za'poret (п. 581), также 'pora (п. 367), 'рогыс:а (п. 387), вост. рус. ры'r'at (пп. 742, 770), ры'r'ajet (п. 755), вы'r'ajət (п. 769), kozы'r'aət, kozы'r'ajec:a и под. (к северу от Москвы) и др.

Наконец, в ОЛА есть карты, отражающие сложную синхронную структуру восточнославянского диалектного континуума, которая с достаточной степенью вероятности может быть интерпретирована как результат «наложения» хронологически различных пластов (=страт) и которая может служить иллюстрацией известного положения лингвогеографии, гласящего: современный диалектный ландшафт представляет собой «развернутую» в пространстве диахронию[38].

Примером такой карты является к. № 7 ОЛА 'некастрированный самец свиньи', — материал ее в упрощенном виде представлен на нашей **карте 11** (ср. и использование многих лексем также на к. № 8 ОЛА 'кастрированный самец свиньи'). Основным (и, повидимому, наиболее старым) следует считать противопоставление рефлексов слав. *borvъ[39] и слав. *kъrnorzъ[40]. Первое название широко представлено в северно- и среднерусских говорах (единично — в южнорусских): 'borof ('borəw, 'borəf и под.), очень редко оно фиксируется в восточноукраинской зоне: 'boroų (пп. 461, 514) и, по ОЛА, отсутствует на остальной территории Славии. Второе название, с большим числом фонетико-словообразовательных вариантов, отмечено на карте ОЛА двумя разными знаками (что нами не учитывается), соответствующими метаформам kъn-ur-ъ[41] и kъRN-ORZ-ъ и под. Фиксации, объединенные метаформой kъn-ur-ъ распространены практически повсеместно на Украине (knur, knur'), в большей части Беларуси — knur, knыr и др. (за исключением северной и восточной зон) и в некоторых русских говорах, пограничных с украинской и белорусской языковой территорией, часто — как лексический вариант, ср.: knur/kə'ban/xr'ak (п. 811), knur/k'noras (п. 772) и под. Ареал kъn-ur-ъ имеет продолжение на запад, в польских говорах (восток, центр): knur (knọr, knors). Варианты, отраженные второй метаформой и более близкие к исходному *kъrnorzъ в Восточной Славии отмечаются редко, ср. бел. k'noraz (пп. 385, 386), k'noras (п. 358), k'norəs (п. 349), k'norыs (п. 352), также k'ar'nos (п. 337), k'ir'nos (п. 332) и др., зап.рус. k'noras (пп. 761, 772), k'norəs (пп. 728, 760), ю.зап. укр. 'kornas (п. 448), 'kornaʒ (п. 465) и др.[42]

Как противопоставления, сформировавшиеся в более позднее время и наложившиеся на «первичное» (*borvъ : *kъrnorzъ), можно оценивать соотношение лексем, выраженное в ОЛА метаформами [xrjak]-ъ[43] и [kaban]-ъ[44]. Названия, объединенные первой из них, широко отмечены в средне- и южнорусских говорах (обычно — xr'ak, но и xr'ox, kr'ax), реже — в западно- и севернорусских, также в некоторых северовосточных и восточных белорусских (xrak, xr'ak), спорадически — в украинских, см., например: xrak (пп. 439, 453, 508), xr'ak (пп. 445, 512). Названия, представленные другой метаформой, распространены главным образом в севернорусских и части среднерусских говоров, редко — в южных (ka'ban); эти наименования известны на северо-востоке Беларуси и единично — в

украинских. Оба рассмотренных названия не зафиксированы ОЛА за пределами Восточной Славии.

Ареалогически значимой для восточнославянского диалектного континуума считаем и область распространения белорусских локальных названий, объединенных метафермой kyl-un-ъ[45], ср. сев.зап. бел. k'i'lun (редко — k'i'laš), зап. рус. k'i'łun (пп. 525, 628), ki'łun (пп. 527, 711), k'i'lun (пп. 626, 629) и др. Определенный интерес может представить микроареал унгаризма kon'da, gon'da в закарпатских говорах (< венг. konda — MNyTESz 2: 546; ЕСУМ 2: 549).

ОЛА отмечает и многочисленные окказионализмы, которые могут быть изучены на соответствующей карте и в комментариях к ней.

* * *

Таким образом, рассмотрение ряда карт ОЛА позволяет выявить несколько видов конфигураций изоглосс, членящих восточнославянское лингвистическое пространство; эти сведения могут дополнить реестр типов изоглосс, уже изученных в результате реализации проекта «Восточнославянские изоглоссы» и частично классифицированных и описанных Т. В. Поповой[46].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Аванесов Р.И.* О состоянии и задачах научных исследований в области диалектологии // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1964. № 6. С. 560.

[2] Ср., в частности, дискуссии о генезисе восточнославянской языковой группы, в том числе — обсуждение гипотез о существовании первичного *единства* восточнославянских языков или, напротив, об исходной *гетерогенности* восточнославянского лингвистического пространства. См. об этом: *Попова Т.В.* Введение // ВСИ. М., 1995. С. 4 и сл.

[3] Подробно о задачах ВСИ см., например, в: *Попова Т.В.* Введение... С. 3–4; *Она же.* Предисловие // ВСИ. Вып. 2. М., 1998. С. 5 и др.

[4] Известна выдающаяся роль, которую сыграл Р. И. Аванесов в создании не только русского, но и белорусского диалектологических атласов, что во многом объясняет наличие в них вполне сопоставимых диалектных материалов по большому числу вопросов двух программ — см.: ДАБМ: 4, 6, 28–29 и сл.; также: *Плотникаў Б.А., Антонюк Л.А.* Беларуская мова. Лінгвістычны кампендыум. Мінск, 2003: 514. Позднее под редакцией Р. И. Аванесова осуществлена также публикация: Лінгвістычна геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск,1969. Об этой роли напоминает и: *Калнынь Л.Э.* Значение трудов Р. И. Аванесова для теории диалектологии // Аванесовский сборник. М., 2002. С. 47. О влиянии школы Р. И. Аванесова на формирование принципов картографирования в АУМ см.: [*Назарова Т.В.*] Засади картографування АУМ // АУМ, 1: 10–11.

[5] *Попова Т.В.* Сопоставление данных национальных атласов как метод установления новых изоглосс // ИСД 9: 54 и сл.

[6] Некоторые карты и комментарии по тематике ВСИ опубликованы также и в иных изданиях, ср., например: *Попова Т.В.* «Восточнославянские изоглоссы»: новый тип лингвогеографического исследования // ИСД. 4. М., 1995; *Букринская И.А., Кармакова О.Е.* Интерпретация лексических изоглосс в связи с вопросами раннего диалектного членения восточнославянских языков // Славянское языкознание. XII МСС. М., 1998 и др.

[7] Ср. примеры из того раздела списка С. В. Бромлей, где учтено наличие карт в 2-х или даже одном атласе: 'место, на котором находится дом...': ДАРЯ, АУМ (I) есть карты, ДАБМ –; 'название крыши дома': ДАРЯ есть карта, АУМ (I), ДАБМ –; 'название чердака': ДАРЯ, ДАБМ есть карты, АУМ –; 'название коромысла': ДАБМ есть карта, ДАРЯ, АУМ –; 'название мешка, который вешают на голову лошади...': АУМ (I) есть карта, ДАРЯ, ДАБМ – и др.; с другой стороны: 'названия брюквы': ДАРЯ, ДАБМ есть карты, АУМ — нет вопроса; 'названия моркови, свеклы': ДАРЯ есть карта, ДАБМ –, АУМ — нет вопроса и т. д.

[8] Отметим, например, изучение Л. Э. Калнынь таких явлений в восточнославянских диалектах, как протеза, рефлексы слав. *ъl, *ьl, *ъr, *ьr: *Калнынь Л.Э.* Протетические согласные перед лабиализованными гласными // ВСИ. 2. М., 1998; *Она же.* Особенности восточнославянского диалектного континуума в свете современной лингвогеографии // Славянское языкознание. XII МСС. М., 1998; *Она же.* Восточнославянская лингвогеография и ее отношение к славянскому континууму // ИСД 8. М., 2002 и др.

[9] См.: *Клепикова Г.П.* Названия частей плуга. 1. 'лемех'; 2. 'отвал' // ВСИ. 3.

[10] Однако состояние архивов национальных атласов точно неизвестно; ср., например, затрудненность доступа к материалам русских неопубликованных «зональных» атласов, на базе которых создавался ДАРЯ.

[11] *Калнынь Л.Э.* О структурных особенностях праукраинской фонетики в период до падения редуцированных // Другий Міжнар. Конгрес україністів. Львів, 1993. С. 84; *Клепикова Г.П.* Карпатоукраинские говоры как объект лингвогеографического изучения // ИСД. 8 и под.

[12] О территории обследования в ДАРЯ см., например, в: Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Вступительные статьи и др. М., 1986. С. 5–7. О значении северных говоров, не обследовавшихся в ДАРЯ, для русской диалектологии см.: *Пожарицкая С.К.* Северные говоры за чертой ДАРЯ. К вопросу о диалектном членении русского языка // ИСД. 8. М., 2002. С. 59; *Она же.* Говоры северных территорий и их место в диалектном членении русского языка // Славянское языкознание. Мат-лы конференции (Москва, июнь 2002 г.). М., 2003. С. 33.

[13] ОЛА. Серия лексико семантическая. Вып. 2. Warszawa, 2000.

[14] Карта ОЛА показывает и область (=Русский Север), где соответствующие названия не фиксируются, — как следствие отсутствие самого вида деятельности — пчеловодства.

[15] В ЭССЯ (2: 104–107) находим: *bъčela, *bъčelьnikъ, *bъčelьnъ(jь) (к последнему возводят субстантивированное

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
р 345

прилагательное, репрезентированное русск.диал.*пчельня* и под.).

[16] В частности, следует иметь в виду существование различий в технике разведения пчел у восточных славян (и в том числе — размещения ульев); см., например, о размещении ульев в разных районах Украины: АУМ 3/4, с. 85; также в Закарпатье — см.: ЛАЗГ, комм к карте № 295.

[17] Возможно, к глаголу *točiti 'наливать', — каузатив к слав. *tekti, *tekǫ (Фасмер IV: 90); сюда же — и отмеченные ниже в тексте укр. to'čok, t'i'čok 'то же'.

[18] Варианты, представленные лексемами с иными корнями, малочисленны и фиксируются в основном на русской языковой территории. Ср. (**а**) 'суягная' — сев.рус. t'a'žola (пп. 530, 533, 543), редко — pa'gul'naja (п. 562), ab'ʏul'naja (п. 780), k'ʏitaja (п. 686), pa'kʏitaja (п. 758), po'gon:aja (пп. 583–584), также g'ruzna (п. 554), br'u'xatəja/ pu'zatəja (п. 628) и др., сев.-зап. бел. taɥs'taja (п. 339); (**б**) 'родила (овца)': сев.-рус. pr'in'es'ła, волог. ro'd'ila (ro'd'iła), единично: opros'tałas'ə (п. 597), oxo'd'iłəs' (п. 701), зап.-укр. 'mała jah'n'a (п. 415), ɥro'dyła (jah'n'a), ut9'lylasa (ɥte'lylas'a), вост.-укр. pryv9'la (jah'n'a).

[19] Например, на к. № 72 глаголы, объединенные метаформой //aGn-i-l-a <sę> фиксируются в северозападной части Беларуси, тогда как вариант kot-n-*A* отмечен *севернее* русско-белорусской границы (в верховьях р. Ловать).

[20] Этот же вариант — в юго-восточных белорусских говорах: ła'ša. Кроме того, в северо-восточных украинских и юго-восточных белорусских говорах отмечаются и некоторые словообразовательные типы, ср. укр. la'šonok, ło'šonok, ła'šonak и бел. la'šonak, а также la'šak, ła'šan'a, ła'šyčka).

[21] Словообразовательный вариант žerb-ę, по ОЛА, характеризует и отдельные зоны Южной Славии, ср. значительную часть сербских и восточномакедонских говоров, также некоторые хорватские.

[22] Впрочем, на белорусской языковой территории ареалы лексемы skot и дериватов (ska'c'ina и под.) в целом противопоставлены: первый охватывает север и восток, второй — центр и запад республики.

[23] Обратим внимание на существование восточнославянско-словенской лексической параллели, ср. наличие образований по модели ziv-in-a (=ži'vi:na, ž'vina и под.) в словенских говорах.

[24] Единично: вост. бел. 'ʏidła (/ skot) — в пп. 379 (р-н Могилева) и п. 352 (р-н Витебска).

[25] Ср. венг. marha 'то же' — MNyTESz 2: 845; см. и: ЕСУМ 3: 390. Подробнее о географии указанных названий см. в: КДА, № 144.

[26] Как периферия ареала общепольского kotka. Об этимологии см.: ЭССЯ 11: 213.

[27] Ср. обычные для словацких диалектов mačka и под. Та же форма характерна и для большинства южнославянских диалектов, отраженных в ОЛА; о представленности данного названия также в болгарском (*мачка*) см. в: БЕР 3: 696–697.

[28] Не говоря уже о многочисленных фонетических вариантах, объединяемых метаформой SeLZ-en-ь, см., в частности: рус. 's'el'ez'en', 's'el'iz'en', s'el'əz'in' и др., укр. 'seɬez'en', 'selez'en', 'z'il'iz'en', бел. s'il'a'z'en', 's'el'iz'en' и под. Ср. и фонетические варианты: бел. 'kačer, 'kačar и под., укр. 'kač'ur, 'ka'čur, 'kačur', ю.бел. 'kačur, ka'čur и др.

[29] Так, единично в русских говорах зафиксированы: sa'mok (п. 549), sa'mec (п. 550), kr'ak (п. 565); в украинских (п. 171) — ra'cuk (п. 171, из рум. raţă 'то же') и др.

[30] Составители ЭССЯ объясняют слово как производное от звукоподражательного глагола *lykati 'жадно пить, глотать' и под., ср. междометие lyk-lyk! (17: 25).

[31] Аналогичные названия фиксируются ОЛА в отдельных словенских говорах, ср.: hà:u?a (п. 147 — Австрия), тот же корень и в: 'xaulà: (п. 146).

[32] Ареал данной лексемы продолжается и на запад от Украины, ср. единичные фиксации данного глагола в говорах Юго-Восточной Польши и широкое распространение его в Восточной и Северной Словакии (breše).

[33] Этот глагол, по-видимому, может быть сопоставлен со слав.*xamati, возникшим на базе звукоподражания (ЭССЯ 8: 17).

[34] Отметим в украинском и приставочные формы: закарп. z'bišenyj (п. 467), izb'iš'lenyj (п. 468), также см. и: z'b'iš9n9j (п. 472).

[35] Данные наиболее частотные восточнославянские формы могут быть соотнесены с однокоренными, восходящими к слав. *běsьnъ(jь) (ЭССЯ 2: 91), которые представлены на значительной части южнославянской языковой территории — сербские, отдельные хорватские, македонские говоры (так же — в болгарском), а в Северной Славии — в Западной Словакии (besni: и др., при вост.слвц. zbesneti:, zbeśńeti и под.).

[36] Ср. единичные: луж. skaž'eny (п. 237), ю.чеш. *skažene: (п. 199).

[37] Редко в русских говорах употребляются иные, — возможно, экспрессивные, варианты с тем же корнем, см.: budы'xaət (п. 590), budu'sajeca (п. 592), butыs'kait (п. 621), bu'dыskat (п. 745) и др.

[38] Ср., например: *Толстой Н.И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Избранные труды. I. М., 1997. С. 15.

[39] Членится как *bor-ų < дослав. *bhor-u- <...и.е. *bher- 'резать' и под. (подробнее: ЭССЯ 2: 214–215).

[40] Считается сложением, первый компонент — *kъrnъ < и.е. *kr̥-no-/krə-no- от *(s)ker- 'резать' (ЭССЯ 13: 236), не исключается пересттройка первичной формы композита, затемняющая этимологию (там же, с. 234–235).

[41] Этимологически неясно, возможно, в.слав. *кнур* — из *кнороз* (см.: Фасмер II: 265; ЕСУМ 2: 474).

[42] Сходные формы ОЛА отмечает также во многих польских говорах (k'ernos и др.) и в восточнословацких (kernos).

[43] Как звукоподражательное рассматривается в: Фасмер IV: 280.

[44] Тюркизм в восточнославянских языках (Фасмер II: 149).

[45] По-видимому, дериват от слав. *kyla/ *kylъ 'грыжа', 'нарост' и под., подробнее об этимологических связях лексем см. в: ЭССЯ 13: 262–263.

[46] *Попова Т.В.* Синхронная и диахроническая интерпретация северо-восточных и юго-западных изоглосс восточнославянского диалектного континуума // Славистика: диахрония и синхрония. М., 2005.

СОКРАЩЕНИЯ

ИСД — Исследования по славянской диалектологии. М.

КДА — Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.

ЛАЗГ — *Дзендзелівський Й.О.* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР. I–II. Ужгород, 1958–1960; *Он же.* Лінгвістичний атлас українських говорів Закарпатської області України. III. Ужгород, 1993.

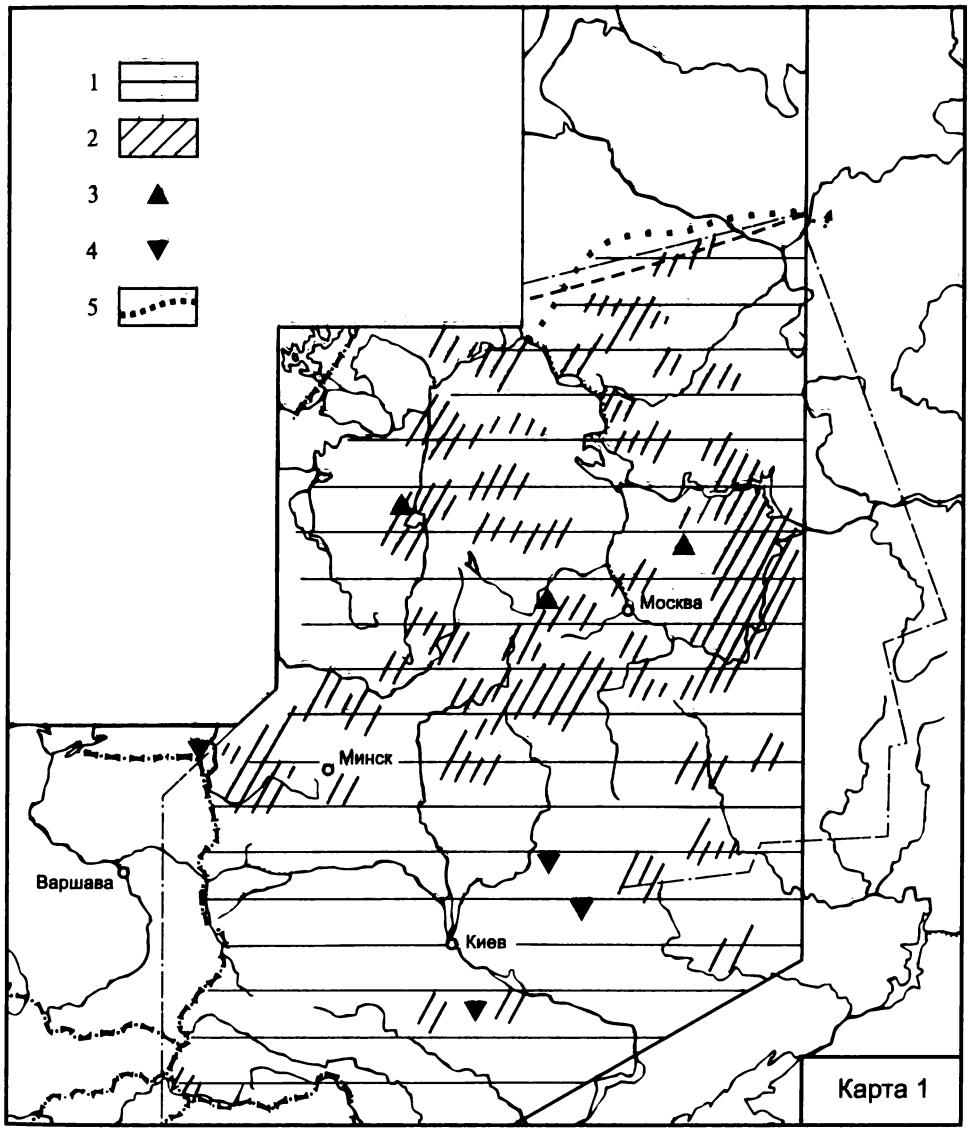
MNyTESz — A magyar nyelv történeti etimológiai szótára. 1–3. Budapest, 1967–1976.

Остальные сокращения см. в издании ИРЯ РАН «Этимология».

Условные обозначения ко всем картам:

--- 62° с. ш.; — · — границы территорий ДАРЯ

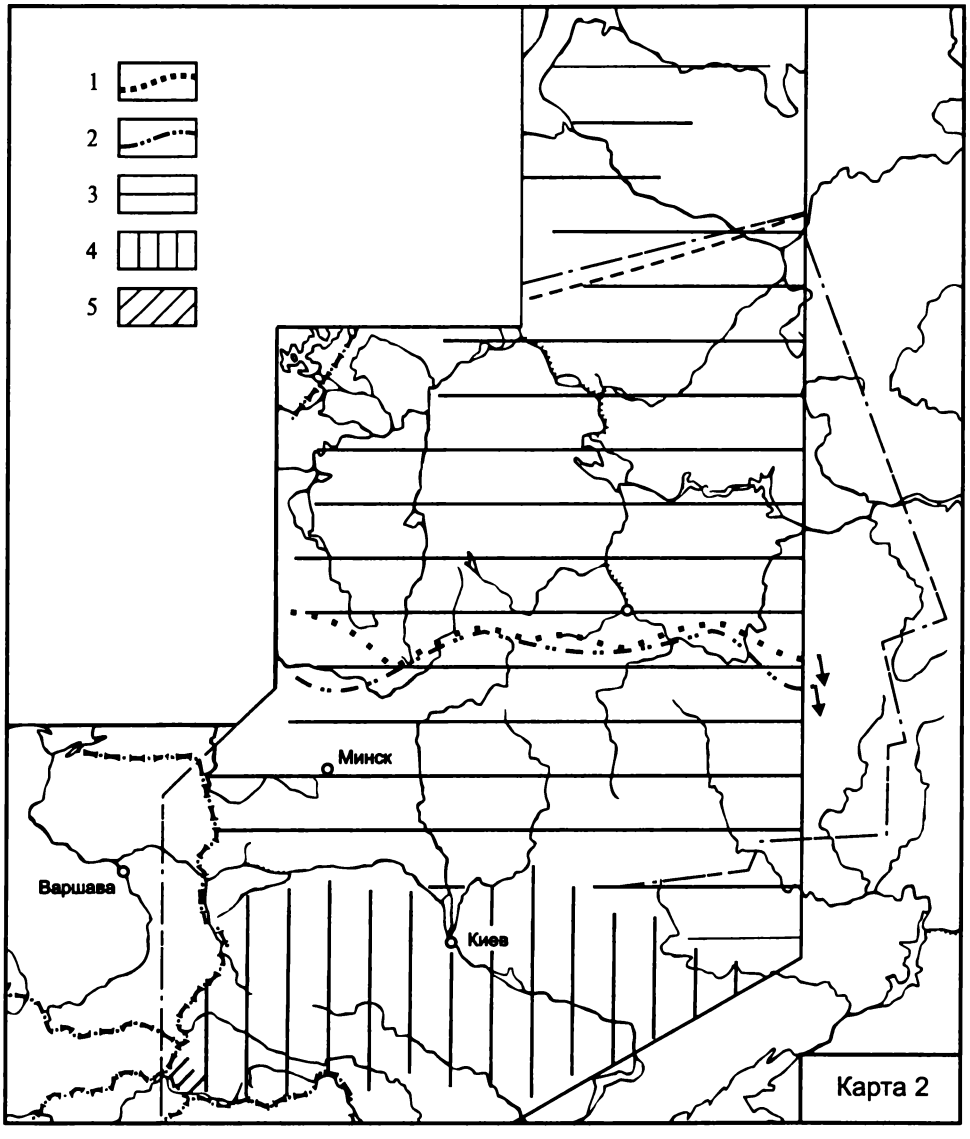
Карта 1

Условные обозначения

1 — pa-sěk-a, 2 — bъčel-ъn-ik-ъ и др., 3 — sto-j-an-ък-а и др., 4 — toč-ьk-ъ и др.;
5 — условная северная граница занятия пчеловодством

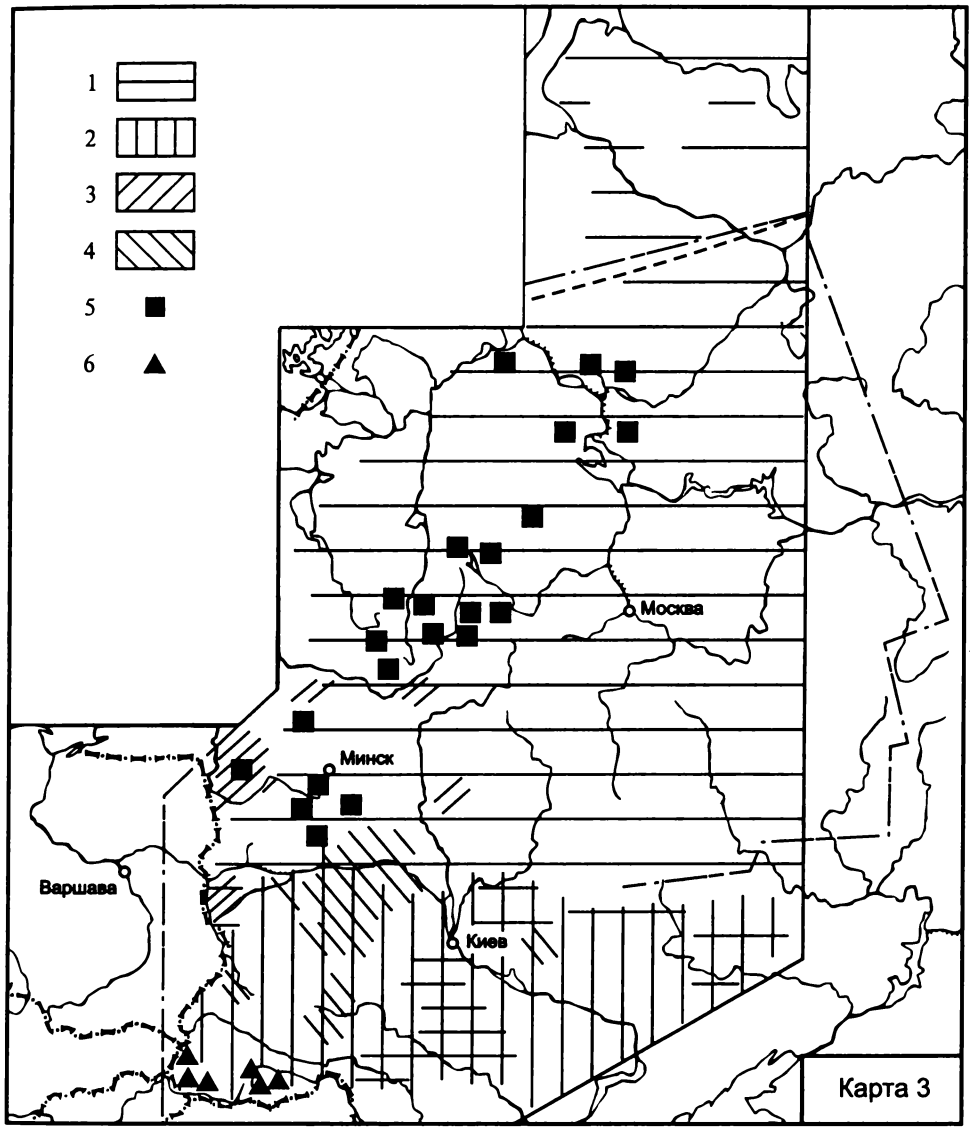
Карта 2

Условные обозначения

1 — sǫ-//AGn-*A* : kot-ьn-*A*, 2 — (o-, ob-)//aGn-i-l-a<sę> : (o-)kot-i-l-a<sę>, 3 — Ž//erb-ę, 4 — (loš)-ę, 5 — (čikol)-ъ

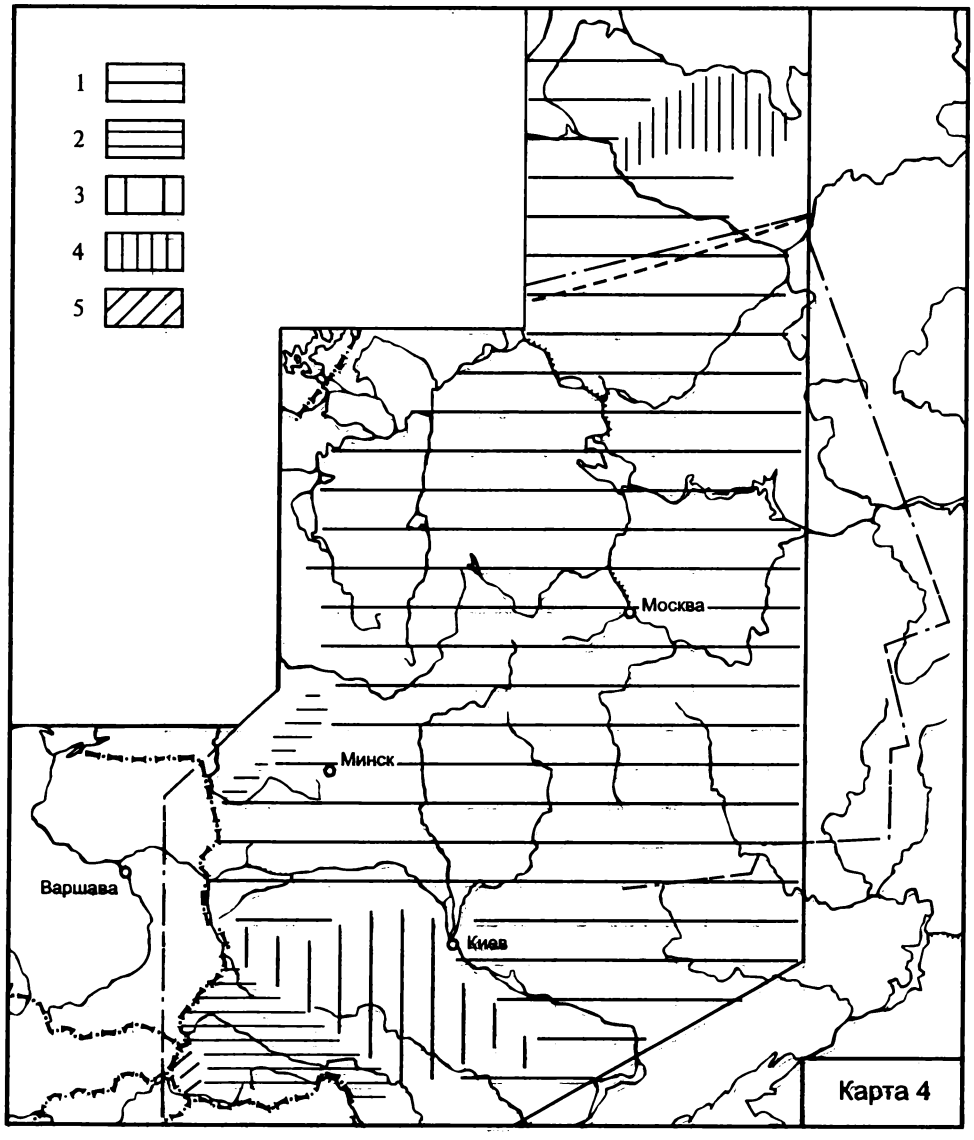
Карта 3

Условные обозначения

1 — с корнем *skot=, 2 — xud-ob-a, 3 — by-dl-o, 4 — tovar-ъ, 5 — с корнем *živ=, 6 — (marh)-a и др.

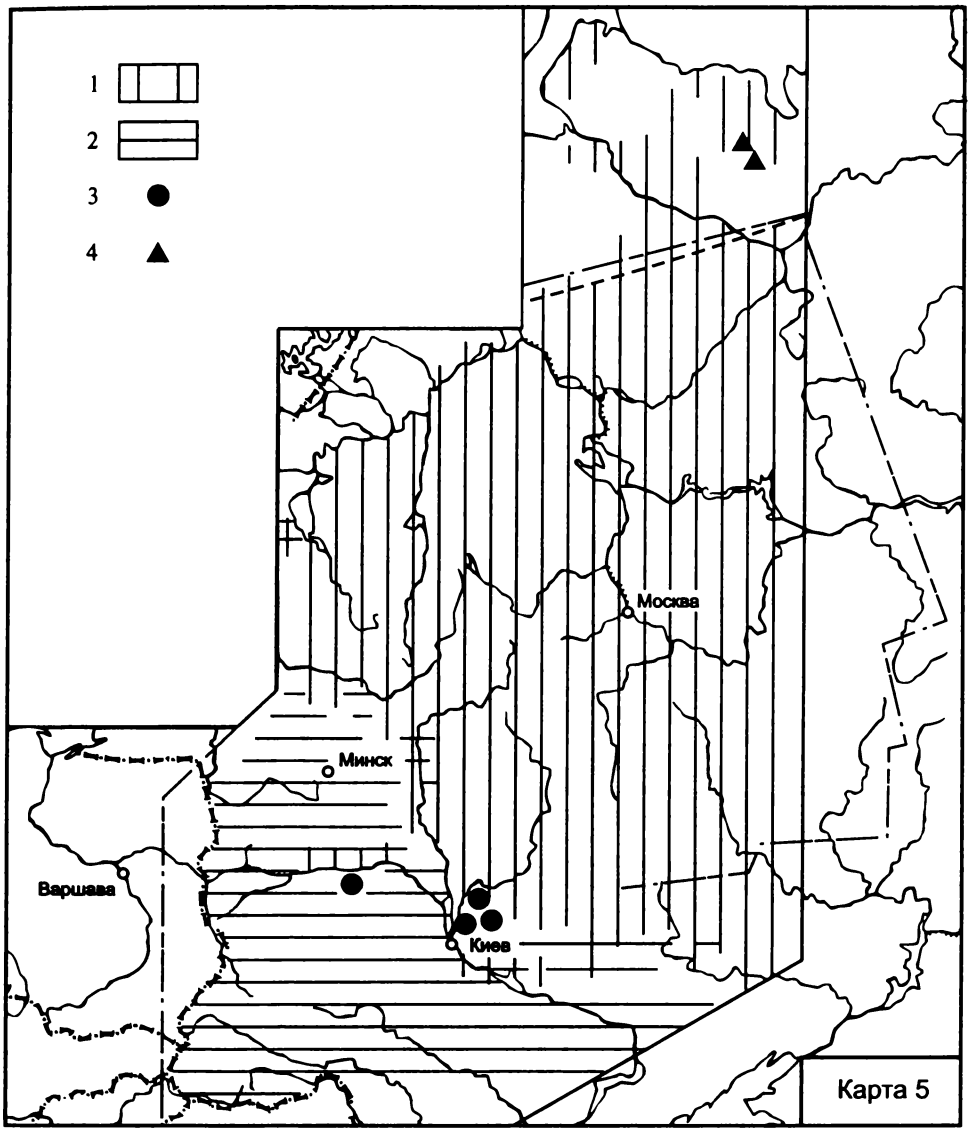
Карта 4

Условные обозначения

1 — ko=-š-ьk-a, 2 — kot-ъk-a, 3 — [kyc]-ьk-a, 4 — [kys]-ьk-a, 5 — [mač]-ьk-a

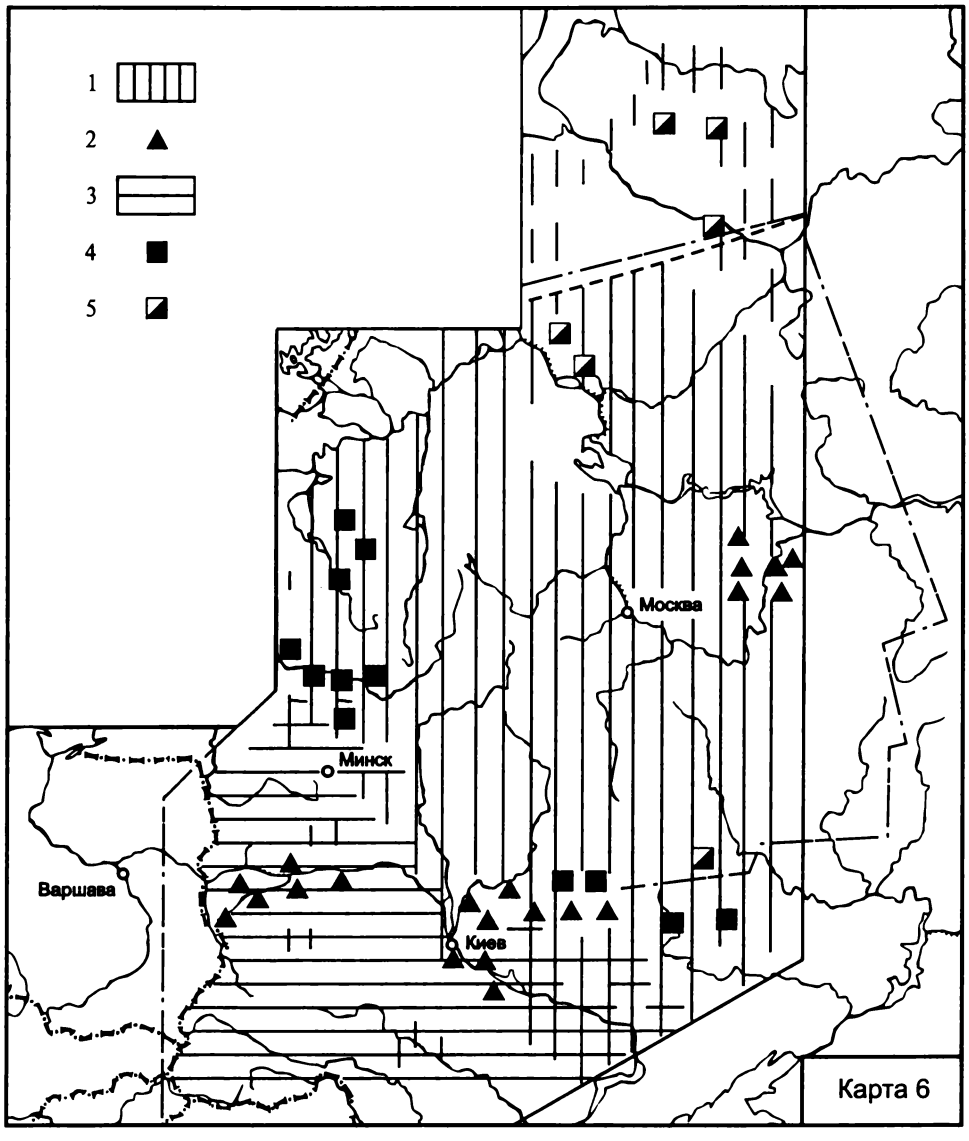
Карта 5

Условные обозначения

1 — ǫt-ъk-a, 2 — kač-ьk-a, 3 — ǫt-ъv-a, 4 — selz-ьn-Ь=-ux-a

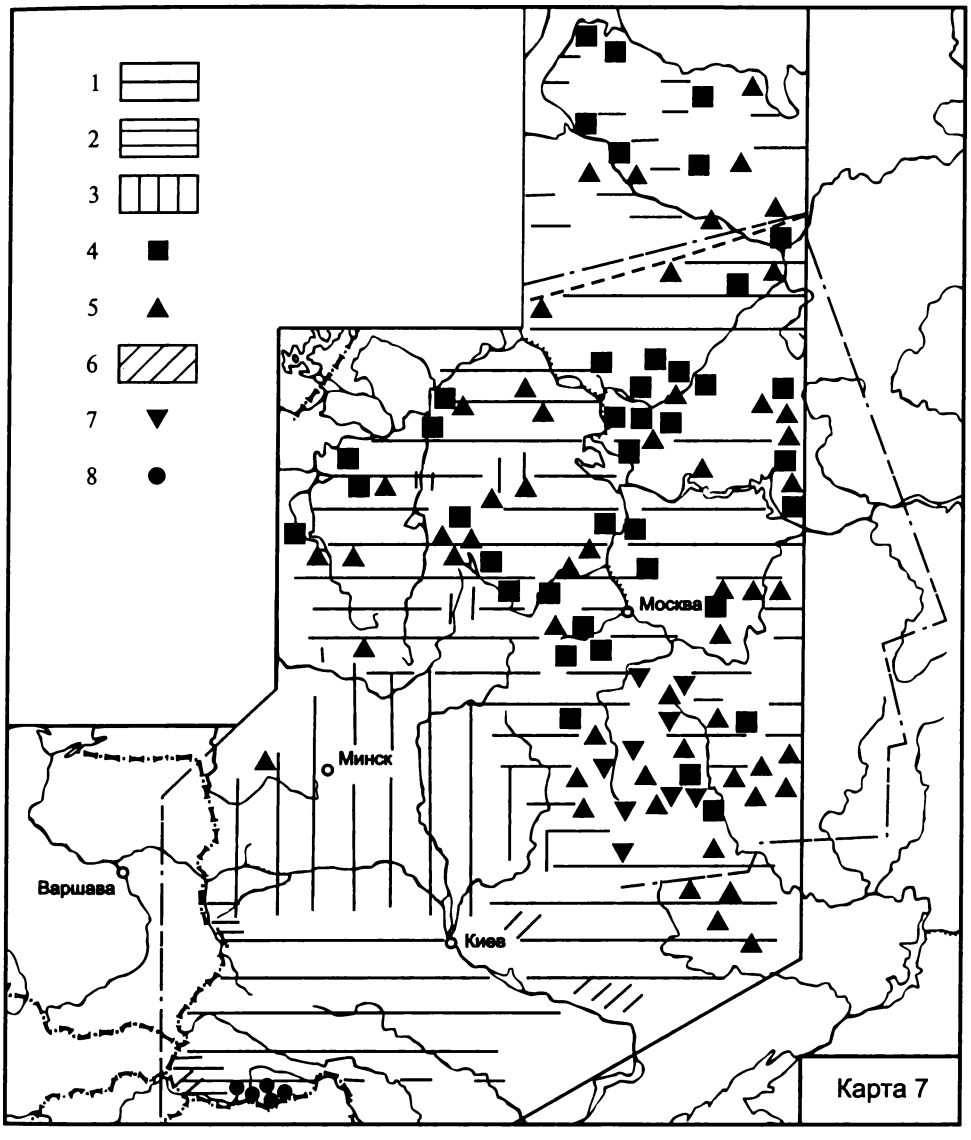
Карта 6

Условные обозначения

1 — SelZ-en-ь, 2 — sel=-=X-ъ, 3 — kačEr-ъ / kačur-ъ, 4 — ǫt-ak-ъ и др., 5 — ǫt-ъk-a

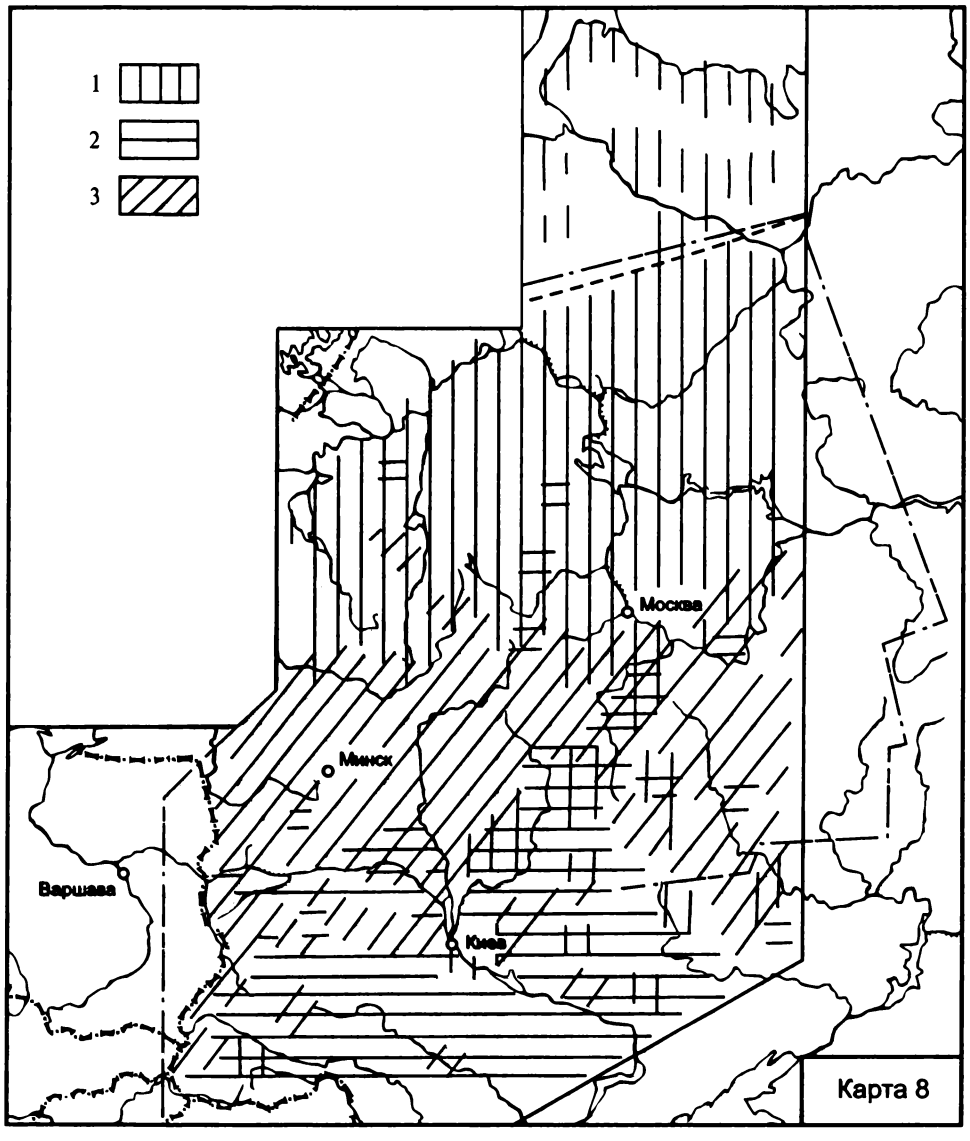
Карта 7

Условные обозначения

1 — ry-dl-o, 2 — ry-j-a и др., 3 — //lyč-ь, 4 — pę-t-ak-ъ и др., 5 — nos-ъ и др., 6 — pys//k-ъ, 7 — с корнями [xrjuk]-/[xrjuč]- и под., 8 — (guk)-ъ

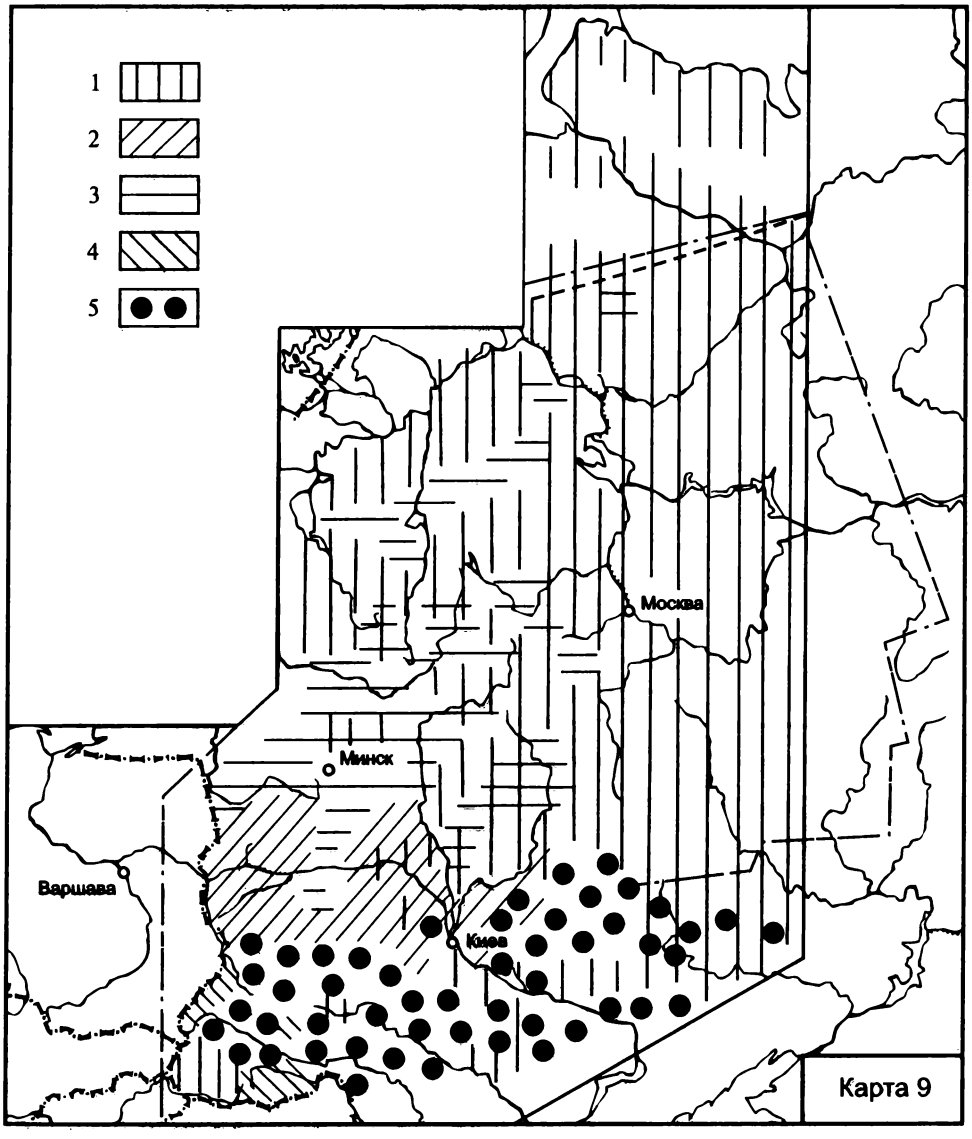
Карта 8

Условные обозначения

1 — la-j-e-*tь*, 2 — [xav]-ъk-a-j-e-*tь*, 3 — breš-e-*tь*

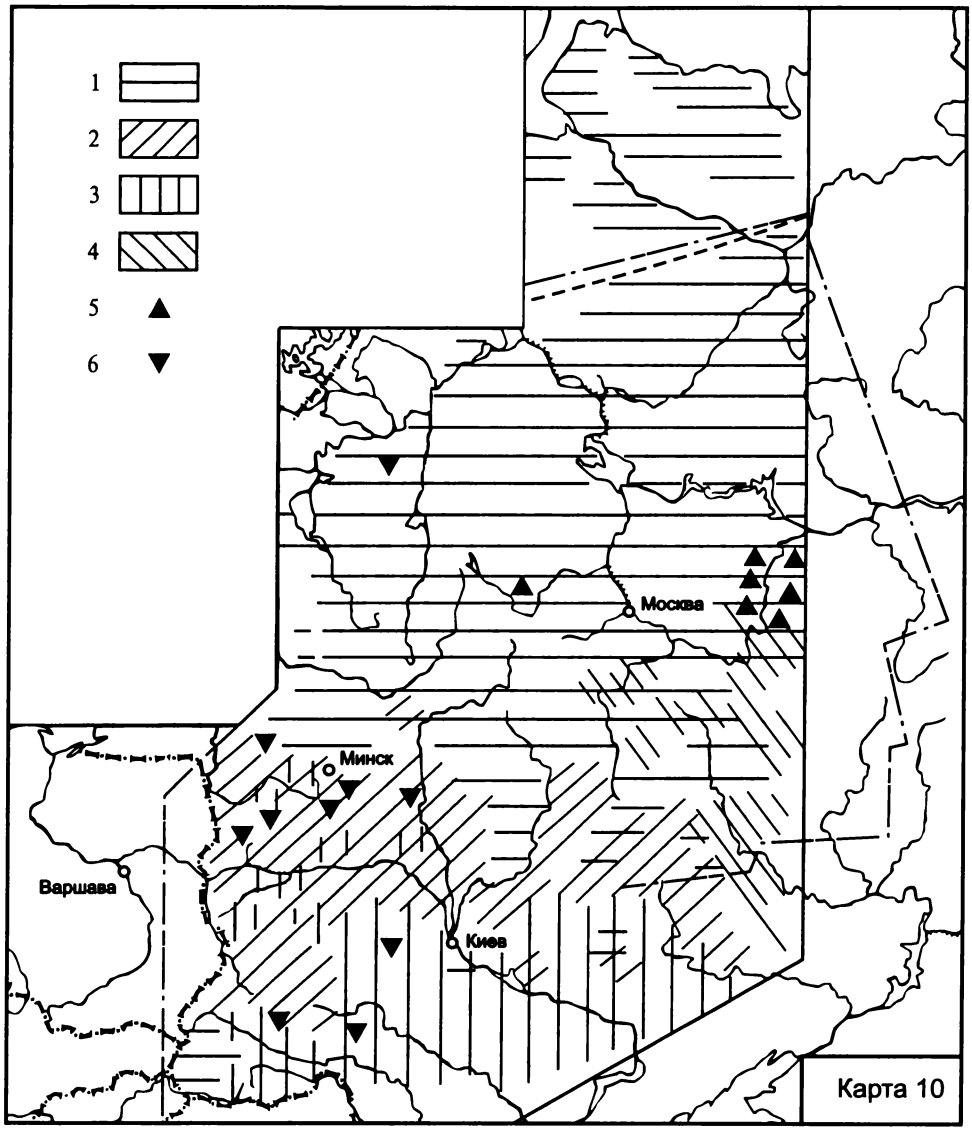
Карта 9

Условные обозначения

1 — běš-en-Ъ, 2 —krǫč-en-Ъ, 3 — šal-j-en-Ъ, 4 — vъz-tek-l-Ъ, 5 — sъ-kaž-en-Ъ

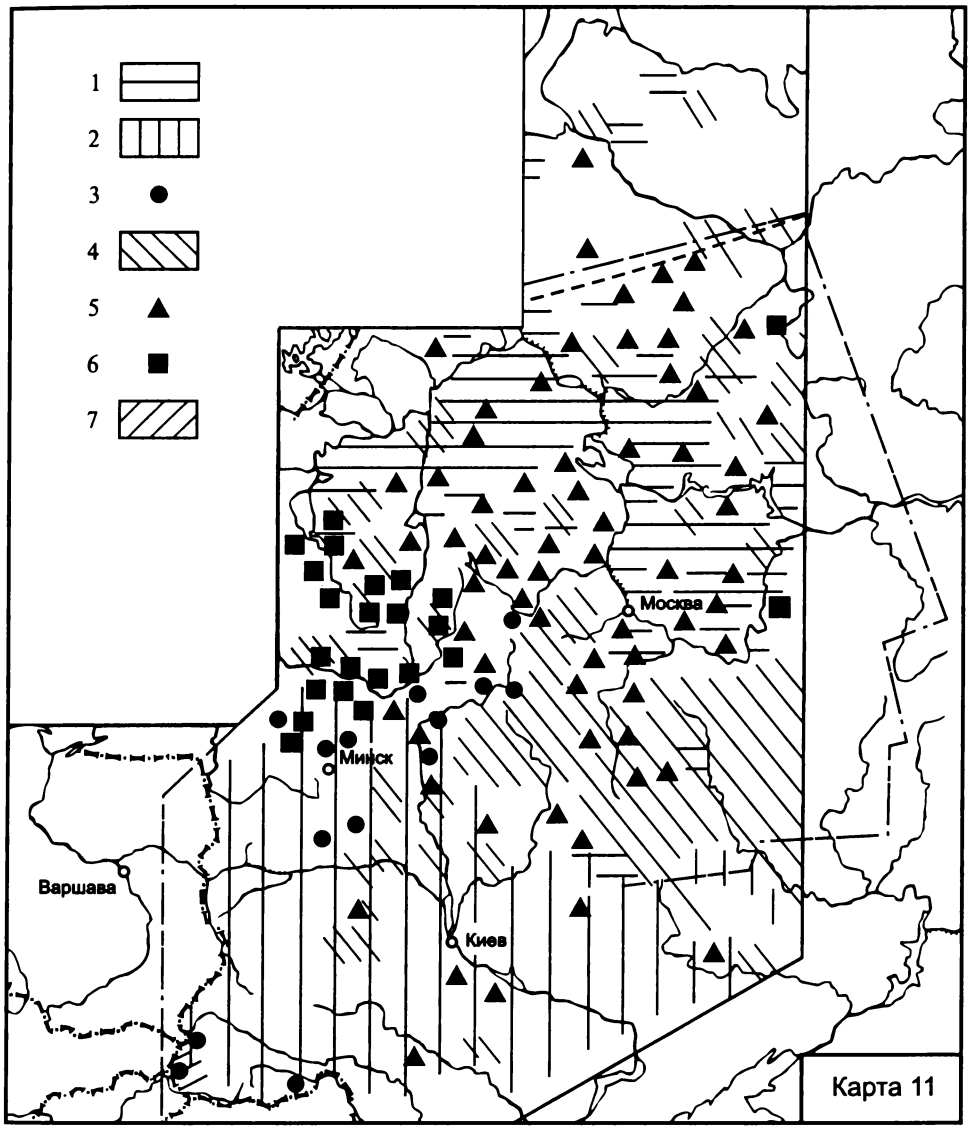
Карта 10

Условные обозначения

1 — boD-e-*tь* <sę>/ boD-a-j-e-*tь*, 2 — kol-j-e-*tь*, 3 — bьj-e-*tь* <sę> и др., 4 — [brux]-a-j-e-*tь* <sę>, 5 — pyr-j-a-j-e-*tь* <sę> и др., 6 — por-j-e-*tь*, bor-j-e-*tь* <sę>

Карта 11

Условные обозначения

1 — borv-ъ, 2 — kъn-ur-ъ, 3 — kъRN-ORZ-ъ, 4 — [xrjak]-ъ и др., 5 — (kaban)-ъ, 6 — kyl-un-ъ и др., 7 — (kond)-a

Л. Э. КАЛЫНЬ

Гласные предударного слога

Предлагаемая карта ВСИ должна показать, как безударность слога влияет на состав допустимых в нем гласных. Восточнославянский континуум выделяется в рамках Славии многообразием результатов такого влияния, что отражено в материалах ДАРЯ, ДАБМ и АУМ.

В данном случае не употребляется термин «предударный вокализм», так как он предполагает констатацию фонемного состава вокальных единиц в названной позиции и является иной темой, чем та, которая предложена для карты ВСИ.

Различие между составом гласных, выступающих в слоге под ударением и в безударных слогах, имеет двоякое происхождение. Это может быть связано с этимологией отдельных гласных, которые исходно имели разное развитие в зависимости от ударности/безударности слога. Примеры этого: наличие дифтонгов на месте гласных **o*, **e* в новых закрытых слогах только под ударением в северных украинских диалектах (*вуєз* и *вúвез*, *п'ієч* и *печкú* [Жилко 1955: 65]); гласные *ę*, *іę* на месте **ě* или *ǫ*, *ųо* на месте **o* под восходящем ударением в русских говорах (*л'іęс* и *л'есно́й*, *во́дка* и *во́ду*, *вода́*). Отсутствие соответствующих гласных в безударных слогах не является результатом их изменения в этой позиции, поскольку они в ней предположительно изначально отсутствовали.

Но различие в составе гласных под ударением и в безударных слогах может быть не связано с этимологией гласных, а обусловлено только фактором ударности/безударности как таковой. При этом в одних диалектах этот фактор актуален, а в других — нет. Безударная позиция способствует изменению интенсивности гласного, его напряженности и, как следствие этого, изменению его артикуляции. Именно такого рода особенности синтагматики безударных гласных в восточнославянских диалектах являются темой предлагаемой карты. В безударных слогах в основном изменяются гласные неверхнего подъема. Но в рамках этого общего определения представлены варианты разного содержания и мотивированные разными причинами. Далее рассматривается наличие/отсутствие изменения гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге. Ограничение гласными неверхнего подъема обусловлено не только тем, что именно они подвергаются изменениям в восточнославянских диалектах, но и тем, что имеющаяся информация об изменении безударных гласных верхнего подъема носит фрагментарный характер и недостаточна для сопоставления диалектов трех восточнославянских языков. Так, например, в [ДАБМ, карты № 21, 22] показаны в белорусских говорах гласные на месте *у*, *ы* в *первом* предударном слоге — *сыбо́та*, *сьбо́та*, *пута́ць'*, *рассупа́ць'*, *пъта́ць'*, *рассъпа́ць'* и в п. 955 — *пета́те*, *одмека́те*, *россепа́те*; в [ДАРЯ I, карта 12] же в русских говорах показана только делабиализация гласного *у* и в другой позиции, а именно, во *втором* предударном слоге — *р[ъ]кава́*, *д[ъ]рака́*, *к[ъ]лаки́* и др.

Отдельно рассматривается влияние безударности на гласные *переднего/незаднего* и *непереднего/заднего* ряда.

При этом объединение *передних/незадних* гласных в качестве объекта картографирования для всей восточнославянской территории в известной мере условно. Состав этих гласных и их позиционная фиксация различны в украинском языке, с одной стороны, и в белорусском и русском, с другой.

В *украинском* это — гласные *і* (передний ряд, верхний подъем), *и* (ряд на границе переднего и среднего, подъем на границе среднего и верхнего [Курс сучасної: 140] и другое определение — передний ряд, верхний подъем в зоне близкой к среднему [Бевзенко: 48]), *е* (передний ряд, средний подъем, а в некоторых юго-западных говорах подъем близкий к нижнему, что обозначается знаками *є*, *ạ*, например, *пєн'*, *тạ́та*, *сạ́мero* и в гуцульском говоре). Гласный *і* сочетается с предшествующими твердыми и мягкими согласными, а гласные *и*, *е* с твердыми (в данном случае не имеем в виду *е*, *и* из **ę* после мягкого согласного).

В *белорусском* и *русском* — гласные переднего ряда *і*, *е* локализуются на уровне верхнего и среднего подъемов. Гласные сочетаются с предшествующими мягкими согласными.

Несмотря на это различие, изменения украинских гласных *и*, *е* и русского, белорусского *е* в предударном

слоге показаны на восточнославянской территории на одной карте. Если не сделать этого объединения, то украинский материал оказался бы вообще за пределами карты. А между тем факторы, влияющие на изменение предударных *и*, *е* в украинских говорах, по своему содержанию отчасти сопоставимы с теми, которые актуальны для передних/незадних гласных в других восточнославянских диалектах.

Гласные *а*, *о* на карте ВСИ имеют двоякий статус — они использованы при рассмотрении синтагматики как непередних, так и передних гласных. Это зависит от того, сочетается ли рассматриваемый гласный с предшествующими твердыми или мягкими согласными. Гласные, употребляющиеся после мягких согласных, обозначены как *'а* и *'о*, т. е. как отодвинутые в своей артикуляции по направлению к переднему ряду.

Программы обследования синтагматики предударных гласных для разных восточнославянских атласов существенно различаются содержанием поставленных вопросов и, соответственно, объемом ожидаемых ответов. Это же отражено в даваемой картами атласов информации. Отдельно покажем, как это соотносится с наличием/отсутствием в предударном слоге изменения 1) *непередних/задних* и 2) *передних/незадних* гласных.

I. В [Програма 1949] содержатся вопросы о наличии/отсутствии в *украинских говорах* изменения в предударном слоге гласных *о* > *а* (вопрос 390), *о* > *у* перед любым ударным гласным и специально перед слогом с *у* (391, 392). Изменение *о* > *у* происходит вследствие повышения подъема гласного *о* и усиления артикуляции лабиализованности. Изменение безударного гласного *о* в *у* в украинских говорах терминологически обозначается как *уканье*. Различаются «сильное уканье», когда *о* > *у* не зависит от фонетического окружения, и «умеренное уканье», при котором то же изменение происходит только перед слогом с ударными *і*, *у* [УМЕ, 544]. Возможна ситуация, когда безударный гласный *о* не совпадает полностью с *у*, а лишь приближается к нему в виде o^{y}, y^{o}. Изменение предударного *о* > *а* репрезентирует явление аканья (совпадение безударных *о* и *а* в *а*).

В [АУМ 3, ч. III] на карте № 2 дана обобщающая информация о структуре безударного вокализма в предударной позиции и в том числе отражено изменение предударного *о* в *у*. Изменение предударного *о* > *а* (аканье) показано в регионе Чернигова на территории между Десной и Днепром.

Более детальная картина повышения уровня подъема предударного гласного *о* показана на карте № 3, которая называется «Оппозиция /у/~/о/, /а/~/о/ (безударная позиция)» (дается обозначение фонем, но фактически речь идет о звукотипах. — *Л.К.*). В *легенде* этой карты изменение гласного *о* имеет два определения и, соответственно, два обозначения в зависимости от совпадения *о* с *у* или только повышения артикуляции безударного *о* до o^{y}, y^{o}. Изменение [у~о > у] (*ру'бел' — ру'бота*) названо *нейтрализацией*, а повышение подъема гласного *о* до y^{o} или o^{y} (*ру'бел' — $ру^{o}$'бота*, *со^{y}'лодкий*, *ко^{y}'лиска*, *ду^{o}'рога*) — *деформацией* оппозиции /у~о/, поскольку сохраняется отличие *о* от *у*. При этом в легенде указано, что изменение *о* > *у* может зависеть от темпа речи, т. е. существует как произносительный вариант. В том случае, если параллельно с *$ру^{o}$'бота* произносится *ру'бота*, предполагается параллельное существование в говоре «нейтрализации» и «деформации». В целом изменение *о* > *у* распространено менее широко, чем сужение артикуляции безударного гласного *о*, не доходящее до гласного *у*.

На карте № 3 изоглоссой показана также «нейтрализация или деформация» оппозиции /у~о/ в предударном слоге перед слогом с *у* под ударением (*гу'лубка* / *го^{y}'лубка* / *гу^{o}'лубка*). В этом случае обращено внимание на явление слогового сингармонизма, когда антиципация гласного верхнего подъема следующего слога вызывает разной степени повышение артикуляции гласного в предшествующем слоге.

При этом на карте № 3 на территории Закарпатской обл. обозначены также говоры, где сужение *о* в *ô* (*o̭*, o^{y}) перед слогом с высоким гласным происходит под ударением и без ударения — *кô'рôв'і*, *тô'б'і*, *пô'с'ійаў*, *пô'тôму*, *п'рôпуск*, *г'рôш'і*, *кô'жух*, *чô'му*. Это явление не отражает собственно изменение *о* в зависимости от безударности слога, а выражает ассимиляцию гласного *о* гласному верхнего подъема в следующем слоге.

Учитывая материал названных карт в [АУМ 3, ч. III, 230], на карте ВСИ показано изменение безударного гласного *о* в *у*, y^{o}, o^{y} после твердых согласных без разделения этого явления по названным выше моделям уканья — поскольку карта посвящена фонетическим изменениям, а не фонемному статусу гласных, важен сам по себе факт повышения уровня подъема предударного *о* независимо от степени такого повышения. Но при этом следует иметь в виду, что изменение *о* > *у* сокращает количество гласных в безударном слоге, а изменение *о* > y^{o}, o^{y} нет. Подобное фонетиче-

ское явление присуще и другим восточнославянским диалектам и поэтому может быть сопоставимо на карте ВСИ.

Учитывается и сужение предударного гласного *о*, вызванное влиянием позиции перед слогом с *у*, *і*. Далее на карте ВСИ изоглосса этого явления имеет условный характер, так как выделяет территорию, где данное явление представлено в виде вкраплений.

Влияние контекста может иметь и другой характер, а именно влияние велярного согласного (губного и *л*) на уровень подъема предударного гласного — *рôбúли*, *нôпáў*, *кôлúба*, *хôлóнна* (бойковский говор [Калнынь, 46]). Это же отмечается при некоторых видах диссимилятивного аканья (см. ниже).

В северноукраинских говорах показано также совпадение предударных гласных *о* и *а* по модели аканья.

В [Программа 1947] вопросы 1, 2 предполагают выяснение того, изменяются или нет в *русских говорах* гласные *о*, *а* в предударном слоге после твердых согласных. При этом качество гласного на месте *о* соотносится с ударными гласными, которые разделены на группы [ы, *и*, *у*, *е* < **ě*], [*а*], [*о*, *е*]. Качество же предударного гласного на месте *а* соотносится с ударными [*о*, *е*], [*а*], т. е. позиция перед ударными гласными верхнего подъема в этом случае не предусмотрена.

Особенности вокального оформления первого предударного слога после *твердых согласных*, выражающиеся в различении или совпадении гласных *о*, *а*, показаны в [ДАРЯ 1] на карте 1. Выделяются три ареала:

северо-восточная часть территории карты — оканье, т. е. различение предударных гласных *о* и *а*;

центральная часть — недиссимилятивное аканье, при котором в первом предударном слоге *о* и *а* совпадают в *а*;

юго-западная часть — диссимилятивное аканье, при котором качество гласного, выступающего в соответствии с *о* и *а*, зависит от гласного под ударением.

Каждый из этих трех типов предударного вокализма в разной степени снабжен на карте ДАРЯ дополнительными знаками. Особенно это относится к региону оканья — здесь много внимания уделено качеству безударного *а* и особенно *о*. Указано на сужение *о* в *у* независимо от гласного под ударением (*вудá*, *вудóй*, *вуды́*) или только перед слогом с *о* (*водá*, *воды́*, но *вудóй*) — на карте обычно эти явления расположены рядом. Как сказано в комментарии к карте 1, сужение предударного гласного *о* в материалах обозначено знаками *у*, *о*^{у}, *ô*, но то или иное обозначение не приурочено к определенной территории и поэтому репрезентирует одно фонетическое явление. При этом отмечено, что «материалы не отражают зависимости степени лабиализации предударного гласного от соседства губных и задненебных согласных» [ДАРЯ 1. Комментарии, 83].

Ареалы сужения *о* > *у* рассеяны по всей территории оканья. Но в большей степени эти ареалы сконцентрированы на северо-востоке карты — к востоку от Онежского озера, в Вологодской обл., на северо-восток и восток от Солигалича. Сужение безударного *о* > *у* в русских говорах сопоставимо с тем же явлением в украинских диалектах.

Произношение *о* на месте *а* в окающих говорах в комментарии к карте 1 иллюстрируется примерами *б[о]бёнка*, *бр[о]лá*, *гл[о]зá*, *з[о]брáли*, *п[о]хáть* [ДАРЯ 1. Комментарии, 83], а на карте — примерами *тр[о]вá*, *тр[о]вы́*. Это явление иногда сопровождает изменение *о* > *у*, но может существовать и изолированно — в отдельных говорах к западу и югу от Ярославля, в окрестностях Новгорода. Произношение *о* вместо предударного *а* сопоставимо с аналогичным явлением в белорусских окающих говорах (см. ниже).

Ареал недиссимилятивного аканья снабжен лишь отдельными вкраплениями оканья и диссимилятивного аканья.

Как сказано в [Русская диалектология 1964, 38], в русских говорах существуют три типа диссимилятивного аканья в зависимости от того, перед каким ударным гласным предударные *о* и *а* совпадают в гласном «не *а*».

В [ДАРЯ 1] на карте 1 отражены два типа. В большей части говоров представлен жиздринский (или белорусский) тип диссимилятивного аканья, при котором перед слогом с ударным *а* гласные *о*, *а* совпадают в «не *а*», а перед остальными гласными — в *а* (*с/ъ/вá*, *с/а/вôй*, *с/а/в'óныш*, *к с/а/в'ê*, *с/а/вы́*, *с/а/вý*). Лишь на юге карты около Белгорода и Острогожска зафиксирован архаический (обоянский) тип диссимилятивного аканья: произношение гласного *а* перед ударными *и*, *у*, *о* (< **о* под восход. уд.), *е* (< **ě*) и «не *а*» перед *а*, *о* (< **о* под нисход. уд.),'*о* (< **е*, **ъ*), *е* (< **е*, **ь*), т. е. *г/а/нú*, *с/а/вы́*, *с/а/вý*, *с/а/вôй*, *к/а/рóва*, *с/а/в'ê* ~ *с/ъ/вá*, *с/ъ/вóк*, *з/ъ/мкóм*, *пл/ъ/тóк*, *к/ъ/н'óк*.

В комментарии к карте 1 [ДАРЯ 1. Комментарии, 84–85] даются не нашедшие отражение на карте примеры произношения «не *а*» 1) перед ударенными гласными среднего подъема, 2) перед гласными среднего и верхнего подъема, 3) перед гласными верхнего подъема, 4) перед лабиализованными глас-

ными. Примеры с «не *а*» перед ударными гласными среднего подъема (*на п/ъ/кро́в, в/ъ/змо́жно, топ/ъ/ро́м, мол/ъ/ко́м, пом/ъ/гне́шь*) учтены на карте ВСИ как репрезентирующие вариант диссимилятивного аканья сходного с тем, которое свойственно некоторыми витебским белорусским говорам.

В [ДАРЯ 1] на карте 2 показано качество предударного гласного «не *а*» при диссимилятивном аканье. Для карты ВСИ важны факты произношения в этой ситуации лабиализованных гласных, которые появляются в соседстве с губными согласными и иногда после слога с *у* — *пупа́ла, пума́зать, пувя́зка, лупа́та, самува́р, лума́ть, хутура́, дурука́, рукува́* и под. [ДАРЯ 1. Комментарии, 87]. В этих примерах показано изменение предударного гласного *о* в результате как прогрессивной, так и регрессивной ассимиляции.

В программе обследования *белорусских говоров* [Праграма 1950] для [ДАБМ] вопросы 1, 2 посвящены наличию/отсутствию изменения гласных *о, а* в предударном слоге после твердых согласных. В белорусских говорах в позиции после твердых согласных представлено совпадение предударных гласных *а, о* по модели недиссимилятивного (в предударном слоге *а*), диссимилятивного (в предударном слоге *ъ/э, ы* перед слогом с ударенным *а*) аканья, их различение в виде оканья и изменение *о* > *у*.

В соответствии с этим, в вопросах, ориентированных на выявление качества предударных гласных после твердых согласных, учитывается различие в составе гласных под ударением, которые сгруппированы по принципу «не *а*» и *а*.

Для выяснения изменений гласного *о* в предударной позиции гласные под ударением делятся на группы [*ы, і, у, э, е* (< **ě*)] (вопрос 1а) и [*о, е*] (вопрос 1в) — ожидаются предударные гласные *а, ъ, ы, о, у*.

Для *а* выделяется предударная позиция перед *о* под ударением (вопрос 2а). Для обоих гласных учитывается под ударением *а*. Во всех вопросах ожидаются гласные *а, ъ, ы, о, у*.

Такое разделение гласных под ударением обусловлено тем, что в белорусских диалектах принцип диссимиляции может реализоваться в виде совпадения предударных *о, а* в гласном типа *ъ, ы* не только перед ударным *а*, но и перед гласными среднего подъема. Так, в Витебской обл. на фоне диссимилятивного аканья даны примеры *уро́т, вы̆но́й, къго́, дыро́гай, дыўно́, зъво́т, съдо́к, мъла́йа* (п. 29); в Могилевской обл. — *пыро́й, выдо́й, дъмо́й, пыро́г, мыро́з, зъбо́та, дъл'о́ка, зъмо́к*, а перед ударным *а* произносится только *ы* — *скызя́ц', кын'а́, выда́, кыва́л', мыла́йа* (п. 622), т. е. контраст по подъему между предударным и ударенным гласными в этих двух случаях выражен с разной степенью интенсивности.

В условиях диссимиляции в соседстве с губными согласными возможно появление предударного *у* — так, в Витебской обл. *пръшо́ў, пъдво́з, пъдв'о́з, пъдв'е́с'ц'и* и *пум'а́ў, пубра́ў, кумпа́н'ийа* (п. 309). При восточномогилевском произношении — *пупа́с'ц', пупа́ша, пу пра́ўдз'і, муўча́ц'* и под. [Крывіцкі, Падлужны, 158]. Вероятно, гласный *у* развился через стадию *ы*. Явление аналогично тому, которое показано в [ДАРЯ 1] на карте 2.

В ДАБМ есть специальные карты № 2, 3, на которых показано качество предударных гласных на месте *о* и *а* при оканье на юго-западе Белоруссии (в основном Брестская обл.). На месте *о* в предударном слоге это может быть не только *о*, но и *у*. Как показано в комментарии к карте № 2 [ДАБМ. Каментарыі, 279] частота появления гласного *у* вместо *о* весьма различна. Показаны варианты:

[только *у*] (п.п. 656, 947, 949, 959 — Каменец, Драгичин, Малорита);

[преимущественно *у*] (п.п. 697, 954; Кобрин — 30 примеров с *у*, 1 — с *о* в *на росу́*; Малорита — 30 примеров с *у*, 3 — с *о*);

[*о*, реже *у*] (п.п. 694, 740; Кобрин — 45 примеров с *о*, 3 — с *у*; Драгичин — 41 пример с *о*, 1 — с *у* в *мулудайа*).

На карте к гласному *у* приравнены записи с $у^{о}$, $о^{у}$.

В комментариях к карте № 3 [ДАБМ. Каментарыі, 282] помещен материал, отражающий замену гласного *а* в предударном слоге звуками *о*, $о^{а}$, $а^{о}$, а также *у* в окающих говорах. Это явление локализуется к западу от Мозыря по р. Припять и в окрестностях Пинска. Гласный *у* на месте *а* фиксируется редко, а *о* — с разной частотой. Так, в п. 729 (Брестская обл. Драгичинский р-н) *о* только в *дол'о́ко*. Но в п. 740 (в том же районе) в предударном слоге как на месте *о*, так и на месте *а* произносится только *о* — *содо́к, дол'о́ко, ройко́м, зово́д, трова́, хвота́йе, кона́ва, кона́л, скоза́ты, молайа, кожух, возы̆ў, нога́, моро́с* и один раз *у* в *мулуда́йа* (с. 279); в п. 755 (Гановицкий р-н) — *зобо́та, зобо́р, содо́к, дол'о́ко, зомо́к, бора́н, трова́, кора́с', скоза́ц', дова́й, мола́йа, зодра́ўса*; в п. 802 (Гомельская обл. Житковический р-н) — *содо́к, зомо́к, розо́к, дол'о́ко, тровў, тора́н, дова́й, стока́н, скоза́ц'*, здесь же на месте *о* — 82 примера с *о* и *муйа́, твуйа́, мало́ц'ац'* (с. 280). Практически в этом явлении отражено неразличение предударных гласных *а* и *о*, но путем их совпадения в *о* (а не в *а*, как это бывает при аканье). Но

чаще на карте № 3 в одном и том же пункте фиксируется параллельное произношение типа *трава́, садо́к* / / *трова́, содо́к*.

Учитывая информацию, которую дают восточнославянские атласы, на карте ВСИ, посвященной наличию/отсутствию изменения в предударном слоге задних/непередних гласных, отражены: недиссимилятивное аканье; виды диссимилятивного аканья; изменение предударного *о* > *у*, *у*^{о}, *о*^{у} в том числе в условиях слоговой гармонии т. е. перед *у*, *і* под ударением, а также под влиянием веляризованных согласных; изменение предударного *а* > *о*. Говоры, не содержащие этих изменений, сохраняют различение предударных гласных *о* и *а*, т. е. демонстрируют оканье.

II. Наличие/отсутствие изменения *передних/незадних* гласных в предударном слоге в украинских говорах демонстрируют гласные *и*, *е* после твердых согласных, *'а* после мягких, а в белорусских и русских — гласные *е*, *'а* после мягких согласных.

В [Програма 1949], предназначенной для обследования *украинских говоров*, содержатся вопросы о возможности изменения в предударном слоге *е* > *э*, *и* (вопросы 373, 375) и *и* > *э* (376). Сама постановка вопросов обусловлена тем, что в безударном слоге гласный *и* может понижать свою артикуляцию, а *е*, напротив, повышать. На обобщающей карте № 2 в [АУМ 3, ч. III] показаны «структуры безударного вокализма (предударная позиция)», и, как сказано в комментарии к карте (с. 66), не перед гласным высокого подъема. Сближение безударных *и* и *е* интерпретируется на этой карте как нейтрализация оппозиции /*и*/~/*е*/ и проводится аналогия в этом плане с литературным языком.

Артикуляционное изменение безударных гласных *и*, *е* в литературном языке описано М. Ф. Наконечным в [Курс сучасної, 165–169]. Сказано, что изменение безударных *и*, *е* ведет к их смешению и неразличению, что показывают примеры *те*^{и}*пло́*, *ве*^{и}*сло́*, *hни*^{е}*ли́й*, *hри*^{е}*бі́*. В литературном языке действует также принцип слоговой гармонии. Более широкий или узкий вариант гласного на месте *и*, *е* зависит от гласного под ударением: перед *а́*, *е́* — более широкий оттенок типа *е*^{и}, а перед *и́*, *у́*, *і́* — более узкий типа *и*^{е} или совсем близкий к *и*, а перед *і́* — *и*^{і}, *і*^{и} (*у зі*^{и}*м'і́*, *кі*^{и}*с'і́л'*) (с. 168). Отмечается также, что позиция перед палатализованными согласными способствует появлению более узких гласных на месте *и*, *е*, т. е. *те*^{и}*л'а́* / *ти*^{е}*л'а́*, *све*^{и}*н'а́* / *сви*^{е}*н'а́*. Говоря о совпадении безударных *и*, *е*, автор рассматривает его отчасти лишь как возможность, реализующуюся при определенных условиях, в частности при неотчетливом произношении или быстром темпе речи. О неполном совпадении безударных *и*, *е* говорят и такие определения, как «одинаковые или очень близкие звуковые оттенки как на месте *е*, так и на месте *и* в безударных позициях», или — «в живом языке не различаются или почти не различаются слова *клено́к* и *клино́к*, *деньо́к* и *диньо́к*» (в последнем случае Р. мн. от *ди́нька*) (с. 166). Но в [Жилко 1963, 10, 23] это фонетическое явление однозначно интерпретируется как утрата оппозиции *е~и* в безударном слоге и сказано, что это же свойственно юго-восточным и юго-западным украинским говорам. Несколько иная точка зрения высказана в [Бевзенко, 38] — «звуковые поля фонем /и/, /е/ в безударной позиции во многих случаях, хотя и далеко не всегда, полностью совпадают, тем не менее, это все-таки две разных фонемы».

В украинской диалектологии тема безударных *и*, *е* описывается следующим образом.

В [Жилко 1955]: в юго-восточных говорах безударные *е* и *и* как правило не различаются; произношение может зависеть от гласного под ударением, как и в литературном языке (с. 160); в юго-западных говорах безударный *е* приближается к *и*; перед палатализованным согласным *е* может перейти в *і* (*ви*^{е}*с'іл'і́* / *вісʼіл'е́*).

В [Бевзенко, 231]: в юго-восточных говорах безударные *и*, *е* сближаются в произношении и реализуются разными звуками в зависимости от гласного под ударением — варианты представлены в виде *е*^{е}, *и*^{е}, *и*^{і}, *и*, *і*^{е}, *і*^{и}, *î*, *і*.

В юго-западных говорах изменение *е* и *и* может происходить по модели слоговой гармонии независимо от ударения. Так, например в бойковском говоре (Львовская обл. Турковский р-н) — *гни́ла* > *гни́л'і*, *чапи́йа* > *чапи́йі*, *сивина́* > *сі́в'і*, *умёр* > *мёртв'і*, *бере́за* > *на берёз'і*, *мене́* > *мин'і́*, *зе́мный* > *зимл'і́* [Калнынь, 74]; то же возможно в надднестрянских и закарпатских говорах. Такое изменение гласных не относится собственно к теме безударного вокализма, поскольку антиципация высокого гласного следующего слога определяет выбор как предударного, так и ударного гласного.

Материал ответов на вопросы украинской программы атласа, касающиеся гласных *и*, *е*, в предударном слоге отражены на разных картах АУМ.

В [АУМ 1] на карте № 17 показано качество предударного гласного, продолжающего **і*, **у* (т. е. *и*) в корневых морфемах. Дана изоглосса, южнее которой произносятся гласные *э*, *и*^{е}, *е*^{и}, *е* в словах *вишневий*, *силенний*, *широкий*. Карта № 40 показывает

гласный на месте предударного *е* перед слогом с *é*. Гласные располагаются в пространстве [$е^{и}$ ... *и*]. Более частым является произношение *зе^{и}'лений*, *те^{и}'пер*, *ни^{е}'сé*.

В [АУМ 2] на карте № 22 показано качество предударного гласного *и*; на карте № 32 — гласного *е* перед слогом с *é*, *á*. Карта № 33 посвящена предударному *е* перед слогом с *í*, *ý* — в этом случае *е* может заменяться не только перечисленными гласными, но и *і* (*лічý*, *нісý*, *ніс'íм*), чем реализуется слоговая гармония (уподобление по уровню подъема).

На карте № 37 показана динамика оппозиция /*и*~*е*/ перед слогом с *ó*. Даны варианты: сохранение оппозиции /*и*~*е*/, трансформация оппозиции, которая реализуется в звуковых границах [$е^{и}$...$и^{е}$] или [$е^{и}$...*и*]. Это прослеживается на произношении слов *село*, *з Петром*. Вне названных вариантов отмечено изменение безударного *е* > *і* в надсянских говорах — *нéбу* и *піднібéн'і*, *пéтра* и *пітрó*, *напéріт* и *напірáд'і* [Калнынь, 139].

Вопреки общепризнанности того, что в юго-восточных украинских говорах и большей части юго-западных предударные гласные *и*, *е* меняют свою артикуляцию по линии сближения друг с другом, нет доказательств, что они последовательно совпадают друг с другом (как, например, *о* с *а* или *о* с *у*). Поэтому констатация на обобщающей карте № 2 в [АУМ 3, ч. III] нейтрализации оппозиции /*и*/~/*е*/ в предударном слоге в юго-восточных и большей части юго-западных украинских говоров (в легенде это обозначено как *и*/*е*) можно считать обобщением, которое не вполне отражает фонетическую реальность. Для этой территории можно говорить лишь об артикуляционном сближении, а не совпадении гласных *и*, *е* в предударном слоге. Именно это показано на карте ВСИ. Здесь же отражено сужение предударного *е* > *и*, *і* перед гласными верхнего подъема под ударением.

В [Програма 1949] есть вопросы, ориентированные на констатацию изменения безударного гласного *а* после мягких согласных, т. е. *'а*. Вопросы 367б, 368б разделяют позиции после мягких согласных (*глядíти*, *лягати*, *тягати*, *кляну*) и после *й* (*який*, *ядро*, *яйце*, *ячмíнь*). При формулировке вопросов не указывается на этимологию *'а* — из **а* или **ę*. Но на картах это различие предусматривается. В [АУМ 1] карты № 51, 52, 54 посвящены безударным рефлексам **ę* (слова *рябий*, *запряжу*, *кипяток*), а карта № 55 показывает безударные соответствия **а* после *й*. Выделяется полоса северных говоров (средне- и восточнополесские), где предударный *'а* > *и*, *е*, *і*. В юго-западных говорах сужение гласного *'а* происходит независимо от ударения. Есть основания полагать, что в таких говорах рефлекс **ę* изначально не совпадал с *а*. Изложенные данные обобщены в [АУМ 3, ч. III] на карте № 4 «Функционирование *а* после мягких и депалатализованных согласных».

В [Праграма 1950] для *белорусского* атласа и в [Программа 1947] для *русского* атласа вопросная процедура, предназначенная для установления правил синтагматики передних/незадних гласных в первом предударном слоге, в большой степени детализировна. В обеих программах предусматривается наличие/отсутствие изменения *е* (<**е*, **ь*, **ě*) и *'а* (< **ę*, **а*) перед слогом с разными ударными гласными, а также перед твердыми и мягкими согласными. При однотипности вопросов карты, посвященные предударным гласным после мягких согласных в [ДАБМ, карта № 4] и в [ДАРЯ, карта 3], существенно различаются.

Для *белорусских* говоров в [Праграма 1950] состав гласных предударного слога после *мягких* согласных выясняется с учетом изменения в предударном слоге гласных *е* (< **е*, **ь*, **ě*), *'а* перед разными гласными под ударением и перед твердыми и мягкими согласными (вопросы 3–7).

Материал ответов на эти вопросы отражен на картах, посвященных каждому гласному отдельно в предударном слоге после мягких согласных. Информация, полученная на этих картах, обобщена в [ДАБМ] на карте № 4 («Типы вокализма первого предударного слога после мягких согласных»).

Противопоставление белорусских говоров основано на наличии/отсутствии антиципации гласного ударенного слога при выборе того гласного, в котором совпадают предударные *е*, *'а*. При диссимилятивном яканье белорусского (архаического, в русской классификации) типа перед слогом с *á* произносится гласный *і*, а перед другими гласными — *'а*, т. е. *з'імл'á*, *јікáја*, *с'істрá*, *п'імá*, *р'ікá* и *ц'агнý*, *ц'агн'í*, *з'амл'é*, *з'амл'í*, *з'амл'óй*, *н'асý*, *п'ац'óрка*, *ц'ал'óныk* [Крывіцкі, Падлужны, 156].

Зафиксирован также витебский тип диссимилятивного яканья, когда *і* («не *а*») произносится не только перед *á*, но и перед *é* (из **е*, **ě*), а перед другими гласными в том числе и перед *ó* (из **о*, **е*) произносится *'а*; в этом отличие от позиции после твердых согласных — *з'імл'á*, *-é*, *б'ідá*, *-é*, *ц'іплá*, *п'імá*, *м'ілá*, *н'іс'éш*, *гл'ідз'éла* и *с'ц'аны*, *ц'аплó*, *нъ р'акý*, *б'ар'í*, *л'ажы́ц'*, *н'а бýду*, *н'а лóв'ітца*, *з'ал'óнъй*, *б'ар'óм* [Крывіцкі, Падлужны, 171].

Совпадение предударных *е*, *'а* в одном гласном независимо от гласного в следующем слоге происходит по модели сильного яканья — всегда предударный *'а* (*з'амл'а́*, *-е́*, *б'ада́*, *-е́*, *м'ала́*, *н'ас'е́ш*, *гл'адз'е́ла*, *с'ц'аны́*, *ц'апло́*, *нъ р'аку́*, *б'ар'і́*, *л'ажы́ц'*, *н'а бу́ду*) и еканья — всегда предударный гласный *е* в тех же примерах. Сильное яканье локализовано в центральной части белорусских говоров. Еканье расположено на юго-востоке белорусской языковой территории.

Кроме того, на юго-западе в регионе Бреста в [ДАБМ, карты 5–7] показано полное или частичное различение предударных гласных *е* (в том числе из **ě*) и *'а*, т. е. произношение типа *в'есна́*, *б'еда́*, *ц'агну́* наряду с вариантами, содержащими *і* или *ы* (после отвердевших согласных), т. е. *с'іло́*, *п'іта́*, *б'іда́* и *сыло́*, *быда́*, *пыта́*. В последнем случае, как и в украинских диалектах, незадний гласный помещается в позицию после твердых согласных.

В [ДАРЯ 1] на карте 3 показана весьма сложная дифференциация *русских* говоров в зависимости от поведения передних/незадних гласных в предударном слоге после мягких согласных. Поскольку программы обследования белорусских и русских говоров для атласов весьма схожи, имеет смысл сопоставить полученные результаты с точки зрения их сходства или различия.

В русских говорах сходство с белорусскими проявляется в существовании:

1) сильного яканья, которое, однако, территориально не объединяется с белорусским;

2) еканья, имеющего в русских говорах небольшое распространение в виде островной локализации, иногда ограниченной одним пунктом;

3) зависимости выбора предударного гласного от гласного под ударением; русские говоры с диссимилятивным яканьем примыкают к белорусским, имеющим ту же черту, и продолжаются далее на юг и на восток русской языковой территории.

Особенность карты 3 состоит в том, что регион диссимилятивного яканья на ней многообразно детализирован в соответствии с тем, как выбор предударного гласного зависит от антиципации гласного под ударением. Это, как показано на карте 3 и в комментарии к ней [ДАРЯ 1, Комментарии, 92], формирует многообразие видов совпадения ~ различения передних/незадних гласных в предударном слоге после мягких согласных. Об этом же см. в [Русская диалектология 1964, 48-65], где приводятся модели диссимилятивного яканья.

На карте ВСИ все многообразие форм русского диссимилятивного яканья не может быть отражено технически. Значение имеет выявление общего сходства ~ различия в плане диссимиляции между русскими и белорусскими говорами. Поэтому в русских говорах на карте отражен сам по себе факт зависимости выбора предударного гласного после мягких согласных от гласного под ударением. Диссимилятивное яканье обозначается обобщенно, включая и варианты, разнообразно осложненные разным составом ударенных гласных, определяющих выбор предударного гласного. Исключение составляет специально выделенный вид диссимилятивного яканья, при котором предударный «не *а*» произносится не только перед *а́*, но и перед *е́*. В белорусской диалектологии это — витебский тип диссимилятивного яканья, в русской — умеренно-диссимилятивный [ДАРЯ 1, Комментарии, 92], или масальский [Русская диалектология 1964, 51], где его реализация показана как — *н/и/сла́*, *р/и/ка́*, *д'/и/с'а́тка*, *гл/и/д'а́т*, *т/и/не́р'*, *д/и/т'е́й*, *за с'/а/ло́м*, *р'/а/бо́й*, *н'ас/и́/*, *д'/а/н'о́к*. Русские и белорусские говоры с этими типами диссимилятивного яканья близки территориально.

В то же время, при сходстве программ русского и белорусского атласов, между этими диалектами существуют следующие различия.

Только в русских говорах характер совпадения предударных *е*, *'а* может определяться антиципацией твердости/мягкости следующего согласного без учета ударного гласного. Перед твердым согласным произносится *'а*, перед мягким — более узкий гласный *і* или *е*. Этим реализуется модель умеренного яканья, т. е. [*«не а»* + *t'-*'] и [*а* + *t-*']. В [ДАРЯ 1] на карте 3 территория умеренного яканья снабжена многочисленными вкраплениями дополнительных знаков, указывающих на качество гласных перед мягким согласным и на варьирование *'а* и «не *а*» в предударном слоге. Для карты ВСИ важны не эти детали, а сам факт антиципации качества следующего согласного при выборе предударного гласного.

В русских говорах возможно совпадение предударных *е* и *'а* в *і*, т. е. иканье, чего нет в белорусских говорах. На русской территории это разрозненные группы говоров в центре карты. На карте ВСИ они не отражены.

Специфической особенностью русских говоров является произношение после мягких согласных перед твердыми предударного *'о* на месте *е* из **е*, **ь* и реже из **ě*.

Замена *е* из **е*, **ь* показана в [ДАРЯ 1] на карте 4 на примерах */н'о/сла́*, *с/в'о/кро́вь*, */н'о/су́т*. Замена **ě* в предударном слоге показана на карте 6 на примерах

/в'о/дро́, г/н'о/здо́, /с'о/до́й, с/л'о/пы́х, с/в'о/ма́ть, /р'о/ка́, /л'о/са́, в с/н'о/гу́. На карте 4 при этом во многих говорах показано варьирование предударных *'о* и *е*.

Допустимость предударного *'о* отличает русские говоры от всех других восточнославянских. Явление распространено в окающих говорах, но не во всех, что и показано на карте ВСИ.

Специального внимания заслуживает поведение предударного *'а* после мягких согласных в русских *окающих* говорах, что показано на карте 7. Гласный *'а* в предударном слоге может сохраняться независимо от твердости-мягкости следующего согласного (примеры с карты — *г/р'а/да́, /п'а/тно́, т/р'а/су́, в г/р'а/де́, /п'а/ту́, нап/р'а/дём*). Но чаще предударный *'а* сохраняется лишь перед твердыми согласными, а перед мягкими изменяется в *i, е* (северо-восток карты 7).

* * *

Карты, отражающие синтагматику гласных в предударном слоге в разных восточнославянских диалектах, позволяют сделать следующие обобщения.

Карта 1, посвященная наличию ~ отсутствию изменения в предударных слогах после твердых согласных задних/непередних гласных *а, о*, показывает деление территории на говоры, сохраняющие предударные *о, а* с одной стороны, и заменяющие их другим гласным, с другой. Это деление актуально для всех восточнославянских языков, хотя соответствующие этому делению говоры представлены в разном количестве в отдельных языках.

Способ устранения предударного *о* различается. Это повышение подъема и усиление лабиализации предударного гласного *о*, с одной стороны, и его делабиализация, с другой. Гласный *а* также может повышать подъем до *ъ, ы* и редко заменяться на *о*.

Следующий уровень деления говоров зависит от того, участвует или нет антиципация ударного гласного в выборе предударного.

Неразличение предударных *а* и *о*, по принципу диссимилятивного аканья, представлено в русских и белорусских говорах, образующих по данному признаку территориальное целое. Общность между этими говорами проявляется и в том, что на фоне диссимилятивного аканья возможна лабиализация предударного *ъ/ы* в *у* в соседстве с губными (веляризованными) согласными (в данном случае соседство согласных накладывается на антиципацию гласного под ударением).

В украинских говорах антиципация гласного под ударением проявляется во многих говорах при замене предударного *о* более высокими лабиализованными гласными — такое сужение *о* во многих говорах происходит перед слогом с *ý*, а также *і*. Явление, хотя и содержит принцип антиципации, репрезентует совершенно иной тип изменения предударного гласного, чем это имеет место в белорусских и русских говорах, т. е. усиление лабиализации, с одной стороны, и утрата лабиализации, с другой. В то же время как уканье, так и аканье сопровождается изменением подъема безударного гласного, но направление этого изменения различается в применении к разным гласным (повышение или понижение для гласного *о*, повышение — для *а*).

Сужение предударного *о* может происходит вне связи с гласным под ударением — играет роль лишь сама по себе безударность. Это явление свйственно юго-западным украинским, немногои юго-западным белорусским и севернорусским в их северо-восточной части. Территориальная разобщенность русского и украинского регионов указывает на независимое развитие в них этой фонетической черты.

Достаточно экзотической чертой является замена предударного *а* лабиализованным гласным *о* в зоне неразличения предударных *а* и *о*. Последовательное проведение этой фонетической особенности может изменить фонетическую репрезентацию неразличения предударных *о* и *а* (ср. белорусские говоры в регионе Бреста).

Карта 2, посвященная наличию ~ отсутствию изменения передних/незадних гласных в предударном слоге, принципиально отличается от карты 1 дробностью дифференциации восточнославянского континуума по выбранному показателю и тем, что на ней возможно объединение позиции после мягкого и твердого согласного. Последняя позиция приравнена к первой на украинской территории и отчасти в белорусских говорах около Бреста.

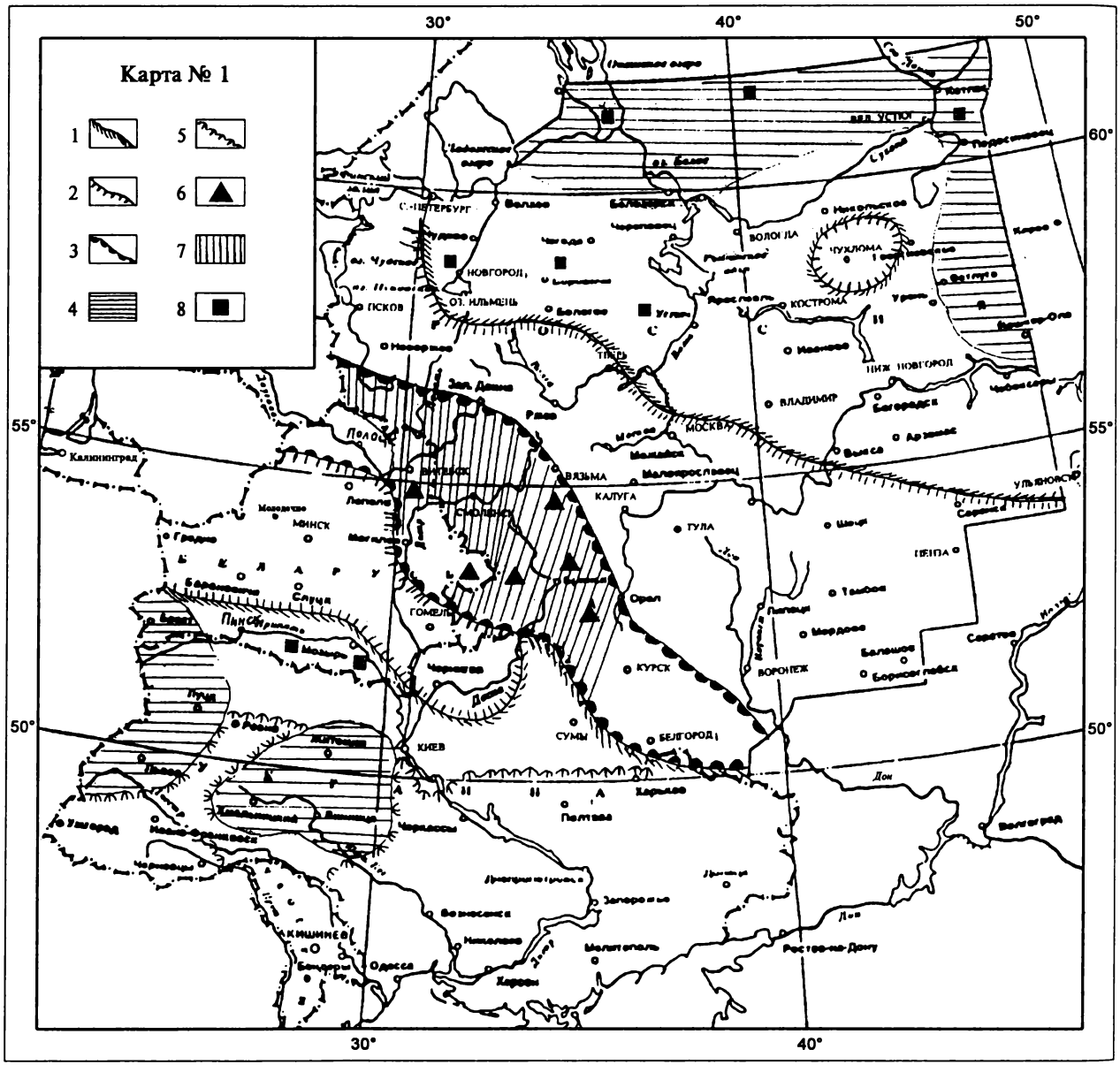
Выделяются черты, которые свойственны только отдельным языкам. Это:

– сближение предударных *и* и *е* после твердых согласных в украинских диалектах;

– антиципация твердости-мягкости согласного при выборе *'а* и «не *а*» в русских говорах (умеренное яканье);

– допустимость предударного *'о* в севернорусских говорах.

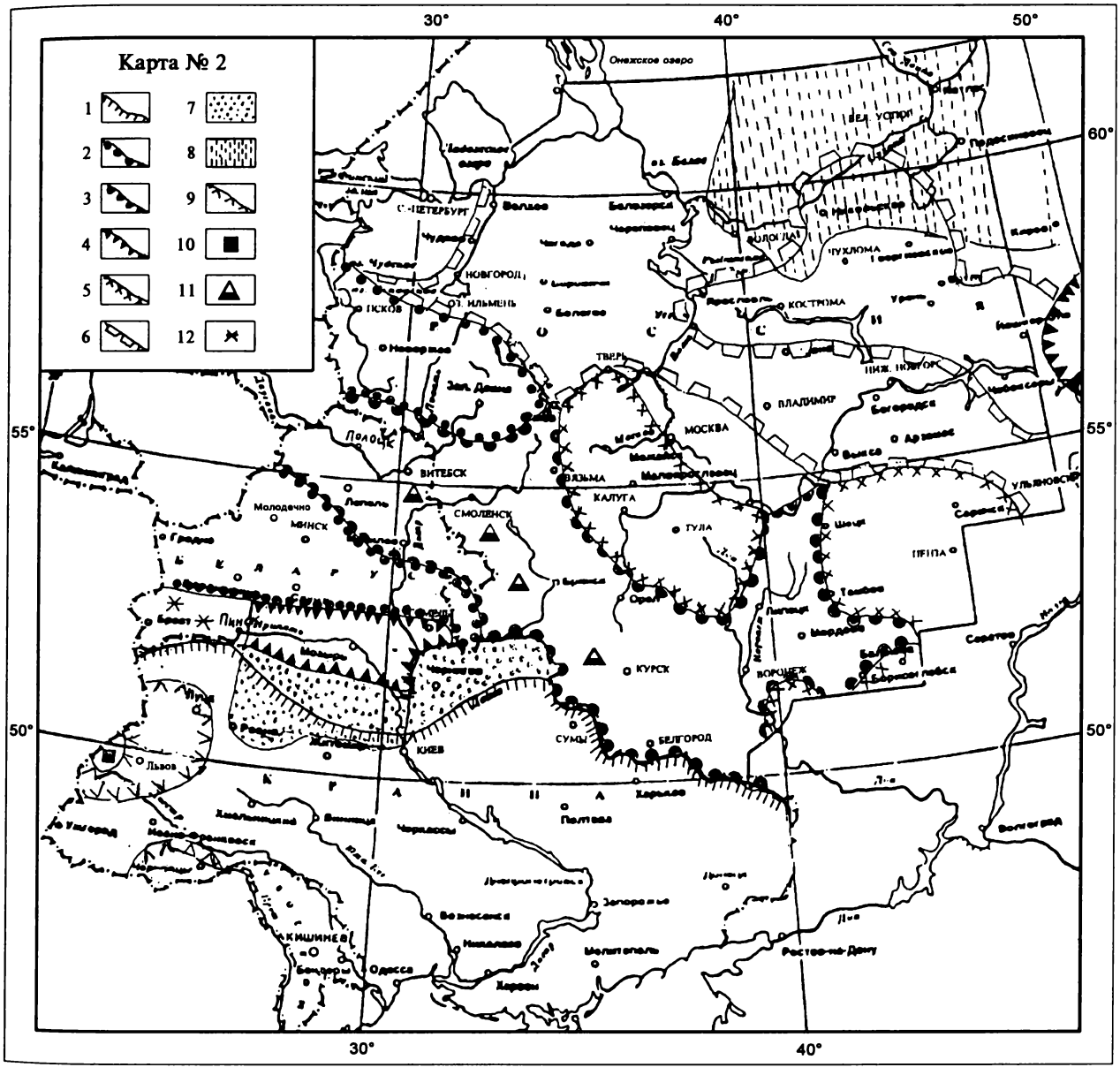
Карта 1. Непередние/задние гласные в предударном слоге

Условные обозначения

1 — различение предударных *а* и *о*; 2 — недиссимилятивное аканье; 3 — диссимилятивное аканье; 4 — сужение предударного *о* > *у*; 5 — сужение предударного *о* > *у* перед слогом с *и́*, *у́*; 6 — при диссимилятивном аканье произношение «не *а*» не только перед *а́*, но и перед *о́*, *е́*; 7 — при диссимилятивном аканье изменение *ъ*/*ы* в *у* в соседстве с губными (веляризованными) согласными; 8 — изменение предударного *а* в *о*.

Карта 2. Передние/незадние гласные в предударном слоге

Условные обозначения

1 — артикуляционное сближение по уровню подъема предударных *и*, *е*; 2 — сильное яканье; 3 — диссимилятивное яканье; 4 — еканье; 5 — выбор предударного гласного на месте *е*, *'а* в зависимости от твердости/мягкости следующего согласного; 6 — произношение *'о* в предударном слоге; 7 — изменение предударного *'а* > *е*, *и*, *і* независимо от следующего согласного; 8 — изменение предударного *'а* > *е*, *і* перед мягким согласным; 9 — изменение предударного *е* > *і* перед слогом с *і́*, *ы́*; 10 — изменение предударного *е* > *і* независимо от качества следующего сегмента; 11 — при диссимилятивном яканье произношение «не *а*» перед *е́*; 12 — полное или частичное различение предударных гласных на месте *е*, *'а*.

Антиципация гласного следующего слога при выборе предударного гласного, хотя и повторяется в диалектах разных языков, но имеет разные последствия. В белорусских и русских говорах — это диссимилятивное яканье в различных модификациях. Некоторые из этих модификаций повторяются в диалектах обоих языков, но многие присущи только русским говорам.

В западноукраинских говорах региона Львова возможно сужение предударного *е* > *и*, *і* перед слогом с *і́*, *у́*, а в надсянском говоре (Мостиский р-н) это происходит независимо от гласного под ударением.

Белорусским и русским говорам свойственно совпадение предударных гласных *е* и *'а* в одном гласном независимо от следующего гласного или согласного. Фактор безударности может сочетаться с предпочтением более широкому гласному (сильное яканье) или более узкому (еканье).

Особенностью предударной фонетики, повторяющейся в разных говорах является сужение предударного *'а*. Но происходит это в разных условиях.

В части северноукраинских говоров изменение *'а* > *е*, *и*, *і* зависит только от безударности слога. А в северо-восточной части севернорусских говоров то же зависит не только от безударности слога, но и от наличия следующего мягкого согласного.

Таким образом, сходство по принципу поведения передних/незадних гласных в предударном слоге демонстрируют только белорусские и русские диалекты — сильное яканье, еканье, диссимилятивное яканье. Все остальные проявления этого фрагмента восточнославянской фонетики составляют особенность или украинского, или русского языка. Это одно из проявлений существенного фонетического различия между диалектами разных восточнославянских языков.

ЛИТЕРАТУРА

Бевзенко — *Бевзенко С.П.* Українська діалектологія. Київ, 1980.

Жилко 1955 — *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

Жилко 1963 — *Жилко Ф.Т.* Фонологічні особливости української мови в порівнянні з іншими слов'янськими. Київ, 1963.

Калнынь — *Калнынь Л.Э.* Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система. М., 1973

Крывіцкі, Падлужны — *Крывіцкі А.А.*, *Падлужны А.І.* Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.

Курс сучасної — Курс сучасної української літературної мови. Т. І. Київ, 1951.

Русская диалектология 1964 — Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.

УМЕ — Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2000.

А. В. ТЕР-АВАНЕСОВА

Рефлексы *ě* под ударением

Предлагаемая серия карт посвящена рефлексам **ě* под ударением в восточнославянских диалектах. На карте 1 схематично показаны стандартные (наиболее частотные) рефлексы **ě* в середине и в конце слова в говорах всей восточнославянской территории. Карты 2–6 — «региональные»: на них показаны стандартные рефлексы **ě* в отдельных частях восточнославянской территории. На карте 7 представлены огубленные рефлексы **ě*, выступающие в части говоров в корнях перед *в*.

Для составления карт использованы почти исключительно изданные карты трех национальных атласов, ОЛА, ряда региональных атласов и работ, затрагивающих лингвогеографическую проблематику.

В комментарии приводятся сведения о качестве звуков на месте **ě* — в основном по работам, посвященным фонетике восточнославянских диалектов, и отчасти по атласам, о территориальном распределении различных рефлексов **ě*, выводы относительно фонологического статуса гласных на месте **ě* и в небольшой степени — данные об истории **ě* в восточнославянских диалектах.

0.1. *Транскрипция.* В настоящей работе примеры приводятся в фонетической транскрипции, принятой в источнике, из которого они взяты. Тем самым, допущена определенная непоследовательность в обозначении звуков одного качества. Расхождения между украинской, белорусской и русской системами диалектной транскрипции (точнее, их упрощенными вариантами, принятыми в национальных атласах и ряде диалектологических работ) касаются в основном гласных верхнего подъема, см. таблицу:

ряд гласного	русский	белорусский	украинский
передний	и	і, и*	і
переднс-средний // средний	ы	ы	и**
задний	ы***	ы	ы

Примеры:

1) гласный переднего ряда: рус. диал. [л'ис] ‘лес’ и ‘лис’, бел. [л'ис] // [л'іс] ‘лис’, укр. [л'іс] ‘лес’, диал. полесск. [ліс] ‘лис’ и ‘лыс(ый)’, укр. [п'іч] ‘печка’, [н'іс] ‘нос’;

2) гласные передне-среднего – среднего ряда: рус., бел. [лы́сый] ‘лысый’, укр. [лис] ‘лыс(ый)’, ‘лис’, диал. среднеполесск. также ‘лес’, укр. диал. [пич] ‘печка’, укр. полесск., гуцульск. [нис] ‘нос’;

3) гласные заднего ряда: рус. диал. [лы́сый], укр. закарпатск., полесск. [лы́сый] ‘лысый’;

4) дифтонг переднего ряда: рус., бел. [л'и̯е́с], укр. полесск., бел. [л'і̯е́с] ‘лес’.

В разделе, где рассматривается качество гласных отдельных говоров, используются также знаки: [ı] — гласный верхне-верхне-среднего подъема переднего ряда, [ę] — гласный верхне-среднего подъема переднего ряда, [ê] — гласный верхне-среднего подъема переднего ряда, напряженный.

0.2. *Качество ударных рефлексов *ě и твердость // мягкость предшествующего согласного.* В современных восточнославянских диалектах рефлексами **ě* могут быть монофтонги, степень подъема которых варьирует по диалектам от верхнего до нижнего, либо дифтонги и дифтонгоиды, «развертывающиеся» в пределах разных ступеней подъема. О монофтонге [ę] верхне-среднего подъема на месте **ě* в русских говорах принято говорить как о маркированном по признаку напряженности, в противоположность ненапряженным неогубленным рефлекам **е* и **ь* среднего подъема ([е]). В части украинских говорах напряженным является [і] < **ě*. Характер протекания дифтон-

* В белорусской диалектной транскрипции обычно употребляется знак *і* в соответствии с белорусской орфографией, однако в ДАБМ используется «русская» система передачи гласных верхнего подъема.

** Гласные в соответствии с этимологическими **і, *у* в украинском литературном языке и диалектах обнаруживают значительные различия; в укр. лит. языке и некоторых диалектах это звуки верхне-среднего подъема переднего ряда [Славянские языки 2005: 518], по другим источниками — верхне-среднего подъема передне-среднего ряда [Ивченко 1962: 168]; в полесских говорах встречается и звук верхнего подъема переднего ряда; в западноукраинских говорах, кроме закарпатских, — звук [ə] среднего ряда среднего подъема или дифтонг, оканчивающийся на *ə*.

*** Задний ряд обозначается диакритиками.

гов описан ниже в разделах, посвященных диалектам восточнославянских языков.

Ряд гласных на месте этимологического *ě определяется палатализованностью // непалатализованностью предшествующего согласного. После палатализованных и палатальных согласных представлены гласные переднего ряда. После непалатализованных (по диалектам таковыми перед рефлексами *ě бывают шипящие, ц, р, губные, с, з, а в некоторых рус. говорах – все согласные, кроме [ш̄':], [ж̄':], [j] (Пустоша), [ц'], [j] (харовский говор)) в одних говорах встречаются только гласные непереднего ряда: полесск. *ри̯е́чка*, *би̯е́лий*, loc. sg. *души̯е́*, *межи̯е́*, *лици̯е́*,

в других представлено варьирование гласных переднего и непереднего ряда: полесск. *ри̯е́чка / ре́чка*, *би̯е́лий / бе́лий*, *души̯е́ / душе́*,

в третьих говорах имеется распределение (иногда нестрогое) гласных переднего и непереднего ряда в зависимости от качества предшествующего согласного: полесск. *ри̯е́чка*, *бе́лий*, loc. sg. *душе́*, *межсе́*, *лице́*; рус. Пустоша *би̯е́лый*, *ри̯е́чка*, *ле̯е́с*, *ти̯е́ла*, *ди̯е́ла*, *си̯е́ла*, loc. sg. *душы̯е́*, *межы̯е́*, *лицы̯е́*, *плечы̯е́*. Непередний ряд рефлексов *ě вторичен и легко снимается методом внутренней реконструкции (или процедурами позиционной фонологии).

В подавляющем большинстве восточнославянских диалектов ударные рефлексы *ě, будучи гласными переднего ряда, смягчают предшествующий парный по твердости // мягкости согласный. В большинстве русских и в белорусских говорах «смягчающими» являются любые ударные рефлексы *ě ([и, ę, е, а], дифтонги и дифтонгоиды с *и*-образным началом типа *це̯*). В украинских говорах «смягчающими» являются полесские дифтонги типа *е̯*, гласный [і], представленный в большей части говоров и в литературном языке и восходящий к дифтонгу *е̯*, а также сравнительно редкий полесский монофтонг [е]. При этом в лит. украинском и части говоров перед указанными рефлексами *ě смягчаются как парные, так и непарные по твердости // мягкости согласные, ср. *с'т'іw — на стол'і*, *кут — у кут'і*, *н'іж — на нож'і*, *душа* — gen. sg. *душ'і*, *гр'іш* — nom. pl. *гро́ш'і*, *м'яч* — nom. pl. *м'яч'і*.

В небольшом числе русских говоров — в говорах с семифонемным ударным вокализмом — парные по твердости // мягкости согласные перед гласными переднего ряда не смягчаются или смягчаются не полностью. В этих говорах сохраняется противопоставление рефлексов *е, *ь (> [е]) и *ě (> [и̯е]), причем палатализация парных по твердости // мягкости согласных перед любым [и], в том числе в составе дифтонгов, сильнее, чем перед [е], где она незначительна или вовсе отсутствует. По отношению к этим говорам можно говорить об отвердении согласных перед *и* и *е*, однако имеется и другая точка зрения, согласно которой отсутствие смягчения согласных перед гласными переднего ряда является в этих говорах исконным [Касаткин 1999: 167–170].

Не имеет однозначной интерпретации твердость парных согласных перед ударным монофтонгом [и] на месте *ě в среднеполесских, некоторых брестских и белостокских (подлясских) говорах: [би́лий, ди́ло]. В настоящей работе предложено считать этот монофтонг отражением *і, с которым совпали рефлексы *ě: в этом случае твердость предшествующего согласного объясняется общеукраинским отвердением согласных перед монофтонгами переднего ряда *е и *і. Иначе, а именно аналогией с безударными рефлексами *ě и влиянием соседних говоров, где *ě > [і], объясняет появление среднеполесского [и] на месте *ě Т. В. Назарова [Назарова 1968].

0.3. *Замечания о материале.* Как известно, явления фонетики могут быть описаны с разной степенью детализации, которая определяется задачами описания, и это в большой степени относится к лингвистическим картам. Степень «огрубления» реальной картины звукового варьирования зависит от задачи карты, величины картографируемой территории, характера сетки, наконец, масштаба карты. Так, Т. В. Назарова, картографируя рефлексы *ě в полесских говорах, дает разную степень фонетической детализации на картах в АУМ I и II, обобщающей карте в АУМ III и карте 9 «Атласа Нижней Припяти». Карты национальных атласов обычно показывают фонетические явления достаточно обобщенно.

С другой стороны, используя лингвистические атласы в качестве источника по вопросам фонетики, приходится иметь дело с, мягко говоря, не всегда точными данными. Едва ли не в наибольшей степени это относится к гласным на месте этимологического *ě.

Причины неточности фонетических данных, полученных путем массового обследования говоров анкетным методом, очевидны, и главной среди них является объективная трудность определения качества звуков на месте *ě, на что часто указывается в литературе («Так, неуловим этот звук для специалистов, не говоря уже об обыкновенных наблюдателях!» [Карский 1955: 210], Н. Клих: «tyle moje niepravne ucho nie zdołało istoty tego dźwięku należycie ocenić» [там же: 209]. Ошибки собирателя в определении качества звука бывают связаны и с его восприятием диалектных

звуков «сквозь призму» своих собственных произносительных навыков и привычной ему фонемной и графической систем.

Многообразие зафиксированных в материалах к атласам вариантов произношения звуков на месте *ě отчасти объясняется привычкой даже квалифицированного собирателя доверять своему первому слуховому впечатлению и отражать его в транскрипции — привычкой, которая основывается на презумпции бесконечного варьирования звуков в речи и «невозможности дважды одинаково произнести одно слово».

Представленная в атласах картина рефлексов *ě является, тем самым, для отдельных территорий неточной, а для других и вовсе превратной. Так, за обозначением *е* на карте ДАРЯ в принципе может скрываться монофтонг среднего подъема [е], а также в результате ошибки собирателя — монофтонг верхне-среднего подъема [ẹ], дифтонг и дифтонгоиды типа *ɥе* и ряд других звуков. Поэтому главное место в комментарии к картам отводится сведениям о качестве звуков на месте *ě по описаниям фонетики диалектов и экспедиционным материалам, а также фонологическому статусу гласных на месте *ě.

1.0. Стандартные рефлексы *ě в срединной и конечной позициях. Стандартные рефлексы *ě показаны на карте 1, представляющей всю восточнославянскую территорию, и на «региональных» картах 2–6.

Стандартными рефлексами *ě являются неогубленные гласные переднего ряда верхнего – среднего подъемов. На карте 1 схематично показано распространение на восточнославянской территории четырех типов рефлексов *ě, как укр. [е], [іе]//[ẹ], [і], [и]. Одним знаком показаны дифтонги (основной, наряду с дифтонгоидами, тип рефлексов *ě в полесско-украинских, южнобелорусских говорах, а также, по-видимому, в южно- и среднерусских «шести- и «семифонемных» говорах) и монофтонг верхне-среднего подъема [ẹ] (основной тип рефлексов *ě в «шестифонемных» и некоторых «семифонемных» севернорусских говорах, а также — *е* любого происхождения во многих «пятифонемных» севернорусских говорах). Это существенно отличает карту 1 от карт 40–41 ДАРЯ I и 34 ДАБМ, на которых [ẹ] и [іе] показаны разными знаками.

На некоторых «региональных» картах 2–6 рефлексы *ě показаны более детально.

Ареалы различных стандартных рефлексов *ě показаны на карте 1 в позиции наименьшей обусловленности, а именно после зубных согласных (такое ограничение важно прежде всего для полесских говоров).

Различие рефлексов *ě, обусловленное твердостью // мягкостью последующего согласного, показано на карте 1 и «региональных» картах только в севернорусских говорах, где имеется распределение «*е*-образный звук перед твердым согласным — *и*-образный звук перед мягким согласным», например, [л'ес] — [в л'ис'и]. Автоматическое повышение подъема *е* (любого происхождения) до верхне-среднего в позиции перед мягким согласным, наблюдаемое во многих русских и белорусских говорах, на картах не обозначено.

На картах 1–6 показаны следующие конечные рефлексы *ě: (1) *и*-образные гласные в севернорусских говорах, независимо от их совпадения или несовпадения с рефлексами *ě в срединной позиции (карты 1, 6); (2) конечный [і] при других срединных рефлексах *ě ([іе] или [и]) в полесских говорах (карта 3); (3) конечный [ие́] при срединном [іе́] после губных согласных в полесских говорах: *бӷіе́лий*, *тобце́* (карта 5).

Карта 1 представляет собой очень обобщенную схему распространения на восточнославянской территории перечисленных рефлексов *ě. На ней в очень небольшой степени отражено их варьирование и совершенно не отражена их частотность (ср. карты 40, 41 ДАРЯ I, где частотность отражается, что существенно для севернорусских рефлексов *ě — см. об этом в разделе о рус. говорах).

Особенностью карты 1 является ее «исторический» характер: на ней показано одинаковое развитие *ě в отдаленных друг от друга восточнославянских диалектах, результаты которого впоследствии претерпели изменения (главным образом в украинском) и в настоящее время фонетически различны. Речь идет о «переходе *ě > *i*», результаты которого в восточноновгородских и среднеполесских говорах показаны на карте одним знаком: рус. [л'ис], полесск. [лис] 'лес'. Одним типом обозначений объединены полесские и южнобелорусские дифтонги с украинским [і], восходящим к дифтонгу типа *іе*, и с отличными от [е] *е*-образными гласными в русских и белорусских говорах: полесск. *л'іе́с*, рус., бел. *л'це́с*, рус., бел., укр.-полесск. *л'ẹс*, укр. лит. и диал. *л'іс*. В результате такого использования условных обозначений показаны сходства в развитии *ě между восточнославянскими диалектами без учета фонетических украинизмов (которые тем не менее специальным образом изображаются на карте).

1.1. УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК. В настоящей работе рассматриваются только рефлексы «старого» *ě (из *ē и дифтонгов *oi, *ei); проблематика, связанная с «новым» ě (из *е в новозакрытом слоге), почти не затрагивается.

При составлении украинской части карты 1 использованы карты 3 АУМ I и 3 АУМ II (рефлексы *ě под ударением после зубных согласных), карта 34 ДАБМ, карты 43, 44, 50, 76, 81, 82, 84 из [Атлас Белосточчины II] и материалы из [Климчук 1983]. На картах 2–4 показаны гласные на месте *ě после несмягчающихся согласных в полесских говорах; они составлены, помимо упомянутых, с использованием карт 7 АУМ I и 6 АУМ II (рефлексы *ě после *р*), 9, 10 АУМ I и 8, 9 АУМ II (рефлексы *ě после губных согласных и сочетаний *с*, *з* + губной). Карта 5 является воспроизведением, с некоторыми дополнениями, карты 9 «Атласа говоров Нижней Припяти» [Назарова 1985]; на ней показана территория, входящая в АУМ I и ДАБМ, и картографируется больше различных рефлексов *ě, чем в национальных атласах. Фонетическая характеристика полесских рефлексов *ě дается по работе [Назарова 1968], карпатоукраинских — по работе [Николаев 1995–96].

(1) Считается, что во всех украинских говорах современные рефлексы *ě развиваются из дифтонга *ie̯*. Архаичное состояние рефлексов *ě сохраняется прежде всего в восточнополесских говорах, где на месте *ě произносятся дифтонги типа *ie̯*, а также дифтонгический характер имеют рефлексы *ě в центральной части Среднего Полесья: здесь наряду с дифтонгами представлены дифтонгоиды. Ареал полесско-украинских дифтонгических и «узких» рефлексов *ě продолжается в белорусском Полесье, кроме брестско-пинских говоров, в Подлясье и на территории южнобелорусских говоров. Примеры полесских дифтонгов: *т'ie̯ло, д'ie̯ло, с'ie̯ла, р'ie̯чка, л'ie̯с, б'ie̯лий, в'ie̯ра.*

В большей части украинских говоров дифтонг *ie̯* развивается в монофтонг переднего ряда верхнего подъема [і], смягчающий предшествующий согласный: *т'ίло, д'ίло, с'ίла, р'ічка, л'ίс, б'ίлий, в'ίра.* В говорах такого типа имеется выраженный контраст [і] : [и] (последний из *i и *у, не смягчает предшествующего согласного, в укр. лит. языке описывается как звук верхнего подъема передне-среднего или среднего ряда, а в говорах, особенно западноукраинских, сдвинут в область среднего подъема переднего или передне-среднего ряда — [ə]).

В западной части среднеполесских и подобных им говорах предполагается ранний переход *ie̯ > i (u)* и совпадение рефлексов *ě с рефлексами *i: *ти́ло // тίло, ди́ло // дίло, ри́чка // річка, ли́с // лίс, би́лий // бίлий, ви́ра // вίра.* В говорах этого типа, как и вообще в полесско-украинских, совпавшие друг с другом рефлексы *i и *у после зубных имеют верхний подъем, передний или передне-передне-средний ряд и не смягчают предшествующий согласный (*ті* 'ты', *тίхо* 'тихо' // *ти, ти́хо*).

В говорах на севере и северо-востоке черниговского Полесья рефлексом *ě является монофтонг [е]: *т'éло, д'éло, с'éла, р'éчка // рjéчка, л'éс, б'éлий, в'éра.* По-видимому, нет оснований в этих говорах возводить его к «общеукраинскому» *ie̯*, скорее следует считать монофтонгичность *е* исконной. Неочевидно дифтонгическое происхождение севернополесского монофтонга [е] в говорах, находящихся преимущественно вдоль украинско-белорусской границы, где он сосуществует с дифтонгами и дифтонгоидами типа *ie̯*.

(2) *Качество полесских е-образных и дифтонгических гласных.* Имеющиеся источники обнаруживают значительные расхождения в определении качества гласных на месте *ě в полесских говорах. Эти расхождения, если дело касается атласов, объясняются прежде всего принятым подходом к картографированию материала. Так, в АУМ на всей территории Среднего и Восточного Полесья показаны дифтонги (*ie̯*), в северных говорах варьирующие с монофтонгами (*е*), а дифтонгоиды, встречающиеся главным образом в северных говорах Среднего Полесья, отводятся от картографирования.

В «Атласе Нижней Припяти» [Назарова 1985], см. карту 5 в настоящей работе, дана более детальная картина гласных на месте *ě: здесь показаны монофтонги *е*, *ę* в положении после зубных согласных (междуречье Припяти и Днепра, белорусско-полесские говоры), дифтонг *ie̯* (основной ареал — черниговское и Среднее Полесье (бассейн р. Уж). В полосе говоров непосредственно вдоль Припяти и у слияния ее с Днепром преобладает дифтонгоид [iᵉ] и небольшими ареалами представлен обратный ему дифтонгоид [ᶦe] [Назарова 1985, карта 9]. Эти звуки в целом соответствуют типам рефлексов *о и *е в новозакрытом слоге ([ie̯] — [y̯o̯], [iᵉ] — [yᵒ], [ᶦe] — [ʸo], [ę] — [o̯], ср. [Назарова 1985, карты 8, 9]); их изоглоссы также совпадают с изоглоссами ряда других явлений, что указывает на неслучайный характер картографированных Т. В. Назаровой звукотипов. В результате привлечения материала из комментариев к картам АУМ I и II и карт в [Назарова 1985] в Среднем Полесье обозначилась довольно большая зона произношения дифтонгоида [iᵉ] и несколько меньшая — дифтонгоида [ᶦe]. Наиболее крупный ареал полесских дифтонгоидов показан на карте 4. За его пределами [iᵉ] отмечен в пунктах 133, 136, 146, 150, 188, 229, 240, 241, 243, 244, 253, 275, 917 АУМ I, 63, 64, 75, 90, 95, 103, 212, 180, 182 АУМ

II. Дифтонгоид [ⁱe] отмечен в пунктах 12, 20, 51, 59, 62, 74, 84, 157, 917–920 АУМ I, 68, 78, 643 АУМ II.

В работе, посвященной вокализму правобережных полесских говоров, Т. В. Назарова указывает, что на месте **ě* и **e* в новозакрытом слоге под ударением выступают варианты фонемы[1] /i̯e/ как в правобережных, так и в левобережных полесских говорах; в безударном положении дифтонгу соответствует монофтонг [e]: *д'і̯éд — дедú, л'і̯éс — л(')есóк, каміéн'н'е — кáмен'*. Вариантами /i̯e/ являются нисходящий дифтонг [íe], восходящий дифтонг [ié], дифтонгоиды [iᵉ], [ⁱe] переднего ряда со смещением подъема от высокого к среднему. Звуки [íe], [ié] наблюдаются непоследовательно, преимущественно в центральной части правобережнополесского ареала. В территориальном распределении дифтонгоидов можно установить лишь самые общие, часто нарушаемые закономерности: в говорах, которые, по мнению Т. В. Назаровой, «подверглись белорусскому влиянию» (вдоль границы Белоруссии и Украины), заметнее дифтонгоид [ⁱe], ближе к южной окраине полесского ареала часто представлен дифтонгоид [iᵉ]. Тенденция к монофтонгизации дифтонгов наблюдается в юго-западных и западных говорах правобережного Полесья, где, в отличие от центральной части территории, ареалы вариантов /u̯o/ и /i̯e/ не всегда совпадают [Назарова 1968: 82–83].

В Лексическом атласе правобережного Полесья [Никончук 1994], карты 12 (*коліно*), 37 (*вітер*) и 97 (*орíх*), показана более обобщенная картина, по сравнению с АУМ: повсеместно в ареале полесских рефлексов **ě* Н. В. Никончук отмечает монофтонг верхне-среднего подъема [ê], за исключением северных пунктов вдоль границы Украины и Белоруссии и на территории Белоруссии, где им помещен монфтонг среднего подъема [e]. И лишь в нескольких вошедших в этот атлас пунктах черниговского Полесья отмечены дифтонги только в позиции после *р* (*ар'і̯éх*).

Сопоставляя изоглоссы рефлексов **ě* после зубных и *л*, показанные в разных источниках, можно заметить, что знак [ê] в атласе Н. В. Никончука соответствует [i̯e] или варьированию [i̯e] // [e] в АУМ, и [ê], реже [ie], на смежных территориях, картографированных в ДАБМ. Этому обозначению Н. В. Никончука соответствуют в Атласе Т. В. Назаровой и по некартографированным материалам АУМ дифтонгоид [ⁱe] — в междуречье Припяти и Днепра; южнее, между Припятью и Ужом, — дифтонгоид [iᵉ] и наконец между Ужом и Тетеревом — выраженные (но не «истинные» — по Л. В. Щербе) дифтонги.

Данные разных атласов согласуются с картиной территориального распределения «вариантов /i̯e/», обрисованной Т.В. Назаровой: среднеполесские говоры неоднородны в отношении качества звуков на месте **ě*, выраженная дифтонгичность их наблюдается в центральной части территории Среднего Полесья, менее выраженная дифтонгичность — в северной и южной. В АУМ все варианты среднеполесских дифтонгических гласных обобщены и обозначены как *i̯e*, в атласе Н. В. Никончука — как *ê*, причем он до некоторой степени проводит различие между среднеи восточнополесскими дифтонгическими гласными. Все источники как будто указывают на преобладание в левобережном (черниговском) Полесье выраженных дифтонгов на месте **ě*.

(3) *Качество і-образных звуков на месте *ě.* (а) За пределами полесского ареала на месте **ě* представлен монофтонг /i/, варианты которого по говорам практически не описаны. Исключение составляют работы С. Л. Николаева о вокализме покутско-буковинских, гуцульских и закарпатских говоров, приложения к которым представляют собой расшифровки магнитофонных записей ответов на «Краткую фонетическую программу» из нескольких карпатоукраинских говоров [Николаев 1995а; 1995б; 1996], и очерк фонетики говора с. Тóрунь Межгорского р-на в [Николаев, Толстая 2001]. В этих работах описаны тонкие фонетические особенности *і*-образных рефлексов **ě*, наблюдаемые в карпатоукраинских говорах.

В говоре Торуни рефлексом **ě* под ударением является напряженный гласный верхнего подъема переднего ряда, отличный от *і* из **e* в новозакрытом слоге. В безударном положении гласные на месте **ě* не являются напряженными, но фонетическое отличие их от рефлексов «нового ятя» сохраняется [Николаев, Толстая 2001: 7]. Напряженный [i] представлен также в закарпатских говорах: ужанских — сс. Новосéлица и Тýрья Пóляна Перечинского р-на (с редко встречающимся ненапряженным [i]), боржавских — сс. Брод и Черный Пóток Иршавского р-на, гуцульском говоре с. Яворóв Косовского р-на, «палеогалицком» — с. Лопухóв Тячевского р-на [Николаев 1995а: 110–111; 1996: 127].

Ненапряженный [i] на месте **ě* представлен в следующих говорах, обследованных карпатскими экспедициями под руководством С. Л. Николаева: верховинском — с. Скотáрское Воловецкого р-на, западнобойковском — с. Бúтля Турковского р-на Львовской обл.

[1] Под «вариантами фонемы» Т. В. Назарова понимает междиалектные соответствия.

(встречаются дифтонгоиды) [Николаев 1995а: 110–111], закарпатском мараморошском — с. Бороня́ва Хустского р-на [Николаев 1996: 127], «палеогуцульском» — с. Луг Раховского р-на [Николаев 1995б: 113–114].

По данным карпатских экспедиций, напряженные *i*-образные монофтонги на месте **ě* представлены главным образом в говорах Закарпатья.

Напряженный [î] и долгий [i:] на месте **ě* отмечаются и в восточноукраинских говорах. [î] – пункты 180, 218, 560, 568 АУМ I, [i:] – пункты 119, 316, 320 АУМ II.

(б) В Прикарпатье, в говорах покутско-буковинских и гуцульских, и в некоторых говорах Закарпатья на месте **ě* представлены дифтонгические гласные. Наиболее яркие дифтонгоиды имеются в буковинском говоре с. Бани́лов-Подго́рный Сторожинецкого р-на, где С. Л. Николаев в соответствии с **ě* выделяет фонему /i̯e̯/, представленную большим числом аллофонов, находящихся в отношении свободного варьирования, среди которых есть монофтонги, дифтонги и даже трифтонги [Николаев 1995а: 106–110]. В баниловском говоре, кроме того, наблюдается полное оглушение конечной фазы гласных верхнего подъема (из **ě* и из **e* в новозакрытых слогах) перед [с]: *л'i̯ехс* 'лес'. Подобные баниловским рефлексы **ě* имеются в покутском говоре с. Печене́жин Коломыйского р-на [Николаев 1995а: 116]. Менее явные дифтонгоиды и пониженные гласные верхнего подъема отмечаются в покутском говоре с. Тышко́вци Городенковского р-на, где на месте **ě* имеется фонема-дифтонг /i̯ɪ/ представленная континуумом звуков — дифтонгоидов и монофтонгов: напряженные [i̯i̯], [i̯ⁱ], [i̯], ненапряженые [i̯i], [i̯ⁱ], [i], «пониженные» [i̯ɪ], [i̯ᵻ], [ɪ] (перед мягкими и палатальными согласными, как правило, находятся напряженные аллофоны) [Николаев 1995: 101–103]. А также: в изолированном галицком говоре с. Пере́гинск Рожнятовского р-на, гуцульских — сс. Яблони́ца Надворнянского р-на и Черная Ти́са Раховского р-на, «палеоборжавском» — с. Ру́сская Мо́края Тячевского р-на, боржавском — с. Керецки́ Свалявского р-на, ужанском — с. Я́рок Ужгородского р-на, закарпатском гуцульском — с. Луги́ Раховского р-на [Николаев 1995а: 115–117; 1995б: 110–111].

Несомненным архаизмом является различение «старого» и «нового» ятя посредством напряженности, наблюдаемое в ряде карпатоукраинских говоров. Неоднородные гласные на месте «старого ятя» в покутско-буковинско-гуцульском ареале тем более могут трактоваться как сохранение архаического произношения (такое мнение высказано в [Николаев 1995а, б]. Однако ярко выраженная дифтонгичность присуща в этих говорах не только рефлексам **ě*, но и почти всем другим гласным (не слышна только у **a*). Поэтому она может быть обусловлена и особенностями артикуляционной базы этих говоров (падением напряженности к концу звучания гласного?).

(4) *Зависимость рефлексов *ě от качества предшествующего согласного.* Рефлексы **ě* в большинстве украинских говоров относятся к числу гласных, смягчающих предшествующий согласный, что связано с их дифтонгическим характером (начальной *i*-образной фазой) в прошлом или настоящем. Не смягчают предшествующий согласный только рефлексы **ě*, совпавшие с рефлексами **i*.

Однако украинские говоры различаются между собой в том, согласные каких классов смягчаются перед рефлексами **ě*. Так, в украинском лит. языке и большинстве говоров перед рефлексами **ě* смягчаются любые согласные, как парные, так и непарные по твердости // мягкости, а задненебные заменяются на мягкие свистящие по правилу II палатализации. Ср. на стыке основы и окончания: укр. лит. nom. sg. *дуб* – loc. sg. *дýб'i, л'ім – лóм'i, душá – душ'í, межá – меж'í, рукá – рук'i, ногá – нóз'і, мýха – мýс'i* (непарные по твердости // мягкости согласные); *косá – кос'í, берéза – берéз'i, горá – гор'í; хáта – хáт'i, водá – вод'í, сторонá – сторон'і, в'іл – вол'і* (парные по твердости // мягкости согласные). В украинском лит. языке палатализованные согласные перед [i] < **ě* рассматриваются как аллофоны соответствующих твердых фонем (так они должны трактоваться и в говорах). При этом губные и шипящие согласные звуки перед [i] < **ě* в лит. языке описываются как «полумягкие», свистящие и *р'* – как «палатализованные», смычные зубные и *л'* – как «палатальные» [Жовтобрюх, Молдован 2005: 510, 518].

В укр. полесских и некоторых других говорах последовательно смягчаются перед рефлексами **ě* только смычные зубные и *л*. Во многих полесских говорах в этой позиции не смягчаются губные, шипящие и *р*; в части полесских не смягчаются *ш, ж*; в некоторых карпатских и полесских говорах не смягчаются *с, з*.

Твердость // мягкость предшествующего согласного в некоторых говорах определяет ряд, дифтонгический // монофтонгический характер и даже подъем гласных на месте **ě*.

Изоглоссы твердых губных и *р* перед [i] и дифтонгами типа *i̯e̯* в основном проходят в пределах полесского ареала рефлексов **ě*, лишь слегка захватывая го-

воры с развитием *ě > [i]. Твердые губные в рассматриваемой позиции представлены главным образом в говорах Среднего Полесья и лишь спорадически — в Восточном, Западном и брестско-пинском Полесье; украинский ареал твердого *р* перед рефлексами *ě шире, однако он тоже сосредоточен в Среднем, брестско-пинском Полесье и северных черниговских говорах.

(а) Твердые губные и *р* перед дифтонгами и [i] < *ě в части говоров развивают эпентетический *й* либо другие мягкие согласные: *вйа́же*, *мйа́со*, *вйі́ра*, *мйі̯е́сто*, *рйе́же*, *рйі́чка*, *рйі̯е́чка*, *мн'і̯а́со*, *мн'і̯е́сто*, *мйе̯́сто* и под. Мягкий эпентетический согласный в некоторых говорах «поглощает» начальную фазу дифтонга. Как показывают карты 2–4, после *рй* находим [е] — *рйе́чка* АУМ I: 88, 90, 91 (при варьировании [іе] // [е] после зубных в тех же говорах), но также [іе] — *рйі̯е́чка* АУМ I: 96, 101 (при [іе] // [е] после зубных), [і] — *рйі́чка* АУМ I: 257, 316 (при [і] после зубных). После [бй] обычно имеется тот же рефлекс *ě, что и в позиции после зубных, т. е. для большей части полесского ареала рефлексов *ě это структуры типа *бйі̯е́лий*, однако в тех же говорах также отмечается *бйі́лий* (АУМ I: 32, 34, 38, 48, 54, 55), в северной части Полесья — *бйе́лий*, *смйех* (АУМ II: 650, 651), а за пределами полесского ареала рефлексов *ě — *бйі́лий* наряду с *бйі́лий* (АУМ I: 85, 205, 211).

Сочетание [мн'і] <*mě (*мн'і́сто*) отмечено в нескольких говорах, примыкающих с юго-запада к среднеполесскому ареалу, и в надсянских.

В Полесье зафиксировано *мйе̯́сто* АУМ I: 32; по-видимому, здесь имеет место ассимиляция эпентетического глайда (или *і*-образного начала дифтонга?) губному согласному, подобная ассимиляции по назальности, которая наблюдается в случае с *мн'е́сто*.

(б) В среднеполесских говорах широко представлены твердые губные и *р* перед гласными на месте *ě без эпентетического мягкого согласного: *бе́лий // бі̯е́лий // бі̯е́лий // бі́лий, рі̯е́же // рі́же*. В этом случае, согласно АУМ, часто имеет место сдвиг гласного в область передне-среднего ряда и/или утрата начальной фазы дифтонга на месте *ě.

Сочетания *rě в полесских говорах часто (чаще, чем сочетания *Bě, где *B* — губной согласный), дают результаты типа *рі́чка*, *рі̯е́чка*, т. е. сочетания твердый согласный + гласный непереднего ряда, причем *рі́чка* распространено несравненно шире (см. карты 2–4).

Бі́лий отмечено в Среднем Полесье в ареале дифтонгов на месте *ě (АУМ I: 34, 49, 55, 85, 88, 90, 241; АУМ II: 48, 50, 68, 70, 78, 80, 91, 93, 95, 145, 179, 186, 210, 211, 216, 629, 643) и в Восточном Полесье за пределами ареала полесских дифтонгов (АУМ I: 175, 180, 189); *бі̯е́лий* — АУМ I: 20, 27, 56, 77, 917, *бе́лий* — изредка в говорах с монофтонгом [е] в позиции после мягких зубных.

Таким образом, произношение твердых губных и [р] перед рефлексами *ě и монофтонгизация последних распространены прежде всего в житомирском Полесье и северной части полесских говоров; это может влиять на восприятие рефлексов *ě в говорах этих мест как узких монофтонгов, ср. [Никончук 1994].

(в) В тех полесских говорах, где губные и *р* смягчаются перед рефлексами *ě, после них, как правило, представлены те же гласные, что и после мягких зубных согласных. Исключение составляет лишь сочетание *б'е < *bě*, встречающееся шире, нежели *т'е*, *л'е* < *tě*, *lě*; оно отмечено даже в говорах с развитием *ě > *і*, см. карты 2–3.

(г) По АУМ II, в небольшом числе западноукраинских говоров сочетания *vě отражаются в [в'е] // [ви]: *зв'ер'*, *звир'*, *в'е́ра*, *ви́ра*, притом, что в остальных позициях *ě > [і] (надднестрянские и частично покутские говоры в пределах линии Ивано-Франковск — Калуш — Стрый — Дрогобыч, отдельные пункты на севере Тернопольской и востоке Хмельницкой обл., см. карту 4).

(д) В некоторых закарпатских говорах перед рефлексами *ě («старого» и «нового») не смягчаются зубные спиранты, после которых произносятся гласные, сдвинутые в передне-средний ряд: [*сы́но*], [*зы́л':а*], см. [Панькевич: 118–123]. Примеры того же см. в говорах сс. Брод, Черный Поток Иршавского р-на, Новоселица и Турья Поляна Перечинского р-на Закарпатской обл. [Николаев 1995а и б].

(5) *Говоры с совпадением рефлексов *ě и *і* (1) образуют небольшой ареал в Среднем Полесье в среднем течении рр. Горынь и Случь (Сарненский р-н Ровенской обл.) [АУМ II; Никончук 1994, карта 12], а также встречаются (2) в отдельных нас. пунктах брестско-пинского Полесья: в дд. *Гарадное* Столинского р-на и *Вулька Сіманаўская* Дрогичинского р-на, (3) в нескольких селах к северу от г. Каменца Брестской обл. (*Дзмітравічы*, *Камянюкі* и др.) [Климчук 1983: 93, 99], (4) в прилегающих к последним нескольких населенных пунктах в Подлясье (белостокские говоры) [Атлас Белосточчины II]; (5) в переселенческих белорусских говорах Вильнюсского р-на Литвы (дд. Айренай-2 и Гейсишкес-2, где с 1904 г. живут выходцы из Брестского повета) [Климчук 1983: 93].

Согласно АУМ II, в западных среднеполесских говорах Сарненского р-на Ровенской обл. на месте *ě

произносятся монофтонги *u*, *i* или «средние между ними звуки» (значительно реже — дифтонги типа *ụi*, *ụe*, которые сосуществуют с монофтонгами *u*, *i*). Перед срединными гласными на месте **ě* все парные по твердости // мягкости согласные произносятся твердо. По картам АУМ II на этой территории устанавливается совпадение гласных на месте **ě* с гласными из **i*, **y*, **e* и **o* в новозакрытом слоге, ср. *лúпа* 'липа', *лúко* 'лыко', *лúто* 'лето', *лид* 'лёд', *лиj* 'лой, нутряной жир'; *дим* 'дым' и 'дом', *дúкий* 'дикий', *дúло* 'дело'. В украинской диалектологии совпадение рефлексов указанных гласных трактуется как следствие монофтонгизации *ie* > *i* на месте **ě* и отвердения согласных перед гласным переднего ряда под влиянием безударных рефлексов **ě* в тех же говорах (см. обобщающую карту Т. В. Назаровой в [АУМ III, ч. 3] и [Назарова 1983: 86–89]). Однако в тех же говорах нет отвердения парных согласных перед дифтонгами с *i*-образным началом *ia*, *iy*, ср. противопоставление твердых и мягких согласных в парах *лад* : *л'áгу*, *сáду* : *с'áду*, *блýда* : *бл'ýда* [АУМ II, карты 3 и 41, 42]). Это означает, что для данного ареала следует предполагать раннее развитие **ě* в монофтонг [i] или [и], то есть совпадение **ě* с рефлексами **i* и их одинаковую судьбу в дальнейшем.

Те же рефлексы **ě* представлены в говоре переселенцев с Брестщины; в них, по Ф. Д. Климчуку, на месте **ě* произносятся гласные непереднего ряда: *ды́вчына*, *сы́но*, *зы́л'л'е*, *лы́то*, *хлы́б* [Климчук 1983: 93].

В брестско-пинских и белостокских говорах, расположенных к северо-западу от среднеполесского ареала, на месте **ě* представлены, согласно [Климчук 1983; Атлас Белосточчины II], гласные среднего ряда верхне-среднего подъема. В отличие от среднеполесских, в рассматриваемых брестско-пинских перед гласными на месте **ě* и **i* твердыми являются все согласные, кроме *л*: *бы́лый*, *пы́сня*, *ды́д*, *сы́но*, *зы́л'л'е*, но *л'ic* [Климчук 1983: 93]. Изоглосса [л'] перед **ě*, **e*, **ь*, **i* проходит в брестско-пинском Полесье значительно южнее изоглоссы мягкости других согласных в тех же позициях, см. [Климчук 1983: 99; Никончук 1994, карта 12].

К этим населенным пунктам по обе стороны границы Белоруссии и Польши примыкает с северо-запада ареал белостокских говоров, в которых перед рефлексами **ě* произносятся как твердые, так и мягкие зубные, а на месте **ě* представлены дифтонги *ụe*, *ie*. Этот ареал клином врезается в область дифтонгических рефлексов **o* и **e* в новозакрытых слогах, причем рефлексы **e* на этой территории, в отличие от рефлексов **ě*, последовательно смягчают предшествующий согласный. Можно поэтому предположить, что на территории этого клина дифтонгический характер **ě* и мягкость предшествующего согласного вторичны, а исконным рефлексом **ě* является сочетание твердого согласного с монофтонгом *i (и)*. Так же должно объясняться и сосуществование *i (и)* с дифтонгами *ụe*, *ie* в большей части говоров описанного среднеполесского ареала, где монофтонги *i (и)* в чистом виде представлены, согласно АУМ II, только в нас. пп. 46, 61, 72, 75, 77, 81, 83, 100, 101, 175, 223 (см. карту 3).

(б) *Особые конечные рефлексы *ě в полесских говорах*. Под ударением отличие конечных рефлексов **ě* от срединных имеется, по-видимому, только в полесских говорах. Оно отмечается АУМ в нескольких западных (преимущественно северо-западных) говорах Среднего Полесья. Системы «срединный [ie] — конечный [i]» (*т'ié́ло*, *л'ié́с*, *р'ié́чка* // *рúчка*, *б'ié́лий*, *в'ié́ра* — *ў гнез'д'í*, *на жен'í*) встретились в АУМ II 63, 64, 90, 93, 107, 179, 180, 204. Системы «срединный [и] — конечный [i]» — в АУМ II 46, 61 (*тúло*, *лис*, *рúчка*, *бúлий*, *вúра* — *у гнез'д'í*, *на жен'í*), см. карту 3.

В Среднем Полесье встречаются говоры, в которых срединные и конечные ударные рефлексы **ě* различаются после губных согласных наличием // отсутствием эпентетического *j*, ср. *вjié́ра*, *бjié́лиj*, *пjié́шк'i*, но *на вербцé́*, *тобцé́* [Назарова 1985, карта 28], см. карту 5.

Отметим, что в безударной позиции рефлексы конечного **ě* отличаются от срединных повсеместно в Полесье как [i] и [ie] соответственно, напр. loc. sg. *бед'ié́*, *стрел'ié́*, *стен'ié́* — *бáб'i*, *óсен'i*, *свáр'i*, *вóл'i* [Назарова 1964: 53–62].

1.2. БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК. Для составления карты 1 использована карта 34 ДАБМ. Фонетический комментарий к карте дается по работам [Карский 1955; Розвадовский 1901; Назарова 1968] и по материалам экспедиций.

На территории Белоруссии известны следующие типы рефлексов **ě*. 1) В полесско-украинских говорах брестско-пинского Полесья представлен [i] (*л'ic*, *д'íло*) — как перед твердыми, так и перед мягкими согласными. В отдельных говорах Брестской области и в Подлясье, как сказано выше, отмечен рефлекс **ě*, перешедшего в **i* (*л'ic*, *ды́ло*, *сы́но*).

Небольшой ареал [i] на границе с среднеполесскими говорами, показанный в ДАБМ, вероятно, следует интерпретировать как область распространения дифтонгоида [i^{e}].

2) Согласно ДАБМ и [Нарысы], в говорах белорусского Полесья, которые граничат с украинскими среднеполесскими, и в южнобелорусских говорах на месте *ě перед твердыми и мягкими согласными выступает узкий монофтонг [ę] или дифтонг [i̯ę]: *л'ęс, с'ęла // л'i̯ęс, с'i̯ęла.* Дифтонги отмечаются в ДАБМ реже, чем монофтонги, не образуют на указанной территории четких ареалов и обычно варьируют с [ę].

Территория распространения дифтонгов и узких гласных на месте *ě, *ō, *ē, обозначенная Е. Ф. Карским, совпадает с их изоглоссами по ДАБМ: она охватывает «почти полностью уезды: Бобруйский, Бельский, Белостокский, Волковыский, Гродненский, Игуменский, Лидский, Минский, Мозырский, Новогрудский, Пружанский, Речицкий, Слонимский, Слуцкий, Сокольский» [Карский 1955: 132]. Анализируя сведения о характере южнобелорусских дифтонгов, Е. Ф. Карский указывает, что для юго-западной и южной Белоруссии характерны сильноначальные (нисходящие) дифтонги и дифтонгоиды типа *i̯ę* (говоры Минской и Гродненской губ.). Здесь Е. Ф. Карский следует за Я. Розвадовским, по мнению которого выраженность конечной («открытой») фазы дифтонга зависит от консонантного окружения и от темпа речи. Дифтонги ясно слышатся лишь при медленном темпе речи, а при быстром имеется тенденция к утрате конечной фазы дифтонга и произношению узких монофтонгов типа *o̯, ę* [Розвадовский 1901: 213]. В юго-восточных говорах Белоруссии (восток и юго-восток Бобруйского уезда, Мозырский уезд) на месте *ě отмечается сильноконечный (восходящий) дифтонг [i̯e], но уже на востоке Бобруйского и Речицкого уездов расположены говоры с недифтонгическими *o, e* [Карский 1955: 207–211]. По моим наблюдениям над гомельским произношением, в положении перед твердым на месте *ě там имеется сильноконечный дифтонг с узкой конечной фазой: *л'i̯ęс, д'i̯ęла.*

Вероятно, вдоль границы с Украиной (с среднеполесскими говорами) распространены дифтонгоиды с длительной *е*-образной фазой, какие отмечены в северных правобережнополесских говорах Т. В. Назаровой (см. выше).

В южнобелорусских говорах, как и в полесско-украинских, [i̯ę] и [ę] под ударением произносятся не только на месте *ě перед твердыми и перед мягкими согласными, но и на месте *e перед мягкими в новозакрытом слоге («новый *ять*»). Рефлексы *ь под ударением в этих говорах отличаются от рефлексов *ě и *e как в открытых, так и в новозакрытых слогах (см. таблицу):

Рефлексы *ě, *e, *ь перед мягкими согласными под ударением в полесско-украинских и южнобелорусских говорах

	открытый слог	новозакрытый слог
*ě	[i̯ę], [ę]	[i̯ę], [ę]
*e	[ę]	[i̯ę], [ę]
*ь	–	[ę]

Примеры (южнобелорусск.): *ě: *с'i̯ęл'i // с'ęл'i, л'i̯ęн' // л'ęн'*; *e: *с'ęл'ицца, с'i̯ęм' // с'ęм'*; *ь: *д'з'ęн', дн'а.* Очевидно, это означает различение фонем /i̯ę/ и /ę/ в южнобелорусских и полесско-украинских говорах под ударением в открытых и новозакрытых слогах (при нейтрализации их в безударном положении).

3) Согласно ДАБМ, в средне- и севернобелорусских говорах на месте *ě представлен монофтонг [е] среднего подъема, как и в лит. белорусском. Этот гласный известен и в восточных белорусско-полесских говорах вблизи границы с Украиной, см. ДАБМ, карта 34.

Е. Ф. Карский указывает, что за пределами южнобелорусского ареала всюду в белорусских говорах *ě переходит в монофтонг *е*, совпадая с рефлексами *e и *ь. В этих пятифонемных белорусских системах /е/ после мягких согласных, по Е. Ф. Карскому, представлена следующими вариантами: 1) *е* переднего ряда, средний по раствору полости рта, закрытый, произносится перед мягкими согласными (*йел'и, д'з'ен', кам'ен'н'а*), 2) *е* переднего ряда, средний по раствору полости рта, открытый выступает на конце слова перед паузой (*мн'е, майе́*), 3) *е* переднего ряда, средненижний по раствору полости рта, открытый — перед твердым согласным, особенно перед задненебными и губными (*д'з'е̯ўка, ум'е̯рла, п'е̯кла* 'пе̯кло') [Карский: 37–38]. По моим наблюдениям над говорами Городокского р-на Витебской обл., *е* любого происхождения перед твердым согласным является гласным среднего – средне-нижнего подъема, слегка дифтонгизированным (nom. sg. *д'е̯ла* 'дело', 3 sg. *б'е̯р'ат'* 'берет', *т'е̯рп'ит'* 'терпит'.

Гласный *е* среднего – средне-нижнего подъема перед твердыми согласными характерен и для прилегающих к средне- и севернобелорусским русских говоров (их часто считают переходными русско-белорусскими): части смоленских и южнопсковских. В этих говорах [е] является рефлексом как *ě, так и *e, *ь перед твердыми согласными.

4) Звук [ę] верхне-среднего подъема между мягкими согласными на месте *ě (ср. приведенную выше

его характеристику, данную Е. Ф. Карским), представленный повсеместно в белорусском, на карте 1 не обозначен. [ę] под ударением между мягкими согласными в белорусских говорах и лит. языке имеется также на месте *е и *ь. Примеры (средне- и севернобелорусск.): *ě: *с'ęл'і, л'ęн'*; *е: *с'ęл'ицца, с'ęм'*; *ь: *д'з'ęн', дн'а*.

5) Как известно, «новый *ять*» средне- и севернобелорусским говорам не свойствен.

1.3. РУССКИЙ ЯЗЫК. Рефлексы *ě в русских говорах показаны на картах 1, 6. Карта 1 составлена с использованием карт 41 и 42 ДАРЯ I (рефлексы *ě под ударением перед твердыми и перед мягкими согласными соответственно), 20 и 62 ДАРЯ II, карт 16–21 [Атлас Восток], сводной карты [Бурова 1988]. Карта 6 показывает *и*-образные рефлексы *ě в северозападных русских говорах и является воспроизведением карты из [Букринская 1980].

На карте 1 представлены рефлексы *ě в срединной позиции перед твердыми, перед мягкими согласными и в конце слова. Основным отличием карты 1 от карт ДАРЯ и карты Е. Г. Буровой является то, что на первой 1) не отражена частотность разных гласных на месте *ě; на территории севернорусских говоров малочастотные звуки, например, единичные [и], [ę] перед твердыми согласными, не показаны совсем, и представление об их распространении можно составить только по картам ДАРЯ; 2) как на карте Е. Г. Буровой и в отличии от карт 40, 41 ДАРЯ I, на восточнославянской карте [ę] и [и̯е̯] < *ě показаны одним знаком.

Карты ДАРЯ, в особенности севернорусской территории, представляют очень пеструю картину рефлексов *ě, «руководством к чтению» которой может служить широко известная работа С. С. Высотского [Высотский 1967] и ряд более поздних работ, в первую очередь [Пауфошима 1983; Касаткин 1999]. Анализ распределения гласных на месте *ě в севернорусских диалектах проделан также в [Образование].

(1) В ДАРЯ картографированы четыре типа рефлексов *ě (после палатализованных согласных): [и], [ę], [и̯е̯], [е]. В комментариях к картам 40, 41 ДАРЯ отмечаются также дифтонг [е̯и̯] и дифтонгоиды [и^{е}] и [^{и}е].

(2) *Монофтонг* [е] среднего подъема, согласно ДАРЯ, имеет общерусское распространение: как регулярный, единственный рефлекс *ě перед твердыми согласными он показан в большей части южнорусских и во многих севернорусских говорах, а в качестве варианта наряду с другими звуками — практически во всех говорах русского языка. Перед мягкими согласными [е] на месте *ě также распространен почти повсеместно, в том числе в большинстве тех севернорусских говоров, где в этой позиции имеется [и] в качестве регулярного рефлекса *ě. За обозначением [е] в ДАРЯ, однако, скрываются разные фонетические сущности.

1) С. С. Высотский указывает, что при одинаковом фонемном составе говоров гласные области среднего подъема различаются в них характером протекания.

По С. С. Высотскому, в «пятифонемных» средне- и южнорусских говорах, как и в рус. лит. языке, гласные среднего подъема *е* и *о* являются дифтонгоидами с длительностью более высокой начальной фазы не более 20 % от общей длительности гласного. Ровный характер *е*, *о* отмечен им только в окрестностях Петербурга и на юге Курской обл., на границе с говорами укр. языка. Данные о значительной дифтонгоидности *е*, *о* получены также относительно «пятифонемных» севернорусских говоров, прилегающих к западной и центральной территории среднерусских говоров.

Для «пятифонемных» севернорусских говоров в целом характерна слабая дифтонгоидность *е*, *о*: она отмечается в говорах Заонежья, Ярославской, Вологодской, Вятской обл. и говорах Владимирско-Поволжской группы. «Необходимо подчеркнуть, — пишет С. С. Высотский, — что в материалах, отражающих фонетику говоров древнего русского заселения, ярко выраженного ровного начала *о*, *е* (при отсутствии фонем /ѡ/, /ѣ/) пока не обнаружено совсем» [Высотский 1967: 22–23].

2) По данным С. С. Высотского, севернорусским говорам, кроме владимирско-поволжских, свойственна общая напряженность артикуляции речи, сравнительно мало модифицируемая в слабых позициях слова и фразы и обычно сопровождаемая повышением подъема гласных. Напряженность как свойство отдельных видов ударенных гласных свойственна основному виду гласных монофтонгов, соответствующих фонемам /ѡ/ и /ѣ/, а также тем *o̧*, *ę*, которые представлены в пятифонемных системах вокализма многих севернорусских говоров (например, заонежских, северных ярославских и вологодско-вятских) [там же: 36–37]. Так, в олонецком говоре д. Пильмасозеро Пудожского р-на [ę] отмечен как на месте *ě (перед твердыми и перед мягкими согласными), так и на месте *е, *ь (перед мягкими) [Кузнецов 1949].

Однако верхне-средний подъем *o̧*, *ę* в пятифонемных севернорусских системах не всегда сопровождается напряженностью, например, в говорах северной час-

ти Ивановской обл. *ọ*, *ẹ* произносятся без заметной напряженности [Высотский 1967: 36–37].

3) В севернорусских говорах при переходе от шести- и семифонемного вокализма к пятифонемному обобщаются чаще всего дифтонгоиды или монофтонги верхне-среднего подъема. «Несомненно, — пишет С. С. Высотский, — что не различающиеся сейчас в вокализме ряда севернорусских говоров гласные в таких парах примеров, как *кọт*, *рọт*, *вẹк*, *вẹрх*, заняли место прежде противопоставленных по подъему пар гласных в соответствии с /ω/ и /o/, /ѣ/ и /e/» [там же: 25] (это имеет место в говорах, непосредственно прилегающих к ареалам шести- и семифонемных систем). Реже, как в отдельных вологодско-вятских говорах, Межевском р-не Костромской обл. и Солотчинском р-не Рязанской обл., в результате утраты семифонемного вокализма обобщаются монофтонги средне-нижнего подъема [там же].

4) С. С. Высотский отмечает специфическую дифтонгоидность *о*, *е* во владимирско-поволжских говорах, связанную с падением напряженности к концу звучания гласного в абсолютном конце слова, что приводит к изменению тембра гласного, утрате лиабиализации, а в южных говорах Владимирско-Поволжской группы — к заметному увеличению раствора челюстного угла: *давно*^{а}, *мне*^{а}. Реже встречается аналогичная деформация *у*: *могýо*, *могýа* [там же: 39].

5) Выделенные С. С. Высотским «физические разновидности основных составов гласных», показанные им в виде трапецоидов [там же: 71–81], позволяют сделать вывод о том, что гласный среднего подъема *е* является рефлексом **ě* (а также **е*, **ь*) только в пятифонемных системах вокализма, причем по говорам представлены, помимо «ровного *е*», дифтонгоиды типа [^{и}е], реже [е^{и}] (вятские говоры) и [е^{а}] (южные владимирские говоры). Все эти гласные обозначны как *е* в ДАРЯ. Очевидно, на картах ДАРЯ такое же обозначение получает средне-нижний [ę] (любого происхождения) в рязанских и вятских пятифонемных системах, по мнению С. С. Высотского, развившихся из семифонемных, а также [ę] в пятифонемных южнопсковских и витебских говорах. Отметим, что территорию распространения [ę] в восточнорусских говорах можно примерно представить по карте 42 ДАРЯ I (рефлексы **о*, **ь* под ударением) по ареалам произношения открытого *о* во всех позициях, — на основании имеющегося по крайней мере в части этих говоров параллелизма развития гласных среднего подъема. Можно думать, что как *е* в ДАРЯ иногда обозначен напряженный монофтонг верхне-среднего подъема [ẹ] в пятифонемных системах (т. е. на месте **ě*, **е*, **ь*), встречающийся в новгородских, олонецких, вологодско-вятских, поморских и части владимирско-поволжских говоров (по Ветлуге).

О различении рефлексов **ě* и рефлексов **е*, **ь* в пятифонемных системах с монофтонгом [е], восходящих к семи- и шестифонемным, посредством твердости // мягкости предшествующего согласного см. ниже в разделе о дифтонгах на месте **ě*.

(3) *Монофтонг* [ẹ] верхне-среднего подъема, обозначенный в ДАРЯ как «напряженный *е*» ([ê]), и *дифтонг* [и̯ẹ] на месте **ě* на большей части территории, картографированной в ДАРЯ, показаны как варианты (перед твердыми и перед мягкими согласными). Как известно, в ряде говоров русского языка эти гласные представлены только на месте **ě*, тогда как на месте **е* и **ь* произносятся звуки иного качества. Рефлексы **ě*, с одной стороны и неогубленные рефлексы **е* и **ь* — с другой могут быть противопоставлены как дифтонги — монофтонгам, дифтонги типа *и̯ẹ* — дифтонгам типа *ẹ̯и* и монофтонгам среднего подъема, монофтонги верхне-среднего подъема — монофтонгам среднего или средне-нижнего подъема. С фонологической точки зрения это означает противопоставление в говоре двух фонем /ẹ/ и /e/ (иначе обозначаются как /ѣ/ и /e/) и наличие четырехчленной системы ступеней подъема. Однако контрасту /ẹ/ : /e/ в русском свойственна определенная ущербность, связанная с тем, что реализации этих фонем имеют тенденцию не встречаться в одной позиции. Так, в подавляющем большинстве русских говоров /e/ перед твердыми согласными представлена в сравнительно небольшом количестве словоформ, что объясняется действовавшим в русском языке в определенный истоический период правилом «перехода» рефлексов **е*, **ь* в *о* перед твердыми. В севернорусских говорах в результате «перехода» рефлексов **ě* перед мягкими в *и* имеется обычно сравнительно небольшое число примеров с *е*-образными гласными в этой позиции. Например, в севернорусских говорах преобладающими типами аллофонов фонем /ẹ/ и /e/ являются следующие:

	перед твердым согласным	перед мягким согласным
/ẹ/	[ẹ] или [и̯ẹ]	редко [и̯ẹ] или [ẹ] (обычно /и/ < **ě*)
/e/	редко [е] или [е̯и] (обычно /о/ < **е*, **ь*)	[е], [ẹ] или [е̯и]

Таблица показывает, что противопоставление фонем /ę/ и /e/ может частично нейтрализоваться из-за наличия у них в говоре одинаковых вариантов (аналогичная картина — в полесских и южнобелорусских говорах, см. выше).

Различие рефлексов *ě и *e, *ь свойственно говорам с шестифонемным и семифонемным вокализмом (в последних различаются, по сравнению с «шестифонемными», еще и /o̧/ и /o/, ср. также другое их обозначение: /ω/ и /o/).

О «пятифонемных» севернорусских говорах с фонемой /e/, представленной напряженным [ę] < *ě, *e, *ь, сказано выше.

Ниже обсуждается территориальное распространение шестифонемных и семифонемных систем и проблема вариативности аллофонов, представляющих фонемы области среднего подъема.

1) Ареалы семифонемных систем устанавливаются достаточно надежно по картам 40, 41, 42 ДАРЯ I. Однако в ДАРЯ, очевидно, выявлены не все говоры с классическим «великорусским» [Зализняк 1985: 172–176] распределением двух фонем «типа *o*» (например, оно не отмечено в с. Пустоша Шатурского р-на, где противопоставление двух *o* и двух *e* обнаружено еще Д. В. Бубрихом [Бубрих 1914] и сохраняется до наших дней). Наличие «шестифонемных» русских говоров с различением двух фонем «типа *o*» и одной — «типа *e*» не подтверждается [Высотский 1967].

Как известно, русский говор с семифонемным вокализмом был впервые записан О. Броком в 1902 г. в Тотемском уезде от информантов из сс. Шуйского (д. Паньково) и Ихалицы [Брок 1907]. «Броковский» говор, как показали более поздние исследования, является частью довольно большого ареала семифонемных систем на юго-западе Вологодской обл., встречающихся и сегодня в районах Харовском — говоры Слободского и бывш. Картомского с/с [Пауфошима 1983; Касаткин 1999 (там же см. библиографию работ о харовском говоре)], Сямженском [Азарх 1967] (см. ссылки на описания этих говоров), Сокольском и Междуреченском — говоры бывш. Кожуховского с/с, к которому относилась и броковская Ихалица [Пауфошима 1983; Касаткин 1999], и окрестностей с. Шуйского [Брок 1907], и на юго-востоке Вожегодского р-на [Азарх 1967: 139]. По-видимому, близкие юго-западным вологодским семифонемные говоры встречаются южнее — в Любимском (и Пречистенском?) р-не Ярославской обл. и западнее — в Белозерье [Высотский 1967: 31; Азарх 1967]. Крупный ареал севернорусских «семифонемных» говоров, частично показанный в ДАРЯ, известен на территории Вятской (Даровской р-н и др.), Костромской (Межевской р-н) и Горьковской областей [Высотский 1967: 77–80] (см. характеристику этого ареала в [Азарх 1967: 139]). Семифонемные севернорусские говоры по происхождению естественно связывать с восточноновгородскими: как известно, на семифонемный состав вокализма указывает орфография ряда новгородских памятников XVI–XVII вв. (впервые установлено Л. Л. Васильевым [Васильев 1929], см. также [Зализняк 1985: 173–177; Стадникова 1989]). Современные «семифонемные» новгородские говоры не известны.

Средне- и южнорусские семифонемные системы предположительно имеют общий источник, на что как будто указывают изоглоссы их распространения, которые тянутся, начиная с крупного ареала в Мещере (с. Лека [Шахматов 1914; Гришкин 1916; Высотский 1949] (в последней работе описано распространение семифонемных систем в восточных среднерусских акающих и соседних с ними говорах), с. Пустоша [Бубрих 1914; Тер-Аванесова 2005]); через западные р-ны Рязанской обл. (с. Катагощи [Гецова 1959], с. Новосёлки [Тоньшин 1912]), по Дону и его притокам (задонский говор по [Тростянский 1916]) и оканчиваются довольно большими ареалами на юге Воронежской и Белгородской обл., упираясь в границу России и Украины и границу территории, картографированной в ДАРЯ. Говоры семифонемным вокализмом или его остатками обнаруживаются в Тульской и Орловской обл. [Будде 1903; Черных 1949]), имеется небольшой калужский ареал (говоры совр. Хвастовичского р-на [Дурново 1903; Пауфошима 1983]). «Особенное» произношение *o* и *e* в междуречье Оки и Клязьмы было известно еще В. И. Далю [Даль 1989: LXXVII].

«Семифонемным» говорам свойствен ряд общих черт: в первую очередь, противопоставление не менее четырех ступеней подъема и реализация фонем верхнесреднего подъема в виде дифтонгических гласных или монофтонгов верхне-среднего подъема. Другим важным признаком «семифонемных» говоров, по говорам сохранившимся с разной степенью последовательности, является несмягчение (или неполное смягчение) парных по твердости // мягкости согласных перед гласными переднего ряда. В этих говорах можно предполагать отвердение согласных перед гласными переднего ряда, аналогичное украинскому (но не тождественное ему); Л. Л. Касаткин считает твердость согласных перед гласными переднего ряда в семифонемных говорах исконной [Касаткин 1999: 167–170].

2) *Дифтонги* в семифонемных говорах отличаются от дифтонгоидов, встречающихся во многих говорах русского языка, большей длительностью повышенной фазы (не менее 40 % от общей длительности гласного — у дифтонгов, не более 20 % — у дифтонгоидов) [Высотский 1967: 30].

Дифтонги на месте фонем /ѡ/ и /ѣ/ в севернорусских говорах с точки зрения их структуры обладают теми же качествами, что и в остальных говорах русского языка, за исключением того, что в южнорусском наречии чаще встречаются примеры произношения дифтонгов с восходящей силой звука. Скольжение тембра встречается в максимально возможных пределах — от *у* до *о*, от *и* до *е*, а в южнорусских говорах — до *а*, с редуцированным оттенком звучания. Указанная шкала может осуществляться в неполном виде — от *o̯* до *о* и от *e̯* до *е*; по говорам возможно употребление какой-либо одной неполной шкалы скольжения. Так, образование дифтонгов в пределах *уо̯*, *иe̯* отмечено в говорах северо-западной части Кировской обл. [Высотский 1967: 26].

Сравнение структуры восходящих дифтонгов в вологодском харовском говоре (Мишутиха) и калужском (Бояновичи), проделанное Р. Ф. Касаткиной (Пауфошима), выявило следующее различие: «первая фаза дифтонга в севернорусском говоре, как правило, короче остальной части или примерно равна ей, а в южнорусском говоре первая фаза, как правило, длительнее остальной фазы дифтонга» [Пауфошима 1983: 25–27].

Что касается характера распределения силы звука, то дифтонги в русских говорах, по данным С. С. Высотского и других исследователей, не принадлежат к числу «истинных»: их силовая вершина расположена ближе к началу или к концу гласного. В говоре могут преобладать сильноначальные или сильноконечные дифтонги в зависимости от фразовых условий произнесения. «Истинные» дифтонги в русских диалектах не закреплены, а встречаются как случайное образование речи [Высотский 1967: 29]. При тенденции сильноначального произношения монофтонгов в ряде севернорусских говоров дифтонги имеют неустойчивую дугу силы при тенденции к восходящей силе (Любимский р-н Ярославской обл., Кирилловский р-н Вологодской обл., Слободской р-н Кировской обл., Межевской р-н Костромской обл.), а в отдельных говорах этих мест дифтонги являются исключительно сильноконечными. Сильноконечный характер дифтонгических гласных на месте /ѡ/, /ѣ/, по мнению С. С. Высотского, является наиболее архаичным, последовательно сохраняющимся в «семифонемных» говорах к востоку от Москвы и в Любимском р-не Ярославской обл. Образцовым в этом отношении С. С. Высотский считает говор Пустошей [там же: 31, 44].

3) *Варьирование звуков на месте *ě* в «семифонемных» говорах принято объяснять в первую очередь фразовыми условиями их произнесения. Последние должны учитываться и при определении основного вида фонемы: «Вероятно, указание на параллельное бытование в говоре с семью гласными фонемами пар дифтонгов *уо̯*, *иe̯* и пар монофтонгов *o̯*, *e̯* более соответствует реальному положению дел, чем категорическое утверждение, что говору свойственно употребление лишь какой-либо ограниченной комбинации в виде *уо̯*, *иe̯*, *o̯*, или *уо̯*, *o̯*, *e̯*, или *уо̯*, *иe̯*, *e̯* и так далее, — пишет С. С. Высотский. — Обычно можно констатировать, что дифтонги наиболее заметны только при растяжении слога, главным образом в сильных позициях слова во фразе. Если же это слово оказывается в слабом месте фразы, то слог не получает продления, и заместителем дифтонга будет соответственно *e̯* или *o̯*. Обычно это трактуется в качестве «факультативного» колебания в употреблении дифтонгов и монофтонгов, не изменяющего фонематической основы вокализма. Однако можно думать, что здесь образуется закономерная просодическая вариация фонемы (позиция которой остается «сильной») как функция определенных ритмико-интонационных условий фразы.

Для разных фонетических систем основным видом фонем /ѡ/ и /ѣ/ должен быть признан тот, который более стабилен в «средней» степени длительности и силы ударенного слога, без его чрезмерного продления. Поэтому для одних говоров это будет монофтонг, для других дифтонг. Однако замечено, что оценки диалектолога в этой области могут быть весьма относительны по точности» [Высотский 1967: 16–17]. Так, инструментальное исследование вариантов фонемы /ѣ/ в харовском говоре показало, что она «реализуется в сильных фразовых позициях в дифтонге [иe̯], который в свою очередь имеет широкий спектр тембральных градаций; в слабых фразовых позициях фонема реализуется в дифтонгоиде [ᵘe], тождественном тому, который произносится в литературном варианте русского языка» [Пауфошима 1983: 25].

В говорах с семифонемным (и шестифонемным?) вокализмом на месте **ě* перед твердыми согласными и на конце слова отмечаются звуки верхнего подъема: [и] или «пониженного» подъема [и̝] (напр., в говоре с. Кожухова [Касаткин 1999: 360] или Пустошей; ср. карту 40 ДАРЯ I). Появление звуков верхнего подъема в

говоре Пустошей определенно связано со слабой фразовой позицией: сильным сокращением в ней *е*-образной фазы дифтонгоида. В севернорусских говорах [и] на месте **ě* может объясняться повышением подъема *ę*, в свою очередь связанным с напряженностью гласного, как это имеет место в некоторых вятских говорах [Высотский 1967: 43].

4) *Вятские нисходящие дифтонги оу, еу* на месте фонем /o̯/ и /e̯/ обусловлены общей напряженностью речевой артикуляции. В вятских говорах повышение подъема в конце звучания имеется у репрезентантов всех гласных фонем среднего и верхне-среднего подъемов [Высотский 1967: 43].

5) *Различение рефлексов *ě – *е, *ь посредством мягкости // твердости предшествующего согласного* (*д'е́ла – ден', де́с'ит'*) имеет место в говорах, полностью перешедших от шести- // семифонемного вокализма к пятифонемному или находящихся на стадии разрушения исходных систем. Такое противопоставление возникает в результате того, что а) системы с несколькими «степенями палатализованности» согласных, как в Пустошах: I — «слабая» палатализованность перед [е], напр., *пе́рвый, де́нь, не́ба, Ле́на*, II — «средняя» палатализованность, или «полумягкость», перед [и] и на конце слова (прочие позиции для простоты не рассматриваются), напр., *с̣и́ла, с̣це́ла, с̣цо́лы, с̣ца́ду, фс̣цу́, дз̣це́ла, хл̣це́п*, III — факультативная «сильная» палатализованность, или «мягкость», *т, н, л* на конце слова, напр., *идʲи́тʲ', сольʲ, Ваньʲ* наряду с *идʲи́тʲ, сольʲ, Ваньʲ*, — развиваются в системы с двумя «степенями палатализованности» — «слабой» перед [е] и «сильной» в остальных позициях, напр., *ден', пе́рвый, не́ба* и *с'и́ла, с'це́ла, с'цо́лы, с'ца́ду, фс'цу́, ид'и́т', сол'*; б) происходит монофтонгизация дифтонгов [иу, ие, ио, иа] > [у, е, о, а], т. е. *фс'цу́ > фс'у, с'це́ла > с'е́ла, с'цо́лы > с'о́лы, с'ца́ду > с'а́ду.* Большинство говоров, где фиксируется различие рефлексов **тě* и **те, *ть* в виде *т'е* : *те*, все же совмещают черты показанных выше стадий развития а) и б), как это наблюдается в говорах с. Лека [Высотский 1947], д. Липовка Пичаевского р-на Тамбовской обл. или говорах Хвастовичского р-на Калужской обл. [Касаткин 1999: 392–397]. По-видимому, подобная система отмечена Е. Ф. Будде в орловских и тульских говорах, с нейтрализацией противопоставления рефлексов **ě* и *е*, **ь* в положении перед мягким согласным [Будде 1902].

6) По С. С. Высотскому, шестифонемные системы с противопоставлением фонем /e̯/ верхне-среднего подъема : /е/ среднего подъема (на месте **ě* и **е*, **ь* соответственно) представлены во всех группах севернорусского наречия, в меньшей мере — во Владимирско-Поволжской и Западной. Шестифонемные системы встречаются и как результат деградации семифонемных севернорусских систем [Высотский 1967: 72–76]. Так, в разрушенном виде шестифонемная система ударного вокализма с монофтонгом /e̯/ наблюдается в говорах Заонежья (см. ниже ее краткую характеристику). Она зафиксирована в южном и восточном Обонежье (с. Семеновское на р. Водле [Аванесов 1949], с. Мегра́ Вытегорского р-на по моим наблюдениям), на востоке Вологодской обл. (напр., Пе́рмас Никольского р-на [Орлова 1949], Костромской (напр., Большая Чёмжа Кологривского р-на [Калнынь 2005]).

Отделить севернорусские пятифонемные системы от шестифонемных, опираясь на ДАРЯ, крайне трудно. Так, звук [ę] на месте **ě* перед твердыми и мягкими согласными, не варьирующийся с [ие] и отмеченный в севернорусских говорах: в восточноновгородских и тверских к югу от ладого-тихвинских в пределах линии Вышний Волочек — Валдай — Новгород — Тихвин — Устюжна — Бежецк, в белозерских, костромских и части вологодских, — очевидно, во многих из них не отражает особую «шестую» фонему. Звук [ę] и даже [и] отмечается в говорах этих территорий и на месте **е*, **ь* перед мягкими согласными (а перед твердыми неогубленные гласные на месте **е*, **ь*, как известно, весьма редки, и эта позиция рефлексов **е*, **ь* в ДАРЯ не показана). Следующие примеры из ДАРЯ, содержащие рефлексы **ě*, **е*, **ь* под ударением, по-видимому, отражают типичную для этих говоров ситуацию: *л'ęс, м'ęсто, д'ęло, д'це́ло* (редко), *д'и́ло* (очень редко), *вм'ис'т'и, п'ил'и, вм'ęс'т'и, п'ęл'и, д'ин', д'ис'ет', д'ęн', д'ęс'ет'*; наряду с этими примерами в тех же говорах в ДАРЯ отмечены *л'ес, м'есто, д'ело, вм'ес'т'и, п'ел'и, д'ен', д'ес'ет'*. Звук [ę] в таких говорах является обычным представителем *е* любого происхождения во всех позициях, а перед мягкими согласными, кроме того, часто представлен [и], в первую очередь на месте **ě*.

7) На месте **ě* перед мягкими согласными звуки [ę] [ие] отмечаются в говорах тех же территорий, где и [ę], [ие] перед твердым согласным, однако в северовосточных говорах ареалы этих гласных перед мягкими меньше, чем перед твердыми, за счет распространения [и] в этой позиции. Как сказано выше, в положении между мягкими согласными противопоставление гласных на месте **ě* и **е*, **ь* может быть нейтрализовано (совпадают в звуке [ę] в южнорусских говорах, в [ę] или [и] в севернорусских).

(4) *И-образные рефлексы* *ě распространены преимущественно в севернорусских говорах, причем на большей части этой территории они отмечены наряду с [е], [ę], [иę].

1) За обозначением [и] в ДАРЯ, очевидно, иногда скрывается верхне-верхне-средний [ı], фактически — напряженный узкий *е*. Такой звук отмечен в Заонежье перед твердыми, мягкими согласными и на конце слова (во всех позициях варьирует с [ę], а в конечной и перед мягкими — также с [и]), говоры которого в целом отличает очень напряженная артикуляция гласных [Высотский 1967: 37]. В говорах по южному берегу Ильменя (Ретлё, Пустошь Старорусского р-на и др.) и к юго-западу от него (Вы́бити и особенно Свино́рт на Шелони, Солецкий р-н) звук [ı] является регулярным рефлексом **ě* на конце слова, при срединных [ę] в говоре Свинорта и приильменских и [е] в Выбитях. «Пониженный» *и* встречается и в севернорусских «семифонемных» говорах [Касаткин 1999], см. выше.

Весьма возможно, что единичные случаи [и] из **ě* перед твердыми согласными, которые ДАРЯ показывает в севернорусских говорах, на деле отражают очень узкий напряженный *е* ([ı]).

2) Изоглоссы [и] на месте **ě* в разных позициях лишь отчасти совпадают друг с другом. Без учета реально встречающегося в современных говорах варьирования *е*//*и*, по ДАРЯ выделяются следующие системы распределения *и*-образных и *е*-образных гласных на месте **ě*:

	перед твердым согл.	перед мягким согл.	на конце слова
1) «онежская»	и (*л'ис*)	и (*в л'и́с'и*)	и (*на стол'и́*)
2) «смешанная»	е (*л'ес*)	и (*в л'и́с'и*)	и (*на стол'и́*)
3) «сев.-восточная»	е (*л'ес*)	и (*в л'и́с'и*)	е (*на стол'е́*)
4) «шелонская»	е (*л'ес*)	е (*в л'е́с'и*)	и (*на стол'и́*)

3) Система с фронтальным переходом **ě* > [и] — «онежская» — устанавливается по совмещению изоглосс перехода **ě* > [и] перед твердыми и мягкими согласными, на конце слов (в форме loc. sg. существительных *о*-склонения, dat.-loc. личных и возвратного местоимений *мне*, *тебе*, *себе*, nom.-acc. f. числительного *две* и в наречии *где*).

Основной ареал «онежской» системы хорошо известен: это восточноновгородские говоры Ладого-Тихвинской группы; на северо-западе отдельными «пятнами» она встречается к северу от Ильменя, по Мсте в районе Торжка — Вышнего Волочка, в южном и юго-восточном Прионежье и западном Белозерье (см. карту 5). Еще в первой половине XX века в новгородских и ладого-тихвинских говорах произношение [и] на месте **ě* безусловно преобладало, а [е] в этой позиции, обусловленное влиянием стандартного языка, отмечалось минимально, см. тексты в хрестоматиях [Дурново, Ушаков 1910: 46], [Гринкова, Чагишева 1957: 63 (Волховский р-н), 59–60 (Тихвин), 68 (Куты, Новгородский р-н)], [Курашкевич 1957: 89] (текст 4 — Волховский р-н, текст 5 — д. Ям, Новгородский р-н), [Пожарицкая 1997: 136–140]. Материалы ДАРЯ (40–50-е гг. XX века) почти сплошь отражают на этой территории варьирование [и] // [е]. Современное состояние этих говоров мне не известно.

На северо-востоке (здесь величина ареалов, показанных в ДАРЯ, обманчива из-за разреженной сетки нас. пунктов), установить системы такого типа по ДАРЯ крайне трудно, а их описаний не встретилось. Очевидно, среди северо-восточных говоров, где ДАРЯ показывает [и] на месте **ě* во всех позициях «в неединичных случаях», «онежская» система представлена в «пятифонемных» говорах, где нет варьирования [и] с [ę] или [иę] на месте **ě*. Тем самым, восточноновгородскими типа ладого-тихвинских по характеру рефлексов **ě* предположительно являются лишь отдельные каргопольские говоры, говоры в верховьях и среднем течении Ваги и отдельные восточные вологодские говоры на Сухоне и ее притоках. Все эти редкие говоры расположены в северной части северо-восточной диалектной зоны.

Звук [и] (и *и* «пониженного» подъема) на месте **ě* во всех позициях последовательно отмечается в «семифонемных» вологодских и вятских говорах. Однако перед твердыми согласными (точнее, перед исконно твердыми не в позиции вторичного смягчения) и на конце слова в этих говорах чаще выступает фонема

/ę/, представленная монофтонгом [ę] или дифтонгом [иę], и лишь перед согласными, стоящими в позиции вторичного смягчения, последовательно представлен [и]: *л'ęс // л'цęс // л'ис, на стол'ę́ // на стол'цę́ // на стол'и́, в л'и́с'и.* Следует отметить, что подавляющее большинство северо-восточных говоров, в которых [и] на месте **ě* достаточно часто встречается во всех трех позициях, являются «семифонемными».

В значительной части говоров северо-восточной территории (в пяти- и шестифонемных системах) звук [и] на месте **ě* зафиксирован перед твердым согласным в единичных случаях, при обычных *е*-образных звуках перед твердыми согласными и на конце слова и [и] — перед мягкими согласными (см. карту 41 ДАРЯ I; на карте 1 единичные случаи [и] < **ě* перед твердыми не показаны). Имеются подобные северо-восточные системы и с «неединичным» [и] перед твердым согласным. За пределами картографированной в ДАРЯ территории [и] перед твердым отмечен в вятских говорах (продолжение ареала, показанного в ДАРЯ) и в отдельных олонецких (ср. ниже данные говоров Заонежья), а в поморских говорах Архангельской области не фиксируется. Можно предположить, что северо-восточные говоры с [и] на месте **ě* перед твердыми согласными являются смешанными; восточноновгородские в своей основе, они позже подверглись влиянию восточнорусских говоров. Вместе с тем вероятно и «фонетическое» объяснение появления «редкого» [и] перед твердыми согласными в севернорусских говорах (пяти- — семифонемных) вследствие окказионального повышения подъема напряженного монофтонга *ę* (или же *ę* так трактуется собирателями).

Единичные примеры с [и] на месте **ě* перед твердыми и мягкими согласными при преобладании в этих позициях *е*-образных звуков и при [е] на конце (в меньшем числе говоров [и]) представлены в бежецких говорах в пределах линии Кашин — Бежецк — Весьегонск — Устюжна — Боровичи, напр., *л'ес // л'ис, в л'éс'е // в л'и́с'и, на стол'é.* «Бежецкие» системы, тем самым, совмещают признаки «восточных» и «онежских».

4) Хорошо известен большой северовосточнорусский ареал [и] на месте **ě* перед мягкими согласными. Западная часть его совпадает с ареалом описанных выше ладого-тихвинских говоров. Кроме большого северо-восточного, есть несколько малых ареалов этого явления: «тверской» и «муромский» являются среди них самыми крупными. В говорах, где фиксируется **ě* > [и] перед мягкими, почти сплошь в этой позиции представлены также *е*-образные звуки, и лишь в отдельных вологодских и белозерско-бежецких говорах [и] является единственно зафиксированным рефлексом **ě* перед мягкими.

В пределах изоглоссы «перехода **ě* > [и] перед мягкими согласными» распространены: а) «онежские» (ладого-тихвинские) системы (*л'ис, в л'и́с'и, на стол'и́*);

б) описанные выше ареалы семифонемных и шестифонемных систем (*лицéс // л'ęс // ли́с, в ли́се, на столцé // на столé // на столи́*);

в) (пяти- или шестифонемные?) системы с *е*-образными звуками перед твердыми согласными и на конце слова, которые можно назвать «северо-восточными» (*л'ес, в л'и́с'е, на стол'é*); для части «северо-восточных», преимущественно вологодских, систем рефлексации **ě* характерны единичные, значительно реже — «неединичные», примеры [и] на месте **ě* перед твердыми согласными (*л'ис*); данный тип систем является в северо-восточных говорах преобладающим;

г) вкрапления систем с переходом **ě* > [и] перед мягкими и на конце слова при *е*-образных звуках перед твердыми (*л'ес, в л'и́с'и, на стол'и́*); вероятно, эти системы свойственны говорам западноновгородского типа (см. ниже), подвергшимся северо-восточному влиянию.

Таким образом, «переход **ě* > [и] перед мягкими согласными» охватил на северо-востоке территории русского языка несколько типов говоров, восходящих к диалектам переселенцев с различных территорий Новгородской земли и восточнорусских земель.

5) Говоры с переходом **ě* > [и] на конце слова при *е*-образных звуках в срединной позиции (*л'ес, в л'éс'и, на стол'и́*) распространены в нижнем течении Луги и к северу от Ильменя, по Шелони и практически не заходят восточнее Ловати и южнее г. Холм. Подобные системы рефлексов **ě* представлены также в бежецких говорах (см. выше), говорах в верховьях Волги и окрестностях Селигера. Напоминающие их «смешанные» с северо-восточными системы встречаются в вологодских говорах (см. выше).

К этим западноновгородским («шелонским») системам близки системы рефлексов **ě*, характерные для гдовских и севернопсковских говоров, где [и] на месте **ě* фиксируется фактически только в окончании loc. sg. существительных м. и ср. рода (*на стол'и́, в окн'и́*), тогда как в dat.-loc. личных местоимений, наречии *где* и числительном *две* обычно отмечается [е] (*т'еб'é, мн'е, с'еб'é, гд'é, д'в'е*, изредка также *т'еб'и́, мн'и́, с'еб'и́, гд'и, д'в'и*). На основании хоть и редко, но все же отмечаемого в говорах конечного *и* не в фор-

мах loc. sg. *о*-склонения предпочтительным кажется «фонетическое», а не «морфологическое», как предлагает И. А. Букринская [1983], объяснение гдовского конечного [и] на месте **ѣ*.

(5) Ниже дана краткая характеристика рефлексов **ѣ в говорах Заонежья*. Эти говоры замечательны, с одной стороны, сохранением следов «онежской» (ладого-тихвинской») системы рефлексов **ѣ*, по всей видимости, позже «перекрытой» западноновгородской «шелонской» системой в результате влияния говоров восточного побережья Онежского озера.

Так, стандартным для говоров является пятифонемный состав вокализма: /и/, /у/, /ę/, /ǫ/, /а/. Выделяются также «редкие» фонемы /ı/, /е/. В целом для говоров характерны напряженность и узкий раствор гласных под ударением.

Наиболее частотным рефлексом **ѣ*, **е*, **ь* перед твердыми и перед мягкими согласными является [ę]. На конце слов [ę] и *и*-образные гласные на месте **ѣ* представлены примерно в равных количествах, однако в архаичном слое говора преобладает *и*. Имеются единичные примеры огубленных гласных на месте **ѣ: б'ес'о́да, заон'о́шс'кий*.

В архаичной разновидности говоров на месте **ѣ* наряду с [ę] встречается [ı], чуть ниже [и] по подъему. Этот звук, представляющий «редкую» фонему /ı/, встречатся только на месте **ѣ* перед твердыми, перед мягкими согласными и на конце слов (*хл'ıп, д'ĺат'*; *с'ĺл'и, с'ĺн'и; ф котл'ĺ, д'в'ı, гд'ı*). Однако в толвуйском и шуньгском заонежских говорах, в отличие от кижского, звук [ı] на месте **ѣ* перед твердыми согласными крайне редок. Между мягкими согласными и на конце слов на месте **ѣ* произносится [и] наряду с [ı].

По нашим данным, [ę] перед мягкими согласными на месте **ѣ* представлено примерно в 4/5 случаев, остальные приходятся на *и*-образные гласные; *и*-образные гласные перед твердыми согласными встречаются еще реже. Однако по ДАРЯ говоры Обонежья относятся к зоне, где «переход **ѣ* > [и]» между мягкими регулярен, что следует также из описания В. В. Колесова по записям 1964–65 гг. [Колесов 1975: 54–55]. Наши данные отражают, по-видимому, утрату результатов этого изменения под влиянием лит. языка. О том, что «переход **ѣ* > [и]» под ударением между мягкими был ранее свойствен заонежским говорам, свидетельствует фонетика слов со специальными значениями и терминов, частью устаревших, сохраняющих в данной позиции [и] ~ [ı], которые никогда не варьируют с [ę], например, *к'и́фц'а* 'шпулька в ткацком челноке', *р'и́пн'ик* 'пирог с начинкой из репы', *хл'и́б'ины* 'угощение пирогами в доме невесты на следующий день после свадьбы', *с'и́н'и* 'сени, коридор'.

Фонема /е/ выступает непоследовательно на месте **е*, **ь*.

С другой стороны, в говорах Заонежья в отдельных словах сохраняются гласные нижнего подъема на месте **ѣ* и **ь*, которые находят объяснение как черта крайних западных диалектов Новгородской земли, занесенная в заонежские говоры какой-то волной новгородских переселенцев. Например: *т'а́ста* 'традиционное кушанье: ржаная или овсянная мука, заваренная кипятком и оставленная на несколько часов в теплом месте', *т'а́с'т'ен'н'ик* 'тот, кто любит есть *тясто*' (прозвище жителей Заонежья); *д'а́т'ишка* 'детеныш дикого животного' [Куликовский], *ч'арф* 'гусеница, червячок' [Ардентов 1957: 80], *ч'а́рвушк'и* 'гусенички', 'пестрый рисунок набивного ситца'. Ср. также перед /л/: *пр'ид'а́лоц'ка, роскв'а́ў, уц'ел'а́ў* [Колесов 1975: 55]. Вероятность сохранения в приведенных словах архаической «огласовки», по-видимому, следует из характера их значений: всё это, за исключением «позиционно обусловленных» примеров В. В. Колесова, — слова со специальными значениями, и притом сугубо местного употебления.

2. Гласные нижнего подъема на месте **ѣ* в настоящей работе не картографированы, поскольку они отмечаются в говорах редко и во многих примерах могут быть объяснены аналогическим выравниванием фонемного состава корня или суффикса (например, *а* в суффиксе *-айе* сравнительной степени прилагательных и наречий в севернорусских говорах: *громц'а́е, нужн'а́е* и *нужн'а́*; *а* в корне форм прош. времени *с'а́ла* 'села' — по аналогии с огласовкой корня в презенсе и др.). Подборку примеров с *а* на месте **ѣ* в северо-западных говорах см. в [Николаев 1988], обширный список примеров из русских говоров и их анализ см. в [Касаткина 2001].

3. Огубленные гласные в корнях на месте **ѣ* показаны на карте 7, составленной с использованием следующих источников: карты 231 ДАБМ «Назвы будынка для авечак»; 316 ДАБМ «Пашырэнне слоў *спяваць, пець, пяяць*»; 5 АУМ I «Рефлекси наголошеного **ѣ* (*хлів*)»; 16 АУМ I «*Співати*»; 280 АУМ II «Будивля для свійських тварин»; 10 «Рефлекси **ѣ* в структурах *хлів, дівка, півень*» и 46 «*Співати* (словотвірчі варіанти)» [Назарова 1985]; комментария к карте 3 АУМ I.

На карте 7 не находят отражения случаи появления огубленных гласных на месте **ѣ* по аналогии (формы pl. *гнёзда, звёзды, вёдра*, формы прош. времени *сёк, бёг*, южнорусские формы презенса *цо́дить, цо́пить*,

широко распространенное южнорусск. *цоп* ‘цеп, орудие ручной молотьбы’), а также огубленные гласные в корнях, обнаруживающих по говорам варианты с **ě* или с **e* (корни с *о* следует интерпретировать как содержащие рефлексы **e*): *тел'óга* (например, лачские говоры), *бес'óда* (севернорусские и белорусские волковыйские говоры), *хр'он / хрон* (среднеполесские, волынские и северозападнорусские говоры).

От картографирования отведены корни с чередованием нулевой ступени и ступени *о*, в следующих примерах, очевидно, имеющие нулевую ступень корня:

1) ю.-русск. *с'в'óтл'ен'к'и* ДАРЯ Юг 614 (ср. др.-русск. **свѣтьлъ**, **свьтѣти**);

2) псковск. *кв'от* [ОЛА1988, карта 57] (ср. др.-русск. **цвѣтъ**, **цвьтж**, **цвьтєть**);

3) бел. туровск. *лёпкий* ‘липкий’, возможно, *лёпа* ‘толстая, неуклюжая женщина’ [Тураўски слоўнік, 2: 29], слуцк. *гаршкал'ён* [Карский 1955: 211] (ср. ст.-сл. **лѣпити**, **льпнжти**, аор. **прильпє**);

4) бел. слуцк. praet. *асл'óл* [Карский 1955: 211] (ст.-сл. **слѣпьи**, **осльпнжти**, **ослъплъ**).

На карте показаны огубленные гласные (ударные и безударные) в корнях перед **v*. Территория их распространения в основном совпадает с территорией огубленных гласных на месте **o* и **e* в новозакрытом слоге, а именно, это 1) средне- и восточнополесские украинские говоры, граничащие с ними южнобелорусские говоры; 2) закарпатские боржавские и мараморошские говоры (в ужанских говорах этого явления нет). Изредка такие примеры фиксируются и в южнорусских говорах. На месте **ě* в них произносятся те же звуки, что и на месте **e* в новозакрытом слоге, однако гласные на месте **ě*, в отличие от **o* и **e*, сохраняют свое качество в открытых и безударных слогах.

Огубленные гласные на месте **ě* перед *в* известны в корнях следующих слов:

1) **xlěvъ*: nom. sg. *хл'оў* ДАБМ 798, [Назарова 1985, карта 10: 30, 31, 33, 57, 61–66, 76, 93, 94, 96], АУМ I: 20, 46, loc. sg. *у адны́м хл'ов'é* ДАБМ: 795; nom. sg. *хл'уў* АУМ I: 75, 78, 172, 188, 189, АУМ II: 649, [Назарова 1985, карта 10: 91, 92, 113, 114]; nom. sg. *кл'уўча́* АУМ II: 413; *хл'ӯ́ў* АУМ I: 75, 82, 46, 47, 920 [Назарова 1985, карта 10: 76, 79, 92, 95, 97, 113, 114]; *хл'ӯ́ў* АУМ I: 103, 109, 110, 134, 162, *хл'ӯ́ў* АУМ I: 162; *хл'і̯е̯ў* АУМ I: 50 (полесский ареал); боржавск. *xl'üw*, gen. *xl'üwá*, instr. *za xl'üwóm*, nom. pl. *xl'üwы́* (Брод, Черный Поток Иршавского р-на Закарпатской обл.); огубленный гласный также представлен в этом корне в мараморошском говоре Боронявы [Николаев 1996: 127] (закарпатский ареал);

2) **děvъka*: *д'óўка* АУМ I: 920; бел. *дзёўчынёха* [Лексічны атлас 3, карта 173: 23]; *д'óўка*, *д'ӯ́ўка* [Назарова 1985, карта 10: 27, 28, 57–59, 62–66, 76, 88, 92–97, 114, 115] (полесский ареал); боржавск. *d'ü̆ka*, gen. pl. *d'üwók* (Брод, Черный Поток), огубленный гласный в говоре Боронявы [Николаев 1996: 127] (закарпатский ареал);

3) **pěvьnjь: njóвен'*, *njӯ́вен'* [Назарова 1985, карта 10: 114, 115] (полесский ареал);

4) *sъpěvati*: *с'п'ова́т'и* ДАБМ 722; *спова́т'*, *спова́је* (с отвердением предшествующего согласного) [Назарова 1985, карта 46: 23, 38, 39, 41, 42, 44, 69, 99, 101, 102, 103, 104, 119, 121] (полесский ареал); боржавск. *sp'üwáty*, *sp'ü̆vanka* (Брод, Черный Поток) [Николаев 1996: 127] (закарпатский ареал). Отметим, что полесский ареал произношения огубленного гласного в последнем слове не совпадает с ареалом огубленных гласных в корнях трех предыдущих слов.

5) За пределами указанной территории в южнорусских говорах единожды встретилось gen. sg. *пас'óва* ДАРЯ, Ю. 658.

Однако не всякий корневой **ě* перед **v* имеет огубленные рефлексы: они, например, никогда не отмечаются в корне **lěv-(yjь)*, в имперфективах типа *-севать*, *-девать*.

В той же диалектной зоне изредка встречаются корни с огубленными гласными на месте **ě* не перед **v*. Имеется два примера из среднеполесских говоров:

1) **sněgъ*: *сн'уг* АУМ I: 64.

2) **slědъ*: *сл'ӯ́д* АУМ I: 281.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов 1949 — *Аванесов Р.И.* Заметки о говоре с. Семеновского на Водле // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 2. М., 1949.

Азарх 1967 — *Азарх Ю.С.* Отвердение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

Ардентов 1957 — *Ардентов Б. П.* К изучению заонежского диалекта // Ученые записки Кишиневского гос. пед. института. Т. 15. Кишинев, 1957.

Атлас Белосточчины — Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny. T. 2. Wrocław, 1989.

Атлас Восток — Атлас русских народных говоров к востоку от Москвы. М., 1957.

Брок 1907 — *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сборник ОРЯС, 1907. Т. 83.

Бубрих 1914 — *Бубрих Д.В.* Фонетические особенности говора с. Пустоша // Известия ОРЯС 1913. Т. 18. Кн. 4. СПб., 1914.

Будде 1903 — *Будде Е.Ф.* О говорах Тульской и Орловской губерний. СПб., 1903.

Букринская 1983 — *Букринская И.А.* Ударенное окончание *-и* в предложном падеже существительных второго типа склонения в русских диалектах // Русские народные говоры. М., 1983.

Бурова 1994 — *Бурова Е.Г.* Рефлексы **ě* в русских говорах (карта и комментарий). Рукопись, хранящаяся в архиве ДАРЯ.

Васильев 1929 — *Васильев Л.Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII вв. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929.

Высотский 1949 — *Высотский С.С.* О говоре д. Лека (по материалам экспедиции 1945 г.) // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 2. М., 1949.

Высотский 1967 — *Высотский С.С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

Гецова 1959 — *Гецова О.Г.* О произношении ударного *о* разного происхождения в говоре с. Катагощи Захаровского р-на Рязанской обл. // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1. М., 1959.

Гринкова, Чагишева 1957 — *Гринкова Н.П., Чагишева В.И.* Практические занятия по диалектологии. Л., 1957.

Гришкин 1916 — *Тростянский В.И., Гришкин И.С. и др.* Диалектологические материалы, собранные В.И. Тростянским, И.С. Гришкиным и др. // Сборник ОРЯС. 1916. Т. 95 (1).

Даль 1989 — *Даль В.И.* О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1989.

Дурново 1903 — *Дурново Н.Н.* Диалектологическая карта Калужской губернии // Сб. ОРЯС. 1903. Т. 76 (1).

Дурново, Соколов, Ушаков 1915 — *Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н.* Очерк русской диалектологии // Труды МДК. Вып. 5. М., 1915.

Дурново, Ушаков 1910 — *Дурново Н., Ушаков Д.* Хрестоматия по великорусской диалектологии. М., 1910.

Жовтобрюх, Молдован 2005 — *Жовтобрюх М.А., Молдован А.М.* Украинский язык // Языки мира. Славянские языки. М., 2005.

Залеський 1973 — *Залеський А.М.* Вокалізм південно-західних говорів української мови. Київ, 1973.

Зализняк 1985 — *Зализняк А.А.* От праславянской акцентауции к русской. М., 1985.

Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зилынский 1932 — *Ziłyński J.* Opis fonetyczny języka ukrajińskiego. Kraków, 1932.

Ивченко 1962 — *Івченко М.П.* Сучасна українська літературна мова. Київ, 1962.

Калнынь 2005 — *Калнынь Л.Э.* Фонетический строй севернорусского говора костромской группы // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6. М., 2005.

Карский 1955 — *Карский Е.Ф.* Белоруссы. Язык белорусского народа. Вып. 1. М., 1955.

Касаткин 1999 — *Касаткин Л.Л.* Современная русская литературная и диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Касаткина 2001 — *Касаткина Р.Ф.* Об открытых гласных — рефлексах *ѣ* в современных русских говорах // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве (сборник статей к 80-летию проф. К. В. Горшковой). М., 2001.

Климчук 1983 — *Клімчук Ф.Д.* Гаворкі заходняга Палесся. Мінск, 1983.

Колесов 1975 — *Колесов В.В.* Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры. М., 1975.

Куликовский – *Куликовскій Г.* Словарь областнаго олонецкаго нарѣчія в его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. СПб., 1898.

Курашкевич 1963 — *Kuraszkiewicz W.* Zarys dialektologii wschodniosłowiańskiej. Warszawa, 1963.

Лекомцева, Толстая — *Лекомцева М.Н., Толстая С.М.* Фонологический комментарий к полесским диалектам // Полесье (лингвистика, археология, топонимика). М., 1968.

Лексічны атлас — Лексічны атлас беларускіх народных гаворак. Т. 3: Чалавек. Мінск, 1996.

Назарова 1964 — *Назарова Т.В.* Іменникові -ѣ-закінчення в північноукраїнських говорах // Українська діалектологія і ономастика. Київ, 1964.

Назарова 1968 — *Назарова Т.В.* Некоторые особенности вокализма украинских правобережнополесских говоров // Полесье (лингвистика, археология, топонимика). М., 1968.

Назарова 1985 — *Назарова Т.В.* Атлас говорів Нижньої Прип'яти. Київ, 1985.

Нарысы — Нарысы па дыялекталогіі беларускай мовы. Мінск, 1978.

Николаев 1988 — *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.

Николаев 1989 — *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.

Николаев 1990 — *Николаев С. Л.* К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. М., 1990. № 4.

Николаев 1995а — *Николаев С.Л.* Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буковинский и гуцульский ареал // Славяноведение. М., 1995 (1).

Николаев 1995б — *Николаев С.Л.* Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буковинский и гуцульский ареал (продолжение) // Славяноведение. М., 1995 (5).

Николаев 1996 — *Николаев С.Л.* Вокализм карпатоукраинских говоров. 2. Закарпатский ареал // Славяноведение. М., 1996 (1).

Николаев, Толстая 2001 – *Николаев С.Л., Толстая М.Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора. М., 2001.

Никончук 1994 — *Никончук М.* Лексичний атлас правобережного Полісся. Київ; Житомир, 1994.

Образование — *Захарова К.Ф., Орлова В.Г., Сологуб А.И., Строганова Т.Ю.* Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

ОЛА 1988 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1. Рефлексы **ě*. Белград, 1988.

Орлова 1949 — *Орлова В.Г.* О говоре с. Пермас Никольского р-на Вологодской обл. // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М., 1949.

Панькевич 1938 — *Панькевич І.* Українські говори Підкарпатскої Руси і сумежних областей. Частина І. Звучня и морфологія. V Praze, 1938.

Пауфошима 1983 — *Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

Пожарицкая 1997 — *Пожарицкая С.К.* Русская диалектология. М., 1997.

Розвадовский 1903 — *Rozwadowski J.* Uwagi o dyftongach *ie, uo* w południowozachodniem narzeczu białoruskiem // Materialy i prace komisji językowej, I (1). 1901.

Стадникова 1989 — *Стадникова Е.В.* Материалы к изучению двух фонем «типа *о*» в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.

Тер-Аванесова 2005 — *Тер-Аванесова А.В.* Отклонения от правила распределения двух фонем «типа *о*» в говоре Пустошей // Исследования по славянской диалектологии. Вып 6. М., 2005.

Тоньшин 1912 — *Тоньшин Ф.М.* Материалы по Рязанской губ. и у. Новосельской в. с. Новоселки // Русский филологический вестник. 1912. Т. 68 (3).

Тростянский 1916 — *Тростянский В.И., Гришкин И.С. и др.* Диалектологические материалы, собранные В.И. Тростянским, И.С. Гришкиным и др. // Сборник ОРЯС, 1916. Т. 95 (1).

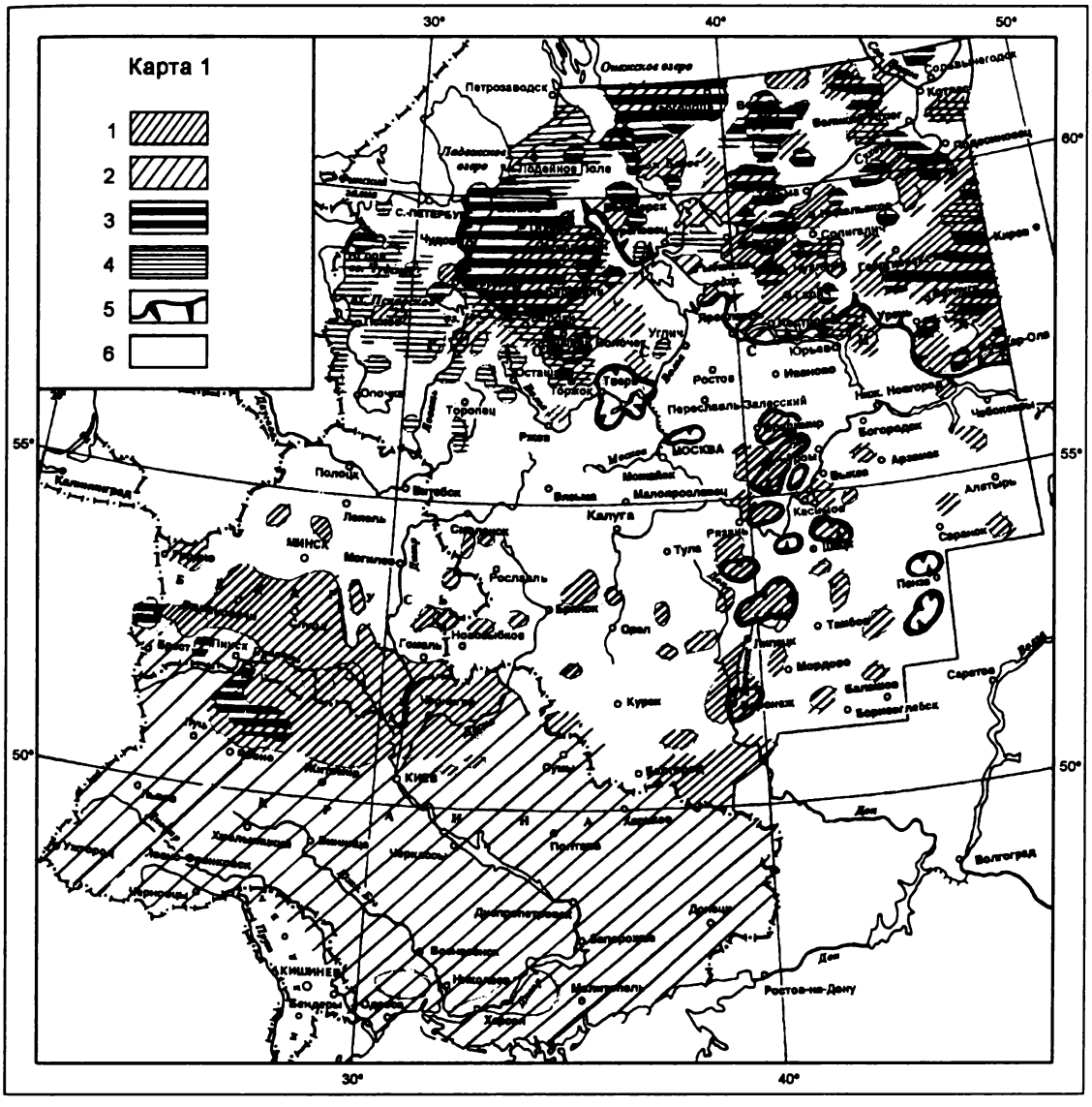
Тураўскі слоўнік — *Крывіцкі А.А., Цыхун Г.А., Яшкін І.А.* Тураўскі слоўнік. Т. 3. Мінск, 1984.

Черных 1949 — *Черных П.Я.* К фонетике южнорусских говоров // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М., 1949.

Шахматов 1914 — *Шахматов А.А.* Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. Известия ОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 4. СПб., 1914. С. 171–220.

Шахматов 1915 — *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

Карта 1. Рефлексы *ě под ударением в срединной и конечной позициях

Условные обозначения

I. *ě > *i̯e. **1** – дифтонгические гласные и монофтонги верхне-среднего подъема (рус. *л[и̯é]с, д[и̯é]ло, в д[и̯é]ле, б[и̯é]лый, б[и̯é]лит(ь), на стол[и̯é]**, укр. полесск. *л'і́ес, л'і̂ес, д'і́ело, д'і̂ело, б'і́лий, б'і̂лит', на стол'і́*, южнобел. *л'і́ес, л'і̂ес, д'з'і́ела, д'з'і̂ела, б'і́елы, б'і̂ел'іт', на стал'і́; рус. л[ę]с, д[ę́]ло, б[ę́]лый, б[ę́]лит(ь), на стол[ę́]; л[ê]с, д[ê]ло, б[ê]лый*** и т. д., южнобел. *л'ęс, дз'ęла, б'ęлы, б'ęл'іт', на стал'ę́; л'ês, дз'ела, б'ělы* и т. д., укр. полесск. *л'ęс, д'ęло, б'ęлий, б'ęлит', на стол'ę́; л'ěс, д'ěло* и т. д.; **2** – укр. /і/ (*л'іс, д'іло, в д'іл'і, б'ілий, б'ілит', на стол'і*);

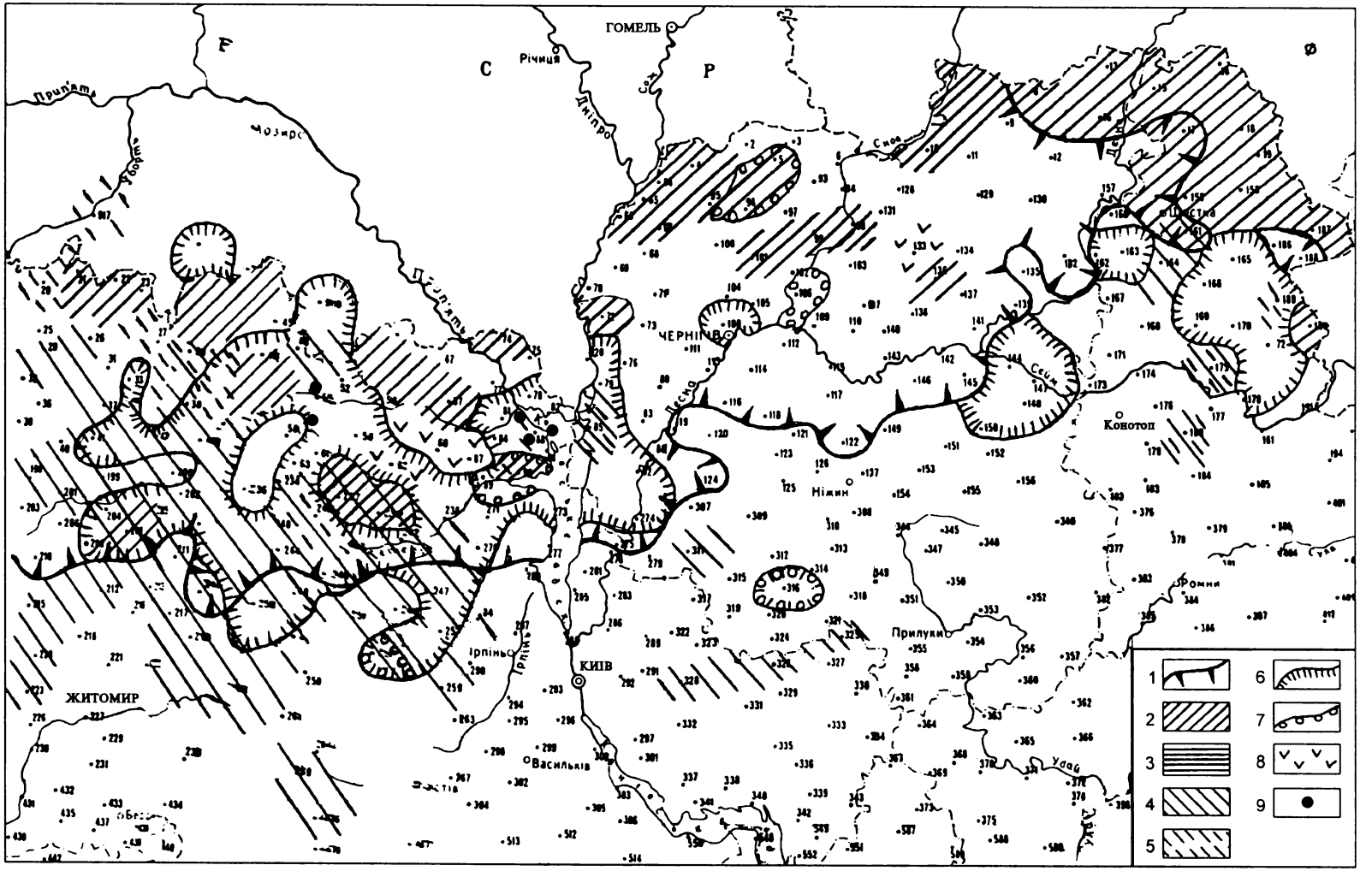
II. *ě > *i̯e > *i. **3** – рус. /и/, укр. /и/ (рус. *л'ис, в л'ис'и, д'ило, в д'ил'и, б'илый, б'ил'ит, на стол'и́*; среднеполесск. *лис, ди́ло, би́лий, би́лит', на столи́*); **4** – рус. /и/ на конце слова (*на стол'и́, гд'и́, дв'и́, т'еб'и́*); **5** – рус. /и/ перед мягкими согласными (*в д'ил'и, в л'ис'и, б'ил'ит*);

III. *ě > *i̯e > *e и *ě > *e. **6** – /е/ среднего подъема (рус. [л'е]с, [д'е́]ло, [б'е́]лый, [б'е́]л'ит; бел. *л'ес, д'з'ела, б'елы, б'ел'ит'*, укр. полесск. *л'ес, д'ело, б'елий, б'елит'*).

Примечания. * Гласные, обозначенные как 1, 3, 4, отмечены в рус. и бел. говорах наряду с [е]; гласный, обозначенный как 3, отмечен в укр. говорах наряду с [іе] ~ [ие] ~ [і].

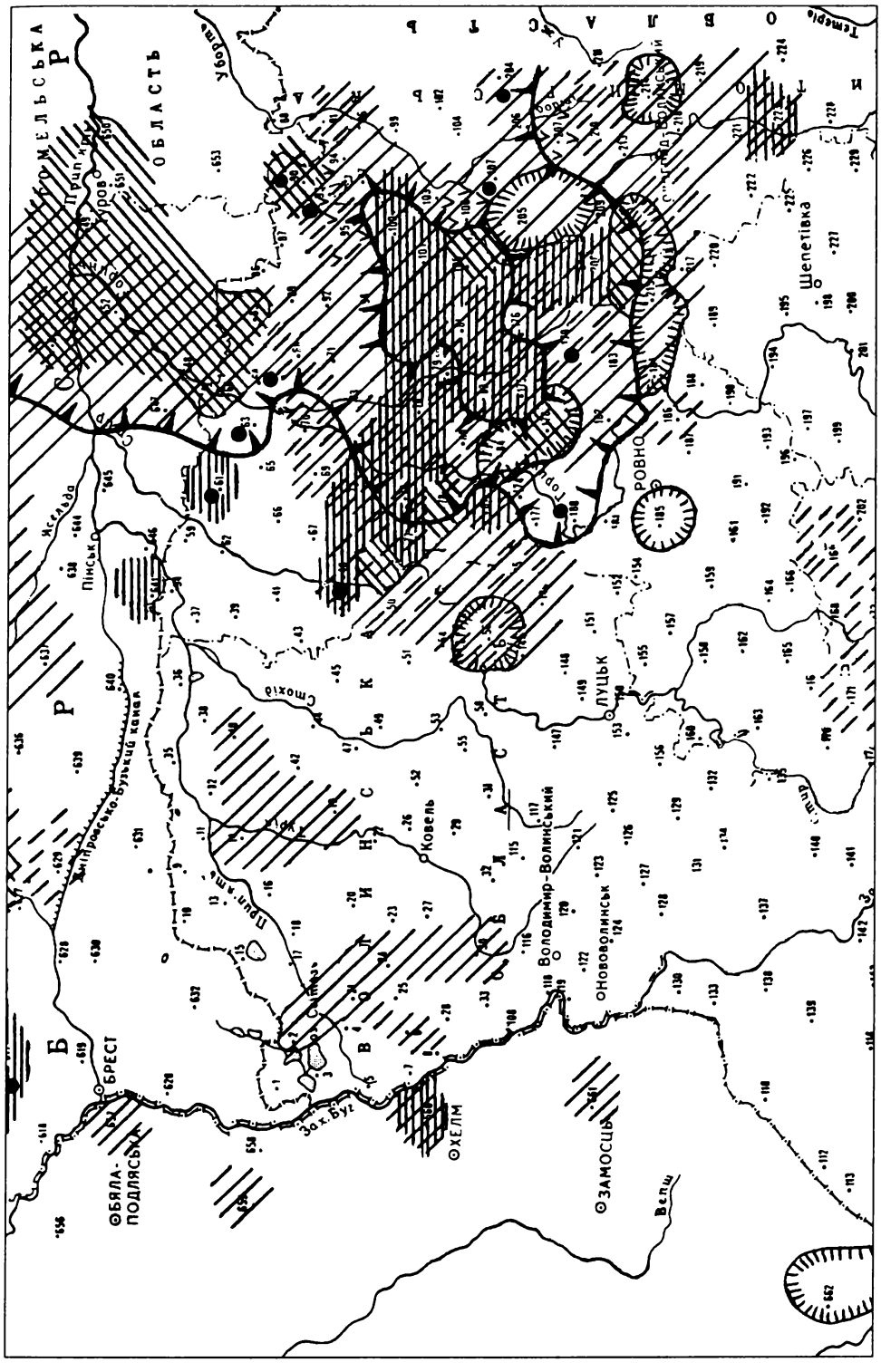
** Согласный перед гласным из этимологического *ě в рус. говорах может быть мягким или «полумягким». «Полумягкие» согласные в этой позиции в одних говорах являются аллофонами твердых фонем, в других – аллофонами мягких фонем.

Карта 2. Рефлексы *ě под ударением в говорах Среднего и Восточного Полесья

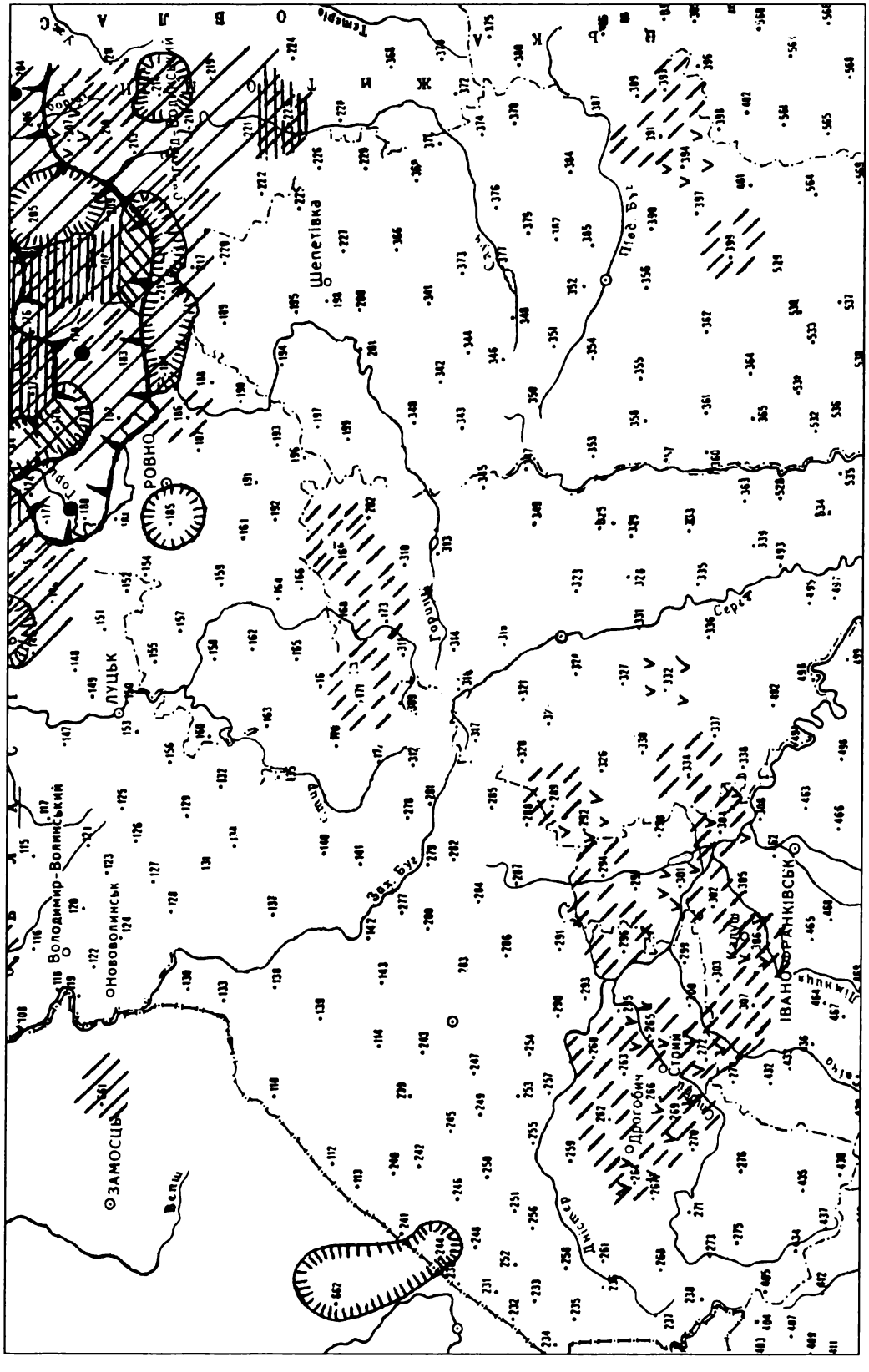

Условные обозначения

1 – дифтонгические гласные (*л'і̯ес, л'і̯ес, д'і̯ело, д'і̯ело, б'і̯елий, б'і̯елит', р'і̯ечка, на стол'і̯е*); 2 – /е/ (*л'ес, д'ело, б'елий, б'елит', р'ечка*); 3 – /и/ (*лис, дúло, бúлий, бúлит', р'úчка, на столú*); 4 – после твердого *р: *rě* > [ри] (*рúчка, рúже, к сестрú*); 5 – после твердых губных: *Bě* > [Би] (*бúлий, бúлит', вúра, звир*); за пределами Полесья – только *vě* > [ви] (*б'ílий, б'ílит', м'ísто, вúра, звир*); 6 – *r(ě) > [рй] (*рйі̯ечка, рйúчка, рйéчка, рйíчка*); 7 – *B(ě) > [Бй] (*бйі̯éий, бйílит', вйúра, звйер*); 8 – [е] после мягких губных за пределами изоглоссы 2 (*б'елий, м'есто, в'ера, зв'ер*); за пределами Полесья – только после мягкого *в'* (*б'ílий, м'ísто, в'éра, зв'ер*); 9 – различие срединных и конечных рефлексов *ě (*дúло – на вод'í; д'і̯ело – на вод'í;* после губных согласных: *вйі̯éра – на травцé*).

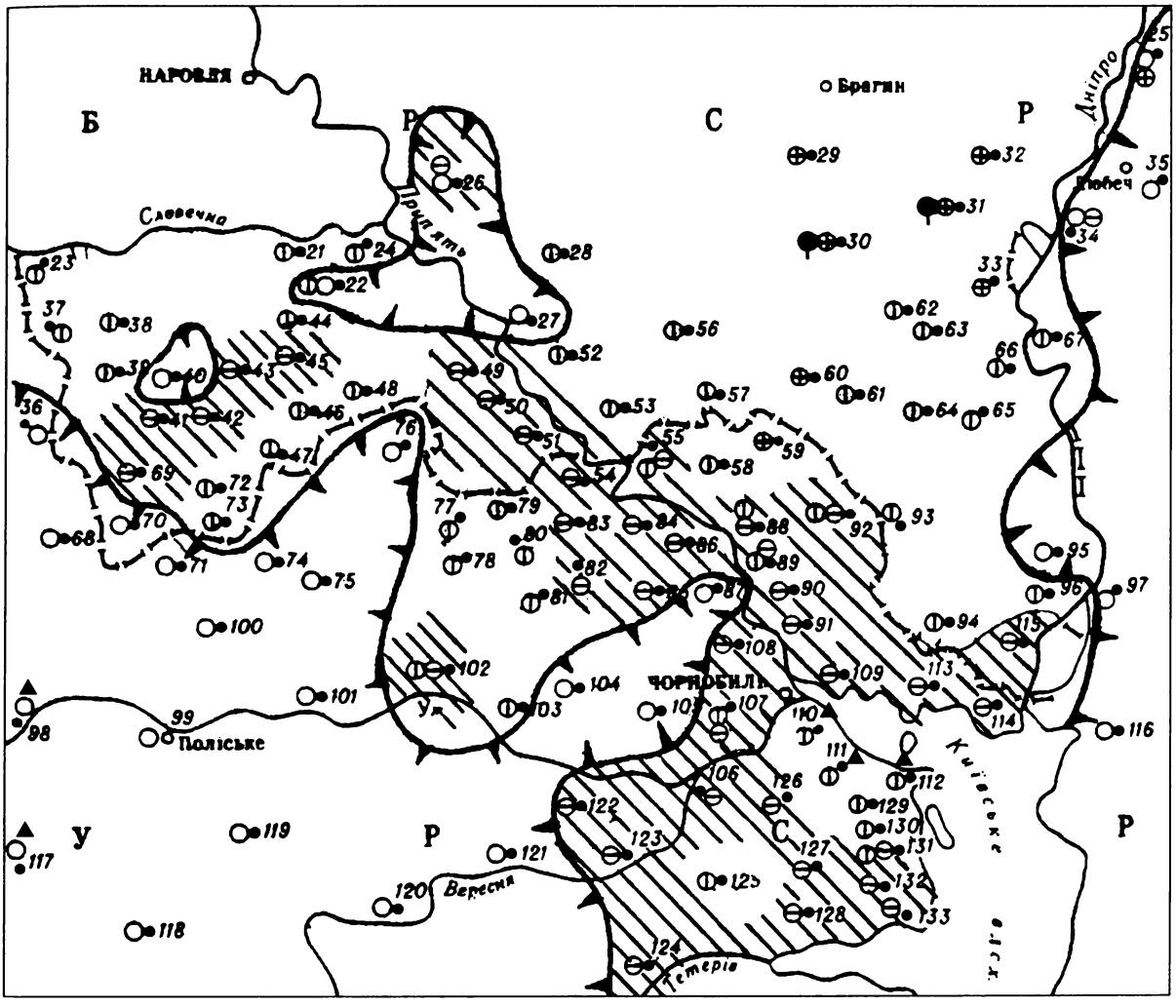
Карта 3. Рефлексы *ě под ударением в Среднем и Западном Полесье (см. легенду к карте 2)

Карта 4. Рефлексы *ě под ударением в юго-западных украинских говорах (см. легенду к карте 2)

Карта 5. Рефлексы *ě под ударением после зубных согласных в северных говорах правобережного Полесья

(*Назарова Т.В.* Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яти, карта 9. Київ, 1985)

○ [i̯e]: т'і̯éло, д'і̯éд, с'і̯éно, ноз'і̯é, л'і̯éто

⊖ [i̯ᵉ]: т'і̯ᵉло, д'і̯ᵉд, с'і̯ᵉно, ноз'і̯ᵉ, л'і̯ᵉто

⊕ [ê]: т'ếло, д'êд, с'ếно, ноз'ế, л'ếто

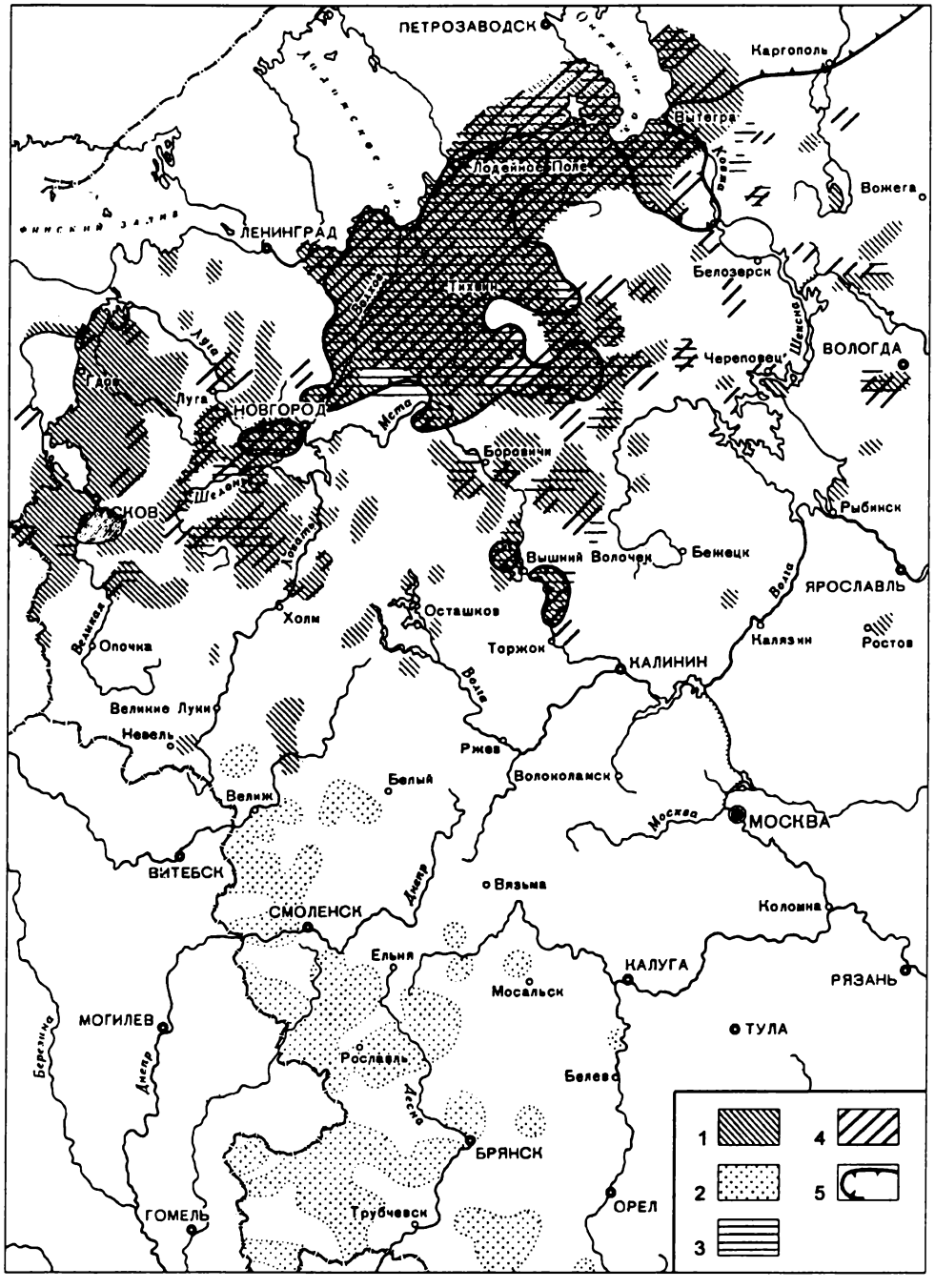
● [e]: спорадично

Ⓘ [i̯e]: т'і̯éло, д'і̯ед, с'і̯éно, ноз'і̯é, л'і̯éто

▲ различие рефлексов *ě в середине и на конце слова после губных согласных: *вíі̯éра – на травцí̯*

Карта 6. Развитие *ё > /и/ под ударением в северо-западных русских говорах

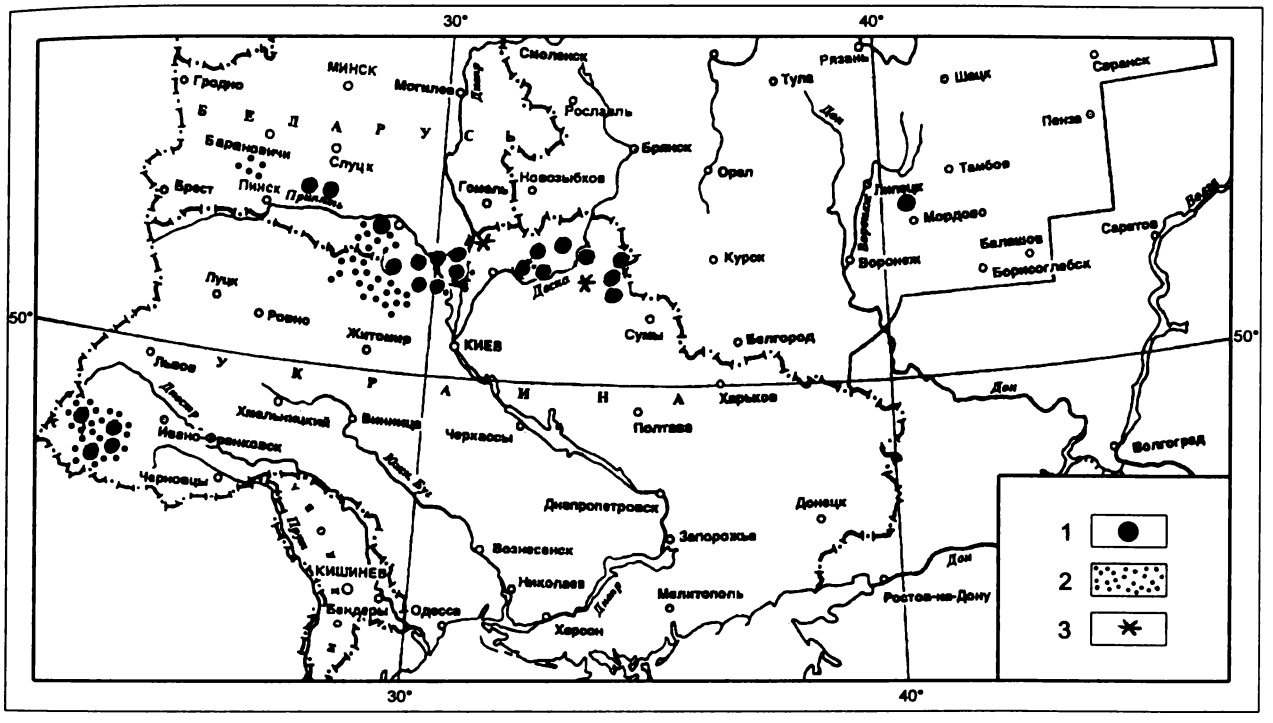
(карта из работы: И.А. Букринская. Ударенное окончание *-и* в предложном падеже существительных второго типа склонения в русских диалектах // Русские народные говоры. М., 1983)

Условные обозначения

1 – отмечено окончание -/и/ у существительных с основой на любой согласный (*на столи, на быки, на кони, в концы, в шалаши* и т.д.); 2 – отмечено окончание -/и/ только у существительных с основой на парный мягкий, шипящий и *ц* (*на звери, на плечи, в блиндажи, на концы* и т.д.); 3 – отмечено произношение *гди, дви*; 4 – отмечено окончание -/и/ в дательном и предложном падежах местоимений (*мни, теби, себи*); 5 – отмечено [и] на месте *ё под ударением в корнях слов перед твердым согласным.

Карта 7. Огубленные гласные на месте *ě

Условные обозначения

1 – перед губным согласным в корнях слов **dě̆vъka*, **xlě̆vъ*, **pě̆vьn'ь* (полесск. *д'óўка // д'ýўка, хл'óў // хлχýў // хл'ýў, п'óвеи' // пóвеи'*, закарпатск. *д'ýwка, хл'ýw*); 2 – перед губным согласным в **sъpě̆vati*, **sъpě̆vanъka* (полесск. *сп'ова́ти // спова́ти*; закарпатск. *сп'ува́ти, сп'ýwанка*); 3 – перед губным согласным в других корнях (русск. *пас'óв*); 4 – не перед губным согласным (полесск. *си'уг, сл'уцд*).

Н. Н. ПШЕНИЧНОВА

Новые сочетания согласных с /j/

Рассматриваются так называемые новые сочетания согласных с /j/, возникшие в результате падения редуцированных на месте праславянских сочетаний «согласный + ь + j». В говорах восточнославянских языков на месте таких сочетаний после согласных как правило отмечается сочетание мягкого согласного с [й]; между гласными отмечено либо сочетание мягкого (или отвердевшего) согласного с [й] (далее С'j), либо удвоенный мягкий (или отвердевший) согласный (далее С'С'), либо неудвоенный мягкий (или отвердевший) согласный без /j/ (далее С').

Круг слов с сочетаниями «согласный + [й]» или с их соответствиями между гласными очень широк. Рассматриваемые сочетания свойственны разным морфологическим категориям, но удвоенный мягкий согласный или неудвоенный без [й] отмечаются как правило на стыке морфем — корня и окончания или основы с суффиксом *=j=* и окончания и исключительно редко — в корне или на стыке приставки и корня: бел. *ззяць* (из *зjаць*), *л'л'у*, *л'л'еш* и т. д. [Подлужный 2004: 192], *з'з'еў*; рус. диал. *д'д'ак*, *д'д'ávъл*, *д'ákън* [Андреева 1963: 47]; *л'л'у*, *л'л'еш*, *л'л'от* и др. формы этого глагола [Андреева 1963: 50], *с'с'едúм* 'съедим', *с'с'éла* 'съела' [Филин 1972: 324]; укр. диал. *з'з'іў* '*съел*' [Андреева 1963: 55]; *под:úхол'і*, *л':еш*, *в'úл':еца*, *л':éце* ('льется'), *нал':é*, *ул':é*, *пiдал':úт'* [Говірки 1996: 27, 28, 50, 82, 103, 116], *л'л'у* и др. [Жилко 1955: 71].

Сочетание *С'j* или его соответствие между гласными в восточнославянских говорах свойственно следующим лексико-грамматическим категориям.

1. В форме Тв. ед. сущ. жен. р. 3-го скл. и порядковых числительных, склоняющихся по тому же типу: бел. лит. *зéленню*, *сóллю*, *мышшу*, *пяццю*, *дзесяццю*, *трыццаццю* и т. п.; бел. диал. *вóс'ан'н'у*, *арц'él'л'у*, *пýц'ц'у*, *нóччу* и т. п. [Андреева 1963: 70]; рус. лит. *плéтью*, *сыпью*, *рóлью*, *двéрью*, *рóжью*, *пятью*, *тридцатью* и т. п.; укр. диал. *с'íл'л'у*, *т'íн'н'у*, *глáддю*, *прéллю*, *н'íччу*, *пíччю*, *мáз'з'у* и т. п. [Андреева 1963: 70].

2. В основе сущ. I скл. с суффиксом *=j=*: бел. лит. *бягýння*, *свáцця*, *пападзя* и т. п. [Подлужный 2004: 192]; рус. лит. *свинья*, *семья*, *судья*, *бадья* и т. п.; рус. диал. *ръл'л'á* ('пашня'), *бад'д'á*, *суд'д'á*, *батв'úн'н'а*, *свáт'т'а*, *парýн'н'а*, *калдýн'н'а*, *пупад'д'á*, *кут'т'á* и т. п. [Андреева 1963: 69]; укр. лит. *суддя*, *семúá* и т. п.; укр. диал. *се^{а}мúéйу*, *іс сéм'йам'іи*, *у кáждоï с'е^{і}мúé*, *по рóл':і хóдит'*, *з кóжной семúé*, *у котóройі семúí*, *тр'і семúé* [Говірки 1996: 31–33, 102, 105,106], *гілля*, *гілляченька*, *кутя*, *свиня*, *попадя* и т. п. [Андреева 1963: 69].

3. В основе некоторых сущ. муж. р. 2-го скл., в том числе образованных с помощью суффикса *=ак*: бел. лит. *вýл'л'а*, бел. диал. *Гальяш* [Сцяцко 1968: 114], *шурьяк* (от **sieur* — 'брат жены' [Булахаў 1968: 14–15]) и т. п.; рус. лит. *ýлья*, *воробью*, *соловья* и т. п.; рус. диал. *вýл'л'а*, *два вýл'л'и*, *Йагóр'йа* и т. п., *вул'л'ák* «улей», *тр'ит'т'ák*, *мышшáк* 'поганый гриб', 'гриб мухомор' и т. п., *шур'йák* (при шурин) [Пеньковский 1966: 137]). укр. диал. *губйák*, *бур'йáн*, *бур'анý*, *на Йýр'а*, *вýл':а*, *трут'ен'йák*, *мало п'і^{и}рйý* (от *п'ір'ей*), *бурйанóм*, *до вýл'а пустóго* и т. п. [Говірки 1996: 42, 49, 65, 66, 86, 88, 101, 104, 105].

4. В форме И. мн. сущ. муж. р.: бел. лит. *сýчча*, *клíння*, *калóс'йа* и т. п.; бел. диал. *брáц'ц'а*, *крыл'л'и*, *вýл'л'и* [Андреева 1963: 69]; рус. лит. *брáтья*, *дядья*, *сыновья* и т. п.; рус. диал. *кл'ún'н'а*, *брáт'т'а*, *прýт'т'а*, *з'ит'т'á*, *брýс'с'а*, *сýчча*, *кр'ýч'ч'а*, *палоз'з'а*, *руччы* и т. п. [Андреева 1963: 69]; укр. лит. *клóчча*, *колóссе*, *волóсся* и т. п.; укр. диал. *друз'йá*, *волóс':а*, *колóс'а* и т. п. [Говірки 1996: 38, 72].

5. В основе некоторых собственных имен сущ.: бел. лит. *Ил'йá*, *Мар'яна*, *Натáлля*, *Фядóсся*, *Усцíння* и т. п.; бел. диал. *Аўдóця*, *Амяльян*, *Вуляна* и т. п.; рус. диал. *М'ил'л'án* (Емельян — при *Йам'él'а*), *М'ил'л'án-ка*, *М'ил'л'án'иха* и т. п., *Вул'л'ána* (Ульяна), *Д'имъян* (*Д'имъян'ка*), *за Лук'ép'йу* и т. п. [Пеньковский 1966: 137]; рус. лит. *Мáрья*, *Натáлья*, *Дáрья* и т. п.

6. В собирательных существительных ср. р.: бел. лит. *палоззе*, *рыззё*, *бадылле*, *скулле*, *суквецце*, *гніллё* и т. п. [Подлужный 2004: 192]; бел. диал. *мялкоцьця*, *пыдрыбязьзя* [Яшкин 1968: 120]; рус. лит. *гнильё*, *безрыбье*, *разнотрáвье* и т. п.; рус. диал. *калóс'с'а*, *р'áс'с'а* 'одежонка', *кал'éс'с'а*, *брýс'с'а*, *хлабыз'з'а*, *дрóт'т'а*, *какóт'т'а*, *атрóд'д'а*, *сýч'ч'а*, *стоўп'áчча* (при *стоўп'ák* 'столб'), *сулдыжжа* 'замерзшие на дороге комья грязи', *кóл'л'а*, *кургáн'н'а*, *кам'éн'н'а*, *б'арв'éн'н'а* (*б'арнó*, *б'ир'в'анó* — 'бревно'), *з'él'л'а*, соотношение *см'ét'т'а – см'ат'т'ó*, *кулáч'ч'а – кулач'ч'ó* и мн. др.; *гвоз'д'áчча*, *к'ирп'úч'ч'а* (суф-

фикс =*ачч*= становится самостоятельным: ср. *лома́чча, кисл'а́чча, сал'ин'а́чча, халадн'а́чча*) [Пеньковский 1966: 137]; укр. диал. *зи́лля, гол':а́, пало́з':е, вйа́з':е* и т. п. [Говірки 1996: 81, 104, 353].

В современных говорах Западной Брянщины «осуществляется трансформация собирательных этого типа в формы множественного числа соответствующих существительных мужского и среднего рода. Можно думать, что это связано с усвоением таких новых форм мн. ч. как *брат'йа* (при местной *браты*), *друз'йа* (ср. местное *дружки*) и т. п., в связи с чем собирательное *дер'е́вье* <...> переосмысляется как форма им. мн. и супплетивно объединяется с *дерево* в пределах одной парадигмы» [Пеньковский 1966: сноска на стр. 137–138].

7. В основе сущ. ср. р. префиксально-суффиксального образования: бел. с приставками *пры=*, *зв=*, *по=*, *уз=*, *под=*: *прыбярэжжа, узлессе, раздарожжа, узвышша, зарэчча, наваколле* [Подлужный 2004: 192]); рус. лит. *поле́сье, подво́рье, заре́чье, засто́лье, безлюдье, похме́лье, бездоро́жье* и т. п.; рус. диал. *пал'е́с'с'а, падво́р'йа, зар'е́ч·ч·а, падлу́жжа* 'подлужье', *засто́л'л'а, нахо́т'т'а, б'аз'л'у́д'д'а* и т. п.; *кроў пъшла пъ зашку́р'йу, пъ зъкаву́л'л'у, пъ завуго́л'л'у, па ўзро́w'йу ишчут* и др. подобные образования [Пеньковский 1966: 138]; укр. диал., *охвістя, похмілля, захмар'я, безголів'я, надплічча, роздоріжжа* и т. п. [Залесский 1980: 60–61], *прила́д':е* [Говірки 1996: 84] и т. п.

8. В основе сущ. ср. р. различных типов образования и семантических групп типа бел. лит. *ра́лля, цячэ́ння, зва́ння, пыта́ння, жыцця* и т. п.; бел. диал. *в'ас'е́л'л'е, кас'с'о́, ружжо́* и т. п.; рус. диал. *кас'с'о́, цавйо́, цугавйо́* 'рукоять кнута, плуга', *в'ас'е́л'л'а, п'ач'е́н'н'а* 'печень', *л'аг'е́н'н'а* 'легкое' и др. под.; типа *прос'а́н'н'а* 'поле из-под проса' (ср. *гр'ацко́вйа* 'поле из-под гречихи'); отглагольные образования типа бел. *шыпе́нне, сняда́нне* и т. п.; рус. *т'ига́н'н'а, кас'е́н'н'а* (ср. косить), *нас'е́н'н'а* (ср. *носить)* и т. п.; *вар'е́н'н'а, т'арп'е́н'н'а* и т. п.; типа *калат'т'о́, пало́т'т'а* 'прополка' при *пало́н'н'а* 'то же' и др. под. [Пеньковский 1966: сноска 1а на стр. 138]; укр. лит. *зберігання, частування, взуття, виникнення, переселення, знаряддя* и т. п.; укр. диал. *колу́т:е, окутува́н':е, З'зв'і́жен'е, Крешче́н':е, з'е́л':е, кор'и́н'а, в·иникне́н':а, подву́р'йе, жил'йо́, нас'і́н':а* и т. п. [Говірки 1996: 42, 45, 48, 65, 67, 352].

9. В основе притяжательных прилагательных с суффиксом =*j*= типа рус. лит. *сватьин, Дарьин, рыбья, козья* и т. п.; рус. диал. *ко́з'з'а, ко́з'з'и*, которые нередко строятся по образцу полных форм: *ко́з'з'айа, ко́з'з'ийа*, а также *ко́з'з'ий, ко́з'з'ийим*; ср. также *тр'е́т'т'айа, тр'е́т'т'ий, тр'е́т'т'ийа* [Пеньковский 1966: 138]; укр. диал. *тре́т'ому брату, тре́т'а, тре́т'у* и т. п.

10. В наречиях, образованных от формы Тв. ед. сущ. жен. р. III склонения: бел. *рыс'с'у, но́ччу, во́прам'ец'ц'у* и т. п. [Нарысы 1964: 144]; рус. лит. *рысью, но́чью, о́прометью* и т. п.; укр. *но́ччу* и т. п.

11. В основе наст. времени глагола *лить* (и производных): бел. *л'л'у, л'л'еш* и т.д.; рус. лит. *лью, льешь* и т. д.; рус. диал. *л'л'у, =еш, =е(т'), л'л'ом, =и́т'о, =ут'*, откуда также и *л'л'и, л'л'и́т'а* (2-е л. повел. накл.) наряду с *л'и, л'ит'а* [Пеньковский 1966: 129]; укр. диал. *л':е́це, нал':е́, підал':у́т'* и т. п. [Говірки 1996: 82, 103, 116].

Новые сочетания согласных с /j/ в говорах восточнославянских языков являются предметом изучения целого ряда исследований, в которых решается следующий круг вопросов: 1) территория распространения *C'j* и их соответствий; 2) характер процесса изменения *C'j* > *C'C'* и возникновения *C'*; 3) время изменения *C'j* > *C'C'* и появления *C'*; 4) фонологический статус *C'C'* — удвоенных (долгих) согласных. Мнения исследователей по данным вопросам не всегда совпадают.

Наиболее детально названное явление в говорах всех трех восточнославянских языков исследовано в работе [Андреева 1963]; данному явлению в севернорусских говорах посвящена работа [Андреева 1960]; в говорах Западной Брянщины названное явление подробно исследовано в капитальном труде [Пеньковский 1966]; в говорах на территории наиболее старых русских поселений (на территории ДАРЯ) — в работе [Строганова 1970]; в белорусских говорах — в исследовании [Карский 1955], рассматриваемому явлению в белорусских говорах специально посвящены работы [Аванесов 1978; Подлужный 2004], в украинских говорах — [Залесский 1980].

Ареалы распространения *C'C'* и *C'* на территории восточнославянских говоров различаются частотой употребления названных вариантов, а также разной плотностью самих ареалов.

Приведенная в настоящем комментарии карта отражает сочетания *C'j* и их соответствия в положении между гласными. Рассматриваемое явление показано на карте обобщенно, при этом были использованы данные региональных атласов, в которых оно представлено более детально, а также материал ряда исследований. Материал, относящийся к белорусским, русским и украинским говорам, неравноценен. Это можно видеть уже по названиям карт региональных

атласов, посвященных данному явлению: ДАРЯ 1986: карта 74 «Долгие мягкие согласные в соответствии с сочетанием «мягкий согласный + *j*»; АУМ I: карта 205 «Назывний відмінок іменників середнього роду на =*ьје*=»; АУМ II: карта 94 «[т':], [н':], [л':] (*життя, насіння, весілля*)»; АУМ III, часть 1: карта 42 «Назывний відмінок однини іменника *кісся*»; ДАБМ: карта 64 «Зычны на месцы старога спалучэння "ньj"».

Произношение *С'С'* характерно для белорусского и украинского литературных языков. На территории восточнославянских говоров такое произношение образует единый большой ареал (см. карту), который охватывает бóльшую территорию западных и юго-западных русских говоров (западная часть Белгородской, Курской и Орловской областей, бóльшая часть Брянской обл., западные районы Калужской, Смоленская обл., западная часть Калининской обл. и южная половина Псковской обл.), северо-восточную, бóльшую, часть белорусских говоров (Витебская, Могилевская области, северо-восточная часть Гродненской, Минской и Гомельской областей — «паўночны ўсход ад лініі Ашмяны – Валожын – Мінск – Рудзенск – некалькі на захад ад Старых Дарог – Глуск – Акцябрьскі – на захад ад Мазыра» [Нарысы 1964: 142–143]), юго-западную часть белорусских говоров (юго-запад Брестской области — брестско-пинские говоры) и бóльшую, восточную и северо-западную, часть украинских говоров (юго-восточные и полесские говоры).

На карте изоглоссой показана территория говоров, в которых отмечены удвоенные мягкие согласные и/или мягкий согласный без удвоения и без [й]. В пределах этой территории выделены ареалы говоров, в которых *С'С'* или *С'* преобладает, или является единственным.

Большинству русских говоров, как и русскому литературному языку, свойственно *С'j*. Произношение *С'С'* из *С'j* отмечается наиболее последовательно в говорах юго-запада территории, вдоль русско-белорусской и русско-украинской границ. Небольшими разрозненными ареалами и единичными точками отмечено такое произношение в северной части территории русских говоров. По диалектному членению К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой [Захарова, Орлова 1970] это говоры севернорусские и западные среднерусские.

Важно отметить, что говоры с произношением *С'С'* из *С'j* распространены по периферии русской территории, говоры которой отличаются большей вокальностью по сравнению с русскими центральными говорами — говорами более консонантными, которые они окружают. Говоры с *С'С'* образуют ареал, общий с белорусскими и украинскими говорами, в которых, как и в белорусском и украинском литературных языках, также отмечено *С'С'* (см. об этом также [Бромлей 1985; Калнынь 2000: 21–23]).

В говорах к востоку и юго-востоку от Москвы, для которых, как и для литературного русского, характерно произношение сочетания мягкого согласного с [й], в отдельных единичных нигде не группирующихся нас.п. наряду с *С'j* отмечаются единичные примеры с *С'С'* (*плáт'т'а, св'ин'н'á* и т. п.).

За пределами ареалов преимущественного или исключительного употребления *С'С'* и/или *С'*, т. е. в русских северных, северо-западных, западных и юго-западных говорах произношение *С'С'* отмечается как правило наряду с *С'j*, при этом частота употребления диалектного варианта на данной территории неодинакова. Статистический анализ материала показал, что на западе и юго-западе русской территории, где говоры с сосуществованием *С'С'* и *С'j* граничат с говорами, в которых С'С' преобладает, средняя относительная частота примеров с С'С' составляет 0,59; в говорах же севера и северо-запада, где наиболее распространен вариант *С'j*, средняя относительная частота примеров с *С'С'* составляет 0,23. В этих последних произношение С'С' отмечено в говорах отдельных разрозненных небольших ареалов (самый крупный из них — в районе Чагода – Белозерск – Череповец) или в отдельных нигде не группирующихся нас.п. На этой же, северной, территории выделяются два небольших ареала, где *С'С'* отмечается исключительно редко: в районе Гдов – Чудово и вокруг Вологды. На остальной территории — за пределами изоглоссы — произношение *С'С'* или *С'* отмечено исключительно редко в единичных примерах в отдельных нигде не группирующихся нас. п.

В русских говорах встречается произношение мягкого согласного без удвоения — *С'*: как единственный вариант произношения *С'* отмечен в единичных говорах на периферии основного массива распространения удвоенных мягких согласных.

На территории Беларуси между северо-восточной и юго-западной частями ареала с преобладанием *С'С'* распространены говоры, в которых по преимуществу отмечается произношение *С'*. В то же время при явном преобладании в этих говорах варианта *С'*, во многих случаях *С'* сосуществует с *С'j* или с *С'С'*. В частности, в западной части Витебской обл. (Браславский, Миерский, Шаркавчинский р-ны) и в говорах юго-западной части Гродненской обл., где преобладает *С'*, иногда отмечается также и *С'С'*. К востоку от Барано-

вичей — небольшой ареал говоров, в которых наиболее распространено *С'j*, варианты *С'С'* (наиболее часто — сочетание [н'н']) и *С'* отмечаются в этих говорах редко. На территории, где преобладает *С'С'*, иногда встречаются примеры с *С'j*. Чаще всего это слова *ружйо́*, *судз'йа́*, которые, по-видимому, в такой форме появились в белорусских говорах относительно поздно из русского языка [Нарысы 1964: 144]. На этой же территории во многих говорах в отдельных словах отмечается и *С'*.

Для большинства украинских говоров, как и для украинского литературного языка, а именно для юго-восточных говоров, северных (почти всех полесских) и для карпатских характерно *С'С'*. В большей части юго-западных говоров отмечено только *С'*, недолгий мягкий согласный отмечен также в отдельных разрозненных нас. п. остальной территории Украины: в восточной части волынских говоров — часто наряду с долгими, в части Надбужско-полесских говоров (вдоль Зап. Буга) и отдельными вкраплениями — обычно в сосуществовании с долгими — в волынско-полесских и в говорах восточной части среднеполесских.

В сочетаниях *С'j* или в их соответствиях в восточнославянских языках и их говорах представлены почти все согласные — это губные и переднеязычные; сочетание «задненебный + j» на стыке корня и окончания или основы и окончания также встречается, но является исключительно редким (срв., например, имена собственные *Лукйан*, *Агахйа*, *Сохйа* (при *Сахв'ейа*) — в говорах Западной Брянщины [Пеньковский 1966: 133]. Соответствия сочетаниям *С'j*, то есть *С'С'* или *С'*, во всех восточнославянских говорах отмечены на месте сочетаний с /j/ переднеязычных мягких (или отвердевших) согласных, причем по говорам процессом изменения сочетаний *С'j* разные переднеязычные согласные охвачены неодинаково.

В русских говорах *С'С'*, независимо от частоты его употребления, отмечается чаще всего на месте сочетаний с /j/ переднеязычных зубных (кроме *р*) и /ч/, т. е. [н'й], [т'й], [д'й], [л'й], [с'й], [з'й], [ч'й]: *св'ин'н'а́*, *пла́т'т'а*, *угóл'л'а*, *б'ил'л'о́*, *Ан'ис'с'а*, *Хадóс'с'а* (ср. *Хадóска*) или *Хв'адóс'с'а*, *гр'а́з'з'у*, *угóд'д'а*, *ма́з'з'у*, *с'ém'т'у*, *(А)ўдóт'т'а*, *грýд'д'у*, *пыл'л'у*. *нóч'ч'у*, *ав'éч'ч'а* и т. п.; реже — на месте сочетаний твердых шипящих (передненебных) с /j/: *рóжжу*, *с мышшу* и т. п.; очень редко — на месте сочетания /rj/ (обычно *п'ép'йа*, *Мáр'йа*, *Дáр'йа*, *Лук'ép'йа* и т. п.) и в сочетаниях губных с /j/ (обычно *сыно*[в'й]*á*, *стрý*[п'й]*а*, *се*[м'й]*á*, *зý*[б'й]*а* и т. п.; губные при этом во многих говорах являются твердыми: *дрó*[бй]*у*, *крó*[ўй]*у* и т. п. [Строганова 1970: 45]); ср.: Брянская обл.: *(А)кс'и́н'н'а*, *Аўг'и́н'н'а* (= Евгения), *рэл'л'а́* 'пашня', *бад'д'а́*, *суд'д'а́* и т. п., *вул'л'а́к* «улей», *вýл'л'а*, *два вýл'л'и*, *тр'ит'т'а́к*, *мышша́к* 'поганый гриб', 'мухомор' и т. п., но *шур'йа́к* (при *шýрин*), *в'ир'абйи́*, *сълавйи́*, *нъ Йагóр'йа Праскóўйа* (откуда также *Парáс'с'а* — ср. *Парáска*) и т. п. [Пеньковский 1966: 137].

Такая закономерность позволила ряду исследователей «рассматривать процесс *t'j* > *t't'* как результат ассимиляции /j/ предшествующему согласному, предпосылки которой имели место уже в общеславянском языке, и отмечать, что ассимиляция осуществлялась свободнее в тех случаях, когда согласный, предшествующий /j/, был близок к нему по артикуляции» [Строганова 1970: 45].

В подавляющем большинстве белорусских говоров, как и в литературном белорусском языке, удвоенные согласные также отмечены на месте старого сочетания «мягкий переднеязычный согласный (кроме [р]) + ь + *j*» между гласными, при этом в современных белорусских говорах мягкими являются удвоенные переднеязычные зубные [з'з'], [с'с'], [н'н'], [л'л'], [дз'дз'], [ц'ц']: *глушен'н'е*, *с'н'адан'н'а*, *пласкон'н'а*, *далон'н'у*, *з'ел'ен'н'у*, *калдун'н'а*, *вар'ен'н'е*, *к'ел'л'а*, *сол'л'у*, *гн'ил'л'о*, *hус'с'у*, *коз'з'айа*, *маз'з'у*, *палоз'з'и*, *свац'ц'а*, *куц'ц'а*, *тр'ец'ц'у*, *п'ац'ц'у*, *дз'ев'ац'ц'у*, *дз'ес'ац'ц'у*, *бад'д'з'я*, *папад'з'д'з'а* и т. п.; твердыми — удвоенные передненебные зубные [жж], [шш], [чч]: *ноччу*, *сучча*, *сабаччы*, *Зрэчча*, *Замошша*, *мышша*, *Падлужжа*, *збожжа* и т. п..

В ДАБМ отражены только сочетания [н'й] и его соответствия, так как они представлены в материалах ДАБМ наиболее полно. Сочетания с [й] других согласных и их соответствия, как отмечают авторы ДАБМ, в целом образуют сходный лингвогеографический ландшафт, хотя в разных нас. п. и отмечаются отдельные расхождения. На месте сочетаний губных с /j/ и /rj/ почти всегда /j/ сохраняется: *hлыбйу*, *кроўйу*, *шырйу*, *сям'йа* и т. п. Удвоенный мягкий губной *С'С'* отмечен в единичных случаях: *рыб'б'а* (Молодечненская, Могилевская, Гомельская, Брестская обл.), *вып'п'у* (Минская обл.), *Дз'ам'м'а́н* (Могилевская, Гомельская обл.), Д'ем'м'а́н (Брестская обл.) [Андреева 1963: 128]. Между губным и [й] может развиваться вторичный гласный, напр., *вуюн*, *вуюноў*, *вуюны*, *вуюнішча*, *вуюнок*, *ваюнок* и *ўюнок*, *вуюночык*, *вуюночычык*, *уюн*, *выюн*, *вуюн* (д. Шаламы Славгородского р-на Могилевской обл.). Отмечены также *ваюн*, *вайюн*, *вайюн*, *ваюнішча*, *ваюнок (выюнок)*, *ваюночык (ваюн)* (с. Подберезье Витебского р-на), в которых некоторые исследователи видят сохранение старого дифтонга *ai* [Яш-

кин 1968: 123 — 124]. Исключительно редко на месте сочетания губных с /j/ встречаются в белорусских говорах и примеры с *С'*: *на бязрыб'і* (Славгородский р-н Могилевской обл. — [Яшкин 1968:120]); рыб'а (Минская обл.) — [Андреева 1963: 128].

В украинских говорах и украинском литературном языке удвоенный мягкий согласный, как и неудвоенный без [й], — также на месте сочетаний с /j/ переднеязычных — зубных и передненебных (кроме [р]): *віття, угіддя, половіддя, повіддя, каміння, знаття, майбуття, волосіння, волосся, пониззя, передгроззя, вугілля, зілля, роздолля, кулач'ч'а, облич'ч'а, погранич'ч'а, середньовіч'ч'а, клоч'ч'а, гадюч'ч'а, затиш'ш'а, безгріш'ш'а, узбереж'ж'а, заміж'ж'а, бездоріж'ж'а* и т. п. [Залесский 1980: 61]; *су́ч:а, но́ч:у, ву́л':а, пристосува́н':а, гол':а́, Зо^{а}л'е́с':е, с·в'ін':е, пало́з':е, ві́аз':е, прила́д':е, рукад'і́л':а, п'іч:у, пла́т':е, з'і́л':ам, калу́т':ем, дл'а с'їан':а, вобїа́т':а, на оку́утуван':е, на ко́л':е, по картопли́н':у, кор·^{і}е́н':а, корі́н:а, кор'^{і}ен':ачко, нас'е́н':е, у, б'^{і}е́лом пла́т':і, д'ен' наро́джен':а* и т. п. [Говірки 1996: 81, 84–88, 91, 98, 101, 104, 117, 118]; *ўдобре́н·а, ўудобр'е́н'е, до ву́л'а пусто́го* [Говірки 1996: 90, 105]; укр. лит. *повіддю, маззю, медаллю, гортанню, сушшю, потолоччю, одіжжю* и т. п.

В позиции после губных и после [р], как и в белорусских говорах, белорусском литературном языке и в большинстве русских говоров и русском литературном, [й] в украинских говорах и украинском литературном языке сохраняется: *бабйо, безрибйа, дубйа, безпраўйа, різнотраўйа, узголіўйа, різнобарўйа, сніпйа, первозимйа, подвірйа, повірйа, пірйа, надморйа* и т. п. [Залесский 1980: 60]; *семйа́, мало п'і^{и}рйу́* (от *п'ір'е́й*), *бурйано́м, семйа́, з ко́жной семйе́, у которойі семйі́, трапйо́, губйа́че* ('грибы'), *ко^{а}саўйе́, касаўйе́, дубйа́* и т. п. [Говірки 1996: 83, 86, 88, 96, 102, 105–107, 110].

А. Б. Пеньковский справедливо замечает: «Вопрос о результатах ассимиляции *j* предшествующим согласным является одним из спорных вопросов восточнославянского языкознания <...> Нет единства взглядов и по вопросу о сущности изменения *tj* > *t't'*, которое рассматривается иногда также как результат усиления и удлинения согласных под воздействием *j*. Ср., например, замечание К. Дейны <...> Независимо от него, такое же понимание было выражено мной в статье "Ассимилятивные изменения согласных..." <...> Однако в настоящее время оно не представляется мне правильным. Достаточно убедительные соображения на этот счет были высказаны недавно Л. К. Андреевой в ее <...> диссертации» [Пеньковский 1966: 134] (см. также [Дейна 1957]).

Наиболее распространенная точка зрения на процесс изменения праславянских сочетаний «согласный + *ь* + *j*» состоит в том, что после утраты редуцированных в ряде русских говоров, а также в большей части украинских и белорусских в результате прогрессивной ассимиляции сочетания [t'j] между гласными изменились в удвоенный мягкий согласный [t't'], а затем в ряде говоров [t't'] сократилось в [t']: «<...> сочетания согласных с /j/ были известны еще в праславянском языке. Одни из них во всех славянских языках изменились одинаково, другие — по-разному в разных диалектах праславянского. С течением времени после падения редуцированных, а также вследствие появления заимствований с гласными, приравненными к слабым редуцированным, или, например, диалектного изменения праславянского ***е*** в /je/ появились новые сочетания согласных с /j/. Естественно, что реакция на них не была одинаковой в разных славянских языковых и диалектных группах. Однако было и общее. Как в старых, так и в новых сочетаниях с /j/, если последние не сохранялись, действовал один и тот же процесс: смягчение согласной перед /j/, ассимиляция /j/ с предшествующей согласной и образование долгой двойной согласной (разной по качеству в разные эпохи и на разных территориях) и возможная впоследствии утрата долготы. Что же касается новых сочетаний согласных и /j/, то ни в одном славянском языке или диалекте они не были в полной мере идентичны праславянским изменениям тех же сочетаний <...> Новые сочетания с /j/ в белорусском удлинялись только при условии предварительного смягчения согласной перед /j/. Смягчение согласной является индикатором последующего ее удлинения путем "поглощения" /j/, а в некоторых случаях в дальнейшем и сокращения длительности. Губные в сочетаниях /pj/, /bj/, /mj/, /vj/ не смягчались, фонема /r/ в сочетании /rj/, если и смягчалась, то рано отвердела, до эпохи удлинения согласных, шипящие /š/, /ž/, /č/ несомненно смягчались, но отвердевали по говорам в разное время, что и отразилось в разных результатах сочетания шипящих с /j/, наконец переднеязычные зубные /l/, /n/, /s/, /z/, /t/, /d/ в сочетаниях с /j/ всегда смягчались, а затем удлинялись. Любопытно сочетание /jj/ (/pod-chvoj-j-o/). Каждая из фонем этого сочетания не может смягчаться, будучи sui generis мягкой, и не может удлиняться, так как вместе взятые они уже "удлинены". Результаты изменения новых сочетаний с /j/ <...> не совпадают с результатами изменения соответствующих праславянских сочетаний с /j/, хотя и имеют нечто общее в своей основе — смягчение согласной пред /j/»[Аванесов 1978: 86–87].

Исходя из того, что *С'С'* < *С'j* распространено главным образом в современных западнорусских, белорусских и украинских говорах, Н. С. Трубецкой относит процесс перехода *С'j* > *С'С'* ко времени между 60 гг. XII в. и последней четвертью XIII в., когда в севернорусских говорах (говоры территории Новгородского влияния) слабые редуцированные еще сохранялись, а в южнорусских (все остальные говоры восточнославянской территории) уже исчезли [Трубецкой 1987: 145–146, 149–150].

Р. И. Аванесов замечает, что в современных белорусских говорах «Удвоение согласных на месте «согласный + *j*», видимо, процесс неактуальный: в новых заимствованиях, во всяком случае литературного языка, сочетание с /j/ сохраняется <...> *атэльé*, *мадэльéр*, *сеньёр* и т. д. <...> современные белорусские говоры в рассмотренных словообразовательных типах знают не только двойные согласные, но также сочетания «согласный + *j*», которые исторически предшествовали двойным согласным, и согласные нормальной длительности (и без /j/), которые появились в результате следующего этапа процесса, а именно утраты долготы: *камéньe*, *камéнне*, *камéне*. Вместе с тем различия эти не всегда характеризуют разные диалекты, но нередко встречаются также в одной и той же частной диалектной системе. Далее — разные согласные в разной степени способны сохранять сочетания согласных с /j/, изменять их в двойные согласные и далее утрачивать долготу. В наибольшей степени удвоение согласных (а также возможное их упрощение) свойственно группе переднеязычных мягких зубных /c'/, /d'z'/, /s'/, /z'/, /l'/, /n'/. Особое положение занимают /č/, /š/, /ž/, твердые в белорусском языке. В одних говорах сочетание этих согласных с последующей фонемой /j/ изменяется в долгую согласную, в других сохраняется. Ср. *Зарэчча* и *Зарэч'е*, *Замóшша* и *Замóш'е*, *Падлýжжа* и *Падлýж'е*. То же, однако в меньшей степени, можно сказать и о сочетании /r/ с последующей фонемой /j/. Наконец, сочетания губных согласных с /j/, включая фонему /v/, которая выступает в аллофоне /u/, сохраняются без изменения, равно как и фонема /j/ в исходе корня с суффиксом /-j-/. Таким образом, устанавливается связь между смягчением согласной перед /j/ и образованием долгой (удвоенной) согласной» [Аванесов 1978: 85–86].

Л. К. Андреева, которая наиболее детально исследовала новые сочетания согласных с /j/ в говорах восточнославянских языков, полагает, что одной из причин того, что ассимиляция /j/ предшествующему согласному осуществлялась не во всех говорах, является различная по говорам степень «мягкости» согласных, оказавшихся после утраты редуцированных перед /j/ [Андреева 1963]. В обоснование этой точки зрения Л.К.Андреева ссылается на показания разных исследователей, которые считают, что в украинских говорах согласные [н'], [т'], [д'], [л'], а в западноукраинских говорах также и [с'], [з'] являются среднеязычными или переднеязычными, но несколько сдвинутыми в сторону среднеязычных, — более мягкими, чем в русском языке, то есть артикуляционно более близкими к [й] (напр., [Прокопова 1958]); в южнорусских говорах также отмечается значительно большая степень палатализации согласных, чем в севернорусских говорах [Аванесов 1949: 136, 232]; в белорусских говорах о большей мягкости согласных могут свидетельствовать явления цеканья и дзеканья. Совершенно справедливо утверждение Л. К. Андреевой о том, что ассимиляция [j] предшествующему согласному как правило проходила до отвердения шипящих, поскольку [j] мог ассимилироваться только мягким согласным, в то время как в белорусских, во многих украинских и некоторых русских говорах на месте сочетаний [ш], [ж] и [ч] с /j/ отмечаются твердые долгие шипящие.

Новые сочетания согласных с [й] и их соответствия в ареале преимущественного распространения *С'С'* — в говорах Западной Брянщины — подробно рассмотрены А. Б. Пеньковским. Исследованные им говоры находятся в центре ареала и потому их характеристика показательна для данного ареала в целом: после переднеязычных реализация фонемы /j/ обусловлена обычно действием прогрессивной ассимиляции, в результате чего на месте сочетания «переднеязычный + *j*» произносится сочетание двух одинаковых согласных: *кас'с'ó*, *гр'áз'з'у*, *плáт'т'а*, *суд'д'á*, *сóл'л'у*, *п'итáн'н'о*, *п'ép'p'a*, *кулаччó*, *мышшáк*, *ружжó* и т. п. В сочетании «губные + *j*» ассимиляция в большинстве говоров, для которых характерно сочетание *С'С'*, не происходит, так как в то время, когда проходил рассматриваемый процесс, губные были твердыми, во многих говорах в ареале *С'С'* они являются твердыми и сейчас. В говорах Западной Брянщины, как и в ряде других говоров, губные в рассматриваемых сочетаниях, по наблюдению А. Б. Пеньковского, могут произноситься и мягко, «и такое произношение становится в брянских говорах все более распространенным» [Пеньковский 1966: 138].

Опираясь на данные разных источников, А. Б. Пеньковский отмечает, что еще в к. XIX – начале XX вв. на месте сочетаний переднеязычных согласных с /j/ последовательно произносились двойные согласные. Исключением являлось «лишь сочетание *pj*,

где ассимиляция *р* предшествующему *j*, вероятно, в связи с особенностями артикуляции последнего, была лишь факультативной и осуществлялась весьма непоследовательно» [Пеньковский 1966: 139]. Ссылаясь на показания П. А. Расторгуева [Расторгуев 1927: 65–66], А. Б. Пеньковский замечает: «Тем не менее ассимиляция в группе *рj* имела здесь в прошлом достаточно широкое распространение, и произношение удвоенного *р'р'* не было здесь чем-либо необычным <...>. В современных говорах Западной Брянщины произношение двойного *р'р'* почти совершенно утрачено. Единичные случаи такого рода сохраняются еще лишь на крайнем западе западнобрянской территории, то есть там, где сохраняются и многие другие архаические особенности, — в говорах Красногорского, Гордеевского и западной части Клинцовского р-нов: *зв'ир'р'о́* <...>, *зв'ер'р'о́* <...>, *за дв'ér'р'у* <...>, "у нас говорят *пéрря* и *пéрйя*, но чаще *пéрйя*" <...> и т. п. На остальной территории удвоенное *р'р'* либо совершенно неизвестно, либо встречается в виде редчайших исключений: *ч'úр'йи* <...>, *п'ép'йа* <...>, *в бур'анý* <...>, *надвóр'йа* <...>, *шур'йáк'и* <...>, *пав'ép'йа* <...>, *Мáр'йа* <...>, *стар'йó* <...> и др., но *кучар'р'о́*» [Пеньковский 1966: 139]. Вслед за Л. К. Андреевой А. Б. Пеньковский объясняет это воздействием на западнобрянские говоры соседних южнорусских говоров, «где двойные согласные были вытеснены (полностью или в значительной степени) в предшествующие периоды развития», а также влиянием переселенческих старообрядческих говоров, особенно усилившемся в послереволюционный период, и русского литературного языка <...> Важно подчеркнуть, однако, что столь полное устранение сочетания *р'р'* в столь короткий период времени объясняется не только силой указанных выше внешних воздействий на местные говоры, но прежде всего тем, что внешние воздействия эти толкали в том же направлении, в каком здесь осуществлялось собственное внутреннее развитие» [Там же: 140].

Точка зрения А. Б. Пеньковского вполне убедительна, с той лишь оговоркой, что влиянием соседних говоров утрату двойных согласных в говорах Западной Брянщины едва ли можно объяснить, так как они соседствуют с такими южнорусскими говорами, в которых сочетания мягких согласных с [й] являются исключительно редкими, а удвоенные мягкие согласные — наиболее распространенными (см. [ДАРЯ 1986: карта 74]).

В современных западнобрянских говорах произношение твердого [р] перед [й] не отмечено. Вместе с тем в некоторых старых памятниках встречаются написания типа *перъя*, *надворъя*, *буръян* и т. п., что, по мнению А.Б.Пеньковского, может с определенными оговорками служить свидетельством того, что раньше в этих говорах произносилось твердое [р] [Пеньковский 1966: 140]. Твердое [р] перед [й] Л. К. Андреева отмечает и в некоторых современных говорах [Андреева 1962: 110–114).

А. Б. Пеньковский отмечает, что в тех случаях, когда /j/ находится после сочетания согласных (*смертью*, *крестьяне*, *жердье*, *гвоздье* и т. п.) в результате ассимиляции должны были возникать сложные группы согласных (*л'ис'т'т'а*, *щчас'т'т'а*, *н'и паспор'ис'с'а са см'ерт'т'у*, *тр·ы ш ч·етв'арт'т'у* и т. п.). Такое произношение в западнобрянских говорах встречается исключительно редко. Обычно происходит упрощение групп согласных *(л'ис'т'а*, *н'ишчас'т'а*, *см'ерт'у* и т. п.) или, чаще всего, произносятся сочетания согласных с [й] (независимо от качества согласных): *ч'éс'т'йу*, *кр'ис'т'йáн'и*, *кр'ис'т'йáн'с'кага*, *шчá-с'т'йа*, *пас'т'йу* и т. п. «Так создается прецедент, приводящий к нарушению первоначальных норм реализации фонемы j после переднеязычных согласных: наряду с двойными согласными появляется произношение сочетаний согласных с *й*, которое отмечается сейчас в большем или меньшем количестве случаев у всех носителей говоров, в том числе и у носителей наиболее архаического их слоя. Это нарушение поддерживается влиянием говоров, не знающих двойных согласных, и не случайно, что произношение согласных в сочетании с *й* получило особенно широкое распространение в зоне наиболее активного влияния говоров старообрядческой колонии. Так, например, в с. Нижнем Стародубского р-на у М.Сыродоевой (72 л. неграмотной) при исчерпывающем отборе фактов было записано 27 сочетаний согласных с *й* (<...> *друз'йá*, *скр'ис'éн'йа* <...>, *з'ет'йá* <...>, *угашч'éн'йа* <...>, *брат'йów*, *грýд'йу* <...>) из 165 подходящих случаев. Сходные данные были получены и у некоторых других представителей местного говора, а также в других говорах этой зоны. В других частях западнобрянской территории произношение сочетаний переднеязычных согласных с *й* также известно, но менее широко, чем здесь» [Пеньковский 1966: 143].

Очень подробно и на большом материале историю новых сочетаний согласных с /j/ исследовала Л. К. Андреева, выводы которой представляются обоснованными и вполне убедительными: 1) неодновременность утраты редуцированных в говорах разных территорий (между концом XII – началом XIII в.) является одной из причин наличия ассимиляции согласных в новых сочетаниях согласных с /j/ в одних говорах и отсутствия ее в других; 2) разная судьба новых сочетаний

www.ruslang.ru

согласных с /j/ связана с характером звука [j] — фрикативного согласного [j] в одних говорах, то есть артикуляционно более близкого предшествующему мягкому согласному, и неслогового [й] — в других; 3) судьба новых сочетаний согласных с /j/ связана с характером самих согласных — более мягких в одних говорах и менее мягких — в других; 4) действие перечисленных факторов позволяет сделать вывод, что первоначально процесс ассимиляции в рассматриваемых сочетаниях проходил в юго-западных говорах восточнославянской территории и лишь позднее охватил говоры к северу и востоку — в пределах границ Литовско-Русского государства; 5) удвоенные мягкие согласные на месте сочетаний согласных с /j/ в севернорусских говорах распространились под влиянием финно-угорских языков [Андреева 1963]. Л. К. Андреева в обоснование этого последнего вывода приводит убедительный материал и при этом ссылается на Р. И. Аванесова, который считал, что *С'С'* в севернорусских говорах не связаны с юго-западным ареалом и возникли независимо от него как субстратное явление (в финно-угорских языках — удвоение согласных перед [j]) [Аванесов 1949: 206]. Позднее Ф. П. Филин замечает: «Мы еще мало знаем о распространении на севере XV–XVI вв. финно-угорского населения, и там, где теперь его нет, оно могло быть раньше. Не исключено, что удвоение согласных в северновеликорусских говорах имеет разное происхождение: или оно было занесено с юго-запада, или оно является продуктом финно-угорского субстрата, или, наконец, оно могло возникнуть на северновеликорусской почве независимо, имея в своей основе те же фонетические условия образования, что и на юго-западе» [Филин 1972: 327]. Результаты статистического анализа русского материала, как будет показано ниже, согласуется с идеей неодинакового происхождения С'С' в говорах названных двух ареалов.

Сочетания *С'j* в белорусских говорах, по мнению Л. К. Андреевой, — реликтовое явление, обусловленное тем, что говоры турово-пинского Полесья и прилегающих к нему земель в то время, когда возникали удвоенные согласные, оказалось изолированным [Андреева 1963: 181; 1962; 1964]. Учитывая то, что примеры с *С'j* отмечаются в разных белорусских говорах и как правило наряду с *С'С'* или с *С'*, более обоснованной представляется точка зрения Е. Ф. Карского, который считал вариант *С'j* в белорусских говорах вторичным, возникшим в результате влияния образований на согласный + *ij* [*на Иллю пирапечку налию...*, *слезами лиюся* в рифму — *водзицы сьпиюся* ..., в которых *и* исчезает на наших, так сказать, глазах» [Карский 1955: 299–300]. С мнением Е. Ф. Карского соглашается Ф. П. Филин, который справедливо замечает при этом, что в современных белорусских говорах *С'j* является более употребительным, чем это было во времена Е. Ф. Карского, и отмечается чаще всего наряду с *С'*, а не с *С'С'* (срв. [ДАБМ: карта 64]), как следовало бы ожидать, так как *С'С'* является литературной нормой белорусского языка [Филин 1972: 325–326]. По-видимому, все-таки немаловажную роль в распространении в белорусских говорах варианта *С'j* сыграло влияние русского литературного языка.

Неудвоенные мягкие согласные в соответствии *С'j* в украинских и белорусских говорах, по мнению Л. К. Андреевой, имееют разное происхождение: в украинских говорах *С'* — результат «отхода» от произношения *С'С'*, в отличие от этого в белорусских говорах *С'* возникло непосредственно из *С'j* в результате ослабления *j* [Андреева 1963: 200–201].С этим согласуется то, что в ДАБМ (XX в.) *С'* часто отмечается наряду с *С'j*, а не с *С'С'*, которое свойственно большей части белорусских говоров и белорусскому литературному языку.

Т. Ю. Строганова, детально анализировавшая процесс изменения сочетаний *С'j* > *С'С'* в русских говорах, разделяют точку зрения, высказанную в работах [Соболевский 1907; Шахматов 1903; 1911–1912]; а позднее [Андреева 1963]: [j] уподобляется предшествующему согласному особенно легко в тех случаях, когда согласный является переднеязычным, то есть близким по артикуляции к [j]; условия для ассимиляции предшествующему согласному прежде всего возникали там, где звук [j] обладал качествами фрикативного согласного в отличие от неслогового [i̯] [Строганова 1970: 45].

По-мнению Т. Ю. Строгановой, удвоенные мягкие согласные в соответствии сочетанию *Cj*, первоначально возникнув в результате ассимиляции в тех сочетаниях, в которых согласный был артикуляционно близок к [j], в части говоров вошли в фонетическую систему как особые фонемы. Вследствие этого стали возможны удвоенные согласные на месте сочетаний с /j/ и таких согласных, которые не были близки артикуляционно к [j], то есть губных и [р']. Вместе с тем отклонения от общей тенденции изменения *С'j* > *С'С'*, по мнению Т. Ю. Строгановой, наблюдаются в сочетаниях с /j/ тех согласных, которые характеризуются некоторыми особенностями, связанными с развитием категории твердости-мягкости согласных, а именно губных, /р/ и /л/. Возникновение *С'* — мягкого согласного без удвоения — Т. Ю. Строганова связывает с малой противопоставленностью в говорах ДП «удвоен-

ность – неудвоенность»: «Малая противопоставленность ДП удвоенность – неудвоенность (долгота — краткость) среди других различительных признаков в системе фонем, видимо, приводит к тому, что элемент системы, обладающий данным ДП, может его утрачивать: t't' > t'» [Строганова 1970: 46].

Детально проанализировав материал русских говоров, Т. Ю. Строганова приходит к выводам, которые сводятся к следующему:

1) Диалектное произношение на месте сочетания «согласный+/j/» чаще всего отмечается при согласных [н'] и [т'].

Здесь можно заметить, что это, по-видимому, объясняется тем, что сочетания [н'й] и [т'й] вообще являются более частотными в речи.

2) Развитие изучаемого явления в пределах всех его ареалов русских говоров было единообразным.

3) Первоначальным очагом процесса *C'j* > *C'C'* следует считать юго-западные территории русских говоров, где раньше начался процесс утраты редуцированных. Развитию явления способствовала близость артикуляции переднеязычных согласных и [й] в южнорусских говорах и особенности этих говоров, связанные с развитием категории твердости – мягкости.

4) Интенсивность явления на территории юго-западных говоров и четкость языковой границы, отделяющей говоры с *C'C'* от говоров с *C'j*, может объясняться тем, что данная территория в течение длительного времени входила в Великое княжество Литовское, где это явление сохранилось в большей степени, чем на других территориях. В то же время возникновение данного явления могло относиться и ко времени, предшествовавшему отрыву юго-западных земель, о чем свидетельствуют и памятники письменности, хотя это явление и отражено в них слабо: первое отражение рассматриваемого явления в южнорусских памятниках относится к XII в., в западнорусских — к XIV в., в Смоленских — к XV в.. Следовательно, «<...> в живом произношении удвоенный согласный в соответствии новому сочетанию "согласный + j" в XIV в. был уже представлен, очевидно, достаточно широко и <...> его распространение не уменьшается, а расширяется на протяжении последующих веков. Диалектный вариант с *t'* без удвоения и без /j/ с очевидностью отражает стадию "отхода" и "затухания" процесса произношения удвоенного согласного в соответствии сочетанию "согласный + j", не нашедшего соответствующего места в фонологической системе говоров» [Строганова 1970: 50].

А. Н. Залесский, рассмотрев материал украинских говоров, приводит ряд доводов, которые позволяют ему сделать вывод, что «<...> стягнення подовжених м'яких приголосних у говорах, що лягли в основу сучасних південно-західних, відбулося не пізніше XVI ст.» [Залесский 1980: 65].

Как отмечает С. И. Котков, массовые контакты русского и украинского населения на юге Московского гос-ва начались в XVI–XVII вв., что дает право предполагать, что удвоение согласных на месте *C'j* в курско-орловских говорах распространилось в это время под влиянием украинского языка. Написания двойных согласных типа *адоння*, *жалованни* и под. в южновеликорусской письменности XVII в. С. И. Котков рассматривает как следы украинской и белорусской фонетики [Котков 1963: 140].

Т. Ю. Строганова связывает рассматриваемое явление с развитием в говорах категории твердости – мягкости. Иную точку зрения на данное явление высказывает С. В. Бромлей, которая трактует развитие удвоенного мягкого согласного на месте сочетаний *C'j* в связи с различной по говорам степенью вокальности согласного /j/.

По мнению С. В. Бромлей, процесс изменения *C'j* > *C'C'* (после утраты редуцированных перед /j/), широко известный русским западным говорам и имеющий рассеянное распространение в северных русских говорах, начался как ассимиляция в сочетаниях двух сонорных [н'j] и [л'j] (*свинья*, *веселье* и под.). С. В. Бромлей рассматривает ряд фактов и высказывает некоторые соображения, которые позволяют предполагать, « что на сочетания других мягких согласных с [j] такое произношение распространилось позже и не как фонетический процесс, а как фонетическая модель произношения этих сочетаний в определенных положениях в слове» [Бромлей 1985: 20]. По мнению С. В. Бромлей, «характером [j], т. е. слабой выраженностью его консонантных свойств, обусловлена его неспособность оказать то преобразующее воздействие на зубные и губные согласные, которые он оказывал в предшествующий период развития славянской фонетики (ср. "переходное" смягчение зубных *svet-ja* > *свеча*, *med-ja* > *межа* и выделение эпентетических звуков у губных). «Поэтапность» же в этом случае следует, по-видимому, понимать не как чисто фонетический ход развития процесса с охватом в дальнейшем других категорий согласных, а как расширение сферы употребления двойных мягких согласных (в первую очередь взрывных и фрикативных зубных) в соответствии с новыми сочетаниями этих согласных с [j] уже

по законам распространения фонетической модели» [там же: 21].

О вероятности такой трактовки, по мнению С. В. Бромлей, могут свидетельствовать и современные диалектные данные: в сочетаниях с [j] случаев удвоенного [н'] в материалах для ДАРЯ содержится примерно в 2 раза больше, чем удвоенного [т'] (сравниваются сочетания с [j] с наиболее частотными из этих двух групп согласных: сонорных и зубных шумных); удвоение мягких согласных отмечается обычно на стыке морфем, внутри или в начале корня это явление отсутствует (в словах *дьяк*, *дьячок*, *дьякон*, *дьявол*, в местоимении *чья*, в глаголе *шить* — *шjот* и т. д. удвоения практически никогда не происходит), но в той же позиции сонорный согласный *л* последовательно удлиняется в формах глагола *лить* ([л'л']*у*, [л'л']*от* и др.). Таким образом, в этой позиции не происходит удвоения несонорных согласных и, наоборот, удвоение происходит, если согласный сонорный. [Бромлей 1985: 21]. С. В. Бромлей обращает внимание и на то, что в формах с удвоенными согласными во всех извлечениях из памятников XV–XVII вв. сонорные или преобладают, или являются исключительными. С. В. Бромлей высказывает и некоторые соображения по поводу того, что рассматриваемый процесс начинался как ассимиляция в сочетаниях с [j] сонорных также и в белорусском и украинском языках. «На основании всех приведенных фактов и соображений представляется возможным предполагать, что удвоение мягких согласных в новых сочетаниях с [j] в своей фонетической основе было ассимилятивным процессом в сочетаниях сонорных согласных. При своем типичном для периферийных явлений распространении он вписывается в зону реализации других ассимилятивных процессов в группах сонорных согласных (или с участием сонорных), свойственных этим говорам» [Бромлей 1985: 21–22].

Количественная характеристика вариативности в говорах может выявить тенденцию развития изучаемого явления. Иными словами, если различия между говорами состоят в количественном соотношении числа примеров, которыми представлены члены данного межсистемного соответствия (изучаемые признаки), сосуществующие в одном говоре, то в этих случаях к закономерностям поведения модели (пространственное распределение изучаемых признаков, то есть вариативность в пространстве) относится и ее количественная характеристика.

Важной количественной характеристикой вариативности в пространстве является характер распределения по говорам относительных частот изучаемого признака, или условно «статистический тип явления».

Каждое явление, которое представлено сосуществующими по говорам вариантами (имеются в виду единицы, находящиеся в отношениях свободного варьирования) можно отнести к одному из двух типов: ДИСКРЕТНЫЙ тип или КОНТИНУАЛЬНЫЙ (см. [Пшеничнова 1996: 4–5]. Можно высказать предположение, что характер развития явления в некотором смысле отражается в его статистическом типе. Так, континуальный тип обычно соответствует внутреннему спонтанному развитию явления, дискретный тип свидетельствует о том, что развитие осложнено действием каких-то дополнительных, собственно лингвистических или экстралингвистических, факторов (см. об этом [Пшеничнова 1985]).

Сосуществование по говорам сочетаний согласных с [й] и соответствующих им удвоенных мягких согласных (*плá*[т'й]*е* и *плá*[т'т']*е* и под.) является примером того, что дискретному типу явления соответствует и территориальное объединение говоров с близкими количественными характеристиками вариативности. Названное явление относится к дискретному типу. Статистический анализ материала русских говоров территории ДАРЯ показал, что по количественной характеристике вариативности говоры территории ДАРЯ объединяются в две статистически однородные группы, а территориально говоры, относящиеся к этим двум группам, образуют два достаточно четко противопоставленных ареала: 1) юго-западный — наиболее значительный и 2) на территории межзональных говоров северного наречия (по ДЧ Захаровой – Орловой). Средняя относительная частота примеров с удвоенными мягкими согласными одной группы (западной) равна 0,59; средняя относительная частота таких примеров во второй группе (северной) — 0,23. Говоры, входящие в первую группу, отмечены главным образом на территории распространения только удвоенных согласных, говоры второй группы, распространены преимущественно среди севернорусских говоров, в которых как правило отмечается сочетание мягких согласных с [й]. Такая статистическая и лингвогеографическая характеристика явления хорошо согласуется с представлением о неодинаковом происхождении удвоенных мягких согласных, соответствующих сочетаниям мягких согласных с [й], на этих двух территориях (см. выше).

Результаты статистического анализа можно рассматривать как показания, подтверждающие справедливость точки зрения Р.И. Аванесова о том, что в русских говорах главным образом на северо-востоке Евро-

пейской части России удвоенный мягкий согласный на месте сочетания «согласный + j» имеет иное, чем на юго-западе, происхождение: «Можно с достаточной уверенностью предполагать, что этот процесс в русских говорах появился вне связи с соответствующим процессом украинского и белорусского языков. В русском языке это явление известно, главным образом, в окраинных говорах по соседству с нерусскими народами (например, коми), в языках которых имеются аналогичные явления. Поэтому, возможно, что двойные согласные в подобного рода русских говорах появились на почве межъязыкового смешения, в частности в результате перехода в разное время на русский язык представителей местных языков» [Аванесов 1949: 206]. Как показало картографирование, данное явление распространено довольно широко и в русских говорах, граничащих с белорусскими и украинскими, — эти говоры входят в общий восточнославянский ареал двойных согласных в соответствии с *С'j*. Происхождение удвоенных согласных в говорах этого ареала следует рассматривать как единый процесс. В отличие от этого примеры с *С'С'* на северной и северо-западной периферии русских говоров могут иметь другое происхождение.

В определении фонологического статуса удвоенных мягких согласных, соответствующих *С'j*, мнения исследователей расходятся. А. Б. Пеньковский замечает: «В литературе предмета результаты ассимиляции *j* предшествующим согласным не имеют общепринятого обозначения: их называют либо двойными (удвоенными), либо долгими согласными, и с фонетической точки зрения, по-видимому, допустимо использование любого из этих терминов. Однако что они представляют собой в фонематическом отношении и каково их место в фонематической системе?» [Пеньковский 1966: 134].

Долгие согласные, соответствующие сочетанию *С'j*, рассматриваются как особые фонемы, а долгота — как их дифференциальный признак в ряде работ: см., например, в украинских говорах и украинском литературном языке — [Курс 1951: 147; Букатевич и др. 69–70; Івченко 1960: 185; Андреева 1963: 21, 73]; в белорусских говорах и белорусском литературном языке — [Ломтев 1951: 44–45; Андреева 1963: 21, 73]; в русских говорах — [Строганова 1970: 46].

Г. Ф. Шило считает особыми фонемами в украинском языке только [н:], [с:], [д:] и [л:] на том основании, что они встречаются и в других фонетических положениях [Шило 1948: 229, 230].

Л. Р. Зиндер полагает, что: « <...> в украинском языке, где присоединение суффикса *-а* (из *ja*), служащего для образования имен существительных, сопровождается удлинением последнего согласного корня с одновременной палатализацией его, например: /veselij/ веселий — /ves'il':a/ весілля, /žiti/ жити — /žit':a/ життя и т. п. <...> нет явного повода для морфологического расчленения долгого согласного на две согласные фонемы. Фонетическое же условие, а именно положение перед *j*, вызвавшее появление долгого и притом палатализованного согласного, не встречается больше в современном украинском языке. Таким образом, нет препятствий для того, чтобы признать долгие согласные в украинском особыми фонемами [Зиндер 1960: 127].

П. П. Кострyба отрицает наличие долгих фонем в украинском и считает удвоенные согласные сочетанием двух фонем [Сучасна українська літературна мова 1968: 241].

Авторы [Русской диалектологии 1964: 90] также рассматривают *С'С'* из *С'j* как двойные согласные, то есть видят в них сочетание двух фонем.

По мнению Л. Э. Калнынь, долгота мягких согласных на месте сочетаний согласных с /j/ выполняет ту же морфологическую функцию, какую выполняет и согласный /j/ в сочетании с губными и *р* в тех же самых морфемах, что дает основания считать долгие мягкие согласные не самостоятельными фонемами, а сочетанием фонем [Калнынь 1962: 87].

К мнению Л. Э. Калнынь присоединяется и А. Б. Пеньковский, который считает, что «<...> соотношения в рядах *дроб – дро́ббю // дв'ер' – дв'ёр'йю // маз' – ма́з'з'ю*; *двор – надво́р'йа // л'ёта – нал'ёт'т'а* и т. п. <...> вопреки мнению Л. Р. Зиндера <...> дают достаточные основания для морфологического расчленения долгого согласного на две согласных фонемы <...> часто приводимые противопоставления типа укр. *вороня – вороння*, *плат'я – плат'т'а* и т. п. не показывают сами по себе, что долгие согласные в подобных случаях являются самостоятельными долгими согласными фонемами, а именно на такого рода сопоставлениях основывается и позиция Л. Р. Зиндера <...>, и точка зрения Л. К. Андреевой [Пеньковский 1966: 135]. А. Б. Пеньковский при этом замечает, что, рассматриваемые согласные, употребляясь преимущественно на стыке морфем, «представляют сочетания фонем, а это заставляет считать предпочтительной квалификацию их в фонетическом отношении не как долгих, а как двойных согласных» [Там же: 136].

По мнению А. Б. Пеньковского, которое представляется вполне убедительным, аргументом в пользу бифонемности рассматриваемых долгих согласных являются также известные в ряде говоров примеры гиперистической замены *н'н'>ний* через *дн* (*мълодн'а́*

'молния' < *мълон'н'á* < *молон'йá* в некоторых говорах на севере Западной Брянщины, в этих же говорах отмечено *с'áн'н'и* 'сегодня', *в'ал'икáн'н'а* и др.), а также случаи диссимилятивного изменения *с'с'* < *сй* в *с'т'* (*валóс'т'а* < *валóс'с'а* < *валóс'йа* и нек. др. под.) [Пеньковский 1966: 137].

Р. И. Аванесов, рассматривая форму Тв.ед. сущ. жен. р. III скл. в белорусском языке и белороусских говорах, отмечает, что в примерах типа *глыб – глыб-і – глыбj-у, мыш – мыш-і – мыш-у* и под. «<...> согласная, повторяющая предыдущую согласную, а также /j/, после губных и /r/ относится не к основе, а к флексии <...> при этом на фонетическом уровне членение таково: [с'énажац'-ц'у], [стóл'-л'у], [далóн'-н'у], [hýс'-с'у], [нóч-чу], [мыш-шу] и рядом [hлыб-jу], [крóў-jу], [вéрф-jу], [шыр-jу]. Что же касается более глубокого уровня фонемного, точнее морфо-фонематического, который только и существен для грамматического уровня, то во всех этих и подобных случаях надо констатировать одну флексию — /ju/: /s'enažac'-ju/, /stol-ju/, /hus'-ju/, /noc-ju/, /miš-ju/, /hlib-ju/, /krov-ju/, /verf-ju/, /šir-ju/. Фонема на стыке корня и начинающейся с нее флексии выступает в своем основном виде (т. е. как /j/) после губных и /r/, а после переднеязычных (кроме /r/) она позиционно замаскирована и выступает в облике согласной корня, т. е. повторяет ее. Это значит, что согласные /c'/, /s'/, /l'/, /n'/ и др. в начале «фонетической флексии» после тождественных согласных являются вариантами фонемы /j/ <...> Таким образом, перед нами целая сеть аллофонов, качество которых зависит от качества предшествующей согласной» [Аванесов 1978: 82].

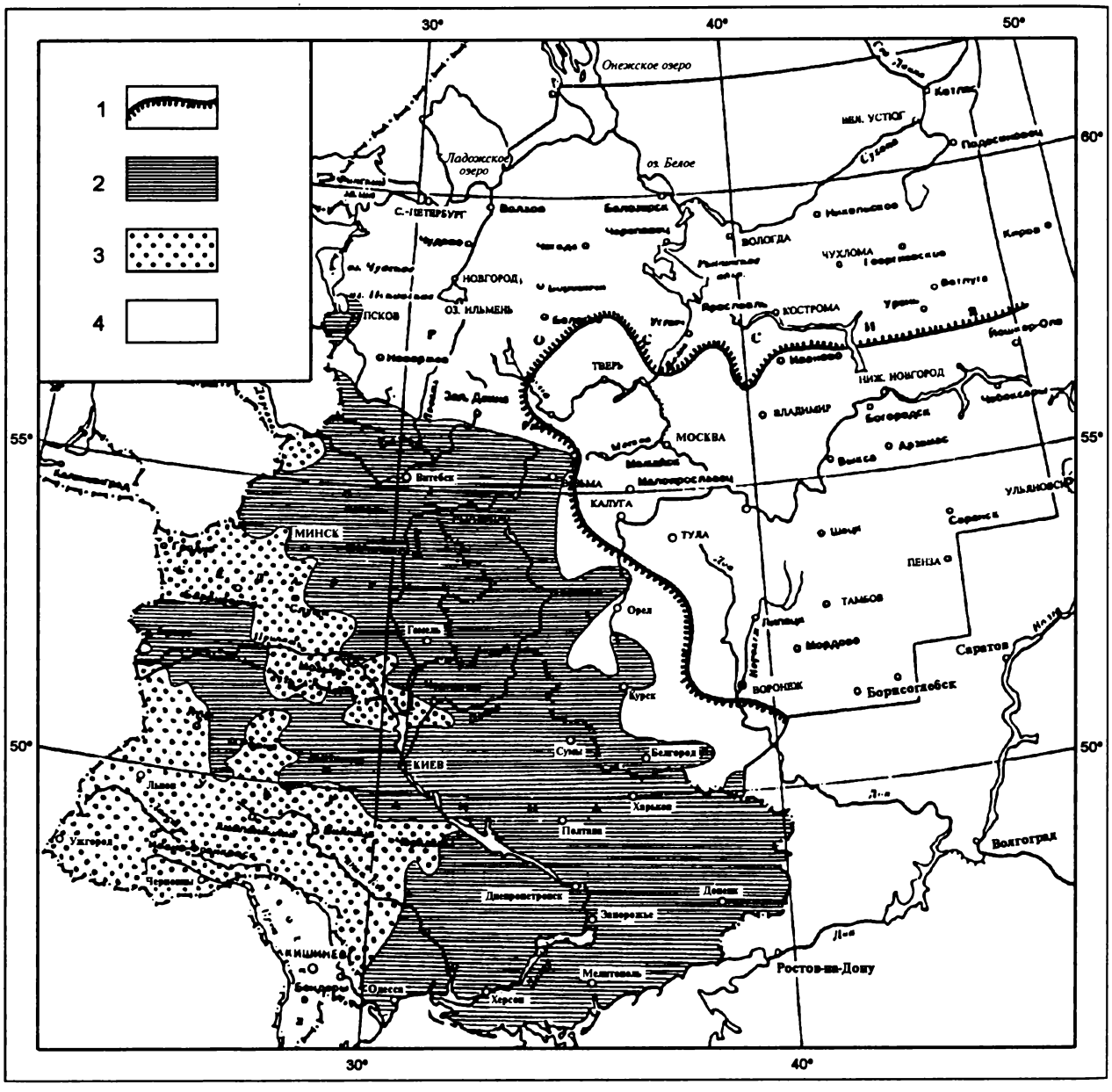
А. Н. Залесский присоединяется к точке зрения Р. И. Аванесова: «Виходячи з концепції московської фонологічної школи, яка в основу едності фонеми кладе єдність морфеми, а обсяг фонетичної реалізації фонеми визначае на підставі її функціонування в тотожних морфемах, м'які подовжені приголосні, зокрема й шиплячі, на стику кореня й суфікса, основи й флексії е всі підстави і в синхронному плані кваліфікувати як реалізацію сполук приголосного з *й*» [Залесский 1980: 61–62].

К такому же выводу, но несколько иным путем приходит и А. И. Подлужный: «Поскольку в большинстве случаев морфемная граница разделяет долгие согласные на два элемента, их следует рассматривать как две одинаковые фонемы.» Особую проблему деления на морфемы, по мнению А. И. Подлужного, представляет форма Т.ед. существительных III склонения: в существительных типа *ноч-чу, гол-лю, гніл-лю, пяц-цю*, а также в наречиях *ноч-чу, рыс-сю* и др., которые восходят к форме Т.ед., с точки зрения фонологии длительность следует рассматривать как особый фонологический элемент, а «долгие согласные правильно рассматривать как два фонологические элемента: соответствующий краткий согласный + {:}, которые разделяются морфемной границей <...> При определении фонологического статуса долгих согласных нет необходимости обращения к диахронии — восстановления морфонемы [j], как это сделал Р. И. Аванесов» [Подлужный 2004: 195–196].

Наиболее убедительной точкой зрения на фонологический статус удвоенных согласных, соответствующих *C'j*, представляется предложенная в работе [Попова 2002]. Т. В. Попова, анализируя форму Т.ед. существительных жен. р. III склонения в ряде славянских языков, так же, как и Р. И. Аванесов и его последователи, рассматривает данные сочетания согласных как сочетания двух фонем. Оригинальность рассуждений Т.В.Поповой состоит в том, что второй согласный — [j] или его заместитель — рассматривается не как элемент флексии, а как расширитель основы, а флексия Т.ед. существительных жен. р. таким образом оказывается состоящей как и во всей парадигме из одного элемента. Исторически сочетания *C'j* и их соответствия возникли на границе морфем, но, рассматривая их в синхронном плане, Т. В. Попова констатирует переразложение основ, в результате чего расширителем основы стал или [j], или согласный, идентичный предыдущему. Изложенная точка зрения привлекательна тем, что она позволяет в синхронном плане единообразно объяснить все многочисленные и разнородные факты с сочетанием *C'C'* < *C'j* на стыке морфем.

Картографирование на всей восточнославянской территории показало, что рассматриваемое явление относится к числу таких, которые делят восточнославянские говоры по степени их вокальности — консонантности: более консонантные русские говоры центра (преобладает *C'j*) и более вокальные говоры русской периферии, белорусские и украинские (преобладает *C'C'* или *C'*). Фонологическая интерпретация *C'C'* как сочетания двух фонем также согласуется с названным противопоставлением. Трактовка же *C'C'* как особой долгой фонемы приводит к констатации большего, по сравнению с говорами, для которых характерно *C'j*, числа согласных фонем, то есть с указанным противопоставлением говоров не согласуется.

Карта. Сочетания согласных с [й] и их соответствия

Условные обозначения

1. Отмечен удвоенный согласный и/или неудвоенный без [й]:бел. *вóси*[н'н']*у* и т. п. и/или *вóси*[н']*у* и т. п.; рус. *плá*[т'т']*е* и т. п. и/или *плá*[т']*е* и т. п.; укр. *колó*[с'с']*е* и т. п. и/или *колó*[с']*е* и т. п.
2. Удвоенный согласный отмечен преимущественно или исключительно.
3. Неудвоенный согласный без [й] отмечен преимущественно или исключительно.
4. Преобладает или является исключительным сочетание согласного с [й]: рус. *плá*[т'й]*е* и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.

Аванесов Р.И. О фонологическом статусе долгих согласных в белорусском языке// ВЯ. 1978. № 1.

Андреева Л.К. Явление ассимиляции в новых сочетаниях с /j/ в говорах северновеликорусского наречия// Уч. зап. Перм. гос. ун-та. 1960. Т. 16. Вып.1.

Андреева Л.К. Новые сочетания согласных с j в восточнославянских языках// Мат-лы и иссл. по русской диалектологии. Новая серия. Вып. III. М., 1962.

Андреева Л.К. Новые сочетания согласных с /j/ в восточнославянских языках. Канд. дисс. М., 1963.

Андреева Л.К. К истории новых сочетаний согласных с / j/ в восточнославянских языках // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Пермь, 1964.

Бромлей С.В. Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров//Диалектография русского языка. М., 1985.

Букатевич Н.И., Грицютенко Н.И. Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков. Одесса, 1958.

Булахаў М.Г. Старабеларускія назвы роднасці і свайцтва // З жыцця роднага слова. Мінск, 1968.

Говірки чорнобильської зони. Тексти. Київ, 1996.

Жилко Ф.Т. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Залеський А.Н. Подовжені приголосні у фонологічній і морфологічній системах української мови // Мовознавство. 6. 1980.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960.

Івченко М.Н. Сучасна українська літературна мова. Київ. 1960.

Історія української мови: Морфологія. Київ, 1978.

Калнынь Л.Э. Корреляция твердых и мягких фонем в украинском языке // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. Т. 23. М., 1962.

Калнынь Л.Э. Отношение к признакам вокальность/консонантность в фонетике восточнославянских диалектов // Восточнославянские изоглоссы. 2000. Вып. 3. М., 2000.

Карский Е.Ф. Белорусы. Т. I. М., 1955.

Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963.

Курс сучасної української мови. Т. 1. Київ, 1951.

Ламтев Т.П. Белорусский язык. М., 1951.

Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.

Пеньковский А.Б. Фонетика говоров Западной Брянщины. Канд. дисс. М., 1966.

Подлужный А.И. Фонологический статус долгих согласных в белорусском языке// ОЛА Мат-лы и иссл. 2001–2002. М., 2004.

Попова Т.В. О морфонологической структуре словоформ Тв. ед. существительных женского рода старых **i*-основ в некоторых современных литературных славянских языках// Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 2002.

Пшеничнова Н.Н. Об одном аспекте отражения развития языковых признаков в их пространственном распределении // Диалектография русского языка. М., 1985.

Пшеничнова Н.Н. Типология русских говоров. М., 1996.

Расторгуев П.А. Северско-белорусский говор. Л., 1927.

Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907.

Строганова Т.Ю. Новые сочетания согласных с /j/ в русских говорах // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Сучасна українська літературна мова. Київ 1968. Т. I.

Сцяцко П.У. Ўласныя асабовыя імены, іх варыянты і ужыванне у народнай мове // З жыцця роднага слова. Мінск, 1968.

Трубецкой Н.С. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // Избранные труды по филологии. М., 1987

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972.

Шахматов А.А. К вопросу о различении йота и неслогового *i* в говорах славянских языков. Варшава. 1903.

Шахматов А.А. Курс истории русского языка. СПб., 1911–1912.

Шило Г.Ф. Палатограмми українських звуків і система фонем української мови // Уч. зап. Львовского гос. ун-та. 1948. Т. 7. Вопросы славянского языкознания, 1.

Шило Г.Ф. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957.

Яшкин І.Я. Семантыка назаў рыбалоўства у гаворках Пяшчанцаў Слаўгародскаго раёну// З жицця роднага слова. Мінск, 1968.

Dejna K. Gwary ukrainskie Tarnopolsczyzny. Polska AN, Prace językoznawcze, 13, Wroclaw, 1957.

Т. В. ПОПОВА

Конечные /т/, /т'/ и /∅/ в формах 3 лица множественного числа настоящего времени

По словам С. П. Обнорского, «образование форм 3-го л. ед. и мн. ч. у глаголов в наст. вр. составляет большую проблему и в отношении русского языка, и в отношении иных славянских языков, включая и язык старославянский» [Обнорский 1953: 117]. И, как показывают известные нам исследования этих форм, слова С. П. Обнорского следует признать справедливыми.

Ранее мы уже обращались к данной проблеме: так, нами были опубликованы две карты и обширный комментарий к ним на тему «Флексия глагольной формы 3-го лица единственного числа настоящего времени в восточнославянских диалектах» (см. ВСИ-2, 1998: 130–169).

Настоящий комментарий и карта (см. с. 106) посвящены исследованию реализации финальной части флексии глагольной формы **3 л. мн. наст.** в современных восточнославянских диалектах, которая, как показал материал, может быть реализована фонемами /т/, /т'/, а также нулем звука /∅/. Работа выполнена на основе сопоставления следующих лингвогеографических источников:

1. Карта № 79 «<т> и <т'> в окончаниях 3-го лица глаголов» [ДАРЯ II].
2. Карта № 81 «Отсутствие конечного *т* в окончаниях 3-го лица множественного числа глаголов I и II спряжений» [ДАРЯ II].
3. Карта № 156 «Цвёрды і мяккі зычны і ненаціскны галосны ў канчатку 3-яй асобы множнага ліку дзеясловаў I спражэння» [ДАБМ].
4. Карта № 60 «3-тя особа множини теперішнього часу дієслова *іржати*» [АУМ 3, частина 1].
5. Карта № 61 «3-тя особа множини теперішнього часу дієслів II дієвідміни» [АУМ 3, частина 1].
6. Карта № 74 «3-тя особа множини теперішнього часу дієслів II дієвідміни» [АУМ 3, частина 2].
7. Карта № 39 «3-тя особа множини дієслів теперішнього часу I и II дієвідмін» [АУМ 3, частина 3].
8. Карта № 261 «3-я особа множини теперішнього часу дієслів I та II дієвідмін» [АУМ 1].
9. Карта № 242 «3-я особа множини теперішнього часу дієслів I та II дієвідмін» [АУМ 2].

Кроме того, использованы опубликованные работы по описательной и исторической диалектологии трех восточнославянских языков, в которых исследуется или упоминается вопрос о формах **3 л. мн. наст** глаголов I и II спряжений.

Перед изложением конкретного материала считаем необходимым сделать некоторые пояснения по поводу морфологического членения глагольных словоформ **3 л. ед.** и **3 л. мн. наст.**, которое применяется в настоящей работе.

Известно, что морфологический анализ предполагает выявление соответствия между содержательной и формальной структурами словоформ путем определения (дефиниции) всех морфологических компонентов, составляющих ту или иную словоформу. Глагол, по определению В. В. Виноградова, по составу и структуре своих словоформ — «это самая сложная и емкая грамматическая категория русского языка» [Виноградов 1972: 337]. Что касается глагольной парадигмы настоящего времени, то при морфологическом анализе ее словоформ особую трудность представляет дефиниция так называемых *тематических элементов*, то есть сегментов, занимающих в линейном строении словоформ место между основой и флексией: их относят либо к основе, либо к окончанию, либо придают им статус самостоятельного морфологического элемента глагольной словоформы. Так, применяя принцип структурного параллелизма, основанный на выделении *фиксированного* набора морфологических элементов, свойственных всем без исключения словоформам одной парадигмы (в данном случае парадигмы настоящего времени), сопоставим однозначные словоформы двух глаголов I и II спряжений в современном русском литературном языке в их орфографическом варианте:

		I спряжение	II спряжение
1 л. ед.	—	пиш-∅-у	держ-∅-у
2 л. ед.	—	пиш-е-шь	держ-и-шь
3 л. ед.	—	пиш-е-т	держ-и-т
1 л. мн.	—	пиш-е-м	держ-и-м
2 л. мн.	—	пиш-е-те	держ-и-те
3 л. мн.	—	пиш-∅-ут	держ-∅-ат

Из этого сопоставления следует, что так называемые «средние» словоформы парадигмы настоящего времени I и II спряжений различаются буквами *е* (I спряжение) и *и* (II спряжение), в то время как конечные элементы данных однозначных словоформ, являющиеся флексиями, полностью совпадают. Назовем буквы *е* и *и* в «средних» словоформах *классными показателями*, то есть показателями настоящего времени (см. [Якобсон 1985: 22]) и спряжения (Ю. С. Маслов, считая их *морфемами* особого рода, несущими лишь формальную информацию, называет их «промежуточными элементами» [Маслов 1968: 57–58]). В словоформах 1 **л. ед.** и **3 л. мн. наст.** место «классных показателей» в линейном членении, как это видно из приведенных двух рядов словоформ, занимает ∅; на месте флексии в словоформе **3 л. ед.** выступает *т*, а в словоформе **3 л. мн.** — *ут* (I спряжение) и *ат* (II спряжение). Такая точка зрения, допускающая новый принцип морфологической синхронной сегментации глагольных словоформ, отличается от традиционной, в соответствии с которой флексией словоформы **3 л. ед. наст.** считается *ет* (I спряжение) и *ит* (II спряжение), и поэтому в словоформах парадигмы настоящего времени не выделяется самостоятельный классный показатель (см., например: [Грамматика 1970: 403; Бромлей, Булатова 1972: 191]). Исходя из сказанного, мы при рассмотрении диалектных словоформ **3 л. ед. наст.** типа *он лежи́т*, *он лежи́т'*, *он лежи́* выделяем флексии /т/, /т'/ и ∅, а для диалектных форм **3 л. мн. наст.** типа *они лежа́т*, *они лежа́т'*, *они лежа́* и *они пеку́т*, *они пеку́т'*, *они пеку́* — флексии /а́т/, /а́т'/, /а́∅/ и флексии /у́т/, /у́т'/, /у́∅/.

Русский язык

В русских говорах в форме **3 л. мн. наст.** в исходе данной словоформы отмечены согласные фонемы /т/, /т'/ и нуль звука ∅, например: *несу́т*, *несу́т'*, *несу́∅*; *но́с'ат*, *но́с'ат'*, *но́с'а∅*.

Важно отметить, что нередко формы **3 лица**, как в **ед.**, так и во **мн. числе**, являются во многих говорах русского языка тесно связанными между собой в отношении фонетической реализации конечного элемента данных словоформ (см., например, об этом в [Бромлей, Булатова 1972: 246]), а именно: *он лежи́т — они лежа́т*, *он лежи́т' — они лежа́т'*, *он лежи́ — они лежа́*. Однако далеко не все говоры русского языка демонстрируют такую тесную фонетическую связанность между формами ед. и мн. числа. Особенно это касается тех диалектных глагольных систем, в которых в данных формах фиксируется конечный нуль звука. Поэтому считаем вполне допустимым раздельное исследование форм **3 л. ед. наст.** и форм **3 л. мн. наст.** (см. о формах **3 л. ед. наст.** в [Попова 1998]).

I. Формы 3 л. мн. наст. с конечной фонемой /т'/

Данные формы распространены в большом количестве русских говоров. Мы их находим прежде всего в современных южнорусских и акающих среднерусских говорах (см. [ДАРЯ II, карта № 79; Бромлей, Булатова 1972: 246]. Например: *св'ёт'ут'*, *прóс'т'ут'*, *п'ил'ут'*; *в'áжут'*, *м'éс'ут'*, *м'ел'ут'*; *растýт'*, *вылакýт'*, *палзýт'*; *мълчáт'*, *в'иж'ж'áт'*, *зър'ид'óт'* (говор с. Огорь Жиздринского района Калужской области [Бромлей, Булатова 1972: 388, 390, 392]); *зав'ернýт'*, *кл'уйýт'*, *крадýт'*; *тр'ахнýт'*, *сажмýт'*, *сал'áт'*, *нъдар'áт'*; *валóч'ут'*, *пъвáл'ат'* (говор с. Деулино Рязанской области [Там же: 433, 434]); *стаят'*, *идýт'*, *в'азýт'*, *б'арýт'*, *растýт'*, *бýдут'*, *пúшут'*, *скáжут'*, *сып'ут'*, *хóд'ут'//хóд'а* (редко), *вóд'ут'//вóд'а* (редко), *вóз'ут'*, *крýт'ут'*, *налóжут'*; *пъс'ид'áт'// пъс'ид'á*, *сп'ат'//сп'а*, *вар'áт'//вар'á* (говор с.Катагощи Рязанской области [Гецова 1963: 107]); *пл'áшут'*, *настáвют'*, *сýшут'*, *ръстáшшат'*, *хóдют'*, *кóсют'* [Титовская 1959: 22, 23]); *нъдáиваюць*, *мóжуть*, *пляшуть*, *таскáюць*, *пякýть*, *гутáрюць*, *чурюрiókаюць*, *вдáрюць* и даже *надиваюццюць*, *называюццюць* (калужские говоры [Дурново 1903: 32–34]).

Формы **3 л. мн. наст.** на /т'/ признаются историками языка и диалектологами архаическим явлением. Так, С. П. Обнорский пишет: «Система древнерусского языка, свидетельствуемая старейшими письменными памятниками от половины XI в., знала, как норму, формы и ед., и мн. числа на ***-ть***. Однако с XIII–XIV вв., по русским памятникам, появляется новый тип форм, не на ***-ть***, а на ***-ть***...; этот тип форм представляется и в настоящее время областью севернорусских говоров, в то время как в южнорусских говорах продолжает существовать тип форм на ***-ть***» [Обнорский 1953: 130–131]. В. В. Иванов, проследивший историю развития глагольной системы русского языка (в том числе и форм **3 л. мн. наст.**), отмечает, что нормой в памятниках древнерусского языка (и более поздних периодов) также были указанные формы на ***-еть*** и на ***-уть***, и приводит богатейший иллюстративный материал из соответствующих памятников письменности (см. [Иванов 1982]).

Необходимо обратить особое внимание на то, что все исследователи форм **3 л. ед.** и **мн. наст.** говорят о таком необычном явлении, как наличие форм **3 л. мн. наст.** с конечной фонемой /т'/ в некоторых *севернорусских* говорах (например, в ряде олонецких и архангельских говоров, в говорах Петрозаводского и Вытегорского уездов, в отдельных новгородских, владимирских и вятских говорах, например: *идýть*, *ведýть*, *выпáдывают*, *пекýть* [Обнорский 1953: 118, 119, 120, 135]. При этом С. П. Обнорский пишет: «Ср. отмеченные выше замечательные факты, всегда представлявшие собой загадку, с диалектным употреблением, притом в области севернорусского наречия, форм именно 3-го л.ед.ч. на твердое *-т*, но форм 3-го л. мн. ч. на *-ть*. Это явление, до сих пор обычно представлявшееся в диалектологии изолированными олонецкими фактами, в действительности более широкое. Ср. вышеприведенные свидетельства о нем из Боровичского у. Новгородской г., Покровского у. Владимирской г., Бежецкого у. Тверской г.; ср. еще указания на наличность форм 3-го л. ед. ч. без *т*, но 3-е л. мн. ч. на *-ть* в Каргапольском у. Олонецкой г. и в Лужском у. Петроградской г. Во всех этих свидетельствах должна усматриваться глубокая старина» [Там же: 135]. Н. Н. Дурново также отмечает в некоторых говорах Олонецкой губернии в формах **3 л. мн. наст.** в исходе окончания /т'/ (*идýть*, *несýть*), в то время как в глаголах II спряжения в этих же формах находим /т/ [Дурново 1927: 332]; в другой работе Н. Н. Дурново указывает, что в части говоров Олонецкой губернии формы **3 л. мн. наст.** от глаголов I спряжения образуются с *-ut'*, в то время как формы **3 л. ед. наст.** в этих же говорах имеют *-t* [Дурново 1969: 145].

В своем исследовании глагола С. П. Обнорский, специально (и неоднократно) останавливаясь на вопросе о древности глагольных форм **3 л. мн. наст.** с конечной фонемой /т'/, отмечает, что «есть свидетельства употребления *т'* в полосе оканья только лицами старшего поколения (например, Бежецкий и Московский уу.). В этом смешении (т. е. у молодых — /т/, у стариков — /т'/. — *Т.П.*) — не след воздействия литературного языка, а след борьбы разнородных, первичного и позднейшего образования, диалектных массивов на данной территории, с победой на стороне диалектов позднейшего образования» [Обнорский 1953: 121]. В. Н. Теплова также фиксирует в комментарии к карте № 79 [ДАРЯ II] некоторые формы **3 л. мн. наст.** с конечной фонемой /т'/ в ряде севернорусских говоров, но подчеркивает при этом, что их, по-видимому, не следует считать достоверными, так как они записаны лишь в отдельных, не образующих ареалов, северных говорах наряду с более употребительными вариативными формами с конечной фонемой /т/ [Теплова 1989: 96–97]. Однако, учитывая вышеприведенные соображения С. П. Обнорского, может быть целесообразнее видеть в этих формах не необъяснимые случайности или недостоверные факты, а реально существующие в севернорусских говорах формы **3 л. мн. наст.** с конечной фонемой /т'/, которые, возможно, представляют собой архаизм, сохранившийся до настоящего времени.

Подчеркивая архаичность форм на /т'/, С. П. Обнорский пишет, что в старейших памятниках письменности XI в. и вплоть до XIII в. формы **3 л. мн. наст.** на *-ть* (так же, как и формы **3 л. ед. наст.** с флексией *-ть*) являлись письменной нормой и, видимо, были распространены и в живых говорах древнерусского языка [Обнорский 1953: 130–131]. Ссылаясь на работу Ф. Ф. Фортунатова (см.: *Фортунатов Ф.Ф.* Старославянское *-ть* в 3-м лице глаголов // Изв. II Отд. АН, XIII, 2), С. П. Обнорский приводит его мнение о том, что указанные формы на *-ть* (так же, как и однозначные формы на ∅) следует считать «вариантами старейшей формации» [Обнорский 1953: 117]. Говоря о реконструкции временны́х форм глагола исходной системы древнерусского языка (конец X – начало XI вв.), В. В. Иванов также отмечает, что формы **3 л. ед.** и **мн. наст.** характеризовались «наличием окончания *-tь*, присоединяемого к основе как непосредственно, так и с помощью тематических гласных» [Иванов 1978: 88]. В качестве иллюстрации сказанного он приводит формы **3 л. мн. наст.** из памятников письменности XI в.: ***могоуть***, ***коупять***, ***наричуть***, ***разлоучать***, ***каплють*** [Там же: 89] и утверждает, что формы **3 л. мн. наст.** с конечным ***-ть*** были исконными восточнославянскими образованиями [Там же: 95]. Важно также отметить, что формы **3 л. мн. наст.** с конечным ***-ть*** зафиксированы и в новгородских берестяных грамотах: ***рожь продають***, ***биють***, ***хотѧть*** [Гецова 1963: 121].

При исследовании форм **3 л. мн. наст.**, распространенных в южнорусских говорах и характеризующихся конечной фонемой /т'/, следует сказать и о важном наблюдении Л. Л. Касаткина, который описывает употребление в донских казачьих говорах (Волгоградская область, район рек Хопер, Медведица и Дон) форм **3 л. мн. наст.**, образованных от глаголов с наосновным или подвижным ударением в парадигме настоящего времени, с сочетанием [т'у] в конце словоформы: *б'éгэйут'у*, *вóз'ут'у*, *д'éйствуйут'у*, *д'éлэйут'у*,

ла́з'ийут'у, насо́д'ут'у, растр'е́л'ут'у, сво́л'ут'у, уб'ива́йут'у, аста́в'ит'у, ӷо́н'ит'у, л'у́б'ит'у, сло́жыт'у, ска́жэт'у. От глаголов с наконечным ударением формы 3 л. мн. наст. употребляются с конечной фонемой /т'/: *заву́т'*, *иду́т'*, *л'ат'а́т'* [Касаткин 2000: 587, 588]. Кроме того, в этом южнорусском говоре отмечены формы **3 л. мн. наст.** с эпитезой [о], а именно — *зэб'ира́йут'о, зала́з'ийут'о, л'е́ч'ут'о, нэсажа́йут'о, б'е́хэйут'о, прахо́д'ут'о, рабо́тэйут'о* [Там же: 588].

Если наличие эпитезы [у] можно объяснить фонетическим путем (сильная мягкость конечного согласного [т'], выделившаяся в самостоятельный гласный [и], который затем лабиализовался в результате прогрессивной ассимиляции предшествующему [у] — такая позиция отмечена в большинстве глаголов), то наличие эпитезы [о] в акающих говорах объяснить очень трудно.

Данное явление на карте не обозначено.

II. Формы 3 л. мн. наст. с конечной фонемой /т/

По определению В. Г. Орловой, в форме **3 л. мн. наст.** (как и в форме **3 л. ед. наст.**) «для говоров северного наречия и взятых в целом среднерусских говоров (за исключением южной части территории среднерусских говоров) характерно окончание *-т*», например: *несу́/т/* (и *несе́/т/*), *ви́дя/т/* (и *ви́ди/т/*)» [Орлова 1970: 196].

Глагольные формы **3 л. мн. наст.** с /т/ в окончании свойственны, пожалуй, наибольшей части современных русских говоров, ср., например: *др'е́мл'ут, беру́т, п'еку́т, воз'му́т, пошл'у́т, пова́л'ат, ло́в'ат, кро́шат, моло́т'ат, сол'а́т, кур'а́т, сад'а́т, ко́л'ут* (говор дер. Ладва Прионежского района, Карелия [Бромлей, Булатова 1972: 314, 317, 318]); *шев'ел'а́т, пойа́т, суша́т, подар'а́т, пр'иду́т, сотру́т, закуйу́т, помо́гут, хо́д'ат, ко́с'ат, пла́ч'ут, ста́нут, ко́л'ут, слы́шут* (говор дер. Окатово и Вороны Шабалинского района Кировской области [Там же: 352, 353]; *п'еку́т, расту́т, хо́д'ат, говор'а́т* (говор дер. Першлахты Приозерского района [Гецова 1963: 110]).

Следует обратить особое внимание на тот факт, что в старославянских памятниках письменности (о чем вкратце уже упоминалось выше) вполне обычным явлением было употребление глагольных форм **3 л. ед.** и **мн. наст.** с конечным *-тъ*: «Известна характерность для старославянских форм 3 л. мн. на *-тъ*» [Обнорский 1953: 117]. Наличие в древнерусских памятниках письменности XI в. таких форм можно рассматривать как отражение старославянской традиции [Иванов 1978: 94]. Однако *современные* формы **3 л. мн. наст.** с конечной фонемой /т/ — это, по мнению многих исследователей, скорее всего, новообразование, не связанное с существованием указанных древних архаизмов: севернорусские формы **3 л. мн. наст.** на /т/ (так же, как и аналогичные украинские формы, см. об этом ниже) возникли сравнительно поздно, не ранее XIII–XIV вв. (см. [Обнорский 1953: 130–131; Филин 1972: 449; Иванов 1982: 60–61; Попова 1998: 138–140, 162 — примеч. 7, 164 — примеч. 14]). Ф. П. Филин отмечает: «В XIII–XIV вв. восточнославянская языковая территория распадалась на три диалектные ареала: 1) северный, где начинало господствовать /т/, 2) центральный, в котором было только *-ть* /т'/, 3) южный (или юго-западный), где /т'/ и /т/ сосуществовали. Не исключена возможность, что начало формирования указанных диалектных областей относится к гораздо более раннему времени» [Филин 1972: 454]. В. В. Иванов также подчеркивает, что «к началу XV в. начавшееся в XIII в. отвердение <т'> отчетливо разделило язык великорусской народности на северное (с <т>) и южное (с <т'>) наречия» [Иванов 1982: 117]. Уточняя свою позицию, он пишет, что, «как показывают примеры, <т> в 3 л. глаголов начинает отражаться в памятниках с XIII в., но особенно распространяется в конце XIII и в XIV в. При этом первоначально оно обнаруживается в письменности русского Севера, отражая тем самым диалектный характер данного новообразования. Учитывая, что и современные русские говоры характеризуются противопоставлением <т> в 3 л.глаголов на севере и <т'> — на юге, можно утверждать, что к концу XIV в. в северных говорах др.-рус. языка в этой форме установилось твердое произношение конечного согласного, тогда как на южной и западной территории сохранялось мягкое <т'> в 3 л. глаголов (совр. укр. и блр. говоры также сохраняют <т'> в этой форме» [Там же: 60–61].

В научной литературе существуют различные точки зрения, объясняющие наличие конечной фонемы /т/ во флексиях глагольных форм **3 л. мн. наст.** в севернорусских говорах. Например, наиболее популярной является фонетическая гипотеза происхождения /т/ в глагольных формах **3 л. ед.** и **мн. наст.** в результате отвердения мягкого согласного [т'] (см. теории А. А. Шахматова, Б. М. Ляпунова, А. И. Соболевского, В. Вондрака, А. М. Селищева, В. Г. Орловой, В. В. Иванова и др.). Кстати, В. Г. Орлова при этом отмечает, что первоначальным очагом отвердения согласного [т'] в глагольных формах **3 л. ед.** и **мн. наст.** были, вероятнее всего, новгородские говоры; именно в этих

говорах наблюдалось наиболее раннее отвердение губных, отвердение инфинитивного суффикса (*ходи́т*, *носи́т*) и отвердение других согласных. Но в целом появление [т] в исходе словоформ **3 л. ед.** и **мн. наст.** шло по разным говорам в разное время: сначала это новообразование появилось в новгородских говорах, затем — в московских и, наконец, — в ростово-суздальских диалектах ([Орлова 1970: 197]; см. также [Образование 1970: 252, 278]). Следует обратить внимание и на фонетико-морфологическую теорию П. С. Кузнецова, морфологические теории С. П. Обнорского, Ф. Ф. Фортунатова, П. Я. Черных и др. Кстати, С. П. Обнорский склонен считать /т/ соответствующей формой указательного местоимения (*ты*, *та*, *то*), подвергшейся редукции. По его мнению, об этом могут свидетельствовать следующие диалектные глагольные формы: *любято*, *сидято* (архангельские говоры); *дают*о, *ищуто*, *снимают*о, *трогают*о, *ткуто*, *увезуто* (ярославские говоры — преимущественно в речи женщин); *сидято* (бежецкие говоры); *торгуюта*, *пишута*, *косюта*, *поюта*, *пеюта* (егорьевские говоры). В настоящее время данные формы являются исчезающими, и они должны рассматриваться в качестве остатков старых образований со стабилизировавшимся членом (указательным местоимением) — *-то* и *-та* [Обнорский 1953: 135–136] (см. обзор различных гипотез, пытающихся найти объяснение наличию фонемы /т/ в конце глагольных словоформ **3 л. ед.** и **мн. наст.** в севернорусских говорах в [Обнорский 1953: 131–133; Филин 1972: 449–453; Иванов 1982: 63–65]). Однако ни одна из указанных гипотез не выдерживает строгой критики, так как в каждой из них имеются определенные противоречия. Так, например, наиболее привлекательной для исследователей, как уже отмечалось выше, оказалась фонетическая гипотеза, согласно которой фонема /т/ в рассматриваемых формах в севернорусских говорах появилась в результате отвердения конечного мягкого (или полумягкого) согласного после утраты редуцированных. Однако существует целый ряд пока еще не разрешимых вопросов и в этой гипотезе (таких, как, например: а) почему отвердению подвергся конечный согласный в формах **3 л. ед.** и **мн. наст.** только в севернорусских говорах; б) почему среди севернорусских говоров все же встречаются говоры с конечной фонемой /т'/ в данных формах; в) почему при отвердении [т'] в глагольных формах сохраняется [т'] в таких изолированных образованиях, как *опять*, *вспять*, *чуть* и под. [Обнорский 1953: 131; Филин 1972: 449–456; Иванов 1982: 64]): они, к сожалению, не находят однозначного ответа. В связи со сложностью данного вопроса, возможно, следовало бы обратить специальное внимание на замечание П. С. Кузнецова о менее напряженном произношении согласных в севернорусских говорах (см. [Кузнецов 1956: 177]; ср. также мнение Л. Л. Касаткина, который отмечает, что «отвердение согласных есть вместе с тем и ослабление их напряженности» [Касаткин 1999: 138].

В современном русском языке конечная фонема /т/ в формах **3 л. мн. наст.,** как уже указывалось выше, распространена в большинстве говоров. Основная их часть занимает северный и восточный массивы русской территории. Но встречаются небольшие островки с /т/ и на юге России (это ареалы, расположенные южнее Тулы, в районах Ефремова и Ельца, восточнее Курска и Обояни). С. П. Обнорский справедливо отрицает ту точку зрения, согласно которой наличие на юге России конечной фонемы /т/ в формах **3 л. мн. наст.** объясняется влиянием русского литературного языка. Он скорее видит в этом либо свидетельство смешения диалектов в старшем периоде развития русского языка, либо результат миграционного движения населения с севера в данные южные области, либо *рудименты первичного состояния говора* [Обнорский 1953: 120–121]. В связи с высказанным в данном случае последним мнением С. П. Обнорского считаем необходимым привести слова О.Н.Трубачева о том, что «ретроспективно северновеликорусский синонимизируется (оказывается тождественным) со всем изначально великорусским» [Трубачев 2000: 18]. Важно также отметить, что в южной части западных среднерусских говоров и к западу от Москвы — в пределах восточного среднерусского наречия вырисовываются достаточно большие ареалы, образованные вариативными (сосуществующими) формами **3 л. мн. наст.** с конечными /т/ и /т'/ (см. [Орлова 1970: 196]. Следует иметь в виду и те северо-западные и юго-восточные русские говоры, в которых, в качестве сосуществующих вариативных образований, употребляются глагольные формы **3 л. мн. наст.** с конечным нулем звука.

III. Формы 3 л. мн. наст. с конечным ∅ (см. [Попова 2004а])

Данные формы, встречающиеся в сравнительно немногих русских говорах, вызывают у лингвистов большой интерес — как с точки зрения их лингвогеографической характеристики, так и с точки зрения их происхождения и современного употребления. В связи с тем, что однозначного ответа на эти вопросы до сих пор не существует, в науке продолжают обсуждать-

ся различные интерпретации происхождения и распространения этих форм.

Глагольные формы **3 л. мн. наст.** с *конечным* ∅ в трудах диалектологов и историков русского языка (см., например, работы А. А. Потебни, А. М. Селищева, Н. Н. Дурново, С. П. Обнорского, П. С. Кузнецова, В. В. Иванова, О. Г. Гецовой, Т. Ю. Строгановой и др.; см. также [ДАРЯ, II, карта № 81 и комментарий к ней]) рассматривались обычно одновременно с глагольными формами **3 л. ед. наст.** с *нулевой флексией* в связи с тем, что нередко формы **3 л.** как в **ед.**, так и во **мн. числе**, являются во многих говорах русского языка тесно связанными между собой в отношении фонетической реализации конечного элемента данных словоформ, о чем уже говорилось выше.

Итак, формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ употребляются в сравнительно небольшом количестве русских говоров. Однако картина территориального распределения этих форм является достаточно сложной (см. карту в [Попова 2004а]).

Характерной особенностью употребления форм **3 л. мн. наст.** с конечным нулем является то, что ни в одной ЧДС они не выступают в качестве единственных, безвариантных форм: они всегда сосуществуют с однозначными формами либо с финалью /т/ (*они́ ста́нут*, *они хо́д'ат*, преимущественно в севернорусских говорах), либо с финалью /т'/ (*ани́ ста́нут'*, *ани́ хо́д'ат'*, преимущественно, в южнорусских говорах), которые играют, как правило, роль основных вариантов в каждой отдельной ЧДС. Кстати, аналогичная ситуация характерна и для дистрибуции глагольных форм **3 л.ед.наст**. с нулевой флексией, которые, занимая в глагольной системе периферийное положение, также всегда сосуществуют с продуктивными однозначными формами с флексиями /т/ (в севернорусских говорах) и /т'/ (в южнорусских говорах) [Бромлей, Булатова 1972: 244; ВСИ-2 1998: 131].

Важно также отметить, что в разных говорах формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ могут быть образованы от *разных* (фактически, от любых) глаголов, и эта содержательная сторона указанных глагольных форм с данной морфологической структурой является в современных русских говорах чрезвычайно разнообразной.

Употребление форм **3 л. мн. наст.** с нулем в окончании целесообразно рассматривать отдельно в севернорусских и южнорусских говорах, поскольку условия их образования и причины появления на севере и на юге оказываются различными.

1. Севернорусские говоры

Исследователи отмечают возможность употребления данных форм в указанных говорах от любых глаголов (т. е. независимо от типа спряжения, от ударения и от лексики глагола). Формы с конечным нулем мы находим в окающих говорах — как севернорусских, так и некоторых среднерусских [Обнорский 1953: 133; Гецова 1963: 110–115; Строганова 1970: 125; Бромлей, Булатова 1972: 245], например: *говор'а́*, *сп'а*, *с'ид'а́*, *плат'а́*, *хо́д'а*, *нала́д'а*, *лов'а*, *л'у́б'а*, *закруч''а́йа*, *ле́зя*, *замо́кня*, *вы́сохня*, *не си́йа*, *ро́сьтя* (но и *ко́с'ат*, *зало́жат*, *гово́р'ат*, *су́шат*, *ле́зут*) — архангельский говор дер. Першлахты Приозерского района, а также ряд других архангельских и некоторых новгородских, псковских, олонецких и вологодских говоров [Гецова 1963: 110–112, 115]; *они́ сид'а́*, *ви́д'а* — псковские говоры [Строганова 1970: 125]; *бу́ду*, *несу́*, *ку́шаю*, *е́здя*, *си́дя*, *хо́дя* — некоторые архангельские говоры; *гово́ря*, *гля́дя*, *ро́бя*, *си́дя* — некоторые олонецкие говоры; *любя*, *ходя*, *веля* — некоторые вологодские говоры и др. [Обнорский 1953: 127]. Важно подчеркнуть, что формы **3 л. мн. наст.** с конечным нулем известны лишь сравнительно небольшому числу северных (преимущественно — северо-западных) говоров: это прежде всего говоры, расположенные к востоку от Чудского озера, между г.Тихвином и Онежским озером, около озера Ильмень; отметим также ряд говоров в новгородской и псковской областях, ряд крайних говоров в северном, Поморском, крае и, наконец, говоры в районе г. Осташково (см. подробнее в [Русская диалектология 1966: 161; Строганова 1970: 130; Бромлей, Булатова 1972: 245; ДАРЯ II, карта № 81]).

В рассматриваемых формах **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ в севернорусских говорах принято видеть архаическую черту [Обнорский 1953: 133].

Выше отмечалось, что на севере формы **3 л. мн. наст.** с ∅ в конце данной словоформы могут быть образованы, в принципе, от любого глагола. Однако наиболее часто (т. е. в подавляющем большинстве ЧДС) эти формы встречаются в глаголах II спряжения с наконечным ударением (*говор'а́*, *сид'а́*) и значительно реже — в глаголах II спряжения с наосновным ударением (*во́з'а*, *но́с'а*). При этом однозначные формы от глаголов I спряжения оканчиваются обычно в данных ЧДС на /т/ (*несу́т*). Так, например, С. П. Обнорский приводит следующие факты из новгородских говоров: формы **3 л. мн. наст.** от глаголов II спряжения употребляются с конечным ∅ во флексии — *хваля*, *нося*, но новообразования от этих же глаголов, образован-

ные в указанных говорах по модели I спряжения, приобретают уже конечную фонему /т/ — *хвалют*, *просют* [Обнорский 1953: 130]. По сведениям С. П. Обнорского, такое соотношение форм **3 л. мн. наст.**, образованных по указанным вариативным моделям от глаголов I и II спряжений, в наибольшей степени характерно для современных говоров новгородской и псковской областей, а также для говоров крайнего северного, Поморского, края. Кстати, в памятниках письменности из этих мест (в частности, в Новгородских грамотах XIII–XIV вв. и в Двинских грамотах XV в.) отражается та же ситуация: данные формы с конечным ∅ находим прежде всего в глаголах, соответствующих современному II спряжению (тогда как в формах **3 л. ед. наст.** нулевая флексия употребляется в основном в глаголах современного I спряжения, см. подробнее в [ВСИ-2 1998: 133 и далее]).

В то же время Т. Ю. Строганова, исследуя указанные формы, высказывает предположение, что в ряде современных севернорусских говоров (например, в говорах гдовской группы) некоторые из форм **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ вряд ли являются типичными архаизмами: они могли появиться сравнительно поздно в результате освоения неславянскими племенами, населявшими эти места (эстами, латгальцами, весью, карелами), славянской, а точнее, русской речи [Строганова 1970: 125–130]. В целом, данную точку зрения разделяет и В. В. Иванов (см. [Иванов 1982: 118, 119]). По его мнению, происходившие в севернорусской области указанные процессы, которые характеризовались сложным механизмом овладения иноязычными народами особенностей русской речи (эти народы в итоге сумели преобразовать по-своему старую славянскую глагольную систему, носившую ярко выраженный диалектный характер), были свойственны — в разной степени — самым разным русским говорам. Иными словами, данная славянская (русская), архаическая по своей сути, система в период XV–XVI вв. могла развиваться под влиянием экстралингвистических факторов по-разному в отдельных местных говорах языка великорусской народности, что и привело, естественно, к различным конечным результатам (см. [Там же: 119]; см. также таблицы в [Строганова 1970: 125] и в [Бромлей, Булатова 1972: 245]).

Целесообразно считать, что в современных диалектах среди форм **3 л. ед. и мн. наст.**, естественно, сохранились, наряду с новообразованиями, и некоторые архаические формы, характеризующиеся в ряде говоров той или иной мерой устойчивости и в последующие периоды — вплоть до наших дней. В целом же можно считать, что в настоящее время не только формы **3 л. мн.**, но и формы **3 л. ед. наст.** с нулем в окончании, являясь непродуктивными, продолжают существовать в данных говорах лишь в качестве реликтовой особенности языка прошлого (хотя среди них, подчеркнем еще раз, и могут встречаться новообразования) [Иванов 1982: 119]. Следовательно, данные формы ни в коем случае нельзя считать продуктивной морфологической чертой глагольных систем в современных северо-западных русских говорах, поэтому в каждой отдельной ЧДС они употребляются только в качестве сосуществующих и, как правило, не главных вариантов.

Рассматривая севернорусские говоры обобщенно, можно отметить, что им свойственно следующее явление: формы **3 л. мн. наст.** с нулем в окончании встречаются в этих говорах чаще, чем формы **3 л. ед. наст.** с нулевой флексией, которые образуются, преимущественно, только от глаголов I спряжения [Обнорский 1953: 130; Гецова 1963: 110–112; Иванов 1982: 118; ВСИ-2 1998: 133]. Исключение составляют, возможно, лишь некоторые из говоров, расположенных в трех небольших ареалах северо-запада — в районах Чудского озера, Ладожского озера и озера Селигер: в этих говорах формы **3 л. ед. наст.** с нулевой флексией употребляются в глаголах не I спряжения, а в глаголах II спряжения с наконечным ударением [Строганова 1970: 125, 130]. Кстати, наличие в подавляющем большинстве говоров (как севернорусских, так и южнорусских) форм **3 л. ед. наст.** с нулевой флексией от глаголов преимущественно I спряжения (*он пи́ше*) приводит некоторых исследователей к выводу о том, что именно эта глагольная форма (среди других вариативных форм **3 л. ед.** и форм **3 л. мн. наст.** с конечным консонантом), возможно, и является наиболее древней [Иванов 1982: 118; ВСИ-2 1998: 133].

Формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ от глаголов I-го (а не только II-го) спряжения также могут, хотя и достаточно редко, употребляться в некоторых говорах русского языка (например, *они ста́ну*). Обычно же, если глаголы исконного I спряжения в форме **3 л. мн. наст.** имеют конечный ∅, то перед этим нулем появляется окончание /а/, а не /у/, т.е. данные формы образуются по более продуктивной для северных говоров словоизменительной модели глаголов II спряжения (*стойа́, ма́жа, но́с'а*), например: *они́ воркуйа, накро́йа, се́йа, па́ша, кокоча* (вместо ожидаемых **воркуйу*, **па́шу*) [Бурова 1989: 98]. Наиболее часто такие окончания фиксируются в тех глаголах I спряжения, которые имеют особую морфонологическую структуру

основы, оканчивающейся на непарные по твердости-мягкости согласные [й, ч, ш]; именно данный факт облегчает аналогический переход глаголов I спряжения в группу глаголов II спряжения [Там же: 98]. В результате в этих говорах отмечается сосуществование тождественных по морфологической структуре, но разных по происхождению форм **3 л. мн. наст.** с конечным ∅: одни из них можно считать более старыми образованиями или даже архаизмами (это скорее всего глаголы исконного II спряжения), а другие — инновациями (это глаголы исконного I спряжения). О. Г. Гецова, разделяя в целом данную логику рассуждений, полагает, что в значительной части говоров русского языка, начиная с древнейшего периода его истории, формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ могли образовываться только от глаголов II спряжения. Формы же **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ от исконных глаголов I спряжения, встречающиеся значительно реже, появились, по ее мнению, достаточно поздно и лишь в немногих говорах русского языка в результате аналогического воздействия форм **3 л. мн. наст.** от глаголов II спряжения с ∅ в окончании и форм **3 л. ед. наст.** от глаголов I спряжения с нулевой флексией. Нельзя не согласиться с О.Г.Гецовой, полагающей, что на появление форм **3 л. мн. наст.**, образованных от глаголов I спряжения с конечным нулем, могли оказывать влияние лишь устойчивые, широко распространенные и давние по времени возникновения формы (какими и являлись в то время формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ от глаголов II спряжения и формы **3 л. ед. наст.** с нулевой флексией от глаголов I спряжения). Специально следует отметить, что до сих пор не обнаружено ни одного современного говора, в котором бы существовали только формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ от глаголов I спряжения и отсутствовали бы формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ от глаголов II спряжения. Напротив, для севернорусского наречия более характерны говоры, в которых форма **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ может быть образована исключительно только от глаголов II спряжения, тогда как формы **3 л. мн. наст.** от глаголов I спряжения непременно будут иметь конечный /т/ [Гецова 1963: 123]; ср. также приведенные выше С. П. Обнорским примеры из новгородских говоров: наличие, с одной стороны, старых форм типа *они хваля*, но, с другой, — новообразований типа *они хвалют* [Обнорский 1953: 117, 130]. Подчеркнем еще раз, что в настоящее время и в рамках глаголов современного II спряжения отмечается сосуществование разновременных по происхождению, но тождественных по морфологической структуре, форм **3 л. мн. наст.** с конечным ∅: одни из них можно считать архаизмами (например, *во́з'а*, *но́с'а*, *слу́жа*), другие — инновациями (например, *па́ша*, *се́йа*).

С. П. Обнорский справедливо отмечает, что редкость или даже фактическое отсутствие в современных говорах форм **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ от глаголов I спряжения ни в коей мере не может быть доказательством того, что данные формы не были распространены в древности и что они могли быть образованы в те далекие времена только от глаголов II спряжения. Так, он приводит из Супрасльской рукописи следующие формы **3 л. мн. наст.**: ***нарицаю, оклевешт ж, с ж*** [Там же: 117]. В. В. Ивановым также отмечены два примера интересующих нас форм **3 л. мн. наст.** с конечным ∅: ***стражду, оскомин ѣю*** (ПандАнт. XI), хотя основная масса примеров с конечным ∅ относится к формам **3 л. мн. наст.**, образованным от глаголов II спряжения: ***принося, нося*** (Минея окт. 1096) и др. [Иванов 1978: 96] (расшифровку кратких обозначений памятников письменности см. в [Историческая грамматика 1982: 417–433]). Автор допускает предположение, что до определенного периода (XI–XIV вв.) формы **3 л. мн. наст.** с конечным нулем от любых глаголов были в известной степени даже развивающимся явлением, но в дальнейшем, с течением времени, употребительность этих форм, особенно образующихся от глаголов I спряжения, становилась все более низкой (возможно, из-за формальной синонимичности форм **1 л. ед. наст.** и **3 л. мн. наст**). В результате с течением времени формы **3 л. мн. наст.** постепенно были вытеснены другими однозначными, более продуктивными и распространенными в последующее время формами с конечным консонантом [Иванов 1978: 98] (см. об этом подробнее ниже).

Мы уже упоминали, что С. П. Обнорский неоднократно подчеркивал вероятность древнего происхождения форм **3 л. ед.** и **мн. наст.** с конечным ∅ от любых глаголов [Обнорский 1953: 131]. В качестве иллюстрации он приводит примеры из таких ранних памятников письменности, как Остромирово евангелие 1056–1057 гг., Новгор. Сент. Минею 1095 г., Изборники Святослава 1073 и 1076 гг., Архангельское евангелие 1092 г., ср. редкие случаи употребления форм **3 л. мн. наст.**: ***носѧ*** (Новгор. Минея 1096 г.), ***поидоу*** (Новгор. Летопись XIII–XIV вв.) [Там же: 133]. Особое его внимание в этом плане привлекают оригинальные русские памятники письменности старейшей поры (XIV в.), такие, как летописи и грамоты, отражающие черты живого языка, где данные формы **3 л. мн. наст.**

встречаются уже достаточно часто [Обнорский 1953: 133]. Важным является наблюдение ученого и о том, что в более позднее время, приблизительно с XV в., формы **3 л. ед.** и **мн. наст.** с нулем в окончании начинают употребляться в некоторых памятниках письменности значительно реже, чем ранее, уступая место формам на /т'/, что свидетельствует об утрате формами с конечным нулем прежней продуктивности, о чем мы уже упоминали выше: «Очевидно, не на всем протяжении развития русского языка в старую пору формы без *t* были в одинаковом распространении» [Там же: 132]. Так, например, он делает интересное предположение, что во времена Суздальского княжества в местных говорах формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ (так же, как и формы **3 л. ед. наст.** с нулевой флексией) вообще не употреблялись; такие формы неизвестны, кстати, и современным владимирским говорам — потомкам суздальских говоров [Там же: 132]. Н. Н. Дурново также отмечает отсутствие таких форм в говорах владимирско-поволжской и ярославской диалектных групп [Дурново 1969: 147].

Еще раз подчеркнем, что, вслед за С. П. Обнорским, и В. В. Иванов считает употребление форм **3 л. мн. наст.** с конечным нулем до XIV в. включительно достаточно распространенным явлением. По его мнению, формы **3 л. мн. наст.** с ∅ в окончании сосуществовали в XI в. с формами на /т'/, «отражая таким образом системную вариативность» [Иванов 1978: 91].

Итак, подытожим сказанное: формы **3 л. ед. наст.** и **3 л. мн. наст.** на ***-ть*** в XI в. считались для письменного языка нормой [Обнорский 1953: 131]; формы на /т/ (***-тъ***) и ∅ встречались в этих памятниках письменности достаточно редко (см. выше). В последующий период (XII–XIV вв.) рассматриваемые нами формы с конечным ∅, судя по памятникам письменности, употреблялись более интенсивно, обнаруживая как расширение состава глаголов (в основном, современного II спряжения), так и более активную употребительность этих форм в севернорусских по происхождению оригинальных памятниках (ЛЛ 1377, ЛН XIII–XIV, ГрБ, Р.Пр. 1280, ПНЧ XIV, Пал 1406, новгородские и двинские грамоты) [Иванов 1978: 97], отражая тем самым живое явление, характеризующее севернорусские диалекты древнерусского языка. На фоне более активно употребляющихся в этот период (XI–XIV вв.) форм **3 л. ед. наст.** с нулевой флексией В. В. Иванов приводит следующие формы **3 л. мн. наст**. с ∅ в окончании: ***стоя*** (ЛЛ 1377), ***ся оурядя*** (Гр 1229 сп.В), ***поидоу*** (ЛН XIII–XIV вв.; Гр. Новгор. 1315; Гр. Новгор. XIII–XIV, № 12), ***испълня*** (ЕвГал 1144), ***прося, въсхытя*** (ЕвХолм XIII–XIV), ***выдаваю*** (Новгор. гр. XIII–XIV № 5) [Там же: 95]. Бóльшую частотность глагольных форм **3 л. ед. наст.** с нулевой флексией от глаголов I спряжения в русских памятниках XII–XIV вв., вышедших из северных и северо-западных областей, отмечает и Ф. П. Филин, хотя, по его сведениям, в Новгородских берестяных грамотах нередко употребляются и формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅, образованные от глаголов I спряжения, например, ***бью*** [Филин 1972: 447]. В. В. Иванов, заключая свое исследование глагольных форм 3 лица единственного и множественного числа настоящего времени в русском языке, делает следующий вывод: «Опираясь на данные памятников начиная с XI в., можно считать, что формы без [т]... являются с древних времен принадлежностью языка восточных славян»; эти формы «представляли диалектное образование, неравномерно распространенное на разных территориях древнерусского языка и охватывающее в отдельных диалектах не одни и те же области глагольной системы. Возможно, что до определенного периода формы 3-го лица без окончания были явлением развивающимся, расширяющим границы своего распространения, что и отразилось в увеличении количества этих образований на протяжении XI–XIV вв., однако такие формы никогда не характеризовали словоизменение всех глаголов и никогда не были распространены во всем древнерусском языке. Последующая история русского языка и современные русские говоры вполне отчетливо доказывают это положение»[Иванов 1978: 98].

Отметим еще раз, что, по свидетельствам исследователей, формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ употребляются в севернорусских говорах, в основном, от глаголов II спряжения (вне зависимости от акцентной характеристики глагола). С.П.Обнорский, при наличии многочисленных примеров, иллюстрирующих употребление в говорах форм **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ именно от глаголов II спряжения (ср., например: *ездя, сидя, ходя* — архангельские говоры; *говоря, глядя, рубя, сидя* — олонецкие говоры; *любя, ходя, веля* — вологодские говоры; *говоря, езьдя, хотя* — вятские говоры; *сидя, ходя, спя* — псковские говоры и мн. др. [Обнорский 1953: 127–128]), приводит в значительно меньшем количестве формы **3 л. мн. наст.** с ∅ от глаголов I спряжения (и с наконечным, и с наосновным ударением), например: *они буду, несу, читаю* (архангельские говоры); *беру//берут* (новгородские говоры); *пъвезу, беру, делаю* (вятские говоры); *зажгу, накладаю, фураю* (псковские говоры); *думаю* (гдовские говоры) и нек. др. [Там же: 127–129]; ср. также редкие

примеры, которые были приведены выше. Непродуктивность и достаточно легкая утрата форм **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ от глаголов I спряжения обычно объясняется их формальной тождественностью с формами **1 л. ед. наст.**: *я несу́ — они несу́*. Именно для избежания указанной омонимичности данные формы **3 л. мн. наст.** легко заменялись в языке сосуществующими формами с конечным консонантом ([т] или [т']) [Там же: 130], или же однозначными формами с конечным ∅, но образованными уже по модели глаголов II спряжения, что, правда, встречается в современных русских говорах, как уже упоминалось выше, чрезвычайно редко: *они́ воркýйа, накрóйа, сéйа, пáша, бывáйа, уландáйа, кокóча* (С. нас. пп. №№ 11, 81, 82, 166, 375 [Бурова 1989: 98]).

2. Южнорусские говоры

В южнорусских и некоторых среднерусских акающих говорах формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ употребляются сравнительно редко [Обнорский 1953: 130; Строганова 1970: 125; Иванов 1982: 118], и так же, как и в северо-западных говорах, — только в качестве сосуществующих вариантов с формами на согласный (в данном случае — на /т'/). Указанные формы с нулем образуются в южнорусских говорах преимущественно от глаголов II спряжения с наконечным ударением, например: *с'ид'á, зъвал'á, нъл'ет'á, в'ис'á* (рязанский говор с. Катагощи [Гецова 1963: 107]); *анú сидя́, рýки баля́, вóсим чилавéк стая́* (воронежские и липецкие говоры [Титовская 1959: 22]). С. В. Бромлей отмечает наличие подобных форм в небольших ареалах на юго-востоке русской территории и на юго-западе — в районе Новозыбкова-Стародуба [Бромлей, Булатова 1972: 245].

Однако достаточно широко в южнорусских говорах указанные формы образуются от глаголов I и II спряжений с наосновным ударением, — обычно по модели глаголов II спряжения, например: *варýя, абварýя, ни жалиéя, ни успевáя, нъзъвáя, скрывáя, не сúйа, рóсьтя*, как и *хóд'а, краýл'а, выноóся* (рязанский говор с. Катагощи [Гецова 1963: 107, 115]); *хвáля, малóтя*, но и *гуля́я* [Обнорский 1953: 129], что и свидетельствует об их вторичности: такие формы, восходящие к I спряжению, справедливо считаются новообразованиями.

Очень редко встречаются говоры (ср., например, некоторые тульские и калининградские), где формы **3 л. мн. наст.** образовывались бы по модели глаголов I спряжения без конечного консонанта и при этом не подвергались бы аналогическому воздействию глаголов II спряжения: *нóсю, хóдю, спýстю* (правда, в этих говорах формы **1 л. ед. наст.** данных глаголов имеют другую морфонологическую структуру: *нóшу, хóжу* [Гецова 1963: 123]); ср. также примеры, приведенные С. П. Обнорским из тульских говоров, в которых флексию /у∅/ имеют любые глаголы: *пью, пирьгавáрьваю, пъкупáю* и *нóсю, хóдю, вóдю* [Обнорский 1953: 128–129]. Такие формы, как (*они*) *нóсю*, по-видимому, допустимо считать достаточно архаической чертой в данных говорах. Можно предполагать, что С. П. Обнорский возникновение именно указанных форм относил к древней поре [Там же: 133]. Е. Г. Бурова, давая лингвогеографическую характеристику глагольным формам **3 л. мн. наст.** с конечным нулем в говорах русского языка, пишет: «Форма 3 л. мн. ч. глаголов II спряжения без конечного *т* в южнорусских говорах имеет окончание *-а*. То же окончание зафиксировано у глаголов I спряжения, но у последних эта форма без конечного *т* в южнорусских говорах отмечена в немногих нас.п. и главным образом при основах на непарный по мягкости-твердости согласный (*они зна́*[*йа*], *пи́*[*ша*] и т. п.). При других основах окончание *-а* отмечено в единичных случаях, причем основа имеет исход на мягкий согласный: Вост. 579 *они при*[*д'á*]; Ю. 126 *они прие́*[*д'а*], 316 *они ста́*[*н'а*], 415 *они при*[*д'á*]. Лишь в трех нас. п. глаголы I спряжения приведены с окончанием *-у*: Вост. 574 *они погуля́*[*йу*]; Ю. 178 *они наде́*[*ну*], 197 *они навуча́*[*йу*]. В среднерусских говорах глаголы II спряжения в 3 л.мн.ч., кроме конечного *-а* (преобладающий вариант), могут иметь *-у*. Глаголы I спряжения в форме 3 л. мн. ч. в среднерусских говорах обычно приводятся с конечным *-у*. Отклонения редки и почти все носят тот же характер, что и в севернорусских говорах» [Бурова 1989: 99]. Отметим при этом, что формы **3 л. мн. наст.** в южнорусских говорах (в отличие от севернорусских) могут быть образованы преимущественно от глаголов, имеющих наосновное ударение.

Большинство исследователей объясняют отсутствие /т'/ в формах **3 л. мн. наст.** в южнорусских говорах фонетическими причинами, а именно характером заударного вокализма: заударные [е, и] → -[ь] → -[а] (см. подробнее [Строганова 1970: 129]; см. также [Иванов 1982: 118]).

Таким образом, если в севернорусских говорах первоначальная (исходная) и достаточно архаическая картина наличия форм **3 л. мн. наст.** с конечным нулем не выявляет, в принципе, явной зависимости ни от типа спряжения глагола, ни от его акцентной характеристики (правда, преобладают все же глаголы II спряжения с наконечным ударением), то, говоря о южнорусских говорах, исследователи выдвигают, во-

первых, фонетическую причину появления этих форм (заударный вокализм), во-вторых, влияние акцентной характеристики глагола и, наконец, аналогическое взаимодействие двух типов спряжения и внутрипарадигматическую взаимосвязь между формами. Однако в связи с тем, что формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ распространены крайне неравномерно даже в тех глагольных системах, в которых они употребляются, то в настоящее время четкое представление о состоянии данного явления по говорам составить, к сожалению, очень трудно (впрочем, см. [Строганова 1970: 125, таблица № 5; Бромлей, Булатова 1972: 245, таблица № 9]).

С. П. Обнорский специально подчеркивал (как для севернорусских, так и для южнорусских говоров) тот факт, что функционирование («сохранность») форм **3 л. мн. наст.** с конечным ∅, образованных от глаголов II спряжения (типа *гля́дя*, *крича́*), поддерживалось едва ли не главным образом наличием несовпадения звучания этих форм с формами **1 л. ед. наст.** (*гляжу́*, *кричу́*); совпадение же звучания в этих двух формах, что могло иметь место именно в глаголах I спряжения (*я пишу́*, *пеку́* — *они пи́шу*, *пеку́*), вызывало появление конечного консонантна в форме **3 л. мн. наст.** (*они пи́шут*, *пеку́т*) [Обнорский 1953: 130]. Поэтому-то формы **3 л. мн. наст.**, образованные от глаголов I спряжения, обычно и имеют в русских говорах конечный консонант. Так, он приводит следующий пример из говора Старобельского уезда: *они молотя* (модель II спряжения), **но** *они молотют* (модель I спряжения) [Там же: 130]. Выше были даны подобные примеры и из говоров Новгородского уезда [Там же: 130]. У О. Г. Гецовой находим аналогичные формы, записанные в говоре с. Катагощи Рязанской области: [*они*] *хо́д'а*, *крау́л'а*, *выно́с'а*, но *во́з'ут'*, *кру́т'ут'* (последние формы на /ут'/ являются в данном говоре господствующими) [Гецова 1963: 108–109]; та же самая ситуация характерна и для некоторых рязанских, орловских, воронежских, брянских, тамбовских, тульских (а также псковских и ряда владимирских) говоров.

Все эти факты свидетельствуют о том, что в глаголах I спряжения внутрипарадигматические аналогические тенденции как в южнорусских, так и в севернорусских говорах были общими. По мнению С. П. Обнорского, формы **3 л. мн. наст.** на [т'], образованные от глаголов I спряжения, типа *несут'*, *берут'*, *делают'*, заменившие собой более старые формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ типа *несу*, *беру*, *делаю*, *читаю*, являются достаточно поздними новообразованиями [Обнорский 1953: 130]. Он приводит следующие формы **3 л. мн. наст.** с конечным нулем из южнорусских говоров, относящиеся как к глаголам I, так и II спряжений: *браня*, *лежа*, *гаря*, *сидя*, *рубя*, *пиля*, *спя*, *ўлядя*, *ядя* (говоры Рязанской губ.); *пью*, *видю*, *едя* (говоры Тульской губ.); *ходя* (говоры Орловской губ.); *крича*, *сидя* (говоры Курской губ.); *глядя*, *ходя* (говоры Воронежской губ.); *начинаю*, *попросю*, *ходя*, *хатя*, *деля* (говоры Московской губ.) и др., которые в настоящее время употребляются только в качестве сосуществующих и непродуктивных вариантов к широко распространенным формам на /т'/ [Там же: 128, 129]. Выше были приведены аналогичные примеры из севернорусских говоров. Несмотря на то, что в современных говорах формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ встречаются крайне непоследовательно, С. П. Обнорский, специально заостряя внимание на глаголах I спряжения, делает следующее заключение: «Очевидно, в редкости в современной стадии речи форм без *-t* от глаголов 1-го спряжения — след чего-то пришедшего в язык, новизна языка, продукт его изменений... Так обеспечивалась сохранность в языке форм 3-го л. мн. ч. вроде *глядя*, *крича* и т. п., формы же 3-го л. мн. ч. *несу*, *беру*, *делаю* и т. п., одинаково звучавшие с 1-м л. ед. ч., естественно уступили место новым образованиям с *-t*» [Там же: 130]. О. Г. Гецова, которая считает, что формы **3 л. мн. наст.** с нулем появились в русском языке достаточно поздно (в XIII–XIV вв., см. [Гецова 1963: 116]), допускает мысль, что такие формы от глаголов II спряжения существовали в языке все-таки раньше, чем однозначные формы от глаголов I спряжения с нулем в окончании [Там же: 122, 123]. В настоящее время (как, видимо, и в старшую эпоху) отсутствие конечного согласного в формах **3 л. ед.** и **мн. наст.** ни в одном говоре русского языка (о чем уже не раз указывалось ранее) не представлено последовательно [Бромлей, Булатова 1972: 244]: эти формы всегда являются вариантами к более продуктивным формам на /т/ и /т'/.

Таким образом, на территории распространения русского языка выделяются два не соприкасающихся друг с другом ареала, образованных глагольными формами **3 л. мн. наст.** с конечным ∅: это, во-первых, *северо-западный* ареал и, во-вторых, *южнорусский* ареал, охватывающий довольно узкую вертикальную полосу говоров, расположенную к югу от Москвы и достигающую южной части государственной границы (см. [ДАРЯ-II, карта № 81]).

В северо-западный ареал входят севернорусские и среднерусские окающие говоры, которые характеризуются специфическими особенностями употребления форм **3 л. мн. наст.** с конечным нулем в своих

диалектных глагольных системах. Как было показано выше, данные формы могут быть образованы, в принципе, от любого глагола: *они ста́ну*, *они игра́я/игра́ю* (I спряжение, наосновное ударение); *они хо́дя/хо́дю*, *но́ся/но́сю* (II спряжение, наосновное ударение); *они беру́*, *несу́* (I спряжение, наконечное ударение); *они сидя́*, *крича́* (II спряжение, наконечное ударение). Конкретное распределение форм **3 л. мн. наст.** с конечным ∅, образованных от различных типов глагола по говорам северо-западного ареала см. в таблицах, составленных Т. Ю. Строгановой и С. В. Бромлей [Строганова 1970: 125; Бромлей, Булатова 1972: 245]. Так, например, в разных говорах гдовской, ладого-тихвинской и онежской групп северо-западного наречия формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅, образованные от любого глагола, отмечены в ареалах, расположенных восточнее Чудского озера и южнее Ладожского озера. В районе Онежского озера и в новгородских говорах эти формы могут быть образованы от всех глаголов, но относящихся лишь к одному, а именно — II спряжению. В псковских говорах отмечены системы, в которых формы **3 л. мн. наст**. с конечным ∅ употребляются только от глаголов II спряжения с наконечным ударением, а в некоторых новгородских и онежских говорах — только от глаголов II спряжения с наосновным ударением. Как видим, преобладающая масса данных форм образуется в северо-западных говорах от глаголов II спряжения.

В южнорусских акающих говорах моделей образования форм **3 л. мн. наст.** с конечным нулем меньше, чем в северо-западных говорах. Так, на юге указанные формы отмечены, пожалуй, чаще всего от глаголов II спряжения с наконечным ударением: [*они*] *сидя́*, [*они*] *крича́*; в редких случаях (фактически, в отдельных ЧДС) зафиксированы формы типа [*они*] *ста́ну*, *игра́ю/игра́я* (I спряжение, наосновное ударение); более употребительными являются формы типа [*они*] *хо́дя/хо́дю*, *но́ся/но́сю* (II спряжение, наосновное ударение). Тип *[*они*] *беру́*, *[*они*] *несу́* (I спряжение, наконечное ударение) в южнорусских говорах, по-видимому, не встречается.

В результате южнорусские говоры в этом отношении (по сравнению с севернорусскими) более однообразны: самой распространенной глагольной системой для них является система с формой **3 л. мн. наст.** с конечным ∅, образованной от глаголов II спряжения с наконечным ударением, и в этом, кстати, проявляется их сходство с северо-западными говорами. Кроме того, в южнорусских говорах редко встречаются указанные формы, образованные от глаголов II спряжения с наосновным ударением и особенно от любых глаголов I спряжения.

Можно отметить, что сопоставление всех случаев употребления глагольной формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ в говорах русского языка выявило их общую черту: оказалось, что наиболее распространенными в современных русских диалектах (как северных, так и южных) являются формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅, образованные от глаголов II спряжения с наконечным ударением — [*они*] *сид'а́*, [*они*] *крича́*.

Кроме того, выявлена следующая закономерность для русских говоров. Исследователи определили путем количественного сопоставления случаев употребления форм **3 л. ед. наст.** с нулевой флексией и форм **3 л. мн. наст.** с конечным нулем, что из указанных форм в *единственном* числе чаще встречаются глаголы I и II спряжений с наосновным ударением, а во *множественном* числе — глаголы II спряжения с наосновным и особенно с наконечным ударением (см., например: [Гецова 1963: 115–116; Строганова 1970: 124 и сл.]).

Данные памятников письменности XI–XIV вв. также не противоречат фактам, отмеченным в современных говорах; эти факты свидетельствуют о том, что формы **3 л. мн. наст**. с конечным ∅ (так же, как и формы **3 л. ед. наст**. с нулевой флексией) шире были известны на северных территориях Древней Руси [Иванов 1982: 118]. Причем, конечный ∅ в формах **3 л. ед. наст.** чаще встречался в глаголах I спряжения, а в формах **3 л. мн. наст.** — в глаголах II спряжения [Там же: 97].

Напомним при этом, что если наличие указанных форм в акающих говорах южнорусского наречия чаще всего связывается исследователями с фонетической причиной, а именно — с системой заударного вокализма, то в северо-западных окающих говорах нет веских оснований говорить о фонетической обусловленности появления этих форм [Там же: 118], о чем говорилось выше.

* * *

Таким образом, в современных русских говорах формы **3 л. мн. наст**. употребляются с конечными /т'/, /т/ и ∅. Ареалы форм с /т'/ и /т/ фактически одинаковы по масштабам; вся русская территория разделяется изоглоссой, идущей от Пскова до Саратова, на две части — северную (с /т/) и южную (с /т'/). Данная изоглосса почти полностью совпадает с изоглоссой, указывающей на распространение форм **3 л. ед. наст.** с

флексией /т/ (север) и с флексией /т'/ (юг) [Попова 1998: 168, 169]. Сложная современная ситуация характеризует формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅, которые всегда употребляются в говорах только в качестве сосуществующих вариантов к господствующим однозначным формам с конечными /т/ и /т'/. Эти формы образуют два далеко отстоящих друг от друга ареала, расположенных на северо-западе и юго-востоке. Данные формы из северо-западных и юго-восточных говоров, возможно, связаны между собой общностью происхождения, корнями, уходящими в далекое прошлое; однако их современная дистрибуция, несомненно, была обусловлена местными, узко диалектными, явлениями — как лингвистического, так и экстралингвистического характера.

Анализируя соотношение форм **3 л. ед.** и **мн. наст.** с конечными /т'/, /т/ и ∅ в современных говорах, С. В. Бромлей пишет: «Важно отметить, что в русских говорах существует следующая закономерность: для глаголов I спряжения характерно сочетание форм без *т (т')* в 3 л. ед. ч. и с *т (т')* в 3 л. мн. ч.: *он несе́ — они несу́т(т')*. Для глаголов II спряжения — обратное соотношение: *т (т')* — в 3 л. ед. и *∅* — в 3 л. мн.: *он лежи́т (т') — они лежа́*» ([Бромлей, Булатова 1972: 246], см. также [Попова 1998: 168–169]).

В связи с этим отметим, что наличие в настоящее время в руках исследователей материалов ДАРЯ может, видимо, свидетельствовать об ошибочности мнения С. П. Обнорского, который писал: «Таких говоров, в которых в форме 3 л. ед. употреблялся бы *т (т')*, а форма 3 л. мн. оканчивалась бы на ∅, — не существует в русском языке» [Обнорский 1953: 129].

Что касается вопроса о времени возникновения форм **3 л. мн. наст.** с конечными /т'/, /т/ и /∅/, то можно лишь высказать мнение о том, что для русского языка ни один из указанных вариантов этой формы (в том числе и вариант с конечной фонемой /т/) вряд ли можно считать явным новообразованием.

Украинский язык

В современных украинских говорах глагольные формы **3 л. мн. наст.** могут быть образованы, аналогично русским говорам, тремя способами: с конечными /т'/ (*во́з'ат'*) и /т/ (*во́з'ат*) в окончании и с отсутствием какого-либо согласного, т. е. с наличием в исходе словоформы ∅ (*во́з'а*).

Что касается форм **3 л. ед. наст.**, то они также употребляются в украинских диалектах с окончаниями /т'/, /т/ и ∅. Их распространение по говорам и описание факторов, обусловливающих особенности их дистрибуции, были показаны в [Попова 1998]. В настоящей работе мы постараемся дать лингвогеографический анализ форм **3-го лица множественного числа** настоящего времени с консонантными или нулевой финалями в глагольных флексиях и по возможности сравнить полученные ареалы с ареалами, образованными окончаниями глагольных форм **3-го лица единственного числа** настоящего времени (см.: [Там же: 168–169, карта]).

В современном украинском *литературном* языке полное совпадение в употреблении флексий **3 л. ед. наст.** и финалей **3 л. мн. наст.** отсутствует. Так, в глагольных формах **3 л. мн. наст.** находим только конечную фонему /т'/, тогда как в формах **3 л. ед. наст.**, в зависимости от спряжения, употребляется либо нулевая флексия *-∅* (I спряжение), либо флексия *-ть* /т'/ (II спряжение), например: **3 л. ед. наст.** — *пи́ше*, *писне́* в глаголах I спряжения и *хо́дить* в глаголах II спряжения; **3 л. мн. наст.** — *пи́шуть*, *писну́ть* в глаголах I спряжения и *хо́дять* в глаголах II спряжения. Это свидетельствует о том, что в современном литературном украинском языке такой важный фактор при выборе флексии в формах **3 л. ед. наст.** как тип спряжения при образовании форм **3 л. мн. наст.** является нерелевантным.

В то же время следует отметить, что, в отличие от литературного языка, в тех украинских *диалектах*, в которых находим нулевую финаль в формах **3 л. мн. наст.**, ее употребление может регулироваться именно словоизменительной моделью глагола, т. е. его принадлежностью к I или II спряжениям (подобно схеме литературного украинского языка для форм **3 л. ед. наст.**). Однако важно иметь в виду, что наличие/отсутствие консонантной или нулевой финали в форме **3 л. мн. наст.** в большинстве украинских диалектов ни в коей мере не зависит от употребления нулевой флексии *-∅* в форме **3 л. ед. наст.** (т. е. полного параллелизма в образовании между формами **3 л. ед.** и **мн. наст.** в целом ряде украинских говоров не наблюдается).

1. Формы 3 л. мн. наст. с конечным ∅

Глагольные формы **3 л. мн. наст.** с конечным нулем являются характерной особенностью некоторых *юго-западных* украинских говоров, таких, как южноподнестровские (особенно на юге Тернопольской области), южноподольские, гуцульские, покутские, буковинские; кроме того, указанные формы находим иногда в бессарабских (одесских) говорах, а также в некоторых южноподнепровских (см. подробнее, напри-

мер, в [Марчук 1969: 132, 170; 1983: 107, 117; Бевзенко 1960: 271; Жилко 1966: 99; Закревська 1966: 127–128; Логвин 1965: 41–42; Дроздовський 1971: 151; АУМ 2, карта № 242]). При этом формы **3 л. мн. наст.** с нулевой финалью в этих говорах свойственны *только* глаголам II спряжения, например: *ро́бе, спл'а* [Жилко 1966: 99]; *ве́з'а, хо́д'а, ро́бл'йа, моло́т'а; си́д'а, хва́л'а, спйа* [Марчук 1969: 132]; *хо́д'а, но́с'а, во́з'а, йи́д'а* и *но́с'і, хо́д'і, во́з'і; но́с'е, хо́д'е, во́з'е; си́д'а, хва́л'а* [Закревська 1966: 127–126]; *ро́бйа, ро́бл'е; вони хо́дє, но́сє, хва́лє; вони́ хоте́, робле́, держе́, принесе́* [Бевзенко 1960: 271, 291]; *ло́мн'а, л'у́бл'а, ва́р'а, развё́д'а* [Логвин 1965: 42].

Интересно отметить, что в большинстве указанных говоров, в которых в форме **3 л. мн. наст.** глаголов II спряжения мы находим нулевую финаль ∅, в форме **3 л. ед. наст.** глаголов того же II спряжения нулевая флексия отсутствует: в единственном числе отмечается либо флексия /т'/, либо флексия /т/, например: *він моўчи́ᵉт(')* — *вони́ моўч'а́, моўч'и́*; *він сиди́ᵉт(')* — *вони́ сид'а́, сид'и́, сид'е́*; *він хо́диᵉт(')* — *вони́ хо́д'а, хо́д'и, хо́д'е* [Марчук 1969: 173]; *він лити́т, сиди́т* (иногда и с конечным ∅ — *ко́се, захо́де, ро́бе*) — *вони́ ло́мн'а, л'у́бл'а, ва́р'а, развё́д'а* [Логвин 1965: 41–42, 45]. В ряде случаев в некоторых говорах юго-западного наречия отсутствие конечного консонанта фиксируется не только в форме **3 л. мн. наст.** от глаголов II спряжения; в этих говорах даже и формы **3 л. ед. наст.** от глаголов II спряжения образуются с нулевой флексией, например: *він хо́ди — вони́ хо́д'а, хо́д'и, хо́д'е* [Марчук 1969: 178; 1983: 117]; *він ко́се, ро́бе — вони́ ва́р'а, л'у́бл'а* [Логвин 1965: 41–42]. Основное различие между формами **3 л. ед.** и **3 л. мн. наст.** заключается в данных говорах, как показывают приведенные примеры, в морфонологической характеристике исхода основы, а именно — в твердости (единственное число) и в мягкости (множественное число) конечного согласного глагольной основы.

Итак, украинские диалектологи утверждают, что отсутствие согласного во флексии в формах **3 л. мн. наст.** возможно, как уже указывалось выше, только в глаголах II спряжения (см., например, [Закревська 1966: 127]). Так, Я. В. Закревская приводит интересные примеры из говоров Черновицкой области, в которых глаголы, изначально относящиеся ко II спряжению, но перешедшие в I спряжение, образуют формы **3 л. мн. наст.** уже с конечной согласной фонемой /т/, аналогично всем глаголам I спряжения: *но́с'ут, во́з'ут, хо́д'ут* [Там же: 128]. Однако в диалектологической литературе известны, правда, в основном за пределами юго-западного ареала, и формы **3 л. мн. наст.** глаголов II спряжения, изменяющиеся в настоящее время по модели I спряжения, которые, тем не менее, употребляются без конечного консонанта: *вони́ хо́д'у, но́с'у* (это некоторые подольские, нижнеднепровские, восточнослобожанские, восточнополтавские говоры [Дроздовьский 1971: 151]); ср. также ряд севернорусских (в основном, акающих) и южнорусских говоров, в которых также есть глагольные формы **3 л. мн. наст.** на /у∅/: *буду, иду, несу, кушаю, читаю* (архангельские говоры); *плачу, скажу, несу, посылаю* (олонецкие говоры); *беру, скажу, навaливаю* (новгородские говоры); *пъвезу, беру, делаю, несу* (кировские говоры); *иду, зажгу, накладаю, фураю* (псковские говоры); *думаю* (гдовские говоры); *начинаю, попросю* (московские говоры); *пью, пирьγаварьваю, пъкупаю, носю* (тульские говоры) [Обнорский 1953: 127–129] (см. об этом выше).

Наличие форм **3 л. мн. наст.** с отсутствием конечного согласного многие русские и украинские лингвисты считают архаической чертой. Такие формы встречаются в памятниках старославянской письменности (см. примеры, приведенные в разделе о русском языке); данные формы зафиксированы и в памятниках староукраинской письменности XIV–XV вв. (см. [Грунский 1931: 214; Грунский, Ковалев 1941: 214]), например, в одной из украинских грамот XV в. отмечена форма **3 л. мн. наст.** *лежа* [Бевзенко 1960: 291].

Если сравнить употребление нулевой флексии в форме **3 л. ед. наст.** и отсутствие конечного консонанта в форме **3 л. мн. наст.** в современных украинских говорах, то в распределении этих форм на украинском диалектном пространстве обнаружатся существенные различия. Данные различия обусловливаются следующими двумя основными критериями: 1) типом спряжения; 2) акцентной характеристикой глагола.

1) *Зависимость от словоизменительной модели глагола* (т. е. принадлежности глагола к I или II спряжениям). Если в **единственном** числе нулевую флексию находим прежде всего в глаголах I спряжения [Попова 1998: 141–142] (ср., например, в одном западноукраинском гуцульско-покутском говоре с. Саджава Ивано-Франковской области формы **3 л. ед. наст.** в глаголах I спряжения — *бэрӑ́, пасӑ́, к'е́гнэ, ста́нэ*, но в глаголах II спряжения — *тэрпе́т, чорне́т, ўстроме́т, го́лэт, шчу́рэт, ро́бэт* [Попова 1970: 339–341]), то во **множественном** числе отсутствие конечного консонанта во флексии, напротив, фиксируется, как правило, в глаголах II спряжения (ср. примеры из некоторых других юго-западных говоров — формы **3 л. мн. наст.** в гла-

голах II спряжения с конечным нулем: *хо́д'а*, *но́с'а*, *во́з'а*; *но́с'і*, *во́з'і*, *хо́д'і*; *хо́д'е*, *но́с'е*, *во́з'е*; *сад'а́*, *хвал'а́*, в то время как в формах **3 л. мн. наст.**, образованных в этих же говорах по модели I спряжения, появляется конечная фонема /т/: *но́с'ут*, *во́з'ут*, *хо́д'ут* [Закревська 1966: 127–128], что уже было отмечено выше.

2) *Зависимость от акцентной характеристики глагола.* В тех говорах, в которых возможны случаи появления в рамках глаголов II спряжения форм **3 л. ед. наст.** с отсутствием конечного консонанта во флексии, образование указанных форм обусловлено определенной акцентной характеристикой глагола, а именно — наличием *наосновного ударения* в глагольной парадигме настоящего времени (см. об этом подробнее в [Попова 1998: 142–145, 163]), например, ср. формы **3 л. ед. наст.** с нулевой флексией: в говорах нижнего правобережного Поднестровья — *захо́де*, *ро́бе*, но *литѝт*, *сидѝт* [Логвин 1965: 42]; в некоторых юго-восточных говорах — *хо́де*, *про́се*, *во́зе*, но *брени́т'*, *ле"жи́т'*, *сви"сти́т'* [Жилко 1954: 18]; в южнобессарабских говорах — *хо́ди*, *хо́де*, но *скрипи́т'*, *ле"ти́т'* [Дроздовський 1971: 150]. Что касается форм **3 л. мн. наст.**, то наличие конечного нуля во флексии может быть зафиксировано в этих формах от глаголов с *любой* акцентной характеристикой: *вони́ ве́з'а*, *моло́т'а* и *вони́ хвал'а́*, *спйа* [Марчук 1969: 132]. Ф. Т. Жилко указывает, что формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ в глаголах с наосновным ударением (он, правда, не говорит об их принадлежности к I или II спряжениям) известны некоторым южноподольским, буковинским, севернобессарабским и покутским говорам. Сопоставление этой черты с аналогичными формами некоторых русских говоров свидетельствует, по мнению Ф. Т. Жилко, о ее древности [Жилко 1954: 18]. А. М. Поповский отмечает формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅ от глаголов с наосновным ударением в качестве вариантных с формами на /т/ в ряде киевских говоров: *хо́д'а*// *хо́д'ат*, *но́с'а*//*но́с'ат*, но только *печу́т*, *дайу́т* [Поповский 1972: 17].

В результате вырисовывается следующая картина территориального распределения глагольных форм **3 л. ед. наст.** с нулевой флексией и глагольных форм **3 л. мн. наст.** с отсутствием конечного консонанта.

Так, что касается **единственного** числа, то ареалы, образованные глаголами I спряжения (*насе́*, *гра́йе*) и II спряжения (*но́си*, *во́зи*), существенно отличаются друг от друга (см. подробнее в [Попова 1998: 143–147, карты на с. 168, 169]). Если формы **3 л. ед. наст.** с нулевой флексией, образованные от глаголов I спряжения и представляющие собой в подавляющем большинстве говоров явный *архаизм* (см., например, [Історична граматика 1957: 328; Бевзенко 1960: 283]), встречаются, фактически, во всех украинских говорах (см. [Марчук 1969: 171]), то формы **3 л. ед. наст.** с нулевой флексией от глаголов II спряжения, являющиеся, несомненно, *новообразованиями* (см., например, [Закревська 1966: 125, 126]), находим, прежде всего, в степных и слобожанских говорах, а также в ряде юго-западных диалектов. Важно при этом отметить, что в некоторых говорах (в частности, в южных левобережнополесских, в северных полтавских, в южных среднеподнепровских) процесс появления форм **3 л. ед. наст.** с нулевой флексией от глаголов II спряжения с наосновным ударением (*во́зи*, *но́си*) является живым и в настоящее время (см. [Бевзенко 1960: 284; Марчук 1969: 170; 1983: 110]).

Что касается **множественного** числа, то ареал, образованный в большинстве случаев *архаическими* (по мнению украинских исследователей) формами **3 л. мн. наст.** с конечным нулем во флексии от глаголов II спряжения, охватывает компактно расположенную часть юго-западных говоров (это некоторые южноподнестровские, южноподольские, гуцульские, покутские, буковинские, бессарабские говоры) и совсем небольшое количество юго-восточных говоров (см. выше). Необходимо заметить, что на соответствующих картах в [АУМ 3] формы **3 л. мн. наст.** с отсутствием конечного консонанта не показаны.

Сопоставительный анализ распределения по диалектам украинского языка глагольных форм **3 л. ед. наст.** с нулевой флексией и форм **3 л. мн. наст.** с отсутствием конечного консонанта во флексии свидетельствует о том, что указанные формы в **единственном** числе распространены в современном украинском языке значительно шире, особенно за счет форм **3 л. ед. наст.**, образованных от глаголов I спряжения. Относительно употребления форм **множественного** числа, образованных в основном от глаголов II спряжения, можно отметить, что у нас нет убедительных данных, которые дали бы возможность определить, являются ли на современном этапе развития украинского языка формы **3 л. мн. наст.** с конечным нулем во флексии (типа *вони́ но́с'а*, *во́з'а*, *спл'а*) продуктивными и имеют ли они тенденцию к распространению. Скорее всего, эти формы в настоящее время в украинских говорах непродуктивны. Напротив, формы **3 л. ед. наст.** с нулевой флексией, но только образованные от глаголов II спряжения с наосновным ударением (типа *він но́си*, *во́зи*), проявляют в настоящее время явную тенденцию к расширению сферы своего

употребления, причем, в двух направлениях, а именно — в плане охвата новых глаголов и в плане распространения форм данного типа на соседние диалекты.

II. Формы 3 л. мн. наст. с конечной фонемой /т'/

Формы **3 л. мн. наст.** с конечной согласной фонемой /т'/ во флексиях /ут'/ (I спряжение) и /ат'/ (II спряжение) встречаются в подавляющем большинстве современных украинских диалектов и являются, как уже указывалось выше, нормой украинского литературного языка: *несу́ть*, *везу́ть*, *со́хнуть*, *зна́ють*; *хва́лять*, *во́зять*, *су́шать*. Указанные формы считаются архаизмами, так как они были характерны для старославянских памятников письменности, например: ***могѫть***, ***прикасаѫть*** — Остр.ев. 1056–1057 гг.; ***въпрашѫть*** — Изб.Свят. 1076 г.; ***сѧ плодѧть*** — Слова Григория Богослова XI в. (цит. по [Бевзенко 1960: 289]), а в украинских памятниках письменности встречались повсеместно: ***дають*** — Грамоты XIV–XV вв.; ***мають***, ***могуть***, ***чинять*** — Крехівський апостол 1560 г. (цит. по [Безпалько 1957: 330]). В. М. Русановский специально отмечает, что в абсолютном большинстве случаев в украинских грамотах XIV–XV вв., вышедших из Волыни, Галичины, Польши, Литвы, Белоруссии и Молдавии, находим именно формы **3 л. мн. наст.** на *-ть* /т'/, например: ***да пребудуть***, ***имуть***, ***слухають***, ***дєржать***, ***оузоздрѧть*** и др. [Русанівський 1971: 61]. Однако следует отметить, что в некоторых украинских памятниках письменности этого периода (а именно — только в документах, созданных в Молдавии) попадаются изредка и глагольные формы **3 л. мн. наст.** на *-ть* /т/ (например, ***сѧ воротѧтъ***, ***имаютъ***, ***купѧтъ***), которые употребляются наряду с преобладающими формами на *-ть* /т'/) [Там же: 61].

Характерной чертой памятников украинской письменности более позднего периода (т. е. XVI–XVII вв.) является расширение сферы употребления редких до этого времени форм **3 л. мн. наст.** на *-ть* /т/, которые постепенно становятся господствующими не только в молдавских грамотах, но и в письменных текстах, вышедших из Волыни, а также из Галичины. Возможно, в этих памятниках отразилось характерное для говоров того времени (особенно галицких) явление отвердения конечного [т'] >[т] в глагольных флексиях **3 л. ед.** и **3 л. мн. наст.** Это новообразование в данных глагольных формах получило наиболее яркое развитие в письменном языке юго-западных областей. Учитывая ведущую роль Львова в деле книгопечатания того периода, украинские грамматисты (в частности, М. Смотрицкий в своей «Граматице словенской») рекомендовали в качестве нормы письменного языка именно формы **3 л. мн. наст.** на *-ть* /т/. В. М. Русановский, основываясь на исследованиях А. И. Соболевского, Н. Н. Дурново, С. П. Обнорского и др., отмечает, что данные формы на *-ть* — это восточнославянское новообразование, которое возникло не ранее XIII в. Что же касается конкретно украинского письменного (книжного) языка, то формы **3 л. ед.** и **3 л. мн. наст.** на *-ть* /т/ заняли в нем господствующее положение только в XVI–XVII вв. [Там же: 109–110]. В этих зафиксированных в книжном языке формах отразилось живое явление, свойственное *юго-западным* украинским диалектам того периода (см. об это подробнее ниже, в следующем разделе).

Дальнейшее развитие книжного (литературного) языка на Украине характеризовалось тем, что с течением времени в литературных произведениях и документах все ярче стали отражаться местные (диалектные) черты, так как общей установленной литературной нормы еще не было. В связи с этим формы **3 л. мн. наст.** с конечными *-т//-ть* (/т/) сохранились только в произведениях авторов — выходцев из юго-западных областей Украины (например, формы *гримят*, *ржут* и под. в произведениях М. Шашкевича и Я. Головацкого); в произведениях же авторов — уроженцев других областей Украины, находим формы **3 л. мн. наст.** на *-ть* (/т'/) (например, *віють*, *значать* и др. в произведениях И. П. Котляревского) [Там же: 160].

Характерной особенностью развития украинского литературного языка с середины X1X в. является процесс унификации нового украинского литературного языка и установления его нормы. В результате общелитературным вариантом для форм **3 л. мн. наст.** стали формы с *-ть* (/т'/) от глаголов I и II спряжений, отражающие *господствующие диалектные формы*, т. е. свойственные подавляющему большинству восточноукраинских говоров и некоторым западноукраинским говорам. Однако в юго-западных говорах, в некоторых полесских и в ряде восточноукраинских (например, в полтавских и восточнослобожанских) говорах находим формы **3 л. мн. наст.** с /т/, например: *ро́бл'ат*, *б'іжа́т*, *ко́с'ат*, *сид'а́т*; *ло́йут*, *тэрп'е́т*, *слу́жэт*; *хо́дет*, *ко́сиᵉт*, *но́сиᵉт*; *му́с'іт*; *дайу́т*, *ма́йут*, *ва́рйат* [Жилко 1966: 99; Русанівський 1971: 188–189; Возный 1969: 179; Попова 1970: 339, 340, 341].

Если сравнить распространение по говорам современного украинского языка конечной фонемы /т'/ в глагольных флексиях **3 л. мн. наст.** /ут'/, /ат'/ (*пи́шут'*,

вóз'ат') с флексией /т'/ в формах **3 л. ед. наст.** (*пúшет'*, *вóзит'*), то следует отметить наличие параллелизма в употреблении по говорам /т'/ в формах **3 л. ед. наст.** в глаголах II спряжения и в формах **3 л. мн. наст.** в любых глаголах: такие схождения находим в подавляющем большинстве украинских говоров. Что касается форм **3 л. ед. наст.** в глаголах I спряжения, то здесь при сопоставлении с формами **3 л. мн. наст.** наблюдаются значительные отличия, так как флексия /т'/ в формах **единственного числа** зафиксирована лишь в двух небольших ареалах западного наречия (на северо-западе в районе г.Луцка и на юго-западе в Закарпатье) и в отдельных восточноукраинских говорах, не образующих ареалов (см. подробнее в [Попова 1998: 147–150, 168, 169]); в остальных говорах украинского языка форма **3 л. ед. наст.** в глаголах I спряжения имеет, как уже указывалось выше, нулевую флексию.

Интересно отметить, что в отдельных крайних северных говорах западного (волынского) Полесья (Любешевский, Камень-Каширский, Ратновский районы) употребляются формы **3 л. мн. наст.** в глаголах II спряжения с закономерной конечной фонемой /т'/, однако в формах **3 л. ед. наст.** в тех же глаголах находим флексию /т/; ср., например, глагольные формы, записанные в с. Залазье Любешевского района Волынской обл.: *в'і^{и}н моўчéт — воné моўч'éт'*, *в'і^{и}н держéт — воné держ'éт'*, *в'і^{и}н бурчéт — воné бурч'éт'* [Марчук 1982: 124; 1983: 123–124].

Ранее отмечалось, что и в современном литературном украинском языке, и в подавляющем большинстве говоров флексия глагольных форм **3 л. мн. наст.** оканчивается на /т'/ (флексия /ут'/ в глаголах I спряжения и флексия /ат'/ в глаголах II спряжения).

Основной массив говоров с /т'/ в формах **3 л. мн. наст.** находим в восточноукраинском наречии, например, в черниговских говорах — *ходеть*, *просеть*, *мусеть*, *любеть*, *возеть*, *тонеть*, *вареть* [Лисенко 1950: 72; Бевзенко 1960: 291]; в некоторых северо-восточных говорах — *спл'ат'*, *скрыпл'áт'*, *гýбет'*, *кýпет'*, *лóвіт'* [Жилко 1966: 66]; в юго-восточных говорах — *л'ýбл'ат'*, *тóпл'ат'* [Там же: 99]; *стáўл'ат'// стáўл'ут'* [Марчук 1966: 138].

Этот массив распространяется в северо-западном направлении и охватывает часть юго-западных и северо-западных говоров, а именно — полесских, волынских, северноподольских, юго-западных закарпатских (см. карту), например: некоторые закарпатские говоры — *текуть*, *ткуть*, *сікуть*, *стрыґуть*, *біґуть*, *пекуть* [Бевзенко 1960: 290; Закревська 1966: 121, 127]; *мóжут'*, *січýт'*, *лáмл'ут'*, *нóс'ат'* (ужанские и боржавские закарпатские говоры [Лавер 1969: 4]); *б'іґýт'*, *стрыґýт' верґýт'*, *пекýт'*, *ткут'* (закарпатские говоры Хустского района [Орос 1957: 142]); северо-западные полесские говоры — *бурч'éт'*, *моўч'éт'* [Марчук 1982: 124]. Кстати, в некоторых ЧДС этого региона формы **3 л. мн. наст.** употребляются с конечной фонемой /т/, например: *мóґут*, *секýт*, *лóмн'ут* (верховинские, мараморошские и гуцульские говоры Закарпатья [Лавер 1969: 4]).

Отметим также, что в разных (обычно соседних) говорах Димерского района, расположенных на севере Киевской области, формы **3 л. мн. наст.** имеют в конце словоформы либо /т/, либо /т'/, либо ∅: *хóд'ат*, *нóс'ат*, *дайýт*, *стережýт*, *печýт* (с. Мануильск); *хóдет'*, *нóсет'*, *дайýт'*, *стережýт'*, *печýт'* (с. Ясногородка); *хóд'а//хóд'ат*, *нóс'а//нóс'ат*; *дайýт*, *стережýт*, *печýт* (с. Ваховка); *хóдет'*, *нóсет'*, *дайýт'*, *стережýт'* (с. Демидов) [Лисенко 1954: 96].

В ряде восточноукраинских говоров находим вариативные формы **3 л. мн. наст.** с конечными /т/ и /т'/ во флексиях, которые могут, с одной стороны, сосуществовать в одной и той же ЧДС, а с другой, — различать разными вариантами соседние говоры. Например, в некоторых слобожанских говорах — *носють//носют*, *ходють//ходют* [Бевзенко 1960: 291]; в полтавских говорах — *кóл'ат'*, *мéл'ат'* (с. Котельва), но *хóд'ат*, *нóс'ат* (в других восточнополтавских говорах) [Довгопол 1969: 185].

Рассматривая распространение конечных /т'/ и /т/ (или их отсутствие) во флексиях глагольных форм **3 л. мн. наст.**, нельзя обойти вопрос и о ярко выраженной тенденции к унификации словоизменительных форм глагола в парадигме настоящего времени, что реализовалось в аналогических явлениях, проявившихся во взаимодействии как между I и II спряжениями, так и между разными формами парадигмы одного спряжения. Эта тенденция получила особенно широкое развитие в восточноукраинских, некоторых северноукраинских и юго-восточных украинских говорах и стала одной из их характерных черт; встречается это явление и в некоторых юго-западных говорах.

В указанных говорах в глаголах II спряжения с наосновным ударением в формах **3 л. мн. наст.** употребляется флексия /ут'/, что сближает данные глаголы II спряжения с глаголами I спряжения. Например, Н. И. Марчук отмечает, что *сближение* флексии **3 л. мн. наст.** глаголов II спряжения с флексией **3 л. мн. наст.** глаголов I спряжения или даже полное их *совпадение* в флексии /ут'/ является специфической особенностью большинства юго-восточных говоров и край-

ней восточной части северных говоров: *хо́д'ут'*, *но́с'ут'* (крайние восточные районы Сумской области); *скоро́д'ут'*, *хо́д'ут'*, *но́с'ут'//но́с'ат'*, *го́н'ут'*, *воло́чут'* (многие северноукраинские говоры, в частности, говоры в Петропавловском и Воробьевском районах); *воло́чут'//воло́чат'*, *толо́чут'//толо́чат'* (восточные и южные говоры Полтавской области, говоры северо-западной части Днепропетровской области); *воло́чут'//воло́чат'*, но *хо́д'ат'*, *но́с'ат'* (некоторые говоры Черкасской области) [Марчук 1966: 136–138]; *ро́бл'ут'//ро́бл'ат'*, *ва́р'ут'//ва́р'ат'*, *кру́т'ут'//кру́т'ат'*, *жа́р'ут'*, *де́ржут'*, *говор'ут'* (украинские говоры бессарабского Приморья) [Там же: 133]; *ко́с'ут'*, *м'і́с'ут'*, *ва́р'ут'*, *ба́чут'*, *хо́д'ут'*, *жа́р'ут'*, *де́ржут'*, *ро́бл'ут'*, *говор'ут'* (южнобессарабские говоры) [Дроздовський 1971: 151]; *ро́бут'*, *ста́вут'*, *л'у́бут'* (украинские одесские говоры) [Там же: 148]; *воло́ч'ат'*, *толо́ч'ат'*, *з'урч'а́т'*, *сп'іва́т'*, *ни^{ц}су́т'* (херсонские говоры) [Нагін 1964: 31, 39, 42]; *возють*, *точуть* (некоторые поднепровские говоры) [Бевзенко 1960: 291]; *воло́чут'*, *де́ржут'*, *ку́пут'*, *ко́т'ут'*, *ва́р'ут'*, *риба́л'ут'*, *привоз'ут'*, *ву́чуц'а* (наддунайские говоры в районе г. Измаила) [Мукан 1969: 198]; *ла́мл'ут'*, но *но́с'ат'* (некоторые закарпатские говоры) [Лавер 1969: 4]; *кру́т'ут'* (некоторые южнокарпатские говоры) [Марчук 1966: 133].

Кстати, бо́льшей части южнорусских говоров также известны глаголы II спряжения с наосновным ударением с флексией /ут'/: *спо́р'ут'*, *са́д'ут'* (см. об этом подробнее в [Обнорский 1953: 150; Бромлей, Булатова 1972: 193 и сл.; Бромлей 1973]). Известны эти формы и северо-восточным белорусским говорам (см. [ДАБМ, карта № 157]; см. также статью и карту в [Попова 2004б]).

Возникновение указанных форм во всех перечисленных диалектах имеет, видимо, одну основу: оно было вызвано, скорее всего, аналогическим влиянием (индукцией) однозначных глагольных форм I спряжения (ср. *по́р'ут'* — I спряжение и *спо́р'ут'* — II спряжение; *с'а́дут'* — I спряжение и *са́д'ут'* — II спряжение [Бромлей, Булатова 1972: 193]). Но вполне возможно, что формы типа *ку́р'ут'*, *но́с'ут'*, *ба́чут'* и др. появились не в результате взаимодействия двух спряжений, а под влиянием форм **1 л. ед.** на формы **3 л. мн. наст.** (*ба́чу* > *ба́чут'*, *л'у́б'у* > *л'у́б'ут'*; *ро́бу* > *ро́бут'*, *ста́ву* > *ста́вут'*; *хо́д'у* > *хо́д'ут'*, *ку́р'у* > *ку́р'ут'*, *но́с'у* > *но́с'ут'*) [Дроздовський 1971: 151, 152]. Важно при этом отметить, что о возможности аналогического воздействия форм **1 л. ед. наст.** на формы **3 л. мн. наст.**, правда, на материале русских литературных глаголов I спряжения (*чту* > *чтут*, *берегу́* > *берегу́т*, *толку́* > *толку́т*) писал и Л. А. Булаховский (см.: [Булаховский 1958: 217]; см. также подробнее об этом явлении в [Попова 2004б].

Ареал указанных украинских говоров, образованный формами **3 л. мн. наст.** на /т'/, непосредственно примыкает к русским и белорусским говорам, в которых также отмечены формы **3 л. мн. наст.** на /т'/.

III. Формы 3 л. мн. наст. с конечной фонемой /т/

В предыдущем разделе, посвященном лингвогеографическому анализу форм **3 л. мн. наст.** с конечной фонемой /т'/ в украинских говорах, нам пришлось в определенной степени коснуться и употребления данных форм с конечной фонемой /т/. Здесь мы остановимся на этом вопросе подробнее.

Ареалы распространения в современном украинском языке форм **3 л. мн. наст.** на /т/ от глаголов I и II спряжений, в основных чертах, совпадают с ареалами распространения форм **3 л. ед. наст.** с флексией /т/ (см. [Закревська 1966: 127; Попова 1998: 169, карта № 2]): это большинство юго-западных говоров, некоторые юго-восточные говоры, отдельные северные говоры. Формы **3 л. мн. наст.** типа *др'і́мл'ут*, *во́з'ат* считаются в украинском языке *новообразованиями*, о чем свидетельствуют материалы древнерусских и ранних украинских памятников письменности. Ф. П. Филин полагает, что в украинском языке (так же, как и в севернорусских говорах) /т/ в формах **3 л. ед.** и **мн. наст.** возникло поздно, не ранее XIII–XIV вв., и, что является самым существенным в этом вопросе, появились данные формы с /т/ независимо от ранее употреблявшихся старославянских форм **3 л. ед.** и **мн. наст.** с /т/ (*-тъ*) [Филин 1972: 449]. Н. Ван-Вейк допускает гипотезу о существовании доисторического ***тъ* в формах **3 л. ед. наст.** наряду с ***ть*, а отдельным, нерегулярным, случаям с написанием ***-ть*** вместо ***-тъ*** в Сав.кн., Мар.ев., Ассем.ев. и др. в формах **3 л. мн. наст.** он не придает какого-либо серьезного значения [Ван-Вейк 1957: 302, 303–304]. Ср. также высказывание С. П. Обнорского: «Известна характерность для старославянского этих форм (т. е. форм **3 л. ед.** и **3 л. мн. наст.** — *Т.П.*) на *-тъ*» [Обнорский 1953: 117].

Как уже указывалось выше, до XIV в. в памятниках письменности, вышедших из украинских земель, формы **3 л. мн. наст.** последовательно употребляются с ***-ть*** (/т'/). Однако с XIV в. в письменных памятниках украинского происхождения, особенно созданных в юго-западных областях, эти формы имеют уже не

только **-ть** (/т'/), но и **-тъ** (/т/). Например: ***имаютъ***, ***отдаютъ*** (ср. формы **3 л. ед. наст.** ***лежитъ***, ***приходитъ***); такие формы зафиксированы прежде всего в молдавских грамотах XV в. Формы **3 л. мн. наст.** на **-тъ**, как ***могутъ***, ***текутъ***, ***речютъ***, ***слухатъ***, ***гадатъ*** и под. были обычны для некоторых памятников украинской письменности и более позднего времени, см., например, Няговские поучения XVI в., Углянский ключ XVII в. и др. [Бевзенко 1960: 279; Филин 1972: 446].

Характерной особенностью памятников украинской письменности XVII в., как уже указывалось выше, являлись формы **3 л. мн. наст.** (так же, как и формы **3 л. ед.**) с **-тъ** (/т/), что и было закреплено в Грамматике М. Смотрицкого (см. [Житецкий 1889: 55; Бевзенко 1960: 289]). Особенно широкое распространение форм с **-тъ** отмечено в украинских памятниках письменности XVI в., причем вышедших из различных областей Украины (напомним, что ранее конечная фонема /т/ в данных глагольных формах преобладала только в Молдавских грамотах) [Русанівський 1971: 109]. При этом необходимо отметить, что формы **3 л. мн. наст.** с **-ть** (/т'/) никогда полностью не исчезали из книжного языка [Бевзенко 1960: 279]. Кстати, позже, в XVII–XVIII вв., **-ть** (/т'/) во флексиях **3 л. мн. наст.** в определенных классах глаголов становится единственно возможным вариантом (см. [Филин 1972: 446].

Л. Булаховский считает, что *-тъ* (фонема /т/) в формах **3 л. ед. наст.** и **3 л. мн. наст.**, которая стала основным вариантом в русском языке, могла существовать уже давно в северных восточнославянских говорах как наследство древнего славянского раздробления, и только позднее проникла в письменный язык. (Напомним также здесь приведенное выше мнение О. Н. Трубачева о синонимичности понятий «северновеликорусский» и «изначальный великорусский» [Трубачев 2000: 18]). Возможно, не случайно в староукраинских памятниках письменности встречаются формы **3 л. мн. наст.** с /т/ в исходе данных словоформ: ***отдаютъ*** (Грамота 1459 г.) [Безпалько 1957: 330].

Однако большинство украинских лингвистов склонны видеть в данных формах, употребляющихся прежде всего в юго-западных говорах, новообразование, возникшее не ранее XIII в. в результате пережитого этими украинскими говорами процесса диспалатализации согласных [Жилко 1966: 97; Русанівський 1971: 188] (см. об этом также в [Попова 1998: 164 — примеч. 14]).

Укажем некоторые современные диалектные примеры употребления форм **3 л. мн. наст.** с конечной фонемой /т/: ю г о - з а п а д н ы е г о в о р ы — *дайу́т*, *тчут*, *ма́йут*, *ве́ржут*, *б'íл'ат*, *ва́рйат*, *ри́пйат*, *ро́бйат*, *ко́с'ат*, *во́з'ат*, *йідáт*, *дадýт*, *сут* (говор с. Битля Львовской области [Возний 1969: 180]); *стýп'эт*, *драж'ém*, *во́з'эт*, *хрус'к'ém* (говор с. Саджава Ивано-Франковской области [Попова 1970: 339–342]); *дри́мл'ут//дри́мл'ат*, *хо́чут//хот'áт*, *хо́д'ат*, *спíват*, но встречаются и формы с /т'/ — *спíват'*, *читáвут'* (говоры Затиссья Виноградовского района Закарпатской области [Лизанец 1959: 13]); *знáут//знáйут*, *стоáт//стойáт* (говор с. Долгое Иршавского района Закарпатской области [Марчук 1983: 118]); *γл'éдайут//γл'áдайут* (говор с. Поляна Свалявского района Закарпатской области [Там же: 119]); *читáйут* (говор с. Баранинци Ужгородского района Закарпатской области [Там же: 119]); *ро́бйет* (закарпатские гуцульские говоры [Бевзенко 1960: 271]); *знáут*, *купýут* (карпато-русские говоры [Дурново 1969: 196]); *ро́блєт*, *ро́бльіт* (говор батюков [Бевзенко 1960: 271]); *но́с'іт*, *л'ýб'іт*, *хо́д'іт*, *хо́чіт*, *ка́жіт*, *пи́шіт* (некоторые надсянские говоры [Марчук 1966: 135–136]); *но́с'ут*, *во́з'ут*, *хо́д'ут* (покутско-буковинские говоры [Закревська 1966, 128]); *говóри^{e}т* (старики)//*говóрут* (молодые), *кýрйи^{e}т//кýрут*, *мýч'и^{e}т//мýчут*, *волóч'и^{e}т//волóчут*, *ворóжут*, *полóжут* (говоры Подбужского района Львовской области [Бандрівський 1960: 70]); *ро́біт*, *л'ýбіт*, *здúбіт* (некоторые поднестровские говоры [Бевзенко 1974: 24]); *ро́бјут*, *спјут* (некоторые юго-западные говоры [Жилко 1966: 99]); с е в е р о - з а п а д н ы е г о в о р ы — *гарчéт*, *кортú^{e}т*, *спи^{e}т*, *гори́^{e}т* (волынско-полесские говоры сел Залазье, Доротище, Горохово, Пульмо, Ровня, Шельвов, Хотячев [Марчук 1983: 120]); *гл'адé^{и}т* (крайние северо-западные говоры сел Ратниковского района [Там же: 120]); *нóсет*, *хóдет*, *рóбет*, *л'убет* (украинский говор с. Невеля на Пинщине в Беларуси [Лизанец 1969: 191]); *ро́бет*, *кýпет*, *лóвет* (северноукраинские полесские говоры [Бевзенко 1974: 24]); в о с т о ч н о у к р а и н с к и е г о в о р ы — *дайу́т*, *стережу́т*, *печу́т*; *хо́д'ат*, *но́с'ат* (говоры сел Ваховка и Мануильск Димерского района Киевской области [Лисенко 1954: 96]); *вони́ хо́д'ат* (слобожанские говоры [Матвияс 1990: 59]); *вони́ ідýт*, *знáйут*, *сид'áт* (говоры Житомирской области [Бова (Ковальчук) 1954: 109]). Встречается /т/ в формах **3 л. мн. наст.** и в некоторых ю г о - в о с т о ч н ы х г о в о р а х, в частности, в житомирских и киевских, правда, наряду с более распространенными в этом регионе формами на /т'/, например: *вони́ волóч'ат'*, *т'агáт'* (говоры Переяславо-Хмельницкого района Киевской области [Брахнов 1954: 69]);

хóдет', *нóсет'*, *дайýт'*, *стережýт'*, *печýт'* (говор с. - Ясногородка Димерского района Киевской области [Лисенко 1954: 96]). Из последних приведенных примеров следует, что пограничная полоса между западным и восточным украинскими наречиями характеризуется наличием вариативных форм **3 л. мн. наст.** с конечными /т/ и /т'/, которые являются либо сосуществующими элементами глагольных систем некоторых отдельных ЧДС, либо каждый вариант употребляется в разных (возможно, соседних) ЧДС. Эта вариативность являлась чертой живого языка и несколько веков тому назад. Так, например, С. П. Самойленко в «Актовых книгах Полтавского городового уряда XVII в.» отмечает формы **3 л. мн. наст.** с конечными фонемами /т/ и /т'/ (*вони сп'єт*, *роб'єт*, *ся топлят*; *вони сплять*, *скриплять*, *купеть*, *ловеть*, *губеть*) [Самійленко 1954: 38].

В заключение отметим, что среди украинских диалектологов существует вполне обоснованное мнение о том, что формы **3 л. мн. наст.** с фонемой /т/ появились в юго-западных и юго-восточных украинских говорах неодновременно — раньше на юго-западе и позднее — на юго-востоке (см., например, [Жилко 1966: 97]).

* * *

Таким образом, украинским говорам известны глагольные формы **3 л. мн. наст.** с конечными /т'/, /т/ и ∅.

Самым распространенным диалектным вариантом являются формы с /т'/ (*хóд'ат'*, *пúшут'*, *несýт'*, *сид'áт'*), которые считаются в украинском языке архаической чертой. Несмотря на то, что в истории украинского книжного (письменного) языка был период (примерно, с конца XIV и вплоть до XVII вв.), когда господствующим вариантом и нормой книжного языка были признаны формы **3 л. мн. наст.** с конечной фонемой /т/, характерные для некоторых юго-западных говоров того периода, в целом в украинских диалектах исконные для украинского языка формы **3 л. мн. наст.** на /т'/ никогда не исчезали. И сейчас эти формы являются самыми устойчивыми, продуктивными и распространенными в украинских диалектах.

Менее характерными для современных украинских диалектов оказываются формы **3 л. мн. наст.** с конечной фонемой /т/ (*хóд'ат*, *сид'áт*, *пúшут*, *несýт*). Большинством исследователей эти формы считаются новообразованиями, которые не следует возводить к существующим еще в позднепраславянский период и зафиксированным в старославянских памятниках письменности формам **3 л. мн. наст.** на *-тъ* /т/ [Филин 1972: 449]. (Однако все-таки следует иметь в виду и мнения Л. А. Булаховского и О. Н. Трубачева об исконности /т/ в данных формах для восточнославянских диалектов, о чем мы упоминали выше). Эти новообразования находим в памятниках письменности XVI–XVII вв., вышедших из юго-западных областей Украины; наиболее последовательно они отражены в Молдавских грамотах XV в. и в других западноукраинских памятниках письменности вплоть до XVII в. В настоящее время ареалы, образованные формами **3 л. мн. наст.** на /т/, отмечены в значительной части юго-западных украинских говоров, в ряде северо-западных и в некоторых центральных и юго-восточных говорах (см. карту). Можно с сожалением отметить, что вряд ли существуют убедительные диалектные данные, свидетельствующие о продуктивности (или, напротив, непродуктивности) форм **3 л. мн. наст.** с конечной фонемой /т/ в современных украинских диалектах.

В наименьшей степени в говорах украинского языка представлены формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅. Эти, несомненно, архаические формы могут быть образованы только от глаголов II спряжения, и встречаются они лишь в сравнительно небольшом количестве юго-западных и отдельных юго-восточных говорах. В отличие от русского языка, формы **3 л. мн. наст.** с нулем в исходе флексии образуются в этих говорах от глаголов II спряжения (не имея сосуществующих вариантов с конечным консонантом), в то время как эти же, однозначные, глагольные формы, но образованные от глаголов I спряжения, характеризуются наличием конечного согласного (/т/ или /т'/), т. е. *вонú лежá*, *вóз'а*, но *вонú пúшут/т'*, *пекýт/т'*. По-видимому, данный тип глагольной системы не является продуктивным в современном украинском языке.

Характерной особенностью современного украинского диалектного языка следует считать наличие большого числа ЧДС (особенно в восточноукраинском наречии), в которых отмечается сосуществование форм **3 л. мн. наст.** с конечными /т'/ и /т/ (т. е. *вóз'ат'*//*вóз'ат*, *пекýт'*//*пекýт*), что свидетельствует о продолжающемся и в наши дни развитии глагольных систем в говорах с употреблением вариативных форм.

Белорусский язык

В белорусских говорах формы **3 л. мн. наст.** зафиксированы с конечными согласными [ц'], [т'], [т] и [ц], с сочетанием [ц'и] и очень редко с нулем звука: *но́с'ац'*, *но́с'ат'*, *но́с'ат*, *но́с'ац*, *но́с'ац'и* и *но́с'а*.

1. Формы 3 л. мн. наст. с конечной фонемой /т'/

Наиболее распространенными являются формы **3 л. мн. наст.**, оканчивающиеся на согласный [ц'], который реализует фонему /т'/: данные формы образуются от глаголов I и II спряжений (например, *иду́ц'*, *л'ату́ц'*, *ка́жуц'*, *пи́шуц'*, *м'е́л'уц'*, *хо́д'з'уц'*, *ло́в'уц'*; *с'ад'з'а́ц'*, *ц'в'иц'а́ц'*, *хо́д'з'ац'*, *м'е́л'ац'*, *но́с'ац'*, *ка́жац'* и др.) и встречаются, фактически, во всех современных белорусских говорах. Формы **3 л. мн. наст.** на конечный [ц'] (/т'/) являются и нормой в современном литературном белорусском языке: *праду́ць*, *слыву́ць*, *стрыгу́ць*, *храпу́ць*, *ка́жуць*, *га́снуць*, *спяць*, *ля́жаць*, *лю́бяць*, *ку́пяць*, *про́сяць*, *ро́сцяць*, *гало́сяць*.

Кроме того, в тех, сравнительно немногих, белорусских говорах, фонетическим системам которых не свойственно явление цеканья и дзеканья, формы **3 л. мн. наст.** могут также оканчиваться на фонему /т'/, но представленную уже не согласным [ц'], а согласным [т']. Такие формы, как, например, *л'ежа́т'*, *спл'ат'*, *ко́с'ат'*, *хо́д'ат'*, *с'е́йат'*, *ро́бл'ат'*; *ко́рмл'ут'*, *хо́д'ут'*, *мо́жут'*, *пычу́т'* — находим в говорах ряда сел, которые расположены на юге Брестской и Гомельской областей (в Пружанском, Брестском, Кобринском, Телеханском, Дрогичинском, Лагойском, Малоритском, Столинском, Ивановском и некоторых других районах) [Мацкевич 1959: 34, 53, 56, 175; Нарысы 1964: 269]. (Кстати, взаимодействие между глаголами I и II спряжений, что проявляется, в частности, во флексиях форм **3 л. мн. наст.** с наосновным ударением, аналогично этому же явлению в русских и украинских говорах. Данное явление в восточнославянских диалектах было подробно проанализировано нами в [Попова 2004б]).

Ареал белорусских говоров, образованных формами **3 л. мн. наст.** на /т'/, продолжает ареал русских говоров, характеризующихся этой же чертой, и соединяется на юго-западе и юго-востоке с украинскими говорами (см. карту). Данные формы в белорусских говорах (так же, как в русских и украинских говорах, представляют собой архаическое явление).

II. Формы 3 л. мн. наст. с конечной фонемой /т/

На небольшой территории (в основном, в западной части Брестской области), встречаются говоры, образующие незначительные островки, в которых формы **3 л. мн. наст.** оканчиваются на твердый согласный [т], реализующий фонему /т/. Например: *дры́мл'ат*, *тре́пл'ат*, *ро́бл'ат*, *ко́рмл'ат*, *тра́вл'ат* (Ивановский район, нас. пп. №№ 753, 958); *хо́д'ет*, *во́з'ет*, *ко́с'ет*, *иду́т*, *кладу́т* (Брестский район, нас.пп. №№ 660, 664, 949); *хо́дет*, *ко́сет*, *во́з'ет*, *гово́рет*, *л'у́б'ет*, *ро́б'ет*, *крыче́т*, *ду́майут*, *хвота́йут* (Дрогичинский район, нас. п. № 701); *гл'адзе́т*, *лыжэ́т*, *спет*, *выду́т* (Высоковский район, нас. пп. №№ 652, 654); *окружа́йут*, *куса́йут* (Телеханский район, нас. п. № 715); *веду́т*, *кладу́т*, *ко́с'ат* (Пружанский район, нас. пп. №№ 682, 685); *несу́т*, *кладу́т*, *хо́д'ат* (Каменецкий район, нас. пп. №№ 655, 656); *быру́т*, *нысу́т* (Жабинковский район, нас. п. № 703); *по́л'ут*, *ко́л'ут* (Пинский район, нас. п. № 962); *во́з'ат*, *спл'ат*, *ко́рмл'ат* (Логишинский и Березовский районы); *л'ета́йут*, *забэру́т*, *законча́йут* (Ивацевицкий район) [Мацкевич 1959: 175, 177; Нарысы 1964: 270]. На карте № 156 [ДАБМ] указанные формы зафиксированы приблизительно в 30 нас. пп. — севернее Бреста до Ясельды, к северу и югу от Пинска и по границе на крайнем юго-востоке.

Наличие конечной фонемы /т/ в данных глагольных формах белорусские диалектологи считают результатом фонетического явления, а именно — отвердения согласных перед гласными переднего ряда (например, *идэ́ш*, *хо́дыш*), приведшего и к появлению [т] в исходе глагольных форм **3 л.ед.** и **мн.наст.** (*хо́дыт'* > *хо́дыт*, *иду́т'* > *иду́т*) [Мацкевич 1959: 177; Нарысы 1964: 270). Следует отметить, что среди говоров с конечным [т] в формах **3 л. мн. наст.** встречаются ЧДС двух типов: в одних из них твердые согласные употребляются перед всеми гласными переднего ряда и в конце словоформы (например, *лыжэ́т*, *хо́дет*); в других — мягкость может быть утрачена только в конце словоформы, а перед гласными переднего ряда сохранена (например, *во́з'ет*, *л'ета́йут*), что характерно для некоторых говоров, расположенных в северной части этого ареала.

В [Нарысы 1964: 120] формы **3 л. мн. наст.** с конечным [т] (/т/) — например, *п'еку́т*, *н'есу́т*, *бол'а́т*, *с'ед'а́т* — отмечены лишь в говорах следующих сел: 1) в селах Глушковичи и Прибыловичи Лельчицкого района Гомельской области; 2) в селах Михайловка,

Свеча, Нечипоровка Норовлянского района Гомельской области; 3) в селе Нижние Жары Комаринского района Гомельской области; 4) в отдельных селах юго-западной части Брестской области.

По-видимому, эти формы в белорусских говорах можно считать довольно поздними новообразованиями, в которых твердость конечного согласного обусловлена фонетическими причинами.

III. Формы 3 л. мн. наст. с конечной фонемой /ц/

В некоторых отдельных южных говорах (см., например, говоры сел, находящихся в Петриковском, Комаринском и других районах Гомельской области, а также в западных районах Брестской и Гродненской областей) отмечены формы **3 л. мн. наст.** с конечным согласным [ц], реализующим фонему /ц/, например: *йедз'áц, б'ерýц, паб'еўўц, бол'áц, кóс'ац* [Нарысы 1964: 271]; *йаны́ б'арýц, жнуц, стрыўўц, кáжуц, рóб'ац* (Гродненский район, нас. п. № 350); *н'есýц, идýц, жнуц, кáжуц, кóл'уц, с'едз'áц, л'ежáц, хóдз'ац* (Петриковский район, нас. п. № 830); *шчы́пац* (Ветринский район, нас. пп. №№ 72, 73) [Мацкевич 1959: 177].

В [Нарысы 1964: 120] указаны говоры лишь трех изолированных друг от друга сел (с. Снядин Петриковского района Гомельской области, с. Люсин Ганцевичского района Брестской области и с. Поречье Гродненского района Гродненской области), в говорах которых в конце формы **3 л. мн. наст.** находим согласный [ц]: *идýц, жнуц, с'едз'áц* и др.; в этих говорах [ц] употребляется на месте конечного [ц'] и в других словоформах: *чытáц, роб'úц, п'ишчы́ц, сп'иц, шесц*.

В комментарии к карте № 156 (см. [ДАБМ, каментарыі: 630–631]) согласный [ц] в исходе глагольных форм **3 л. мн. наст.** отмечен в следующих говорах: с. Поречье, Гродненский район, Гродненская область, нас. п. № 350 (*драмáйуц, трапл'áйуц, трапáйуц, трéпл'уц, сы́пл'уц, кл'апáйуц, шчы́пл'уц*; редко употребляются формы с [ц'] — *кáжуц'* и др.); с. Шиловичи, Гродненский район, Гродненская область, нас. п. № 425 (*йаны́ кáжуц, в'áжуц, м'éл'уц, чытáйуц*); с. Люсин, Ганцевицкий район, Брестская область, нас. п. № 755 (*схóчуц, уздýмайуц, рабóтайуц, скáжуц, подыйуц, пóл'уц, знáйуц, ўráйуц, скáчуц*); с. Запесочье, Туровский район, Гомельская область, нас. п. № 808 (*кáжуц, в'áжуц, сы́пл'уц, м'éл'уц, кóл'уц, ўréйуц, к'úнуц*); с. Снядин Петриковский район, Гомельская область, нас. п. № 850 (*сп'евáйуц, кáжуц, м'éл'уц, ўréйуц, к'úнуц, ўл'áнуц, сы́пл'уц, дрéмл'уц*).

По мнению белорусских диалектологов, наличие конечного [ц] — это, прежде всего, процесс общего отвердения мягких согласных, а также результат взаимодействия соседних говоров, имеющих в исходе словоформы либо [т], либо [ц'] ([Мацкевич 1959: 178; Нарысы 1964: 271]).

Данное явление относится к достаточно поздним новообразованиям. На карте оно не обозначено.

IV. Формы 3 л. мн. наст. с конечным сочетанием /т'и/

В говорах восточных районов Гомельской области отмечены формы **3 л. мн. наст.**, оканчивающиеся на [ц'и] (/т'и/), например: *йаны́ пóдуц'и, растýц'и, п'ерак'úнуц'и* (Тереховский, Гомельский, Комаринский и др. районы Гомельской области). Это явление обычно объясняют фонетическими причинами, а именно — взаимодействием говоров с разными фонетическими чертами: с одной стороны, с наличием твердых согласных перед гласными переднего ряда, а с другой, — с наличием мягких согласных в этой позиции, что и привело к появлению чрезмерной мягкости в конце слова и выделению гласного [і] (/и/): *йéдуц'и* [Нарысы 1964: 271].

Материалы из [ДАБМ, каментарыі: 631] свидетельствуют о том, что формы с [ц'и] свойственны лицам старшего поколения, например: *растýц'и, жывýц'и, пóйдуц'и* — в языке стариков; у молодых — [ц'] (с. Прибытки, Гомельский район, Гомельская область, нас. п. № 938); у стариков, хотя и редко, но встречается [ц'и], например, *зав'ивáйуц'и*; основным же вариантом являются формы с конечным согласным [ц'] (с. Кулажки, Комаринский район, Гомельская область, нас. п. № 1024); в языке стариков — [ц'и], у молодежи — варианты на [ц'] и [т'] (с. Новая Иолча, Комаринский район, Гомельская область, нас. п. № 1025).

Кстати, подобные формы, например, *спеваюти*, отмечены С. П. Обнорским и в русских олонецких говорах. По его мнению, это типизация старейшей формы **3 л. мн. наст.**, осложненной нормальной для множественного числа местоименной формой *ти*, которая при этом сохранилась в своем архаическом виде, не пройдя ступени редукции [Обнорский 1953: 137].

Таким образом, наличие аналогичных форм с /т'и/ в исходе глагольных словоформ **3 л. мн. наст.** объясняются по-разному применительно к русскому и белорусскому языкам. Однако приведенные диалектные материалы свидетельствуют о том, что эти формы —

как в русских, так и в белорусских диалектах — вряд ли можно считать новообразованиями.

На карте данные формы не показаны.

V. Формы 3 л. мн. наст. с конечным ∅

Глагольные формы **3 л. мн. наст.** с конечным ∅, видимо, несвойственны белорусскому языку. Отмечая эту характерную черту белорусского языка, Н. И. Марчук, однако, указывает, ссылаясь на исследование Ю. Ф. Карского («Белорусы», вып. 2–3. М., 1956, с. 265), что им зафиксированы формы **3 л. мн. наст.** с конечным нулем от глаголов I спряжения: *сястронки накладая, дзявочки...прыспевая* (см. [Марчук 1969: 170]).

* * *

Анализируя ситуацию, связанную с употреблением различных вариантов в реализации исходного элемента в формах **3 л. мн. наст.** в современных *белорусских* говорах, важно обратить особое внимание на южнобелорусский ареал. (Неслучайно его, вместе с северноукраинскими полесскими говорами, диалектологи и историки языка выделяют как особую, уникальную во многих отношениях, диалектную область Восточной Славии.) Дело в том, что в говорах южных районов Беларуси фиксируется *весь* набор финалей глагольной формы **3 л. мн. наст.**, характерных для всех белорусских говоров в целом. Эти варианты распределяются в южнобелорусском ареале самым причудливым образом: ими могут различаться соседние говоры, но они могут сосуществовать и в одной и той же ЧДС. Данный факт свидетельствует о наличии нестабильности в словоизменительной системе глагола в указанных белорусских говорах в настоящее время и о сосуществовании в рамках одной и той же ЧДС как ярких архаических черт, так и разновременных новообразований.

* * *

Таким образом, в современных восточнославянских диалектах формы **3 л. мн. наст.** могут оканчиваться на /т'/ (*идýт'*, *стойáт'*, *нóс'ат'*), на /т/ (*идýт*, *стойáт*, *нóс'ат*) и на нуль звука (*идý*, *стойá*, *нóс'а*). Все три указанных варианта встречаются в русских и украинских говорах; в белорусских говорах формы 3 л. мн. наст. употребляются только с консонантной финалью.

Наиболее распространенными являются формы **3 л. мн. наст.** *с конечной фонемой /т'/*: мы их находим в южнорусских говорах, почти во всех белорусских и в большинстве украинских говоров. Кстати, приведем мнение Е. Ф. Будде, который, изучив диалекты в Тульской и Орловской губерниях, в том числе и в Брянском уезде, сделал вывод, что наличие некоторых общих признаков в русских и белорусских говорах (как, например, мягкости в окончаниях в формах **3 л. мн. наст.**) говорит «историку языка о былом единстве южновеликорусско-белорусского наречия» [Будде 1904: 91]; при этом он приводит мнение Е. Ф. Карского о том, что жители Орловского Полесья (так называемые *полехи*) говорят «по-южнорусски», но происходят от белоруссов. Ареал распространения форм **3 л. мн. наст.** с конечной фонемой /т'/ подтверждает мнение и Н. Н. Дурново, основанное на наличии многих одинаковых черт в говорах этого большого ареала: «можно думать, что в доисторическую эпоху говоры, образовавшие позднее м.-р. и б.-р. языки и ю.-в.-р. наречие в.-р. языка, составляли одну группу» [Дурново 1969: 211].

Формы **3 л. мн. наст.** *с конечной фонемой /т/* характеризуют севернорусские и окающие среднерусские говоры, говоры северной, центральной и южной частей юго-западного и северо-западного украинских наречий, некоторые юго-восточные украинские говоры, а также ряд юго-западных белорусских говоров.

Формы **3 л. мн. наст.** *с конечным нулем* свойственны только некоторым северо-западным и южнорусским говорам, где они выступают исключительно лишь в качестве сосуществующих вариантов с формами на /т/ и /т'/, и небольшому количеству юго-западных украинских говоров (см. карту).

Коснемся вкратце и вопроса о времени появления различных вариантов рассматриваемой глагольной формы в восточнославянских диалектах.

Так, формы **3 л. мн. наст.** *с конечной фонемой /т'/* ведут свое начало с доисторического времени и представляют собой архаическое явление, сохранившееся на огромной территории восточнославянского диалектного пространства.

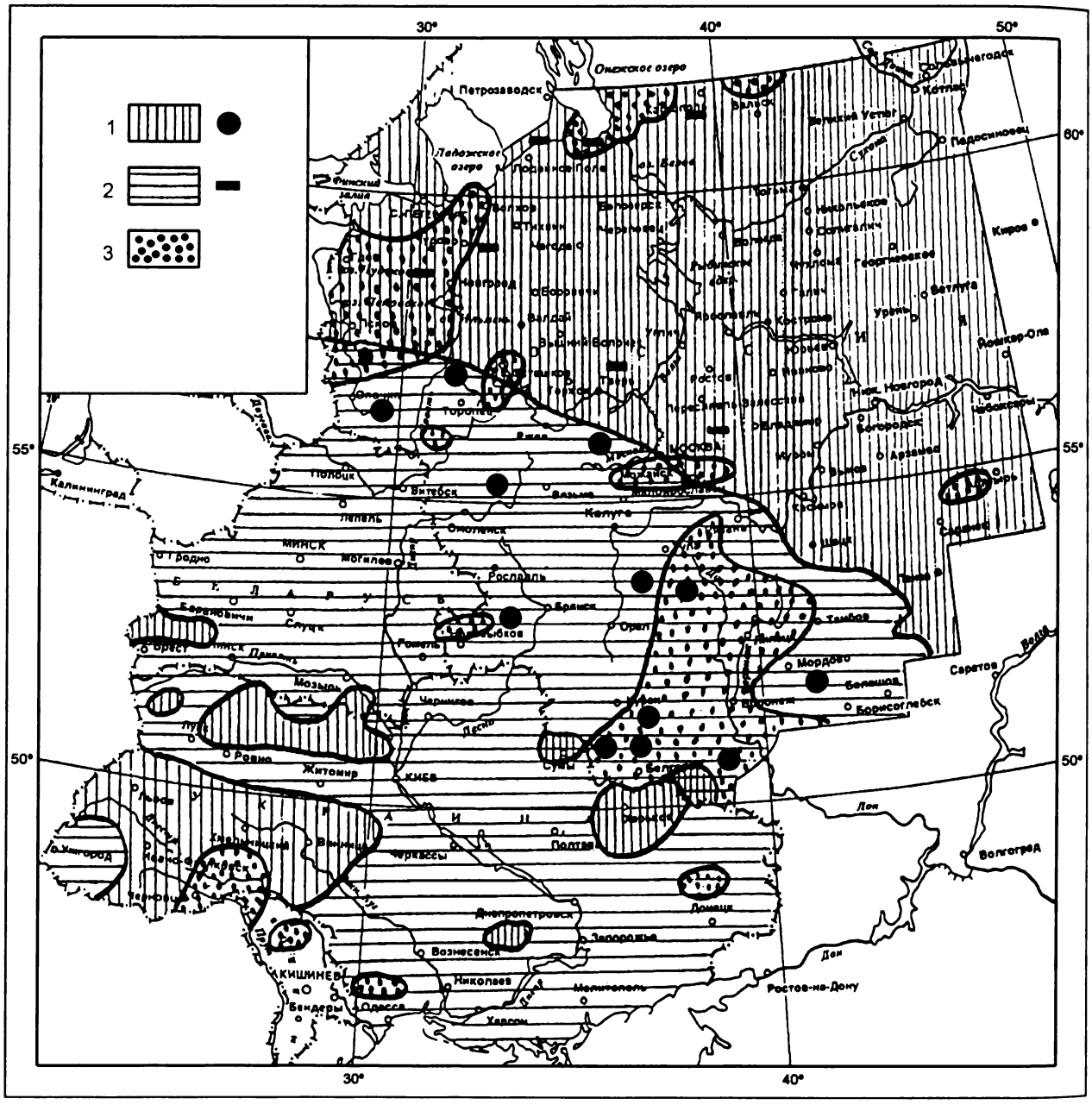
Формы **3 л. мн. наст.** *с конечной фонемой /т/* образуют несколько (не связанных общей территорией) ареалов. В науке о происхождении этих форм не существует единого мнения. Большинство ученых считают данные формы на восточнославянской почве новообразованием, возникшим не ранее XIII в. Гипотеза о том, что такие формы в украинских и белорусских

говорах являются новообразованиями, обусловленными диспалатализационными процессами, выглядит более или менее убедительной. Менее ясным является вопрос о происхождении данных форм в русских говорах: высказываются, однако, вполне обоснованные гипотезы о позднем (с XIII в.) их появлении. В то же время существуют и достаточно убедительные предположения о древних корнях возникновения указанных глагольных форм, о чем упоминалось выше. В частности, следовало бы со всей серьезностью отнестись к мнению Л. А. Булаховского, О. Н. Трубачева и некоторых других лингвистов об исконности /т/ в формах **3 л. мн. наст.** в восточнославянских диалектах. Кстати, эта гипотеза находит определенную поддержку и в ареалогических аргументах. Так, на нашей карте хорошо видно, что формы **3 л. мн. наст.** с /т/ образуют два ареала, расположенные в противоположных концах исследуемой восточнославянской тьерритории: один, большой и компактный, — находим в северной части, другой, состоящий из ряда небольших ареалов, — на крайнем юго-западе. Воспринимая всю восточнославянскую территорию как единое целое, можно допустить, что формы **3 л. мн. наст.** с /т/ занимают северную и юго-западную периферийные области. Данный факт очень важен, так как именно в периферийных говорах, как известно, возможность сохранения многих архаических черт достаточно высока.

Наиболее сложным является вопрос об интерпретации форм **3 л. мн. наст.** *с конечным нулем звука*, образующих на восточнославянском диалектном пространстве (на его западной и юго-восточной периферии) небольшие ареалы. Все исследователи относят эти формы к числу архаических явлений. В русских говорах данные формы могут быть, в принципе, образованы от любых глаголов, хотя В. В. Иванов специально отмечает, что в др.-рус. памятниках письменности XI–XIV вв. такие формы чаще употреблялись от глаголов II спряжения [Иванов 1982: 97]; на эту же особенность, но уже применительно к современным русским говорам, указывает и С. В. Бромлей [Бромлей, Булатова 1972: 246]. Исследователи также отмечают, что севернорусская система употребления форм **3 л. мн. наст.** с конечным нулем (не выявляющая явной зависимости в образовании этих форм ни от типа спряжения глагола, ни от его акцентной характеристики, ни от особенностей заударного вокализма) ближе к исходной (архаической) системе глагольного словоизменения, чем южнорусская система (претерпевшая в плане дистрибуции указанных форм значительные изменения, обусловленные как фонетическими, так и аналогическими факторами). Однако, анализируя закономерности употребления форм **3 л. мн. наст.** с конечным нулем в современных северо-западных и юго-восточных русских и юго-западных украинских говорах, важно обратить внимание на то, что общим для всех этих говоров является образование форм **3 л. мн. наст.** с нулем в окончании от глаголов II *спряжения* (в украинских говорах такие формы образуются только от глаголов II спряжения и характеризуются безвариантным употреблением, в русских же говорах — эти формы преобладают, но употребляются во всех ЧДС в качестве менее распространенных вариантов). Возможно, наиболее ранними по происхождению были именно формы **3 л. мн. наст.** с конечным нулем, образованные от глаголов II спряжения.

В заключение считаем необходимым подчеркнуть, что современная картина дистрибуции всех вариантов глагольной формы **3 л. мн. наст.** ни в коей мере не является непосредственным и неизменным перенесением на современную почву прежних отношений: современная ситуация — это результат воздействия на глагольные парадигмы различных факторов (фонетических, морфологических, аналогических и мн.др.), пережитых отдельными восточнославянскими диалектами на протяжении истории их развития и сформировавших современные глагольные диалектные системы. В связи с этим подавляющее большинство современных восточнославянских говоров имеют в своих глагольных системах как архаические черты, так и новообразования. Необходимо при этом подчеркнуть, что, по-видимому, самым сложным в интерпретации современных диалектных данных является нахождение разновременных пластов, разграничение архаизмов и инноваций, поскольку, без сомнения, в каждой ЧДС могут сохраняться, наряду с новообразованиями, возникшими неодновременно, и древние черты, также появившиеся в разное время. Поэтому очень важным представляется следующее высказывание Р. И. Аванесова: «Диалектные различия восточных славян в значительной своей части относятся уже к относительно поздней... эпохе, эпохе феодальной раздробленности и последующему времени... Поздний характер диалектных различий русского языка ни в коей мере не исключает того, что в диалекте могут сохраняться явления, восходящие к глубокой древности» [Аванесов 1953: 64].

Конечные /т/, /т'/ и Ø в глагольной форме 3 л. мн. наст.

Условные обозначения

1) /т/ (*несу́т*)
2) /т'/ (*несу́т'*)
3) Ø (*несу́*)

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов 1955 — *Аванесов Р.И.* К вопросам образования русского национального языка // ВЯ, 1953, № 2.

Бандрівський 1960 — *Бандрівський Д.Г.* Говірки Підбузького району Львівської області. Київ, 1960.

Бевзенко 1960 — *Бевзенко С.П.* Історична морфологія української мови. Ужгород, 1960.

Бевзенко 1974 — *Бевзенко С.П.* Українська діалектологія. Фонетика. Одеса, 1974.

Безпалько 1957 — *Безпалько О.П., Бойчук М.К., Жовтобрюх М.А., Самійленко С.П., Тараненко І.Й.* Історична граматика української мови. Київ, 1957.

Бова (Ковальчук) 1954 — *Бова (Ковальчук) Л.П.* Говірки південної Житомирщини і їх відношення до полтавсько-київського діалекту // Полтавсько-київський діалект — основа української національної мови. Київ, 1954.

Брахнов 1954 — *Брахнов В.М.* Фонетичні риси говірок Переяслав-Хмельницького району на Київщини // Полтавсько-київський діалект — основа української національної мови. Київ, 1954.

Бромлей 1973 — *Бромлей С.В.* Противопоставленность I и II спряжений в русских говорах и литературном языке // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Бромлей, Булатова 1972 — *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

Будде 1904 — *Будде Е.Ф.* О говорах Тульской и Орловской губерний // Сборник ОРЯС, том LXXVI, № 3. СПб., 1904.

Булаховский 1958 — *Булаховский Л.А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958.

Бурова 1989 — *Бурова Е.Г.* Комментарий к картам №№ 80, 81 // ДАРЯ. Центр Европейской части СССР. Выпуск II. Комментарии к картам. Морфология. М., 1989.

Ван-Вейк 1957 — *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. М., 1957.

Виноградов 1972 — *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1972.

Возний 1969 — *Возний Т.М.* Система дієслівних форм часу в говірці села Бітли на Львівщині // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

ВСИ-1, ВСИ-2, ВСИ-3 — Восточнославянские изоглоссы: Вып. 1. М., 1995; Вып. 2. М., 1998; Вып. 3. М., 2000.

Гецова 1963 — *Гецова О.Г.* К вопросу о формах 3-го лица глагола в русских говорах // Славянская филология. Вып. 5. М., 1963.

Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970.

Грунський, Ковальов 1941 — *Грунський М., Ковальов П.* Історія форм української мови. Харків, 1931.

Грунський, Ковалев 1941 — *Грунський М.К., Ковалев П.К.* Нариси з історії української мови. Львів, 1941.

Довгопол 1969 — *Довгопол С.Ф.* Деякі особливості словозміни говірки села Котельви на Полтавщини // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

Дроздовський 1971 — *Дроздовський В.П.* Про деякі фонетико-морфологічні явища, пов'язані з граматичною аналогією // Праці XII респ. діал. наради. Київ, 1971.

Дурново 1903 — *Дурново Н.Н.* Диалектологическая карта Калужской губернии // Сборник ОРЯС, № 76. СПб., 1903.

Дурново 1927 — *Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка // Изв. АН СССР, ОРЯС. Т. XXXII, 1927.

Дурново 1969 — *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.

Жилко 1954 — *Жилко Ф.Т.* Про умови формування полтавсько-київського діалекту — основи української національної мови // Полтавсько-київські діалект — основа української національної мови. Київ, 1954.

Жилко 1966 — *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966.

Житецкий 1889 — *Житецкий П.Г.* Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в. Киев, 1889.

Закревська 1966 — *Закревська Я.В.* Система особових форм дієслова в західних говорах української мови (теперішній час) // Українська лінгвістична географія. Київ, 1966.

Иванов 1978 — *Иванов В.В.* К истории форм настоящего времени в древнерусском языке XI–XIV вв. Эволюция форм 3-го лица ед. и мн. числа по данным памятников письменности // Исследования по исторической морфологии русского языка. М., 1978.

Иванов 1982 — *Иванов В.В.* История временны́х форм глагола // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

Карский 1956 — *Карский Е.Ф.* Белоруссы. Язык белорусского народа. Вып. 2–3. М., 1956.

Касаткин 1999 — *Касаткин Л.Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Касаткин 2000 — *Касаткин Л.Л.* Донские казачьи говоры // Слово в тексте и словаре. М., 2000.

Кузнецов 1956 — *Кузнецов П.С.* К истории форм 3-го лица настоящего времени в русском языке // Slavia, roč. XXXV, z. 2. Praga, 1956.

Лавер 1969 — *Лавер В.И.* Система глагола в говорах Закарпатской области УССР // АКД. Одесса, 1969.

Лизанец 1959 — *Лизанец П.Н.* Украинские южнокарпатские говоры Затиссья Виноградовского района Закарпатской области // АКД. Львів, 1959.

Лизанец 1969 — *Лизанец П.М.* Морфологічні особливості деяких українських говірок Пінщини (БРСР) // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

Лисенко 1950 — *Лисенко П.С.* Говірка села Михайло-Коцюбинського Чернігівської області // Діалектологічний бюлетень. Вип. II. Київ, 1950.

Лисенко 1954 — *Лисенко П.С.* Фонетичні і морфологічні особливості говірок Димерського району на Київщини // Полтавсько-київський діалект — основа української національної мови. Київ, 1954.

Логвин 1965 — *Логвин В.П.* Морфологічна система говірок Нижньої правобережної Наддністрянщини // Територіальні діалекти і власні назви. Київ, 1965.

Ляпунов 1899 — *Ляпунов Б.М.* Исследования о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. СПб., 1899.

Марчук 1966 — *Марчук Н.Й.* Деякі явища граматичної аналогії в особових формах дієслів української мови // Українська лінгвістична географія. Київ, 1966.

Марчук 1969 — *Марчук Н.Й.* Форми 3-ї особи дієслів теперішнього часу в українських говорах // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

Марчук 1982 — *Марчук Н.Й.* Типи дієвідмінювання в українських поліських говорах // Структура українських говорів. Київ, 1982.

Маслов 1968 — *Маслов Ю.С.* Некоторые спорные вопросы морфологической структуры славянского глагола // Советское славяноведение. 1968. № 4.

Матвіяс 1990 — *Матвіяс І.Г.* Українська мова і її говори. Київ, 1990.

Мацкевич 1959 — *Мацкевич Ю.Ф.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск, 1959.

Мукан 1969 — *Мукан А.М.* Варіантність форм у деяких новостворених говорах української мови // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

Нагін 1964 — *Нагін Я.Д.* Фонетичні особливості херсонських говірок // Українська діалектологія і ономастика. Київ, 1964.

Нарысы 1964 — Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.

Обнорский 1953 — *Обнорский С.П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Образование 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Орлова 1970 — *Орлова В.Г.* Окончания *-т* и *-т'* в формах 3-го лица глаголов настоящего времени // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Орос 1957 — *Орос В.І.* Із спостережень над говірками Хустського району Закарпатської области // Наукові записки УжДУ. Діалектологічний збірник. Вип. 2, т. XXXI. Ужгород, 1957.

Попова 1970 — *Попова Т.В.* Морфонологические чередования согласных в спряжении глагола настоящего времени в юго-западном украинском говоре с. Саджава // Праці XIII респ. діал. наради. Київ, 1970.

Попова 1998 — *Попова Т.В.* Формы 3 лица единственного числа настоящего времени // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2. М., 1998.

Попова 2004а) — *Попова Т.В.* Еще раз о глагольных формах 3 лица множественного числа с нулем в окончании в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. II. М., 2004.

Попова 2004б) — *Попова Т.В.* Безударные флексии в глагольной форме 3 лица множественного числа настоящего времени в современных восточнославянских диалектах // ОЛА. МИ. Памяти чл.-корр. Р. И. Аванесова. М., 2004.

Поповский 1972 — *Поповский А.М.* Лингвистическое и историко-культурное значение полтавских говоров в формировании украинского литературно-национального языка // АКД. Днепропетровск, 1972.

Пшепюрска 1938 — *Пшепюрска М.* Надсянский говор. Варшава, 1938.

Русанівський 1971 — *Русанівський В.М.* Структура українського дієслова. Київ, 1971.

Самійленко 1954 — *Самійленко С.П.* До характеристики полтавсько-київському діалекту за пам'ятками XVII ст. // Полтавсько-київський діалект — основа української національної мови. Київ, 1954.

Строганова 1970 — *Строганова Т.Ю.* Формы глаголов 3-го лица без *т* конечного // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Титовская 1959 — *Титовская В.В.* Личные формы глагола в современных южновеликорусских говорах (на материале некоторых сел Воронежской и Липецкой областей) // Материалы совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности. Воронеж, 1959.

Трубачев 2000 — *Трубачев О.Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // ВЯ, 2000, № 5.

Филин 1985 — *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Ленинград, 1972.

Якобсон 1985 — *Якобсон Р.* Русское спряжение // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

Т. В. ПОПОВА

Глагольная форма 1 лица множественного числа настоящего времени

В основу исследования положены следующие карты и комментарии к ним:

1. [ДАБМ, карта № 150] «Зычны асновы і націскны галосны ў 1-ай асобе множнага ліку цяперашняга часу дзеясловаў I спражэння».

2. [ДАБМ, карта № 154] «Форма 1-ай асобы множнага ліку цяперашняга часу дзеясловаў II спражэння».

3. [АУМ 1, карта № 260] «1-а особа теперішнього часу дієслів I дієвідміни».

4. [АУМ 2, карта № 241] «1-а особа теперішнього часу дієслів I та II дієвідмін».

5. [ДАРЯ II, карта № 82] «Фонема <е> в ударенных окончаниях 2-го и 3-го лица единственного числа и 1-го и 2-го лица множественного числа глаголов I спряжения с основой на парный твердый согласный».

6. [Образование 1970, карта № 4] «Ударенный гласный /е/ в личных формах глаголов I спряжения настоящего времени».

Кроме того, были использованы опубликованные работы по диалектологии и истории русского, украинского и белорусского языков, содержащие материал по исследуемой проблеме.

В работе применяется нетрадиционное морфологическое членение глагольных словоформ настоящего времени (см. об этом подробнее в комментарии, посвященном глагольным словоформам 3 л. мн. наст., на с. 82–83). В соответствии с этим мы допускаем возможность выделять в форме 1 л. мн. наст. отдельно флексии *-м*, *-мо*, *-ме* и «классные показатели» (=тематические гласные, соединительные гласные…), реализованные звуками [и], [о], [е] и др.

В современных восточнославянских диалектах форма 1 л. мн. наст. образуется с флексиями *-м*, *-мо*, *-ме*.

Основным диалектным вариантом является флексия *-м*. Она в качестве *единственного* варианта характеризует *все говоры русского языка* и *все севернобелорусские говоры*, а также *небольшую часть крайних северо-восточно-полесских украинских говоров*.

Флексии *-м* и *-мо* (либо в одной и той же ЧДС, либо в соседних ЧДС) находим в *юго-западных белорусских* и, фактически, во *всех украинских говорах*.

В *юго-западных украинских говорах* употребляется флексия *-ме*.

См. карту № 1 (с. 110).

Для лингвогеографической характеристики глагольной формы 1 л. мн. наст. в восточнославянских диалектах важно обратить внимание на следующие вопросы: 1) количественное соотношение вариативных форм 1 л. мн. наст. с флексиями *-м* и *-мо*; 2) твердость–мягкость конечного согласного основы в данной форме; 3) лабиализованность–нелабиализованность «классного показателя» (или тематического гласного) в глаголах I спряжения с ударением в форме 1 л. мн. наст. на данном «классном показателе»; 4) акцентная характеристика формы 1 л. мн. наст.; при рассмотрении последнего вопроса следует различать: *наосновное* ударение (например, *но́с'им*, *но́с'имо*, *не́семо*) и *наконечное* ударение *двух* типов — с акцентом на флексии (например, *несеме́*, *с'ад'з'имо́*) и с акцентом на «классном показателе» (например, *нес'о́м*, *несе́мо*, *с'ад'з'и́мо*).

Диалектные различия, связанные: с употреблением разных вариантов флексии глагольной формы 1 л. мн. наст., с наличием твердых или мягких согласных в исходе основы и с акцентной характеристикой данной формы, — *релевантны только для украинского и белорусского языков*. Диалектные различия, обусловленные реализацией тематического гласного в форме 1 л. мн. наст. глаголов I спряжения с наконечным ударением (в виде гласных [о] и [не-о]), *релевантны для всех трех восточнославянских языков*.

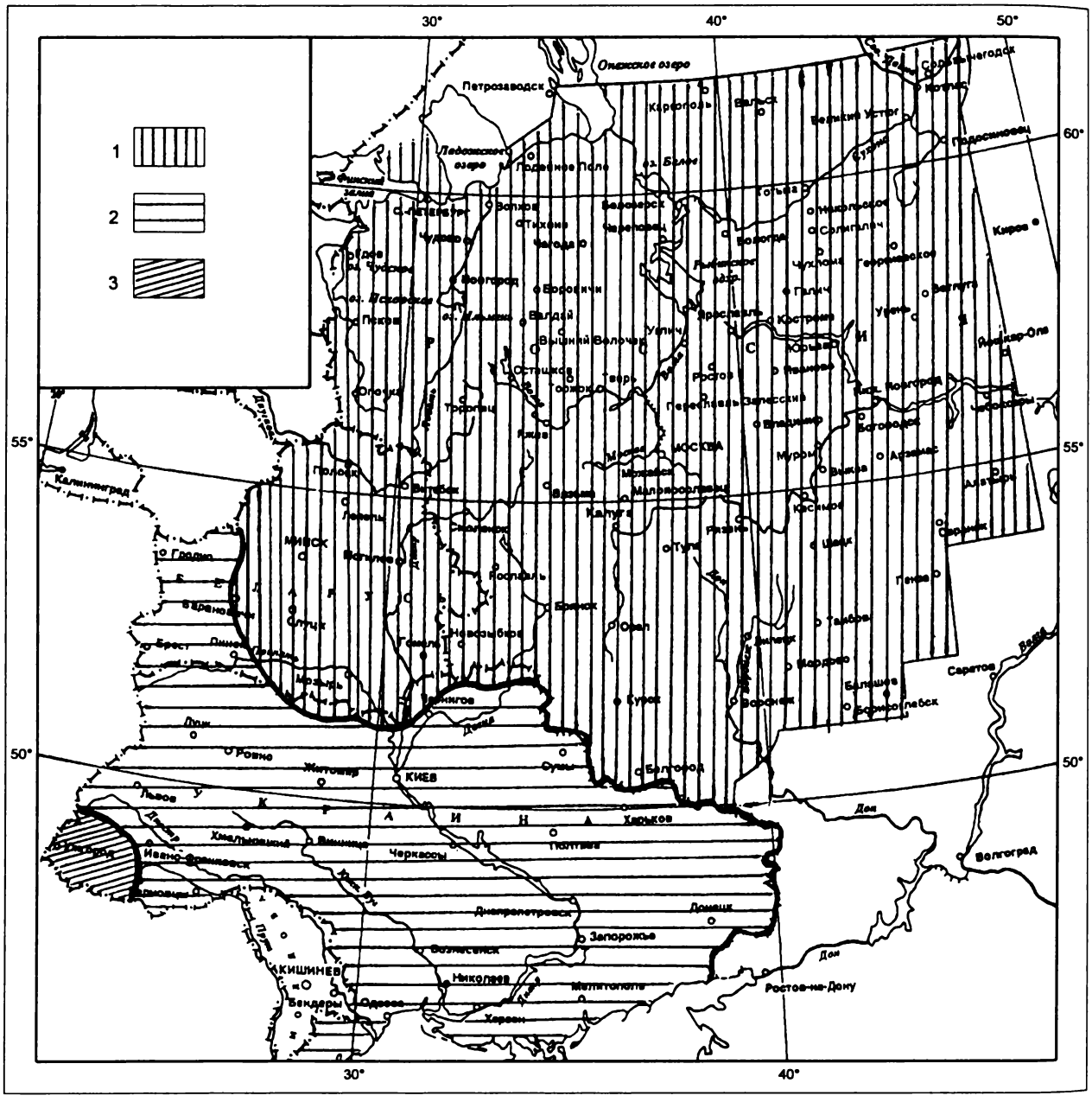
I. Флексии глагольной формы 1 л. мн. наст.

Украинский язык

В современных украинских говорах глагольная форма 1 л. мн. наст. может быть образована, как уже указывалось выше, с флексиями *-м*, *-мо* и *-ме*.

Акцентная характеристика данной словоформы зависит от типа ударения в парадигме настоящего времени в каждом конкретном говоре: как правило, глаголы с фиксированным наконечным ударением имеют ударение в форме 1 л. мн. наст. либо на тематическом

Карта № 1. Флексии глагольной формы 1 л. мн. наст.

1
2
3
30°
40°
50°
60°
55°
50°
Онежское озеро
Петрозаводск
Вологда
Ярославль
Кострома
Иваново
Владимир
Москва
Тверь
Смоленск
Брянск
Курск
Белгород
Воронеж
Тамбов
Пенза
Саратов
Волгоград
Ростов-на-Дону
Таганрог
Мариуполь
Донецк
Запорожье
Днепропетровск
Николаев
Одесса
Херсон
Симферополь
Севастополь
Керчь
Феодосия
Евпатория
Черкассы
Полтава
Харьков
Сумы
Житомир
Ровно
Луцк
Львов
Ивано-Франковск
Хмельницкий
Винница
Кишинев
Бендеры
Тирасполь
Бельцы
Кировоград
Николаев
Минск
Гомель
Могилев
Витебск
Гродно
Брест
Калининград
Псков
Великие Луки
Смоленск
Калуга
Тула
Рязань
Липецк
Курск
Орел
Брянск
Воронеж
Белгород
Харьков
Луганск
Донецк
Мариуполь
Ростов-на-Дону
Волгоград
Саратов
Пенза
Тамбов
Липецк
Рязань
Тула
Калуга
Смоленск
Брянск
Курск
Белгород
Харьков
Полтава
Черкассы
Винница
Житомир
Ровно
Луцк
Львов
Ивано-Франковск
Хмельницкий
Кишинев
Бендеры
Одесса
Николаев
Запорожье
Днепропетровск
Донецк
Мариуполь
Ростов-на-Дону
Таганрог

гласном (*несе́м, несо́м, сиди́м*; *несе́мо, несе́ме*), либо на флексии *-мо* (*несемо́, сидимо́, несемé*); глаголы с подвижным или наосновным ударением в парадигме настоящего времени характеризуются обычно в форме 1 л. мн. наст. ударением на основе (*ста́нем, хо́дим*; *ста́немо, хо́димо*; *ста́неме, хо́диме*). Все указанные акцентологические типы формы 1 л. мн. наст. употребляются, как показывают карты [АУМ 1, № 260; АУМ 2, № 241], вперемешку на всей территории распространения украинского языка. Однако в отношении акцентной характеристики данной формы, образованной от глаголов I спряжения с наконечным ударением и с вокалической флексией *-мо* или *-ме* (т. е. *несемо́ – несе́мо, несемé – несе́ме*), все же можно определить ареалы преимущественного употребления данной формы с ударением на тематическом гласном или на флексии.

Наиболее распространенной в диалектном плане является форма 1 л. мн. наст. с флексией *-мо* (-[мо́], -ˊ[мо]). Формы с данной флексией утвердились и в современном литературном языке.

Эти формы в *литературном языке*, аналогично украинским диалектам, также различаются между собой с точки зрения акцентной характеристики. Так, если парадигма настоящего времени глаголов I и II спряжений характеризуется фиксированным наконечным ударением, то и форма 1 л. мн. наст. имеет ударение на флексии. Если же парадигма настоящего времени характеризуется фиксированным наосновным или подвижным ударением, то в форме 1 л. мн. наст. отмечается также, соответственно, наосновное ударение. Например, I с п р я ж е н и е — *плести́*: *плету́, плете́ш, плете́, плетемо́, плетете́, плету́ть*; *повести́*: *поведу́, поведе́ш, поведе́, поведемо́, поведете́, поведу́ть*; *метну́ти*: *метну́, метне́ш, метне́, метнемо́, метнете́, метну́ть*; *гна́ти*: *жену́, жене́ш, жене́, женемо́, женете́, жену́ть*; *жа́ти*: *жну, жнеш, жне, жнемо́, жнете́, жнуть*; *мерти*: *мру, мреш, мре, мремо́, мрете́, мруть*; *лі́ти*: *ллю, ллєш, ллє, ллємо́, ллєте́, ллють*; *пи́ти*: *п'ю, п'єш, п'є, п'ємо́, п'єте́, п'ють*; *хоті́ти*: *хо́чу, хо́чеш, хо́че, хо́чемо, хо́чете, хо́чуть*; *ве́ргнути*: *ве́ргну, ве́ргнеш, ве́ргне, ве́ргнемо, ве́ргнете, ве́ргнуть*; *верну́ти*: *верну́, ве́рнеш, ве́рне, ве́рнемо, ве́рнете, ве́рнуть*; *бреха́ти*: *брешу́, бре́шеш, бре́ше, бре́шемо, бре́шете, бре́шуть*; *тріпота́ти*: *тріпочу́, тріпо́чеш, тріпо́че, тріпо́чемо, тріпо́чете, тріпо́чуть*; II с п р я ж е н и е — *спа́ти*: *сплю, спиш, спить, спимо́, спите́, сплять*; *горі́ти*: *горю́, гори́ш, гори́ть, горимо́, горите́, горя́ть*; *держа́ти*: *держу́, держи́ш, держи́ть, держимо́, держите́, держа́ть*; *бі́гти*: *біжу́, біжи́ш, біжи́ть, біжимо́, біжите́, біжу́ть*; *тріпоті́ти*: *тріпочу́, тріпоти́ш, тріпоти́ть, тріпотимо́, тріпотите́, тріпотя́ть*; *хорони́ти*: *хороню́, хоро́ниш, хоро́нить, хоро́нимо, хоро́ните, хоро́нять*; *провали́ти*: *провалю́, прова́лиш, прова́лить, прова́лимо, прова́лите, прова́лять*; *руби́ти*: *рублю́, ру́биш, ру́бить, ру́бимо, ру́бите, ру́блять*; *ба́чити*: *ба́чу, ба́чиш, ба́чить, ба́чимо, ба́чите, ба́чать*; *повози́ти*: *повожу́, повози́ш, повози́ть, повози́мо, повози́те, повозя́ть*.

Диалектные различия украинского языка в плане образования формы 1 л. мн. наст. обусловливаются следующими факторами: это — характер морфологического варианта флексии (*-м, -мо* или *-ме*), фонетическая реализация «классного показателя» ([е, и, а, ə] и др.), акцентный контур данной словоформы и характер консонантного исхода глагольной основы (реализован ли он твердым или мягким согласным).

Флексия *-мо*, являясь самой распространенной, употребляется, фактически, во всех украинских говорах (за исключением крайних юго-западных — закарпатских, западно-гуцульских, южнобойковских). В большинстве говоров украинского языка формы с флексией *-мо* сосуществуют с однозначными формами с флексией *-м* либо в одной и той же ЧДС, либо в разных (соседних) ЧДС; количественное соотношение этих морфологических вариантов в разных украинских говорах различно. См. карту № 2 (с. 117).

1. Флексии *-мо* и *-м*.

Карты в [АУМ 1, № 260] и [АУМ 2, № 241] показывают, что формы 1 л. мн. наст. исключительно только с флексией *-мо* не образуют больших и четко очерченных ареалов: по сути дела отмечены лишь отдельные разрозненные говоры. В целом, на большей части картографированной в первых двух томах АУМ территории (и в опубликованных материалах в третьем томе АУМ) глагольные формы 1 л. мн. наст. с флексией *-мо* употребляются, как уже было сказано выше, наряду с сосуществующими с ней формами с флексией *-м*. Данные морфологические варианты могут быть либо односистемными (т. е. принадлежать к одной и той же ЧДС), либо межсистемными/междиалектными (т. е. одни ЧДС с формой 1 л. мн. наст. на *-мо* чередуются на рассматриваемом диалектном пространстве с другими ЧДС с формой 1 л. мн. наст. на *-м*). Количественное соотношение этих вариативных форм в говорах разных регионов различно. К сожалению, мы не располагаем достаточным диалектным материалом, иллюстрирующим данное явление, который позволил бы сделать вполне обоснованные заключения об истинном употреблении формы 1 л. мн. наст. в современных

украинских диалектах во всем многообразии ее морфологических и фонетических вариантов.

1) Так, исходя из карты [АУМ 1, № 260], на которой показаны формы 1 л. мн. наст. только от глаголов I спряжения, можно установить, что в *поднепровских* (в основном, левобережных), *слобожанских*, *степных* и *южных восточнополесских говорах* вариативные формы с флексиями -[м] и -[мо́] (например, *несе́м*//*несемо́*) являются в количественном отношении (ориентируясь лишь на материал указанной карты) как будто бы равноправными, хотя в северной части этого ареала, возможно, и преобладают формы с флексией -[м]. Данная карта позволяет заключить, что формы 1 л. мн. наст., образованные от глаголов I спряжения с фиксированным *наконечным* ударением в парадигме настоящего времени, имеют в подавляющем большинстве говоров ударение на конечном слоге, т. е. на флексии (*несемо́*), хотя изредка встречается ударение и на тематическом гласном (*несе́мо*) — при, фактически, неизменном варианте *несе́м* в тех и других говорах данного ареала; глаголы с фиксированным *наосновным* и *подвижным* ударением в парадигме настоящего времени характеризуются ударением на основе и в форме 1 л. мн. наст. Об этом могут свидетельствовать следующие примеры: *оре*ᵘ*мо́*, *моло́тимо* и *копа́йем*, *тр'асе́м*, *ім'і́йем*, *ро́биᵉм* (говор с. Котельва на Полтавщине [Довгопол 1969: 185]); автор попутно отмечает, что, в принципе, во всех современных юго-восточных говорах фиксируются равноправные сосуществующие варианты данной формы с флексиями *-м* и *-мо* как в глаголах I, так и в глаголах II спряжений [Там же: 186]. Есть в этом ареале (в основном в северной его части) и говоры, в которых форма 1 л. мн. наст. употребляется только с флексией *-м* (ср., например, формы *чиним*, *приказуем* и др. в говоре с. Батурин Черниговской области, хотя в грамоте запорожского гетмана, написанной в г. Батурин в 1672 г., эти формы употреблены с флексией *-мо*: *чинимо*, *приказуемо* [Майборода 1970: 62]). В северноукраинском (слобожанском) говоре в Воронежской области отмечены, напротив, только формы на *-мо* (*робимо*, *знаємо* [Солонська 1970: 202]). Таким образом, варианты с флексиями *-мо* и *-м* употребляются в этом регионе либо в одной и той же ЧДС, либо в разных, причем количественное соотношение их по говорам колеблется.

В [АУМ 3, IV часть, с. 217] приведены ответы на вопрос № 360 [Програма 1949], которые свидетельствуют о том, что в юго-восточном ареале в подавляющем большинстве говоров отмечены вариативные формы 1 л. мн. наст. с флексиями *-мо* и *-м* (т. е. *несемо́*/*несе́м*, *ро́бимо*/*ро́бим*); безвариантные формы с флексией *-мо* (*несемо́*) зафиксированы более, чем в 70 нас. пп.; формы с флексией *-мо* и вариативным ударением (*несе́мо*/*несемо́*) отмечены в 12 нас. пп.; только с флексией *-м* указанные формы употребляются в 11 нас. пп., причем в 6-ти из них «классный показатель» реализован гласным [о] (*нес'о́м*), а в 5-ти — гласными [е] и [о] (*несе́м*/*нес'о́м*). Поэтому данный ареал обозначен на карте как ареал с равноправным употреблением вариативных форм 1 л. мн. наст. с флексиями *-мо* и *-м*.

2) В *среднеполесском ареале* (в основном, в бассейнах рек Уж и Тетерев) находятся говоры, в которых также сосуществуют морфологические варианты формы 1 л. мн. наст. с флексиями *-м* и *-мо*. Однако в количественном отношении здесь явно преобладает вариант с флексией *-м* и сравнительно редко встречаются формы с флексией *-мо*, которая может быть как ударной, так и безударной (*несе́мо*//*несемо́* — [АУМ 1, карта № 260]). Тематический гласный в этой форме реализован (за исключением крайних северных говоров), как правило, нелабиализованными гласными ([е, еᵘ, и, і] и др.): *несе́м*//*несе́мо*//*несемо́*, *ста́н'ем*, *ста́н'еᵘм*, *сед'і́м*, *во́з'іᵘм*, *во́з'имо* и т. д. В говорах сел, которые расположены на крайнем севере этого ареала, вдоль государственной границы с Беларусью (в частности, в Чернобыльской зоне), тематический гласный в форме 1 л. мн. наст. от глаголов I и II спряжений может быть реализован не только нелабиализованным гласным, но и лабиализованным (только в формах с флексией *-м*) и как ударным, так и безударным (например: *б'ерóм*, но *б'ерéмо́*, *ка́жом*, но *ка́жемо*, *сп'ом*, но *сп'імо́*; а также и *ро́б'ім*, *ро́б'імо*). То есть классный показатель, выраженный нелабиализованным гласным, отмечен в формах 1 л. мн. наст., образованных от всех глаголов с флексиями *-м* и *-мо*; классный же показатель, представленный лабиализованным гласным [о], может употребляться только в формах 1 л. мн. наст., образованных с флексией *-м* от любых глаголов I спряжения и от некоторых глаголов II спряжения с фиксированным наконечным ударением (см. подробнее об этом ниже).

3) В ареале, охватывающем *среднеподнепровские* говоры Правобережья, *восточноволынские* и *восточноподольские* говоры, отмечены также морфологические варианты формы 1 л. мн. наст. с флексиями *-м* и *-мо*. Карта № 260 [АУМ 1] показывает, что в говорах этого ареала *основным* вариантом данной формы в глаголах I спряжения с фиксированным наконечным ударением являются формы с флексией *-мо* и с ударе-

нием на тематическом гласном [е], т. е. *несéмо//несéм* (реже). Можно предположить, что в этих говорах в формах 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения с фиксированным наосновным и подвижным ударением в парадигме настоящего времени также преобладающим является вариант с флексией *-мо* (*стáнемо* и реже *стáнем*, *кáжемо* и реже *кáжем*), хотя конкретными примерами из конкретных говоров, иллюстрирующими эту ситуацию, мы не располагаем. Что касается форм 1 л. мн. наст. от глаголов II спряжения, то также, видимо, преобладающим будет вариант с флексией *-мо* (*спúмó* и реже *спим*, *вóзимо* и реже *вóзим*), однако мы не можем с уверенностью определить акцентный контур данной формы от глаголов II спряжения с фиксированным наконечным ударением (т. е. *спимó* или *спúмо*): из говоров этого ареала конкретные примеры указанных форм у нас отсутствуют; отсутствует и соответствующая карта в [АУМ].

4) В *западнополесских*, *западной части среднеполесских*, *западноволынских*, *западноподольских*, *поднестровских*, *севернобойковских*, *восточногуцульских*, *покутско-буковинских* и *бессарабских говорах* также отмечены вариативные формы 1 л. мн. наст. от глаголов I и II спряжений с флексиями *-м* и *-мо*, которые, как можно заключить из карты № 241 [АУМ 2], являются, в целом, в говорах всего этого большого ареала как будто бы равноправными (это формы типа *несéм*, *рóбим* и *нéсéмó*, *рóбимо*), хотя в отдельных диалектах такое равноправие нарушается.

Так, П. М. Лизанец для крайних северных украинских говоров Пинского района (Беларусь) отмечает, что более употребительными являются здесь формы 1 л. мн. наст.(как от глаголов I, так и от глаголов II спряжений) с флексией *-м*: *ідéм*, *копáйем*, *ховáйем*, *накривáйем*, *бýдем*, *хóдим*, *рóбим*; реже употребляются в этих говорах формы с флексией *-мо*: *сидимó*, *хóдимо*, *пуговóримо*, *спогл'áнимо* [Лизанец 1969: 191].

И. Г. Матвияс приводит для покутско-буковинских и поднестровских говоров вариативные формы 1 л. мн. наст. с флексиями *-м* и *-мо* (*несéм*//*несéмо*, *рóбим*//*рóбимо*, *хóдим*//*хóдимо*), а для гуцульских — только формы с флексией *-мо* (*несéмо*, *рóбимо*, *хóдимо*) [Матвіяс 1990: 76, 77, 78, 80, 85].

Я. В. Закревская считает характерной чертой говоров указанного ареала (до 28 меридиана) вариативное употребление форм 1 л. мн. наст. с флексиями *-м* и *-мо* (*хóдим*//*хóдимо*, *нóсим*//*нóсимо*), которые сосуществуют либо в рамках одной и той же ЧДС, либо в соседних ЧДС, составляя в пределах данного ареала междиалектное соответственное явление [Закревська 1966: 126]. Количественное соотношение этих двух вариантов в говорах данного ареала Я. В. Закревская не рассматривает.

В южнобессарабских говорах В. П. Дроздовский зафиксировал форму 1 л. мн. наст. только с флексией *-мо*: *стáвимо* [Дроздовський 1971: 148].

В переходном гуцульско-покутском говоре с. Саджава Ивано-Франковской области, обследованном в 1962 г. Г. П. Клепиковой и Т. В. Поповой по программе Карпатского диалектологического атласа, был собран большой дополнительный материал по словоизменению глагола (см. [Клепикова 1964; Клепикова, Попова 2004]). Формы 1 л. мн. наст. образуются в этом говоре безвариантно, с одной лишь флексией *-мо*. В качестве иллюстрации приведем формы 1 л. мн. наст. от некоторых глаголов I и II спряжений с фиксированным наконечным, с фиксированным наосновным и с подвижным ударением в парадигме настоящего времени: глаголы I спряжения: а) фиксированное наконечное ударение — *крадáмо*, *мəтáмо*, *грəзáмо*, *ўмрáмо*, *двəгнáмо*, *скубáмо*, *рвáмо*, *озмáмо*, *сцáмо*, *стəрəжáмо*, *утəчáмо*, *куйáмо*, *шлáмо*; б) фиксированное наосновное ударение — *забýдəмо*, *мéкнəмо*, *л'íзəмо*, *с'íйəмо*, *сýчəмо*, *кáжəмо*; глаголы II спряжения: а) фиксированное наконечное ударение — формы с ударением на тематическом гласном: *валéмо*, *стəрчéмо*, *гойíмо*; формы с ударением на флексии: *трəмтəмó*, *голосəмó*, *ройімó с'і*, *спəшəмó*; б) фиксированное наосновное ударение — *вóзəмо*, *крýтəмо*, *волóчəмо*, *глáдəмо*, *нáləмо*, *гóнəмо*, *вáрəмо*, *тýпəмо*; в) подвижное ударение — *дрəжəмó*, *кройімó*, *дойімó*. Интерес в плане акцентной характеристики представляют две группы глаголов II спряжения с фиксированным наконечным ударением, различающиеся между собой контуром ударения в формах 1 л. мн. наст.: в первой группе ударение находится на тематическом гласном (например, *стəрчéмо*, *гойíмо*), во второй — на гласном флексии (например, *голосəмó*, *кройімó*).

Приведенный материал показал, что в говоре с. Саджава формы 1 л. мн. наст. от любых глаголов I *спряжения* образуются только с безударной флексией *-мо* (т. е. *мəтáмо*, *мéкнəмо*), в то время как от глаголов II *спряжения* данная форма может быть образована как с ударной, так и с безударной флексией *-мо* в зависимости от акцентной характеристики всех форм, составляющих объем парадигмы настоящего времени (т. е. *стəрчéмо*, *голосəмó*, *вóзəмо*).

Таким образом, в говорах рассмотренного западноукраинского ареала глагольные формы 1 л. мн. наст. употребляются в качестве вариативных с флексиями

-м и *-мо*. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет предположить, что в говорах южной части этого ареала преобладающим вариантом являются формы с флексией *-мо* (есть говоры, в которых форма 1 л. мн. наст. может быть образована только с флексией *-мо*); в говорах же северной части — наиболее употребительными являются формы с флексией *-м*.

2. Флексия *-ме*.

В говорах *закарпатских*, *южнобойковских*, *западногуцульских* и *лемковских* (см. [АУМ 2, карта № 241]) форма 1 л. мн. наст. образуется с флексией *-ме*. Так, например, И. Г. Матвияс, говоря о карпатской группе говоров, отмечает в качестве одной из архаических черт форму 1 л. мн. наст. с флексией *-ме*: *несéме*, *хóдиме*, *рóбиме*; *нéсьме*, *несéмé*, *хóдиме*, *хóдьмє* [Матвіяс 1990: 85, 90]. Форму 1 л. мн. наст. с флексией *-ме* имеет и карпато-украинский торуньский говор, например, *несемé*, *плáвл'еме* (см. [Николаев, Толстая 2001: 42, 146 и др.]). В говоре с. Битля Львовской области так же, как и в других южнобойковских и соседних закарпатских говорах, форма 1 л. мн. наст. образуется с флексией *-ме*, например: *йдимé*, *йімé*, *пийімé*, *сидимé*, *говоримé*; *рóбеʷме*, *с'ідáйеме*ʷ, *поᵘшчáйіме*ʷ, *нóсиме*, *кóплеме*, *йíдеʷме*, *стéлыме*ʷ, *кóлыме* [Возний 1969: 179].

Большинство лингвистов считают эту черту в данных говорах архаической (см., например, [Бевзенко 1960: 286; Матвіяс 1990: 85; Русанівський 1971: 188]). Но некоторые исследователи украинского языка допускают, что формы 1 л. мн. наст. с флексией *-ме* — это результат влияния соседнего словацкого языка (см., например, [Онышкевич 1962: 103]).

Очень редко в говорах данного ареала встречается употребление форм 1 л. мн. наст. с флексией *-м*: *несéм*.

Итак, формы 1 л. мн. наст. с флексией *-ме*, которые представлены в современных закарпатских и соседних с ними говорах юго-западной Украины, считаются, как уже указывалось выше, архаическими образованиями. Однако отмечены они впервые довольно в поздних памятниках письменности: историки украинского языка фиксируют эти формы в письменных памятниках, начиная лишь с XVI в. (ср., например, их частое употребление в Учительском евангелии XVI в. бойковского происхождения — ***не знаеме***, ***ѡжидаеме***; значительно реже такие формы отмечены в листах — грамотах протопопа Свидницкого Одреховскому пану Галку XVI в. — ***поведаме***, ***просиме*** [Керницький 1971: 407]; ср. также форму ***маємє***, приведенную Г. Ю. Шевелевым из закарпатского Ладомирского евангелия, списанного в конце XVI в. с волынского оригинала [Шевельов 2002: 757]). Для лемковских говоров подобные формы фиксируются только в памятниках письменности, начиная с XVIII в. Ср. отмеченные И. Панкевичем формы 1 л. мн. наст. на ***-ме*** в северных лемковских памятниках письменности XVIII в.: ***выхвалиме***, ***будеме*** [Панькевич 1958: 193]. По мнению И. М. Керницкого, именно в период XVI–XVII вв. и были в основных чертах сформированы морфологические особенности, характерные для современных украинских, в том числе и для бойковских и лемковских, говоров [Керницький 1971: 407].

3. Особое положение в украинском диалектном пространстве с точки зрения образования формы 1 л. мн. наст. занимают *крайние северные говоры*, расположенные вдоль северной государственной границы. На карте № 260 [АУМ 1] обозначены небольшие ареалы (к востоку от р. Уборть), находящиеся севернее городов Коростень, Чернобыль, Чернигов, Шостка, в говорах которых форма 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения с фиксированным наконечным ударением имеет флексию *-м*, тематический гласный, реализованный ударными [ó] и [ô] и твердый согласный в исходе основы: *несóм*//*несốм*. Опубликованные тексты из говоров Чернобыльской зоны (см. [Говірки 1996]) дают достаточно богатый материал для характеристики сложной картины вариативных, сосуществующих в речи одного и того же лица, форм 1 л. мн. наст., которая (картина) очень напоминает вариативную ситуацию в крайних (южных) полесских белорусских говорах (см. ниже). Приведем материал из говора с. Денисовичи Полесского района Киевской области (это село находится у самой украинско-белорусской границы, буквально в 15 км от собственно белорусских сел). Глаголы I спряжения с фиксированным наконечным ударением на тематическом гласном (в квадратных скобках здесь и далее обозначены тематический гласный и флексия): -[ó-м]: *б'ерóм*//*б'еʷрóм*, *попр'еᵃдóм*, *тчом*, *пом'йóм*, *поᵘб'йóм*, *снуйóм*; редко — [é-м]: *ідéм*, *в'із'мéм*, *дайéм*; однократно — -[é-мо]: *везéмо* (см. [Говірки 1996: 48, 49, 50, 59, 60, 63]). Глаголы I спряжения с фиксированным наосновным и подвижным ударением — -[е-м]: *побýд'ем* (с. 36), *кáжем*//*кáжоᵉм*, *поᵘмогáйем*, *наз'івáйем*, *мáйем* (с. 46), *подб'іувáйем*, *опшчáйемс'*, *зан'імáйемс'*, *просипáйемс'*, *поᵘзб'ірáйемс'*, *пос'íйеʷм*, *зр'изýйем*; -[о-м]: *кáжоᵘм* (чаще)//*кáжем*, *стáном*, *ноᵃк'іᵘдáйом*, *к'ідáйом*, *в'éшаᵒйом*, *помотáйом*, *пом'іʷкуйом*, *пазаᵒб'іʷвáйом*, *чеʷпл'áйом*, *зоᵃкрýчуйом*, *наᵒт'агýйом*,

колишом (с. 72); однократно -′[о-мо]: *коли́шомос'* (с. 73); -′[е-мо]: *соб'і^{и}ра́йемос'* (с. 73); *ш:ийемо* (с. 72); глаголы II спряжения с фиксированным наконечным ударением — однократно -[і-м]: *гл'е^{а}д'і́м* (с. 35); однократно -[і-мо́]: *сод'імо́с'а^{о}* (с. 61); с фиксированным наосновным и подвижным ударением -′[і-м]: *нахо́д'ім, сла́в'ім, уно́с'ім, ко́т'ім, стоно́в'ім, ло́ж'ім, ро́б'ім*; однократно — ′[и-м]: *ло́жим* (с. 72). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что основным морфологическим вариантом является форма 1 л. мн. наст. с флексией *-м*. Возможно, этому говору свойственна особая система форм в парадигме настоящего времени в глаголах I спряжения, при которой твердые согласные в исходе основы употребляются не только в формах I л. ед. и 3 л. мн., но и в форме 1 л. мн. наст.

Такая система известна некоторым говорам белорусского языка (см. [Нарысы 1964: 236]), о наличии ее в украинских надприпятских говорах см. в [Назарова 1985, карты №№ 74, 105]. К сожалению, в данном случае подтверждением существования такой системы могут служить лишь две формы одного глагола: *ста́ном* — 1 л. мн. и *ста́н'е* — 3 л. ед. [Говірки 1996: 73], а также, косвенно, такие формы разных глаголов, как, например, формы 1 л. мн. наст. *іде́м, бу́дем//бу́дом, пр'о^{а}до́м, везе́м, в'із'мем, од:охно́м, йе́дом* [Там же: 26, 27, 58, 63, 72, 73] и, например, формы 2 л. ед. и 3 л. ед. наст. — *йд'е́ш, во́з'м'еш, гл'а́н'еш; ста́н'е, гл'а́н'е, прийд'е́, по́йд'е, бу́д'е* [Там же: 26, 58, 69, 71] при наличии в этом говоре мягких согласных перед [е́, е] в других позициях: *в'езу́т', по л'е́су, з'д'ес', н'е́сло, зна́йет'е, ўс'е́* [Там же: 26, 27, 28 и сл.]. Однако в текстах из говора с. Денисовичи отмечены и формы типа *йде́, по́йдеш, прове^{и}де́ш, по́йдем* [Там же: 68, 69 и сл.], которые как будто бы разрушают эту глагольную систему, характеризующуюся твердыми согласными в исходе основ в формах 1 л. ед., 1 л. мн., 3 л. мн. наст., и, соответственно, мягкими согласными в исходе основ форм 2 л. ед., 3 л. ед. и 2 л. мн. наст.

Приведем еще формы 1 л. мн. наст., записанные в говоре с. Рудьки Чернобыльского района Киевской области [Там же: 78–119]. Глаголы I спряжения с фиксированным наконечным ударением (на тематическом гласном) — -[о́-м], -[е́^{о}-м], -[уб-м]: *ід'о́м* (с. 78), *йдо́м, ідо́м, пр'ідо́м, кладо́м, тр^{у}ом, мном, бер^{о}м//б'ер^{о}м//б'еру́м, абайду́м, гребо́м, перегребо́м, жи^{і}во́м, поб'йо́м//поб'йе́^{о}м, зв'ез'е́^{о}м, пр'ів'ез'е́^{о}м* [Там же: 86–88, 95, 112, 115, 116, 118, 119]; с наосновным и подвижным ударением — -′[о-м], редко — -′[е^{о}-м], -′[е-м], -′[е-мо]: *ск'іртў́йом, зб'ірáйом, настр'і^{и}ка́йом, к'ідáйом, копáйом, отс'éйом//с'éйе^{о}мо* (с. 91), *с'íйом//с'éйем* (с. 111), *обто́^{у}куйом, м'ешáйом, роспускáйом, ізло́жуйом, копáйом, загребáйом, в'íкапуйом, стапкýйом, пудмáзуйом, пр'іб'ірáйом, спраў-л'áйом, ад:ихáйом, целýйом, пом'інáйом, сп'евáйом, раст'ел'áйом, частýйом, горýйом, в'éшайом, кáжом, в'йáжом, плáчом, прапáлом* (с. 94); *ш'íйем, бýдем, прикривáйем, зло́жуйем, насипáйем, с'éйем*; *настаноўл'áйемо, загребáйемо, ст'ел'емо//ст'ел'о^{е}м* (*спал'емо* — с. 88), *старáйемос'а, с'éйе^{е}мо//отс'éйом//с'éйем, пр'іб'ірáйемос'а, перекýл'уйемос'а* [Там же: 80, 86, 88, 91, 116]. Глаголы II спряжения с наосновным и подвижным ударением — флексии -′[і-м], -′[і-мо] и редко — -′[и^{і}-м]: *стано́в'ім, пр'іно́с'ім, перерóб'ім, спáл'ім* (и *спáл'емо*), *пр'ів^{і}во́з'ім, сýш'ім, ло́ж'ім, пр'ікрýт'ім, моло́т'ім, загла́д'ім, са́д'ім, ла́з'ім, гато́в'ім, ро́б'ім, хо́д'ім*; *п'ер'есýш^{і}м, в'éрш^{і}м*; *нако́с'імо, ло́ж'імо, стано́в'імо//стано́в'імос', навó3'імо, мóч'імо//мóч'ім//мóчи^{і}мо//мóчим*; с фиксированным наконечным ударением — -[і-м]: *благодар'ím, хран'ím*.

В этом говоре также просматривается тенденция к выравниванию основы глаголов I спряжения с фиксированным наконечным ударением в форме 1 л. мн. наст. по формам 1 л. ед. и 3 л. мн. наст., о чем могут свидетельствовать следующие формы: *кладо́м*, но *склад'éш, клад'é, поклад'é, клад'éца* (с. 95, 118); *идо́м, йдо́м, ідо́м*, но *ід'е́^{а}, йд'е́, йд'éш* (с. 78, 115, 116, 118, 119); в то же время в этом говоре зафиксированы и следующие формы от данного глагола: *ид'о́м, ід'о́т* (с. 78, 115); *бýдем*, но *бýд'е* (с. 98, 119).

Приведенные примеры указывают также как будто бы и на то, что флексия *-мо* в глаголах I и II спряжений чаще употребляется в возвратных глаголах (во всяком случае ни одного возвратного глагола в форме 1 л. мн. наст. с флексией *-м* в текстах из данного говора не обнаружено).

4. Интересно проследить образование глагольной формы 1 л. мн. наст. в украинском письменном (книжном) языке на протяжении истории. Так, в украинских памятниках письменности XIV–XV вв., представленных в основном грамотами (см. [Русанівський 1971: 31]), глагольные формы 1 л. мн. наст. употребляются с флексиями ***-мъ*** **(*-м*, *-мь*)**, ***-мы*** **(*-ми*)**, ***-мо*** [Русанівський 1971: 57]. Самыми распространенными в тот период являлись формы на ***-мъ***. Они отмечены в документах (грамотах), написанных на территории западной и юго-западной Украины. Формы с флексией *-мо* встречаются чаще всего в грамотах, созданных в

Киеве, на Волыни, в Галичине, в Закарпатье, Польше, Литве и Молдавии, но в тот период они употребляются еще сравнительно редко, например: ***надаємо, будемо, приймуемо, чинимо*** [Русанівський 1971: 58, 59]. В. М. Русановский не согласен с П. Г. Житецким, который считал, на основании изучения поучений (=повчань) Єфрема Сирина XIII в. (см. [Житецкий 1889: 49]), что сначала флексия *-мо* появилась в формах повелительного наклонения, а позднее — уже в формах изъявительного наклонения [Русанівський 1971: 59–60]. Однако Г. Ю. Шевелев также полагает, что на протяжении всего среднеукраинского периода (по его периодизации — это XVI–XVIII вв.) в процессе конкурентной борьбы глагольных флексий 1 л. мн. наст. изъявительного наклонения ***-м, -мы*** и ***-мо*** победили в конце концов формы с флексией ***-мо*** (и, возможно, не без влияния широко распространенных тогда форм 1 л. мн. повелительного наклонения с флексией ***-мо***) [Шевельов 2002: 473]. Кстати, формы 1 л. мн. повел. отмечены в памятниках письменности уже с XIII в. Г. Ю. Шевелев приводит такие формы, как ***отрицаимо, поразумѣимо, покоимоса, послушаимо*** (Слова Єфрема Сирина 1284), ***поимо, воспоимо*** (Hank. XIII в., Хіл. XIII в.), ***поѣдьмо*** (Ипат. лет. 1172). Считать, что гласный [о] в окончании данных форм ***-мо*** восходит к конечному ъ, по его мнению, неправильно. Скорее всего, сочетание согласных в конце формы 1 л. мн. повел. типа **poslušajm* требовало появления какого-либо гласного: в результате в исходе подобных форм развился гласный [о] как обычный альтернант ∅; так появилось окончание *-то* (***-мо***) в формах повелительного наклонения, закрепившееся в дальнейшем и в формах изъявительного наклонения (см. [Там же: 474–475]).

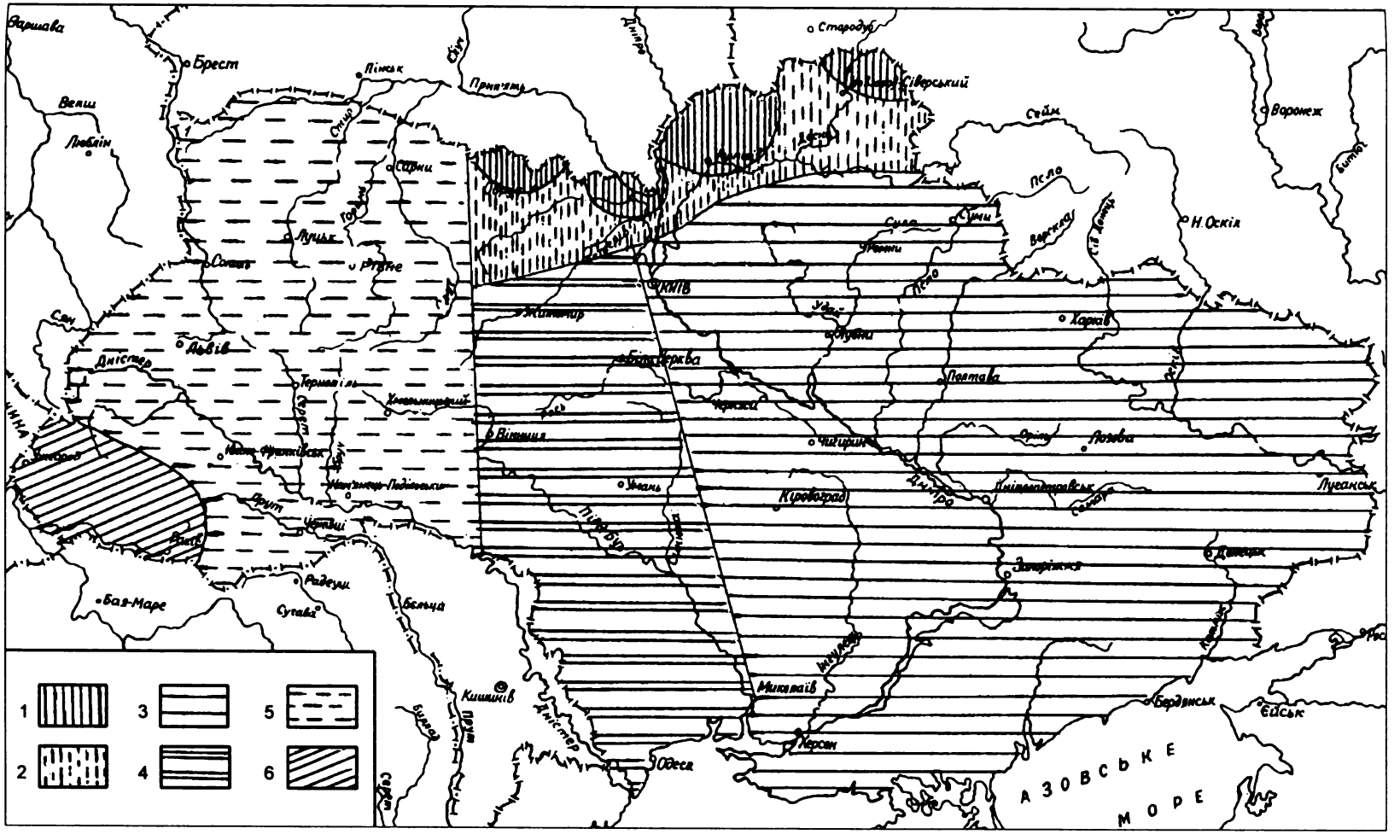
В период XVI–XVII вв. самым распространенным в письменном языке становится уже вариант формы 1 л. мн. наст. с флексией ***-мо***, который отмечен в памятниках письменности всех тогдашних функциональных стилей (деловой, художественный, полемический и канонический), вне зависимости от места создания памятника [Русанівський 1971: 110]. Формы 1 л. мн. наст. с флексией ***-мъ*** (***-м, -мь***) перемещаются на периферию системы, хотя и употребляются во всех без исключения памятниках письменности. (Кстати, существует гипотеза, согласно которой выбор формы 1 л. мн. наст. либо с флексией *-м*, либо с флексией *-мо* связан с ритмико-интонационными особенностями той или иной диалектной системы: так, предпочтительное употребление этих форм с флексией *-м* встречается чаще всего в абсолютном конце фразы, перед паузой; формы же с флексией *-мо* более обычны в середине фразы, когда данная глагольная форма непосредственно примыкает к последующему слову (см., например: [Борковский, Кузнецов 1965: 274; Нарысы па гісторыі 1957: 294].) Формы с флексией ***-мы*** (***-ми***) появляются изредка в деловой и религиозной литературе как данность церковно-славянской традиции. В памятниках западноукраинского прпоисхождения (бойковских, лемковских) XVI–XVII вв. находим формы 1 л. мн. наст. с флексией ***-ме***. Однако в живом языке они употреблялись, по-видимому, уже значительно раньше [Русанівський 1971:188; Бевзенко 1960: 286].

В новом украинском литературном языке XVIII – начала XIX вв. наиболее частотной является форма 1 л. мн. наст. с флексией *-мо* (*воружымо*, *идемо*, *возимо*), хотя довольно регулярно употребляются и формы с флексией *-м* (*знаем*, *засеваѣм*) [Русанівський 1971: 159–160]. Употребление вариантов с флексиями *-мо* и *-м* не регулируется никакими правилами.

В современном украинском литературном языке, датируемом с конца XIX в., нормативной признается форма 1 л. мн. наст. с флексией *-мо*. В говорах же, наряду с флексией *-мо*, продолжает широко употребляться и флексия *-м*, которая проникает и в литературный язык. Так, формы 1 л. мн. наст. с флексией *-м* часто встречаются в произведениях Леси Украинки, Т. Г. Шевченко, И. Франко, С. Руданского, И. Тобилевича и др. [Там же: 188].

Таким образом, в настоящее время в *говорах украинского языка* форма 1 л. мн. наст. может быть образована с флексиями *-м*, *-мо* и *-ме* (см. [АУМ 1, карта № 260; АУМ 2. Карта № 241; АУМ 3, ч. IV, с. 217]). Акцентная характеристика данной словоформы (т. е. имеет ли она наосновное или тот или иной вид наконечного ударения) зависит от типа ударения в формах парадигмы настоящего времени соответствующего глагола конкретно в том или ином говоре. Так, например, в [АУМ 1, карта № 260] четко выделяются некоторые говоры, с одной стороны, на севере среднеднепровского ареала и, с другой, — в западнослобожанском ареале, имеющие формы 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения с наконечным ударением (типа *нести*) с разными акцентными контурами, а именно: с ударением на «классном показателе» — *несéмо* в говорах первого ареала и с ударением на флексии — *несемó* в говорах второго ареала; в юго-западном ареале, основываясь на данных карты [АУМ 2, № 241], можно видеть, что формы типа *несéмо* и *несемó* не образуют четко выраженных ареалов, а употребляются вперемешку по всей территории, хотя похоже, что на севе-

Карта № 2. Флексии глагольной формы 1 л. мн. наст. в украинском языке

Условные обозначения

1) **-м** (*несóм*, редко *несéм*; *вóзым* и др.); 2) **-(é)-м//-(é)-мо** (редко) (*нисéм//нисéмо* — очень редко и др.); 3) **-(é)-м** (редко)//**-(é)-мо** (*нисéм* — очень редко//*нисéмо* и др.) 4) **-(é)-м//-(é)-мо** (*нисéм//несéмо* и др. — варианты равноправны); 5) **-(é)-м//-(é)-мо** (*нисéм//нисéмо* — количественное соотношение вариантов не определено); 6) **-(é)-мé//-(é)-м** (редко) (*несéмé//несéм* — редко; *вóзиме//вóзим* — редко).

ро-востоке — в бассейне рек Случь и Уборть, на западе — в междуречье Днестра и Уборти и на юге — в бассейне Прута — преобладает форма *несемо́*, а в закарпатских говорах — форма *несеме́*.

Можно предположить, что из всех трех флексий (т. е. *-м*, *-мо* и *-ме*) наиболее древней, по-видимому, следует считать флексию *-м*, хотя и в флексиях *-мо* и *-ме* историки украинского языка не склонны видеть слишком позднюю инновацию (см. выше). Однако здесь уместно привести мнение Н. Н. Дурново, который пишет: «Диалектической чертой о.-сл. языка, представляющего чуть ли не диалектизм о.-и.-е. эпохи, некоторые склонны считать и окончания *-то* и *-те* в I pl, но, по-видимому, это — сравнительно поздние новообразования, только случайно совпавшие с подобными же новообразованиями других слав. языков. В южнорусских памятниках *-то* засвидетельствовано достоверными примерами не раньше XIV в., а *-те* в карп.-р. значительно позже» [Дурново 1969: 209].

Белорусский язык

В белорусском языке форма 1 л. мн. наст. по ряду своих характеристик по-разному расчленяет белорусский диалектный континуум. Это означает, что такие значимые черты данной формы, как принадлежность глагола к I или II спряжениям, способ образования указанной формы путем присоединения флекий *-м* или *-мо*, реализация тематического гласного (= «классного показателя») в глаголах I спряжения (т. е. наличие или отсутствие в данной позиции результатов фонетического изменения [е] в [о]), реализация консонантного исхода основы твердым или мягким согласным, — дают разные, не совпадающие друг с другом изоглоссы. Следовательно, при анализе имеющегося в нашем распоряжении материала необходимо учитывать все эти и некоторые другие существенные факторы.

Важно отметить, что ситуация в белорусском диалектном языке в плане образования и распространения различных вариантов глагольной формы 1 л. мн. наст. выглядит более сложной, чем в украинском диалектном языке. Возможно, такое впечатление возникает потому, что в целом белорусский диалектный материал полнее украинского и поэтому позволяет осветить больше частных вопросов, связанных с проблемой образования и употребления глагольной формы 1 л. мн. наст. С этой точки зрения украинский и белорусский диалектный материал нельзя считать полностью сопоставимым.

Таким образом, именно наличие достаточно большого и разнообразного диалектного белорусского материала, который оказался доступным для исследования, дало возможность более или менее подробно остановиться на перечисленных выше частных вопросах, характеризующих проблему диалектного образования и употребления формы 1 л. мн. наст. в белорусском языке.

А. Флексии формы 1 л. мн. наст., образованной от глаголов I спряжения.

Обращаясь к лингвогеографическому исследованию одной лишь формы 1 л. мн. наст., образованной от глаголов I спряжения, важно обращать внимание на следующие явления (большинство из них, как было показано выше, релевантно и для украинского языка): 1) конкретную реализацию глагольной флексии, т. е. выявление всех ее диалектных вариантов (морфологических и фонетических); 2) фонетическую реализацию консонантного исхода глагольной основы в данной форме (зубные, губные, заднеязычные, шипящие или сонорные согласные; твердые или мягкие согласные); 3) акцентную характеристику формы 1 л. мн. наст. (т. е. ее акцентный контур); 4) реализацию тематического гласного (= «классного показателя») в этой форме (т. е.наличие лабиализованного или нелабиализованного гласного, например, -[е́-м], -[е́-мо], -ʹ[ы-м], -ʹ[а-м] и т. п., с одной стороны, и -[о́-м], -[о-мо́] и т. п., с другой).

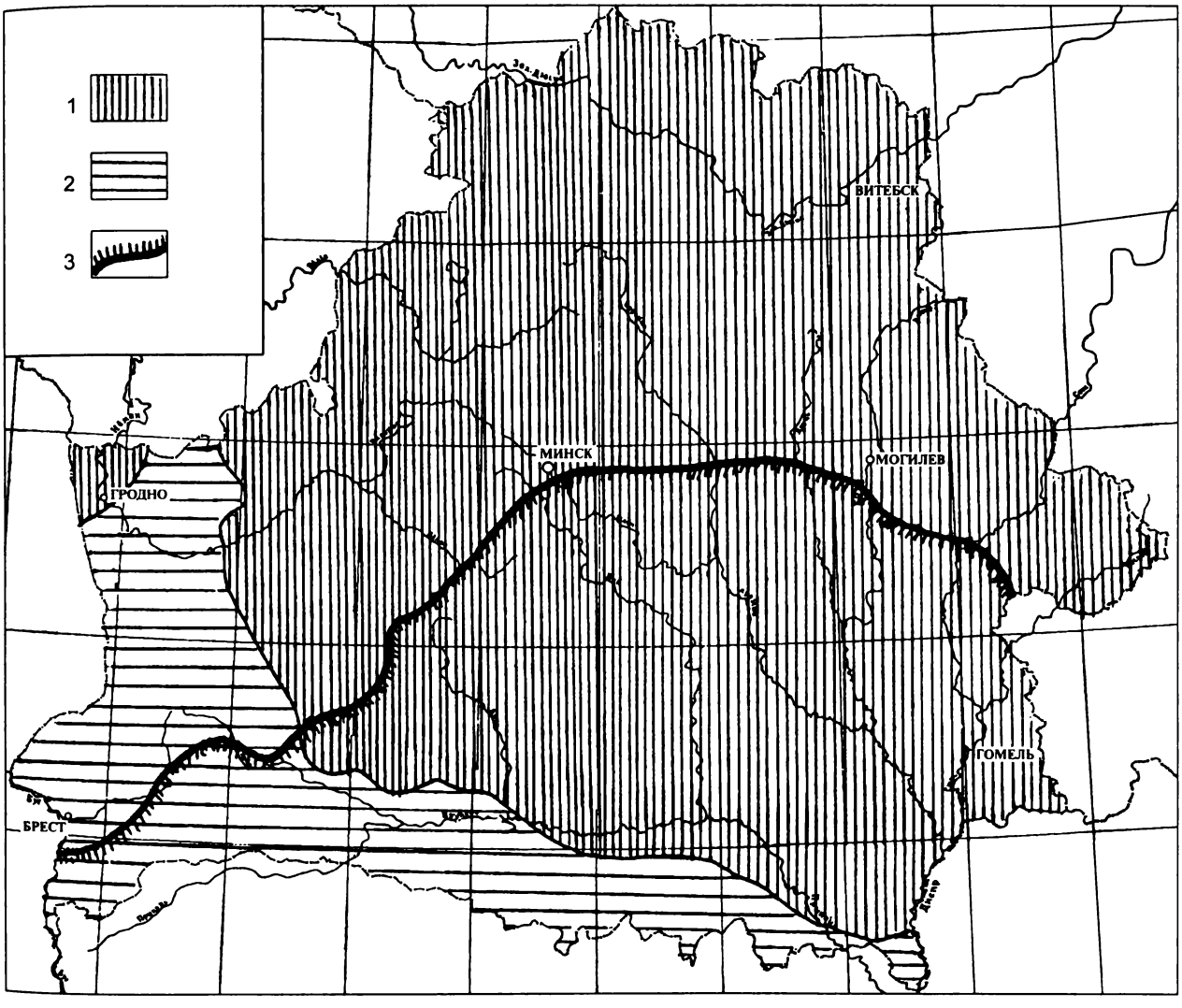
Форма 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения может быть образована в белорусских говорах с флексиями *-м* и *-мо*. Флексия *-м* отмечена, фактически, во всех белорусских говорах, флексию же *-мо* находим только в говорах юго-западного наречия и обычно параллельно с флексией *-м*. См. карту № 3 (с. 119).

I. Флексия *-м*.

1) Формы 1 л. мн. наст., образованные с флексией *-м* от глаголов I спряжения с *фиксированным наконечным ударением* в парадигме настоящего времени, распределяются по говорам в две группы, различающиеся тематическим гласным, а именно — -[о́-м] (*идз'о́м*, *н'ас'о́м*; *идо́м*, *н'асо́м)* и -[е́-м] (*идз'е́м*, *н'ас'е́м*; *иде́м*, *н'асе́м*); подчеркнем, что как гласный [о], так и гласный [е] могут в разных ЧДС присоединяться и к твердому, и к мягкому согласному в исходе основы.

При анализе механизма образования формы 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения с фиксированным наконечным ударением в парадигме настоящего времени (это глаголы с основой на парные твердые согласные типа *брать*, *жать*, *нести*, *плести*, *идти*; глаголы с основой на заднеязычные типа *печь*, *стеречь*;

Карта № 3. Флексия 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения с фиксированным наконечным ударением в белорусском языке

Условные обозначения

1) **-м** (*идз'о́м, п'ас'о́м*; *идо́м, п'асо́м*; редко *идз'е́м, п'ас'е́м*; *иде́м, п'асе́м*).
2) **-м//-мо** (*идз'е́м//идз'е́мо, п'ас'е́м//п'ас'е́мо, иде́м//иде́мо, п'асе́м//п'асее́мо*).
3) Твердый согласный **[t]** в исходе основы (*иде́м, п'асе́м*; *иде́мо, п'асе́мо*; *идо́м, п'асо́м*).

глаголы с основой на [й] типа *ковать*) следует учитывать, что глаголы с основой на парные твердые и заднеязычные в формах настоящего времени имеют обычно два варианта основы, связанные между собой морфонологическими отношениями: первый вариант с твердым согласным в исходе основы характеризует формы 1 л. ед. и 3 л. мн. наст. (например: *жану́, жану́ц'*; *п'аку́, п'аку́ц'*), второй вариант основы с соответствующими мягким и шипящим согласными находим в остальных формах парадигмы настоящего времени (например: *жан'е́ш, жан'е́, жан'е́м// жан'о́м//жан'е́мо, жан'ец'е́; п'ачэ́ш, п'ачэ́, п'ачэ́м// п'ачо́м//п'ачэ́мо, п'ечац'э́*). В большинстве говоров белорусского языка форма 1 л. мн. наст. закономерно образуется от второго варианта глагольной основы с мягким либо шипящим согласным в исходе

(т. е. *жан'ém//жан'óм//жан'émo*; *идз'ém//идз'óм//идз'émo*, *п'ачém//п'ачóм//п'ачémo*). Однако по говорам форма 1 л. мн. наст. может быть образована и от других вариантов основы: в глаголах на переднеязычные — от первого варианта основы (например, *жанóм*, *жанém*; *идóм*, *идém*; *н'асóм*, *н'асém*), а в глаголах на заднеязычные — как от первого варианта основы (например, *п'акóм*, *стерaγóм*), так и от третьего, имеющего в исходе мягкий заднеязычный согласный [k'] и [γ'] (например, *п'ак'óм*, *п'ак'ém*; *дапамаγ'óм* [Нарысы 1964: 258; Попова 1995]). В данном случае, т. е. при рассмотрении морфологического строения формы 1 л. мн. наст., анализ морфонологической структуры глагольных парадигм настоящего времени в белорусском языке мы оставляем в стороне.

Такой признак, как образование формы 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения с фиксированным наконечным ударением на тематическом гласном, выраженном либо лабиализованным гласным, либо нелабиализованным, представляет собой соответственное явление; формы с [о] характеризуют говоры северо-восточного наречия, формы же с [е] употребляются в говорах юго-западного наречия. Следует отметить, что в говорах юго-западного наречия формы 1 л. мн. наст., оканчивающиеся на -[é-м] почти всегда сосуществуют в качестве варианта с формами, оканчивающимися на -[é-мо] (например: *идз'ém//идз'émo*, *н'ас'ém//н'ас'émo*; *идém//идémo*, *н'есém//н'есémo*). Как уже указывалось выше, *тематический гласный может присоединяться как к твердому, так и к мягкому согласному в исходе основы.*

В говорах зафиксированы следующие формы 1 л. мн. наст. с наконечным ударением, с флексией *-м* и с тематическим гласным [б]: *н'ас'óм*, *трас'óм*, *γрыз'óм*, *в'аз'óм*, *в'адз'óм*, *йидз'óм*, *кладз'óм*, *прадз'óм*, *в'ад'óм*, *клад'óм*, *рас'ц'óм*, *пл'ац'óм*, *м'ац'óм*, *сажн'óм*, *жн'ом*, *кл'ан'óм*, *пачн'óм*, *пашл'óм*, *здайóм*, *прадайóм*, *куйóм*, *п'айóм*, *бйом*, *л'йом*, *заб'йóм*, *зас'айóм*, *жыв'óм*, *пуплыв'óм*, *зγраб'óм*, *γраб'óм*, *с'ачóм*, *п'ачóм*, *стрыжóм*, *п'ерапражóм*, *с'ц'ержóм*, *стриγ'óм*, *дапамаγ'óм*, *п'ак'óм*; *в'азóм*, *в'адóм*, *идóм*, *кладóм*, *жном*, *арóм*, *б'арóм*, *дз'арóм*, *жарóм*, *памрóм*, *γрабóм*, *н'е маγóм*, *п'акóм* [Нарысы 1964: 233, 234, 258, карта № 22].

Данные формы встречаются в подавляющем большинстве белорусских говоров, но особенно последовательно они распространены в говорах Витебской, Могилевской, большей части Минской и в говорах северных районов Гродненской и Гомельской областей. Что касается твердости/мягкости консонантного исхода основы, то отметим, что формы 1 л. мн. наст. на -[ó-м], глагольная основа которых в исходе представлена твердыми согласными (и в первую очередь согласными [д, с, н, б], например: *идóм*, *ведóм*, *н'асóм*, *γрабóм* и т. п.), находим преимущественно в говорах Гомельской и южной части Минской областей (см. об этом ниже). В остальной части северо-восточного ареала употребляются формы 1 л. мн. наст. с мягкими согласными в исходе основы.

В части юго-западного белорусского наречия (в говорах, расположенных на территории Гродненской и Брестской областей, а также в некоторых других говорах) находим формы 1 л. мн. наст. на -[é-м] (-[á-м]...), которые также образованы от тех же глаголов I спряжения с фиксированным наконечным ударением, например: *н'ас'ém*, *в'аз'ém*, *кладз'ém*, *в'адз'ém*, *идз'ém*, *пл'ац'ém*, *пачн'ém*, *жн'ем*, *п'айém*, *пейém*, *забйém*, *плыв'ém*, *жыв'ém*, *γраб'ém*; *нысém*, *несám*, *в'азém*, *кладém*, *идém*, *выдém*, *ведém*, *кладám*, *идám*, *ведám*, *жнем*, *арém*, *б'арém*, *бырém*, *берám*, *γрыбém*, *γребém*.

В тех говорах, в которых отмечаются сосуществующие формы на -[ó-м] и -[é-м], выявляется явная тенденция к преимущественному образованию форм 1 л. мн. наст. на -[ó-м], во-первых, от глаголов I спряжения, не имеющих чередования согласных в парадигме настоящего времени (это глаголы с основами на [й] и твердый [р]), например, *б'йом*, *п'йом*, *л'йом*, *куйóм*, *б'арóм*, *тром*, *пром*, *мром*, и, во-вторых, — от глаголов с суффиксом *-ну-* в основе, например, *γул'н'óм*, *рубан'óм*, *пам'ан'óм* (вариант на -[é-м] в данной группе глаголов типа *з'ирн'ém*, *дыхн'ém* встречается в белорусских говорах чрезвычайно редко). Возвратные глаголы с любой глагольной основой также предпочитают образовывать формы 1 л. мн. наст. на -[ó-м] (ср. *праб'йóмс'а* [Мацкевич 1959: 149].

Следует признать, что формы на -[ó-м] отражают, с одной стороны, как бы общебелорусскую норму, а с другой, — специфическую диалектную особенность каждой отдельной ЧДС.

Что касается форм 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения с фиксированным наконечным ударением на -[é-м], то обычно они (в тех говорах, в которых данные формы употребляются) *сосуществуют* с аналогичными формами на -[é-мо] ([-é-ма] в акающих говорах): *идз'ém//идз'émo* (*идз'éма*), *идém//идémo* (*идéма*) — ср., например, говоры сел: Лунин Брестской области Лунинецкого района, н. п № 766; Киватчина Брестской области Пружанского района, н. п. № 678; Орехово

Брестской области Маларитского района, н. п. № 951; Рухче Брестской области Столинского района, н. п. № 961; Нижние Жары Гомельской области Комаринского района, н. п. № 1027. В данных говорах формы 1 л. мн. наст. на -[е́-м] и -[е́-мо] сосуществуют в речи одного и того же лица. При этом в некоторых диалектных материалах (например, из говора села Нижние Жары) специально отмечено, что формы на -[е́-мо] свойственны речи старшего поколения. Следует подчеркнуть, что указанные варианты фиксируются либо в одной и той же ЧДС, либо свойственны говорам соседних или близлежащих сел (например, н. п. № 680 — село Добручин Брестской области Пружанского района имеет — [е́-мо], н. п. № 695 — село Яковчицы Брестской области Каменецкого района — [е́-м]). Данные говоры расположены, как уже упоминалось выше, на крайнем юго-западе и юге — в Брестской, Гродненской и Гомельской областях. В этом же регионе встречаются говоры, в которых формы 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения с фиксированным наконечным ударением употребляются либо только с -[е́-м], либо только с -[о́-м], либо вариативно — с -[е́-м//-е́-мо] (см. выше) и -[о́-м], ср.: *нысе́м*, *выде́м*, *кладе́м*, *быре́м* (с. Яковчицы Брестской области Каменецкого района, н. п. № 695); *жн'ем*, *ид'е́м*, *плыв'е́м*, *зов'е́м* (села в Брестской области — Козики Ивацевицкого района, н. п. № 716 и Выгонощи Логишинского района, н. п. № 717); *н'ес'е́м*, *в'едз'е́м*, *идз'е́м*, *жн'ем*, *уреб'е́м*; *несе́м*, *в'еде́м*, *иде́м* (говор с. Речки Брестской области Логишинского района, н. п. № 759); *н'есо́м//н'ес'о́м*, *в'езо́м//в'ез'о́м*, *в'едо́м//в'едз'о́м*, *жывóм//жыв'о́м* — основы на мягкий согласный употребляются реже (говор с. Борки Брестской области Ганцевичского района, н. п. № 750); *н'ас'е́м//н'ас'о́м*, *в'аз'е́м//в'аз'о́м*, *в'адо́м* (говор с. Великие Чучквицы Брестской области Лунинецкого района, н. п. № 756).

Несмотря на то, что формы 1 л. мн. наст. на -[о́-м] свойственны подавляющему большинству белорусских говоров, а однозначные формы на -[е́-м] отмечены только в говорах крайнего юго-запада и юга, в современном белорусском литературном языке формы 1 л. мн. наст. могут быть образованы как с -[о́-м], так и с -[е́-м] (это допускается нормой), однако их выбор диктуется часто соображениями стилистического порядка: так, формы на -[о́-м] обычно употребляются в диалогической речи и носят несколько обыденный, сниженный, как бы просторечный характер; формы же на -[е́-м] чаще символизируют возвышенный стиль [Мацкевич 1959: 150].

Следует отметить, что формы 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения с фиксированным наконечным ударением типа *бяро́м*, *сцераżо́м*, *ідзём*, *нясём*, *кладзём* были признаны в 1957 г. орфографической нормой [Правопіс 1957: 6].

2) Формы 1 л. мн. наст. на *-м* от глаголов I спряжения с *наосновным и подвижным* ударением также употребляется во всех белорусских говорах. Отметим некоторые диалектные глагольные формы 1 л. мн. наст. с флексией *-м* (тематический гласный может быть представлен безударными гласными [е, и, и^{ы}, ы] и редко, лишь в некоторых крайних южных говорах — безударным гласным [о] (в глаголах с латеральными согласными [л] и [л'], согласным [й] и шипящими согласными в исходе основы): *м'е́л'ем*, *ко́л'ем*, *по́л'ем*, *дре́мл'ем*, *сы́пл'ем*; *ме́лем*, *ко́лем*, *по́лем*; *ме́л'им*, *ко́л'им*, *по́л'им*; *ме́л'и^{ы}м*, *ко́л'и^{ы}м*; *ме́лым*, *ко́лым*, *по́лым*, *дры́млым*, *сы́плым*; *ко́л'ом*, *по́л'ом*, *дре́мл'ом*, *ма́жом*, *шчыпа́йом* и др. Формы типа *по́л'ом*, *ко́л'ом*, *дре́ма́йом*, *ска́жом* и под. отмечены в южных (полесских) говорах, образующих ареал в бассейне Припяти между городами Пинск и Мозырь, т. е. в Житковичском, Лельчицком и других южных районах Гомельской области (см.: [ДАБМ, карта № 151; Нарысы 1964: 261]). В качестве иллюстрации приведем имеющиеся у нас примеры: *дре́мл'ом*, *сы́пл'ом*, *шчы́пл'ом*, а также *ме́л'омо*, *по́л'омо*, *ко́л'омо*; *гре́йем* (говор с. Лаховка Брестской области Лунинецкого района, н. п. № 804); *пол'ом*, *склада́йем*, а также *м'е́л'емо*, *гре́йемо*, *раск'ида́йемо*, *нак'ида́йемо* (говор с. Букча Гомельской области Туровского района, н. п. № 975); *ко́л'ом* и *по́л'ем*, *гре́йем*, *ма́йем*, *пон'има́йем*, *одб'ира́йем*, а также *называ́йемо*, *ко́л'емо*, *м'е́л'емо*, *по́л'емо*, *гре́йемо* (говор с. Глушкевичи Гомельской области Лельчицкого района, н. п. № 978); *дре́мл'ом*, *сы́пл'ом*, *шчы́пл'ом*; *дрема́йом*, *шчыпа́йем*; *ска́жом*, *ма́жом*, *мо́жом* [Нарысы 1964: 261, 266].

2. Флексия *-мо*.

Как уже отмечалось ранее, в ряде юго-западных белорусских говоров (в основном, в говорах Брестской и южной части Гродненской областей) формы 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения могут быть образованы и с флексией *-мо* (-[мо́], -'[мо], -'[ма]).

1) Глаголы с *фиксированным наконечным ударением*. Приведем некоторые примеры (различия в приводимых формах между твердыми и мягкими исходами основ в данном случае не комментируются): -[е-мо́] — *кладз'емо́*, *кладемо́*, *складемо́*; *выдемо́*, *ведемо́*; *ждемо́*; *идемо́*; *н'ес'емо́*, *н'исемо́*, *нысемо́*, *н'ас'емо́*; *заб'еремо́*, *быремо́*; *жремо́*; *пажн'емо́*, *жнемо́*;

завернемо́; *жывемо́*; *ґрыбемо́*; *сечемо́* (см. говоры в Ивацевичском, Кореличском, Ивановском, Пружанском, Телеханском, Каменецком, Высоковском, Кобринском, Ивановском, Брестском, Логишинском, Столинском, Пинском, Дрогичинском, Малоритском, Житковичском и в других районах Брестской и Гродненской областей) [Мацкевич 1959: 153; ДАБМ, каментарыі к карте № 150]; -[а-мо́] — *в'адз'амо́*, *идз'амо́*, *б'ерамо́*, *рв'амо́* (юго-восток Гродненской области [Мацкевич 1959: 153]); -[о-мо́] — *вйедомо́*, *н'есомо́*, *кладомо́* (говор с. Отвержичи Столинского района Брестской области, н.п. № 966 [Там же: 153] (однако в [ДАБМ, каментарыі к карте № 150] в материалах из н. п. № 966 отмечены другие формы 1 л. мн. наст. — *несо́м*, *везо́м*, *в'едо́м*, *кладуо́м*, *идо́м*, *гребо́м* и только один пример на -[е́-мо] — *н'асе́мо*); *н'есомо́* (и *н'есо́м//н'есо́м*), *в'едомо́* (и *в'едо́м*), *жномо́* (и *жно́м*), *ґребомо́* (и *ґребо́м*), *идо́м*, *клодо́м* (говор с. Глушкевичи Гомельской области Лельчицкого района, н. п. № 978); -[и-мо́] — *драмл'имо́*, *шчыпл'имо́* (говор с. Крупа Лидского района Гродненской области [Мацкевич 1959: 154]); -[е́-мо] — *н'ес'е́мо*, *ведз'е́мо*, *кладз'е́мо*, *идз'е́мо*, *жн'е́мо*, *бере́мо*, *hребе́мо* (говор с. Мокре Пружанского района Брестской области, н. п. № 677); *н'ес'е́мо*, *ведз'е́мо*, *кладз'е́мо*, *идз'е́мо*, *жн'е́мо*, *ґребе́мо* (говор с. Добручин Брестской области Пружанского района, н. п. № 680); *нысе́мо*, *кладе́мо* (говор с. Зосимы Брестской области Кобринского района, н. п. № 690); *выде́мо*, *кладе́мо*, *жне́мо*, *быре́мо*, а также *ныса́мо*, *ида́мо*, *ґрыба́мо* (говор с. Улица Брестской области Дрогичинского района, н. п. № 698); *несе́мо*, *везе́мо*, *кладе́мо*, но *ґребо́м* (говор с. Дубой Заречный Брестской области Столинского района, н. п. № 773); -[а́-мо] — *наса́мо*, *вада́мо*, *кладам*, *ида́мо*, *быᵉра́мо*, *жна́мо*, но и *ґреба́м* (н. п. № 955); см. также приведенный выше материал из говора с. Улица Брестской области Дрогичинского района.

Перечисленные здесь формы образованы от глаголов I спряжения с фиксированным наконечным ударением в парадигме настоящего времени, исход основы которых в формах 1 л. мн. наст. изначально оканчивался на мягкие согласные. Материал показал, что в разных современных говорах в форме 1 л. мн. наст. от данных глаголов вариант основы имеет в исходе либо твердые согласные, либо соответствующие (парные) мягкие, либо шипящие согласные (например, *несе́мо́*, *идем́о́*, *hребе́мо́*; *н'ес'е́мо́*, *идз'е́мо́*, *ґреб'е́мо́*; *пече́мо́*, *сц'ераже́мо́*; можно предположить и наличие форм типа *⁺пеко́мо́*, *⁺бере́ґо́мо́*, хотя они в диалектных материалах не представлены, но ср. приведенные выше формы *п'ако́м*, *маґо́м*). Нетипичные для белорусского языка формы 1 л. мн. наст., оканчивающиеся на -[и-мо́], зафиксированы, как указывалось выше, в говоре с. Крупа Гродненской области Лидского района, н. п. № 389, от двух глаголов I спряжения с подвижным ударением: *драмл'имо́*, *шчыпл'имо́* [Мацкевич 1959: 154].

2) Глаголы с *наосновным и подвижным ударением*. Ниже из некоторых говоров того же юго-западного региона будут приведены глагольные формы 1 л. мн. наст., образованные с флексией *-мо* от глаголов I спряжения, которые имеют наосновное ударение: -[е-мо] — *м'е́л'емо*, *ме́лемо*; *ко́л'емо*, *ко́лемо*; *по́л'емо*, *по́лемо*; *дри́мл'емо*, *дре́млемо*; *сы́пл'емо*, *сы́плимо*; *к'и́н'емо*, *пок'и́н'емо*, *кы́немо*; *ул'а́немо*; *зна́йемо*, *выб'ира́йемо*, *зруба́йемо*, *к'ида́йемо*, *спова́йемо*, *шчыпа́йемо*, *подул'еджва́йемо*, *ур'и́йемо*, *мы́йемо*; *по́йдз'емо*, *на́йдз'емо*, *за́йдз'емо*, *за́йдемо*, *и́демо*, *по́йдемо*, *бу́демо*; *ка́жемо*, *вйа́жемо*, *пла́чемо* (см. [ДАБМ, каментарыі к карте № 151] — это говоры сел, расположенных в Брестской области: Подречаны Каменецкого района, н. п. № 656; Добручин Пружанского района, н. п. № 680; Ляховичи Дрогичинского района, н. п. № 740; Чухов Логишинского района, н. п. № 764; Дубой Заречный Столинского района, н. п. № 773; Збураж Малоритского района, н. п. № 948; см. также [Мацкевич 1959: 153–154]); -[а-мо] — *м'е́л'амо*, *ко́л'амо*, *ул'а́н'амо*, *зна́йамо*, *в'а́жамо*, *ка́жамо*, *пуо́йдз'амо* [Там же: 153]; -[ы-мо] — *ме́лымо*, *ко́лымо*, *по́лымо*, *дри́млымо* (см. [ДАБМ, каментарыі к карте № 151] — это говоры сел, расположенных в Брестской области: Тельмы Брестского района, н. п. № 665; Верхи Каменецкого района, н. п. № 692; Яковчицы Каменецкого района, н. п. № 695; Гирск Кобринского района, н. п. № 699; Застружье Ивановского района, н. п. № 734; Хойно Пинского района, н. п. № 962); -[и-мо] — *ме́л'имо*, *ко́л'имо*, *по́л'имо*, *ури́йимо* (см. [ДАБМ, каментарыі к карте № 151] — это говоры сел Брестской области: Броды Пружанского района, н. п. № 683; Гошево Дрогичинского района, н. п. № 729; Глинка Столинского района, н. п. № 964); -[о-мо] — *зна́йомо* и *м'е́л'ем*, *ґре́йем* (говор с. Дребск Брестской области Лунинецкого района, н. п. № 803); *ме́л'омо*, *по́л'омо*, *ко́л'омо* и *гре́йемо*; *дре́мл'ом*, *сы́пл'ом*, *шчы́пл'ом* (говор с. Лаховка Брестской области Лунинецкого района, н. п. № 804).

Таким образом, диалектное разнообразие в формах 1 л. мн. наст. с флексией *-мо* обусловливается, во-первых, акцентной характеристикой (т. е. контуром ударения) данной формы, во-вторых, — фонетической

реализацией тематического гласного (= «классного показателя») и, наконец, — твердостью-мягкостью конечного согласного основы.

Важно при этом отметить, что формы 1 л. мн. наст. с флексией *-мо* от глаголов I спряжения в подавляющем большинстве случаев сосуществуют в одной и той же ЧДС с однозначными формами с флексией *-м* (ср., например, варианты в говоре с. Рухче Брестской области Столинского района, н. п. № 961 — *не^{ы}сéмо//не^{ы}сéм*, *вы^{е}дéмо//вы^{е}дéм*, *кладéмо//кладéмо//кладéм*, *мéлемо//мéлем*, *пóлемо//пóлем*, *hрúйемо//hрúйем*, *кóлем*). Однако в этом же регионе встречаются говоры, в которых форма 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения образуется либо с одной лишь флексией *-мо* (ср., например, говор с. Хотислав Брестской области Малорытского района, н. п. № 957 — *нысéмо*, *выдéмо*, *кладéмо*, *бырéмо*, *идéмо*, *пóлымо*, *мéлымо*, *кóлемо*, *hрúйемо*; а также говор с. Улица Брестской области Дрогичинского района, н. п. № 698 — *нысáмо*, *выдéмо*, *идáмо*, *кладéмо*, *бырéмо*, *жнéмо*, *урыбáмо*, *мéлы^{е}мо*, *кóлы^{е}мо*, *пóлы^{е}мо*, *hр'úйимо*), либо только с флексией *-м* (ср., например, говор с. Козловичи Брестской области Брестского района, н. п. № 664 — *нысéм*, *спывáйим*, *урúйим* [Мацкевич 1959: 145]; а также говор с. Тышковичи Брестской области Ивановского района, н. п. № 726 — *несéм*, *ведéм*, *йидéм*, *дры́млым*, *сы́плым*, *шчы́плым*). В результате в юго-западном белорусском наречии данные глагольные формы встречаются с флексиями *-м* и *-мо*, которые могут сосуществовать либо в качестве односистемных вариантов, либо в качестве междиалектных вариантов, образующих диалектное соответственное явление.

Как было отмечено выше, формы на -[о́-м] от глаголов I спряжения с фиксированным наконечным ударением (*идз'óм*, *идóм*, *н'ас'óм*, *н'асóм*) являются продуктивными в белорусском языке. В юго-западных белорусских говорах, для которых характерно сосуществование форм 1 л. мн. наст. на -[о́-м] и -[е́-мо] (*идз'óм//идз'éмо*, *идóм//идéмо*), формы на -[е́-мо] активно вытесняются продуктивными формами на -[о́-м] (см., например, [Мацкевич 1959: 154]).

Б. Флексии формы 1 л. мн. наст., образованной от глаголов II спряжения

Данные формы в современных белорусских говорах (так же, как и в глаголах I спряжения) могут употребляться либо с флексией *-м* (например, *с'адз'úм*, *с'адз'óм*, *с'аджóм*, *сыды́м*; *кóсым*, *кóс'им*), либо с флексией *-мо* (например, *с'адз'имó*, *сыдимó*, *кóс'имо*, *кóсымо*). Формы на *-м* свойственны, фактически, всем белорусским говорам, тогда как формы на *-мо* (и обычно параллельно с формами на *-м*) находим только в юго-западных белорусских говорах. См. карту № 4 (с. 124).

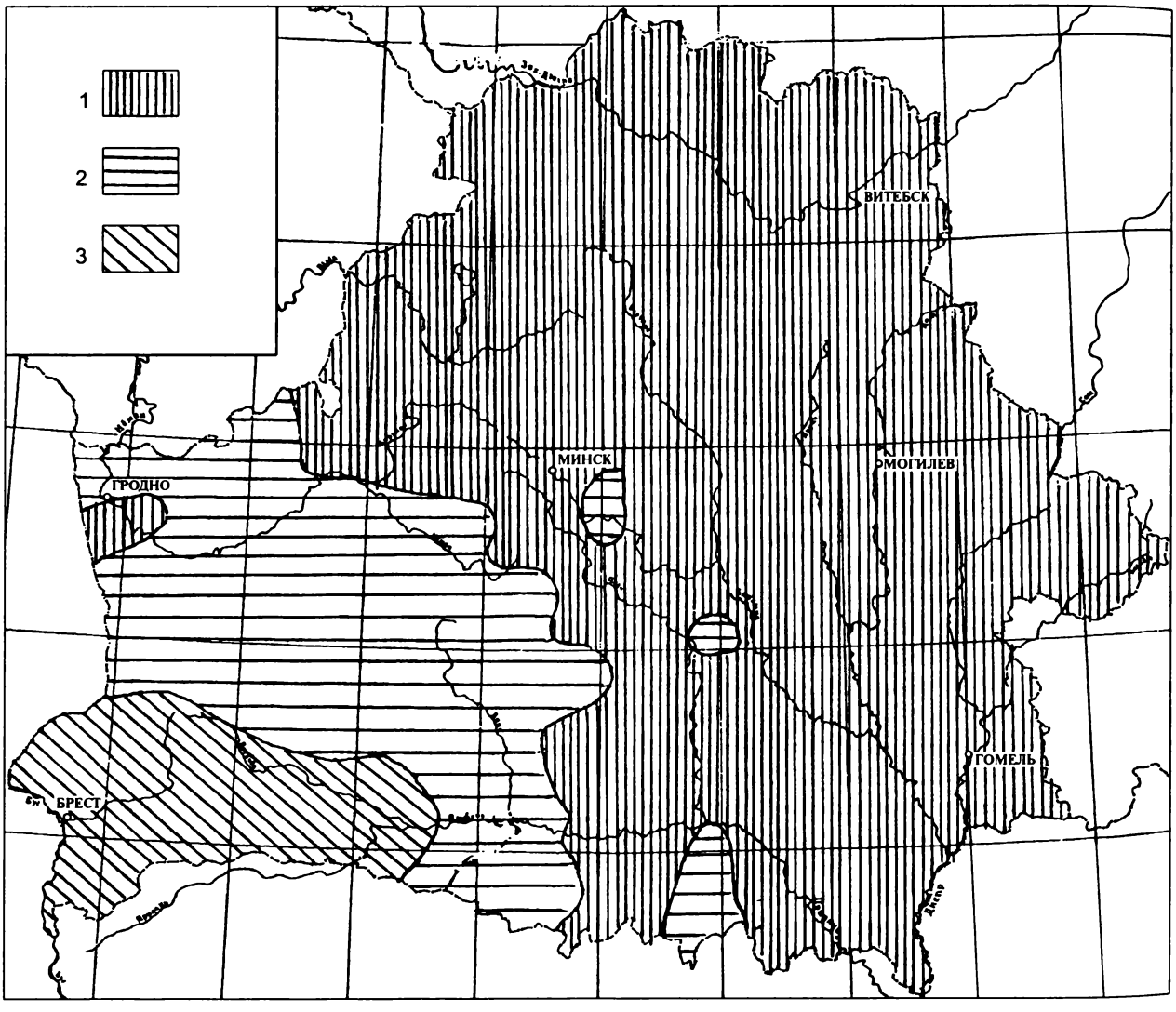
1. Флексия *-м*.

1) В глаголах с *фиксированным наконечным ударением* форма 1 л. мн. наст. употребляется или с тематическими гласными [и] и [ы], или же — с тематическим гласным [о], а именно: *с'ад'з'úм*, *крычы́м* и *с'ад'з'óм*, *саджóм*, *уарóм*.

Формы 1 л. мн. наст. типа *ул'ад'з'úм*, *с'ад'з'úм*, *л'ац'úм*, *с'п'им*, *стайúм*, *крычы́м*, *уары́м*, *сыды́м* можно встретить, буквально, в любом белорусском говоре. И только в ряде северо-восточных говоров (в основном, на севере Минской и на западе Витебской областей) находим формы на -[о́-м] типа *ул'ад'з'óм*, *с'ад'з'óм*, *л'ац'óм*, *сп'ом*, *уарóм*, *крычóм*, *маўчóм*, *л'ажóм* [Мацкевич 1959: 151; Нарысы 1964: 265]). Формы с тематическим гласным [о] могут употребляться только от тех глаголов II спряжения, инфинитивные формы которых оканчиваются на *-аць* и *-ець* и образуют непродуктивную группу; это такие глаголы, как: *ляжаць*, *маўчаць*, *крычаць*, *стаяць*, *спаць*; *сядзець*, *глядзець*, *ляцець*, *уарэць* и др.

Можно согласиться с существующим мнением, что формы 1 л. мн. наст. на -[о́-м], являющиеся явными новообразованиями, первоначально появились у тех глаголов II спряжения, которые характеризуются морфонологическим консонантным чередованием в исходе основы типа [шипящий ~ зубной] (т. е. [дж ~ д'з'], [ч ~ ц']): *с'ад'з'óм*, *л'ац'óм*; они возникли скорее всего по аналогии с формами 1 л. мн. наст. от лексически неограниченной группы глаголов I спряжения типа *вед'óм*, *н'ас'óм*, *п'ачóм* (см. [Нарысы 1964: 265]), чему способствовала однотипность акцентной характеристики и однотипность исхода основы у глаголов I и II спряжений (см. [Мацкевич 1959: 153]). В дальнейшем данная модель образования форм 1 л. мн. наст. распространилась и на другие основы глаголов II спряжения, например: *мажóм*, *дз'аржóм*, *дрыжóм*, *крычóм*, *п'ишчóм*, *трашчóм*, *маўчóм*, *пастайóм*; *сп'ом*; *зуарóм*. Формы на -[о́-м] с мягким согласным в исходе основы находим в северных и северо-западных белорусских говорах, расположенных в Витебской области, а также в большей части Молодеченской и на севере Минской областей; единичные случаи употребления таких форм отмечены и в некоторых говорах северных районов Гродненской области (см. [ДАБМ, карта № 154; Мацкевич 1959: 152; Нарысы 1964: 265]). Формы же от глаголов *улядзець* и *сядзець* с унифицированным по форме 1 л. ед. наст. конечным согласным

Карта № 4. Флексия 1 л. мн. наст. от глаголов II спряжения в белорусском языке

Условные обозначения

1) **-м** (*с'адз'ім*, *ро́б'им*; *сыды́м*, *ро́бым* и др.);
2) **-м//-мо** (*с'адз'ім//с'адз'имо́*, *ро́б'им//ро́б'имо*; *сыды́м//сыдымо́*, *ро́бым//ро́бымо* и др.);
3) **-мо** (*сыдымо́*, *ро́бимо*; *с'адз'имо́*, *ро́б'имо*).

основы (т. е. *уп'аджо́м*, *с'аджо́м*), являющиеся новообразованиями, возникшими по аналогии с формами 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения с унифицированным твердым согласным основы типа *идо́м*, *н'асо́м*, характерны только для некоторых юго-западных белорусских говоров (см. [Нарысы 1964: 265]).

2) В глаголах II спряжения с *фиксированным наосновным и подвижным ударением* в парадигме настоящего времени флексия *-м* в формах 1 л. мн. наст. присоединяется к тематическому гласному, реализованному по говорам безударными [и, ы, е], например: *хо́д'з'им*, *во́з'им*, *ко́с'им*, *про́с'им*, *ко́рм'им*, *ро́б'им*, *уаво́рым*, *хо́дым*, *во́зым*, *но́сым*, *ко́сым*, *ку́пым*, *ко́рмл'ем* (последний пример отмечен в говорах Ивацевичского и Логишинского районов Брестской области — см. [Там же: 239]). Эти формы с флексией *-м* встречаются повсеместно в говорах белорусского языка. Как показал материал, в безударной позиции «классный по-

казатель» может быть реализован только нелабиализованным гласным, но никак не гласным [о]. Что касается форм 1 л. мн. наст. с флексией *-м*, имеющих твердый конечный согласный в глагольной основе, то они свойственны юго-западным белорусским говорам; в северо-восточных говорах в исходе основы глагольных форм 1 л. мн. наст. употребляется мягкий согласный.

2. Флексия *-мо*.

1) Формы 1 л. мн. наст. на *-мо* с *фиксированным наконечным ударением* в парадигме настоящего времени характеризуются перемещением ударения на последний слог словоформы: *ул'ад'з'имо́*, *с'ад'з'имо́*; *сыд'имо́*; *сыдымо́*, *уледымо́*; *л'ец'имо́*; *л'ажымо́*, *лыжымо́*; *маўчымо́*, *крычымо́*, *бурчымо́*, *п'ишчымо́*; *стайимо́*; *с'п'имо́*; *шып'имо́*, *скрып'имо́*, *спымо́*; *дывымо́с'а*; *уарымо́* и мн. др. (см. [Мацкевич 1959: 154–155], а также [ДАБМ, каментарыі: 624–628]). Как показывают примеры, флексия *-мо* присоединяется к «классному показателю», реализованному безударными гласными [и] и [ы]. Данные формы с флексией *-мо* (как с твердым, так и с мягким консонантным исходом основы) употребляются только в говорах юго-западного ареала, а именно — в говорах Брестской и Гродненской областей, а также в говорах юго-западной части Гомельской области. В этом же ареале (либо в одной и той же ЧДС, либо в разных) употребляются и формы 1 л. мн. наст. с флексией *-м* (см. выше). Очень редко в этой группе глаголов в форме 1 л. мн. наст. с флексией *-мо* встречается ударение на тематическом гласном или даже на основе, например: *дывы́моса*, *спы́мо* [Мацкевич 1959: 155]; *с'адз'и́мо*, *л'ажы́мо* ([Там же: 157] — говор с. Малькевичи Гродненской области Мостовского района, н. п. № 373); *ды́вымоса* ([ДАБМ, каментарыі: 626], говор с. Крвнятин Брестской области Логишинского района, н. п. № 763). И так же редко в глаголах с наосновным или подвижным ударением в парадигме настоящего времени форма 1 л. мн. наст. с флексией *-мо* может иметь ударение на последнем слоге словоформы: *робимо́* (говор с. Николаевщина Минской области Столбцовского района, н. п. № 450; говор с. Оброво Брестской области Ивацевичского района, н. п. № 722 [ДАБМ, каментарыі: 625, 626; Мацкевич 1959: 156]); *вучымо́* (говор с. Миратичи Гродненской области Кореличского района, н. п. № 409 [ДАБМ, каментарыі: 624]); *лав'имо́* (говор с. Старый Свержень Минской области Столбцовского района, н. п. № 448 [Там же: 625]); *дз'аржимо́* (говор с. Поликарповка Минской области Слуцкого района, н. п. № 494 и говор с. Бокшици Минской области Слуцкого района, н. п. № 499 [Там же: 625]); *дз'ержимо́* (говор с. Хлупин Гомельской области Туровского района, н. п. № 851 и говор с. Воловск Гомельской области Ельского района, н. п. № 991 [Там же: 627, 628]); *др'ижымо́* (говор с. Усов Гомельской области Лельчицкого района, н. п. № 993 [Там же: 628]); *ц'арп'имо́* (говор с. Хотыничи Брестской области Ганцевичского района, н. п. № 754 [Там же: 626]); *кос'имо́*, *уаварымо́* [Мацкевич 1959: 156]. Как показали примеры, данные формы отмечены, в основном, в отдельных, не образующих ареалов,говорах юго-западного наречия.

2) В формах 1 л. мн. наст. от глаголов II спряжения, образованных с флексией *-мо*, ударение остается на основе, если эти глаголы характеризуются *наосновным или подвижным ударением* в парадигме настоящего времни. Зафиксированы следующие окончания (с тематическим гласным): -'[и-мо], -'[ы-мо], -'[е-мо]. Например: -'[и-мо] — *хо́дз'имо*, *ул'е́дз'имо*, *поса́дз'имо*, *во́дз'имо*; *моло́ц'имо*, *запло́ц'имо*, *коло́ц'имо*; *пу́с'ц'имо*; *но́с'имо*, *ко́с'имо*, *наква́с'имо*; *папа́л'имо*, *па́л'имо*, *распа́л'имо*, *зачы́н'имо*, *ро́б'имо*, *л'у́б'имо*, *шче́п'имо*, *ку́п'имо*, *аблу́п'имо*, *ко́рм'имо*, *уста́в'имо* (в большинстве юго-западных говоров — см. [ДАБМ, каментарыі к карте № 154]); -'[ы-мо] — *до́рымо*, *ва́рымо*, *уово́рымо*, *во́зымо*, *ко́сымо*, *хо́дымо*, *поса́дымо*, *поба́чымо*, *ву́чымо* (в крайних юго-западных и южных говорах — см. [Там же]); -'[е-мо] — *помоло́ц'емо* (говоры в Брестской области Пружанского района: говоры сел Большой Квасник, н. п. № 675, и Ялово, н. п. № 679 [Мацкевич 1959: 155]); *полу́чемо* (говор с. Булька Брестской области Лунинецкого района, н. п. № 765).

Таким образом, формы 1 л. мн. наст. от глаголов II спряжения с фиксированным наосновным и подвижным ударением в парадигме настоящего времени, образованные с безударной флексией *-мо*, отмечены в говорах юго-западного белорусского наречия. Среди них формы с твердыми консонантными исходами в глагольной основе употребляются главным образом в южной части данного ареала, т. е. в говорах Брестской области (в Березовском, Каменецком, Жабинковском, Малорытском, Ивановском, Столинском и других районах — см. [Там же: 155]).

В северной части данного юго-западного ареала нередко встречаются говоры, в которых формы 1 л. мн. наст. от глаголов II спряжения с флексией *-м* и с флексией *-мо* сосуществуют в одной и той же ЧДС. Например: *ул'адз'и́м*, *л'ац'и́м*, *п'ишчы́м*, *во́з'им* — в речи молодых; *с'адз'имо́*, *л'ажымо́*, *л'ац'имо́* — в речи старшего поколения (говор с. Великий Рожан Брест-

3. Флексии -м и -мо

ской области Ганцевичского района, н. п. № 785); *с'адз'и́м, л'ажы́м* — в речи молодых; *с'адз'имо́, л'ажымо́* — в речи старшего поколения (говор с. Смоличи Минской области Копыльского района, н. п. № 780); *с'едз'и́м, гл'едз'и́м, л'ежы́м, с'п'им* — реже; *с'едз'имо, гл'едз'имо́, л'ежымо́, с'п'имо́* — чаще (говор с. Челонец Минской области Старобинского района, н. п. № 795); *л'ажы́м, гл'адз'и́м* — чаще; *л'ажымо́, гл'адз'имо́* — очень редко (говор с. Дворец Гродненской области Дятловского района, н. п. № 411 [Мацкевич 1959: 155]); *с'адз'и́м//с'адз'имо́, шум'и́м//шум'имо́, гл'адз'и́м//гл'адз'имо́, ло́в'им//ло́в'имо* (говор с. Старый Свержень Минской области Столбцовского района, н. п. № 448).

В одних и тех же говорах формы 1 л. мн. наст. от глаголов II спряжения, образованные как с флексией *-м*, так и с флексией *-мо*, с точки зрения места ударения (т. е.акцентного контура) четко распределяются в две группы. В глаголах с фиксированным наконечным ударением формы 1 л. мн. наст. с флексией *-м* имеют ударение на тематическом гласном (например, *л'ажы́м, с'адз'и́м, сыды́м, с'п'им*), а с флексией *-мо* — на конечном гласном [о] (например, *л'ажымо́, с'адз'имо́, сыдымо́, с'п'имо́, спымо́*). В глаголах с фиксированным наосновным и наконечным ударением в парадигме настоящего времени формы 1 л. мн. наст. с флексиями *-м* и *-мо* имеют одинаковое ударение — на основе (например, *ко́с'им, ко́сым, хо́дз'им, хо́дым* и *ко́с'имо, ко́сымо, хо́дз'имо, хо́дымо*). Похоже, что эти две группы глаголов, характеризующиеся разными типами ударения, в плане своего морфологического строения в ряде случаев могут вести себя в рамках одной и той же ЧДС совершенно автономно. Приведем некоторые примеры: только флексия *-м* — *с'адз'и́м, гл'адз'и́м, л'ажы́м*; *хо́дз'ам, ко́с'ам, во́з'ам*; *ко́с'им, во́з'им* (говор с. Новая Нива Минской области Червенского района, н. п. № 510); *с'адз'и́м//с'а́дз'им, л'ажы́м*; *ба́чым, зарО́б'ам, плО́ц'ам* (говор с. Волковичский Крупец Гомельской области Гомельского района, н. п. № 906); *с'адз'и́м, л'ажы́м, гл'адз'и́м, с'п'им, аплО́ц'им, тОп'ам, подО́йам, пО́йам, нава́рам, зва́рым* (говор с. Прибытки Гомельской области Гомельского района, н. п. 938); *с'едз'и́м, гл'едз'и́м, л'ежы́м, су́шим, в'и́дз'им, пам'е́с'ц'имс'а, гла́дз'ам, намалО́ц'им* (говор с. Уть Гомельской области Тереховского района, н. п. № 939); только флексия *-мо* — *сп'имо́, во́зымо, ко́сымо, хо́дымо* (говор с. Пески Брестской области Березовского района, н. п. № 721 [Мацкевич 1959: 155]); *с'едз'имо́, гарымо́, сп'имо́, ко́с'имо, гародз'имо, бу́дз'имо, гру́з'имо, ро́б'имо* (говор с. Козики Брестской области Ивацевичского района, н. п. № 716 [Там же: 156]); *сыд'имо́, дывымо́с'а, лежымо́, хо́дымо, ко́сымо, во́зымо* (говор с. Радеж Брестской области Малорытского района, н. п. № 950); различные соотношения флексий *-м* и *-мо* — *с'едз'и́м//с'едз'имо́, гл'едз'и́м//гл'едз'имо́, хо́дз'им//хо́дз'имо, во́з'им//во́з'имо* (говор с. Оголичи Гомельской области Петриковского района, н. п. № 845); *гл'едз'и́м//гл'едз'имо́, сп'им//сп'имо́, крычы́м//крычымо́, ло́в'им//ло́в'имо, ко́с'им//ко́с'имо, говО́рым//говО́рымо* (говор с. Ясковичи Минской области Старобинского района, н. п. № 791); *седы́м//седымо́, лежы́м//лежымо́, хо́дым//хо́дымо, во́зым//во́зымо* (говор с. Купятичи Брестской области Пинского района, н. п. № 769); *с'едз'и́м//с'едз'имо́, гл'адз'и́м//гл'адз'имо́, л'ажы́м//л'ажымо́, во́з'им, ко́с'им, хо́дз'им* (говор с. Сорог Минской области Слуцкого района, н. п. № 502); *сыдымо́, спымо́, л'ежымо́, хо́дым//хо́дымо, ко́сым//ко́сымо, во́зым//во́зымо* (говор с. Дмитровичи Брестской области Каменецкого района, н. п. № 653); *с'адз'имо́, гл'адз'имо́, л'ажымо́, с'п'имо́*; *хо́дз'им, ко́с'им, во́з'им* (говор с. Панцевичи Гродненской области Мостовского района, н. п. № 376); *сыдымо́, дывымО́са, лыжымо́, спымо́*; *хо́дым, ко́сым, во́зым* (говор с. Жытковичи Брестской области Пинского района, н. п. № 739); *гл'адз'имо́, с'адз'имо́, с'п'имо́, л'ажымо́*; *хо́дз'им, гавО́рым, ко́с'им* (говор с. Монтяки Брестской области Ружанского района, н. п. № 668) и др.

Приведенные диалектные материалы свидетельствуют, таким образом, о существовании по говорам различного соотношения форм 1 л. мн. наст., образованных от глаголов II спряжения, с точки зрения их морфологической структуры (т. е. наличия флексии *-м* или флексии *-мо*). Если мы обозначим группу глаголов II спряжения с фиксированным наконечным ударением настоящего времени индексом «А», а группу глаголов II спряжения с фиксированным наосновным и подвижным ударением в парадигме настоящего времени индексом «Б», то картина соотношения форм 1 л. мн. наст. от глаголов II спряжения в белорусских диалектах с флексиями *-м* и *-мо* может выглядеть следующим образом:

1)	«А» — -[м];	«Б» — -[м].
2)	«А» — -[мо];	«Б» — -[мо].
3)	«А» — -[м[//-[мо];	«Б» — -[м]//-[мо].
4)	«А» — -[мо];	«Б» — -[м].
5)	«А» — -[мо];	«Б» — -[м]//-[мо].
6)	«А» — -[м]//-[мо];	«Б» — -[м].
7)	«А» — -[м]//-[мо];	«Б» — -[мо].

Однако в наших материалах отсутствует 8-е соотношение, а именно: «А» — -[м] и «Б» — -[мо]. Это, несомненно, ни в коем случае не означает, что в современных белорусских говорах такие глагольные системы не употребляются. Но обратить внимание на этот факт считаем необходимым, так как имеющиеся в нашем распоряжении материалы показали, что в группе «А» флексия *-мо* (-[мо]) отмечена 6 раз, а в группе «Б» — только 4 раза.

В комментариях к приводимым примерам из некоторых говоров содержатся ценные пояснения. Так, например, отмечено, что в говорах с. Смоличи Минской области Копыльского района (н. п. № 780) и с. Великий Рожан Брестской области Ганцевичского района (н. п. № 785) формы с флексией *-мо* характерны для жителей старшего возраста, формы же с флексией *-м* встречаются в речи молодых. В материале из говора с. Челонец Минской области Старобинского района (н. п. № 795) указано, что формы на *-мо* являются более распространенными по сравнению с формами на *-м*. В материалах из говоров двух сел Гродненской области (с. Поречье Гродненского района, н. п. № 350 и с. Бакшты Щучинского района, н. п. № 354) находим замечание о том, что формы на *-мо* представляют собой явно продуктивную черту и поэтому они более употребительны в речи носителей говора, чем формы на *-м*.

Карты показывают, что формы 1 л. мн. наст. с флексией *-мо* от глаголов II спряжения являются характерной грамматической особенностью говоров Брестской и Гродненской областей, юго-западных районов Минской области (Столбцовский, Несвижский, Клецкий, Копыльский, Гресский, Слуцкий, Краснослободский районы) и юго-западных областей Гомельской области (Житковичский, Туровский, Петриковский, Лельчицкий, Мозырский, Ельский районы) [Мацкевич 1959: 156], хотя в некоторых отдельных говорах они и уступают формам с флексией *-м*.

(В скобках заметим, что данные скупые сведения об особенностях употребления рассматриваемых вариативных форм свидетельствуют о том, что в тех говорах, в которых формы 1 л. мн. наст. от глаголов II спряжения образуются с флексиями *-м* и *-мо*, указанная морфологическая черта в каждой отдельной ЧДС имеет свое индивидуальное проявление и не всегда характеризуется стабильностью. Однако при лингвогеографическом исследовании важно учитывать реализацию того или иного явления на большом пространстве. В данном конкретном случае, где указанные варианты могут быть как внутридиалектными (т. е. односистемными), так и междиалектными (т. е. разносистемными), весь этот ареал интерпретируется с точки зрения употребления флексий *-м* и *-мо* как обычный вариативный — без уточнения особенностей употребления форм с *-м* и *-мо* в каждой отдельной ЧДС).

Таким образом, после рассмотрения способов образования формы 1 л. мн. наст. от глаголов *двух спряжений* следует отметить, что эти формы с флексиями *-мо*/*-м* не представляют собой такого явления, которое было бы последовательно проведено в диалектах белорусского языка. В наибольшей степени данные формы на *-мо* распространены, как было показано выше, в говорах Брестской и Гродненской областей, а также в прилегающих к ним районах Минской и Гомельской областей. Однако в большинстве этих говоров формы на *-мо* сосуществуют с продуктивными и употребляющимися, буквально, повсюду формами на *-м*. По наблюдениям Ю. Ф. Мацкевич, в целом наиболее часто варианты на *-мо* и *-м* встречаются в формах 1 л. мн. наст., образованных от глаголов I спряжения [Мацкевич 1959: 156–157], но диалектные материалы свидетельствуют о том, что варианты на *-мо* и *-м* обычны и для глаголов II спряжения. При этом, что касается соотношения вариантов указанных форм на *-мо* и *-м*, образованных от глаголов I и II спряжений, то в говорах Брестской области (фактическом эпицентре их употребления в белорусском языке) более распространенными следует признать формы на *-мо*, образованные от глаголов II спряжения, в то время как варианты форм на *-мо* и *-м* от глаголов I спряжения являются более или менее равноправными. Кстати, обращаясь специально к глаголам II спряжения, следует отметить, что наиболее часто в рамках одной и той же ЧДС встречаются варианты формы 1 л. мн. наст. с флексиями *-мо* и *-м* не одного и того же глагола (например, *с'п'им*//*с'п'имо́*, *во́з'им*// *во́з'имо*), а разных глаголов, имеющих разную акцентную характеристику (например, *с'п'имо́*, но *во́з'им*).

Ю. Ф. Мацкевич, подчеркивая архаичность обеих флексий (*-мо* и *-м*) в форме 1 л. мн. наст. [Там же: 158], отмечает, что в современных белорусских говорах данные формы с флексией *-мо*, образованные от глаголов I спряжения, активно вытесняются однозначными формами на *-м* (с тематическим гласным [о]), т. е. *идз'ёмо* (непродуктивная форма)//*идз'о́м* (продуктивная форма), ср., например, говор с. Жуки Гродненской области Лидского района, н. п. № 495: *н'асо́м*, *в'азо́м*, *кладо́м*, *б'аро́м*; *идо́м*, *жном* и только *идз'ёма*, *граб'ёма*; говор с. Лохница Гомельской области Лельчицкого

района, н. п. № 990: *идóм*, *н'есóм*, *берóм* и только *жыв'éма*. Что касается глаголов II спряжения, то формы 1 л. мн. наст. на *-мо* в современных белорусских говорах являются достаточно устойчивыми и поэтому представлены в белорусском языке шире по сравнению с формами 1 л. мн. наст. на *-мо*, образованными от глаголов I спряжения [Нарысы 1964: 266].

В заключение отметим, что такие два явления для глаголов I спряжения, как характер флексии и реализация тематического гласного, — неразрывно связаны между собой: тематический гласный [о], как уже указывалось выше, произносится только в тех формах 1 л. мн. наст., которые имеют флексию *-м*; что касается флексии *-мо*, то она может употребляться лишь в формах с тематическим гласным [е]; но тематический гласный [е] может быть употреблен также и в формах 1 л. мн. наст., образованных с флексией *-м*. Следовательно, при выборе флексии *-мо* или *-м* и «классного показателя», реализованного гласными [о] или [е] в глаголах I спряжения, в белорусском языке существуют ограничения: флексия *-мо* запрещена при наличии тематического гласного [о], для флексии же *-м* и тематического гласного [е] запретов нет.

Для реализации консонантного исхода основы твердым или мягким согласным также не существует ограничений: и твердые, и мягкие согласные в исходе основы могут употребляться перед тематическим гласным, реализованным как лабиализованным, так и нелабиализованным гласным

Все три явления (а именно — флексия *-м* или *-мо*, реализация тематического гласного в форме 1 л. мн. наст. глаголов I спряжения гласным [о] или [не-о] и твердость-мягкость конечного согласного основы в данной глагольной форме), которые характеризуют морфологическую (флексия и тематический гласный) и морфонологическую (качество конечного согласного основы) структуру глагольной формы 1 л. мн. наст., образуют в современном белорусском языке соотносительные (различающиеся) диалектные признаки (подробнее о твердости-мягкости согласного глагольной основы и реализации «классного показателя» см. ниже).

* * *

В реконструируемой исходной морфологической системе др.-рус. языка X/XI вв. отмечаются флексии (с тематическими гласными) глагольных форм 1 л. мн. наст. ***-емъ*** и ***-имъ*** (например: ***възберемъ*** — ЕвОстр 1056–1057; ***дьржимъ*** — Мин 1096 [Иванов 1982: 43]), редко — ***-ем***, ***-им*** и ***-емы***, ***-имы*** [Там же]. В памятниках XII–XIV вв. в большинстве случаев данные формы встречаются также с ***-емъ*** и ***-имъ*** (например: ***дивуемъ ся***, ***створимъ*** — ЛЛ 1377), но вместе с тем зафиксированы употребляемые параллельно с ними и формы на ***-емы***, ***-имы*** (например: ***предаемы ся***, ***стоимы*** — ЛЛ 1377) [Иванов 1982: 58], что свидетельствует о том, что в этот период глагольные формы 1 л. мн. наст. на ***-емъ***, ***-имъ*** и менее частотные формы на ***-емы***, ***-имы*** представляли собой более или менее равноправные морфологические варианты. Можно предположить, что в истории образования глагольных форм 1 л. мн. наст. еще до XIV в. выделялись юго-западные и западные древнерусские диалекты, легшие в основу украинского языка и юго-западных говоров белорусского языка, с одной стороны, и, с другой, — северные, северо-восточные и восточные древнерусские диалекты, на основе которых сложился русский язык и северо-восточные говоры белорусского языка. Так, если в старорусском языке, начиная с XV в., фиксируются формы 1 л. мн. наст. только с флексией *-м* (не<с'о>м, но<с'и>м) [Иванов 1982: 120, 121], то в староукраинских и в юго-западных старобелорусских памятниках письменности данная форма употребляется как с конечным *-м*, так и с конечными *-мо* и *-ме*, которые считаются новообразованиями: появление форм на *-мо*, которыми характеризовались юго-западные древнерусские говоры, исследователи относят к XIV–XV вв. (см., например: [Булаховський 1956: 15; Бевзенко 1960: 335; Нарысы па гісторыі 1957: 234; Шевельов 2002: 339, 473–474]).

Прослеживая историю появления флексии *-мо*, необходимо отметить редкую форму 1 л. мн. наст. ***даемо*** от глагола ***дати***, зафиксированную в Смоленской грамоте 1229 г. и в Словах Кирилла Туровского XIV в. (см. [Иванов 1982: 58–59]), что можно считать одной из ранних фиксаций форм 1 л. мн. наст. на *-мо* в памятниках письменности западного происхождения. Формы 1 л. мн. наст. с флексией *-мо* утвердились в *украинском* языке достаточно поздно. Л. А. Булаховский указывает на XV в., С. П. Бевзенко — на XIV в., а Г. Ю. Шевелев — на XIV–XVII вв. В *белорусском* языке подобные формы отмечены изредка в памятниках письменности с конца XIV в. (например: ***подемо***, ***забиимо***, но и ***молимъ***, ***поедимъ***, ***можемъ*** — Грамота Вітаута 1407 [Нарысы па гісторыі 1957: 233, 234]; ***ся боимо***, ***не мовимо***, ***потакаемо***, ***ховаемо***, ***оглядимо ся***, но и ***ходимъ*** — Прамова Мялешки 1589 [Там же: 246]).

Ср. также высказывание Н. Ван-Вейка: В форме 1 л. мн. наст. «под влиянием местоимения *мы* наряду

с *-мъ* появилось окончание *-мы*... Встречается *-мы* и в среднеболгарском. Среднеболгарское *-мѥ* появилось уже в XII в., сначала у глаголов на *-ті*... вероятно, по аналогии со 2 лицом мн. ч. Труднее объяснить среднеболгарское *-мо*, если это не старая параллельная форма наряду с *-тъ*. Как *-ту*, так и *-те*, *-то* весьма распространены в славянских языках» [Ван-Вейк 1957: 303]. А. М. Селищев писал: «1 лицо мн.ч. Окончание этой формы было с давнего времени не одинаково по славянским группам. Она оканчивалась на *-тъ*, *-те*, *-то*... В старославянском языке форма 1 л. мн. оканчивалась на *-мъ*: *несемъ*, *хвалимъ*, *ѥсмъ*, *дамъ*. Несомненно, были в областях, занятых тогда болгарскими славянами, и формы с окончанием *-ме*. В памятниках среднеболгарских и в современных болгарских говорах представлены формы с таким окончанием» [Селищев 1952: 156].

В современных говорах украинского языка и в крайних юго-западных белорусских говорах, как было показано выше, распространены формы 1 л. мн. наст. с флексией *-мо*, которая может быть как ударной, так и безударной: -[мо́], ˊ-[мо], ˊ-[ма]. Ср., например, глаголы с фиксированным наконечным ударением, которые в форме 1 л. мн. наст. могут иметь ударение на конечном слоге словоформы: укр. *беремо́*, *кричимо́*, бел. *с'ад'з'имо́*; в юго-западных белорусских говорах данные формы с такой акцентологической характеристикой отмечены только в глаголах II спряжения: *ул'ад'з'имо́*, но *ид'з'е́м*.

Существует мнение, что на формирование диалектных различий, характеризующих форму 1 л. мн. наст. в восточнославянских говорах, значительное влияние оказало взаимодействие между формами 1 л. мн. наст. и 1 л. мн. повел. О разном проявлении этого взаимодействия в древнерусских диалектах XII–XIV вв., на базе которых, с одной стороны, сложились впоследствии говоры украинского языка и юго-западные белорусские говоры, а, с другой, — говоры русского языка и северо-восточные белорусские говоры, см. в [Белоусов 1982: 142–144]. Исследованием взаимодействия между формами 1 л. мн. изъявительного и повелительного наклонений и его результатов в современных восточнославянских диалектах занималась и С. В. Бромлей. Говоря о данных формах повелительного и изъявительного наклонений (ПН и ИН) в современных белорусских говорах, она высказывает предположение, что «расхождение в судьбе форм I спряжения (*иг'е́м*) и II спряжения (*с'аг'имо́*) является пережитком старых отношений и объясняется взаимодействием форм ИН и ПН» [Бромлей 1977: 153]. Причину наличия в современных юго-западных белорусских говорах форм 1 л. мн. наст. от глаголов II спряжения с безударной флексией -[мо] — *с'ад'з'и́мо* или флексией -[м] — *с'ад'з'и́м* (интерпретируемой как восстановление изначального облика данных словоформ, возможно, по образцу аналогичных форм типа *б'аре́м*, образованных от глаголов I спряжения), С. В. Бромлей видит в процессе обобщения *ѣ* в формах мн.числа ПН. Это явление пришло в белорусские говоры с юга, из украинского языка, что устранило опасность появления омонимичных форм 1 л. мн. ИН и ПН (см. [Бромлей 1977: 152–154]). Можно согласиться с С. В. Бромлей в том, что ситуация, наблюдаемая в современных юго-западных белорусских говорах, близка к первоначальному этапу распространения форм 1 л. мн. наст. на *-мо* «на всем юго-западе восточнославянской языковой области. Старые формы с наконечным ударением у глаголов окситонированного типа (*сидимъ́*) сохранились здесь у глаголов II спряжения, поскольку перенос ударения на тему был чреват омонимией с формами ПН (*сидимо́* ИН — *сиди́мъ* ПН). Сохранение ударенного *мо* в этом классе послужило в дальнейшем базой для его распространения на другие классы, как в пределах ИН, так и (в порядке тенденции к сближению фонемного состава окончаний ИН и ПН) на формы ПН, что уже не могло повлечь за собой нежелательных последствий (ср. *сидимо́* ИН — *сиди́мо* ПН). Однако для такой трактовки причин распространения *мо* в ИН требуется предположить, что на всем юго-западе восточнославянской территории они утвердились раньше, чем в глаголах IV класса в формах мн. ч. ПН обобщился *ѣ*. Такое предположение, по-видимому, не противоречит известным в этой области фактам» [Бромлей 1977: 154].

Как уже говорилось ранее, в староукраинских и старобелорусских памятниках письменности формы 1 л. мн. наст. с флексией *-мо* до XIV в. встречаются крайне редко, хотя в живом языке они уже вполне могли быть достаточно распространенными [Булаховский 1956: 75]. (Кстати, ср. приведенные выше высказывания С. А. Селищева и Н. Ван-Вейка о возможном употреблении вариативных форм 1 л. мн. наст. с флексией *-мо* в некоторых древних славянских диалектах). Ограниченное их проникновение в письменный язык было обусловлено, скорее всего, тем, что в XIV в. еще продолжали широко употребляться традиционные формы 1 л. мн. наст. на *-мъ*; в результате в этих памятниках письменности отмечается несимметричные вариативные пары глагольных форм 1 л. мн. наст. с флексией *-мъ* (часто) и с флексией *-мо* (редко).

Что касается говоров русского языка (и северо-восточных белорусских говоров), то формы с флексией *-мо* им неизвестны, хотя К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев и говорят об изредка отмечаемых формах 1 л. мн. наст. на *-мо* (*идемо*, *ходимо*) в северных великорусских диалектах, «которые в памятниках письменности не прослеживаются» [Горшкова, Хабургаев 1997: 312].

II. Твердость-мягкость конечного согласного основы в форме 1 л. мн. наст.

Освещая вопрос о твердости-мягкости конечного согласного основы в форме 1 л. мн. наст. в современных восточнославянских диалектах, отметим, что подавляющее большинство *украинских говоров* имеет в исходе основы этой формы твердый согласный; подавляющее большинство *русских говоров* — мягкий согласный; и только в *белорусском языке* наличие твердого или мягкого согласного в исходе основы формы 1 л. мн. наст. представляет собой различительный диалектный признак. См. карту № 5 (с. 132).

Русский язык

В современном русском языке, как уже указывалось выше, фактически, во всех говорах находим мягкий согласный в исходе основы глагольной формы 1 л. мн. наст. (например, *н'ес'ём*, *н'ес'óм*, *стóн'ем*, *говор'úм*, *сóл'им*). С. В. Бромлей пишет, что «можно с уверенностью утверждать отсутствие в русских говорах систем, где глаголы на парные твердые согласные имели бы нечередующийся твердый согласный в исходе основы» [Бромлей, Булатова 1972: 221]. Однако в некоторых северо-восточных говорах отмечаются спорадически твердые зубные и губные согласные в исходе глагольной основы, не образующие по этому признаку сколько-нибудь заметных ареалов; что касается глаголов I спряжения с нечередующимся твердым заднеязычным в исходе основы (например, *пекý*, *пекóш...*, *берегý*, *берегóш...*), то они зафиксированы в компактном ареале севернее Владимира, Нижнего Новгорода и Чебоксар (см. [Попова 1995: 44]). С. П. Обнорский приводит следующие редкие формы 1 л. мн. наст., образованные от глаголов I спряжения, основа которых оканчивается на твердые зубные, губные и заднеязычные согласные и которые встречаются в ряде крайних северо-восточных вологодских, владимирско-поволжских, восточно-сибирских и некоторых других говорах: *несом*, *пайдом*, *зовом* (Путивльский и Илимский уу.), *запрягом* (и *несот*, *секот* — Тотемский у.), *запрягом*, *жгомся*, *лягом* (Вологодская губ.), *жгом*, *запрягом* (Костромская губ.), *могом*, *тком* (Курская губ.), *гребом* (и *гребош*, *возьмош*, *бегош*, *волокот* — район Анадыри) [Обнорский 1953: 103, 104].

В своем исследовании морфонологической структуры парадигм настоящего времени от глаголов I спряжения на заднеязычный мы отмечали наличие в северо-восточных русских говорах, наряду с широко распространенными формами типа *пекóм*, *берегóм* и изредка встречающиеся формы типа *несóм*, *ведóм*, *гребóм*. Твердые парные зубные и губные согласные в «средних» формах парадигмы настоящего времени (в том числе и в форме 1 л. мн. наст.), хотя и употребляются в некоторых говорах, но лишь от отдельных глаголов и вряд ли образуют в какой-нибудь ЧДС последовательно организованную систему (см. об этом [Попова 1995: 50 и карта на с. 44]).

Украинский язык

О твердости–мягкости конечного согласного основы в форме 1 л. мн. наст. в украинском языке см. ниже, в разделе «Реализация «тематического гласного» (= «классного показателя») в форме 1 л. мн. наст. глаголов I спряжения с наконечным ударением».

Белорусский язык

В предыдущих разделах, посвященных диалектному распределению флексий глагольной формы 1 л. мн. наст., мы коснулись вкратце и вопроса о твердости-мягкости конечного согласного основы в белорусском языке. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Окончания (с тематическим гласным) в форме 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения могут по говорам присоединяться либо к варианту основы с мягким согласным в исходе (например, *идз'óм*, *н'ас'óм*; *пóл'ом*, *кóл'ем*; *сыпл'емо*), либо к варианту основы с твердым согласным в основе (например, *идóм*, *н'асóм*, *кóлем*, *н'асéм*, *идéмо*, *н'асéмо*, *кóлемо*). При этом следует отметить, что указанные формы с основой на конечный [р] типа *б'арóм*, *заб'éрам*, *забéрым*, *бырéмо*, *мром* и под. (а в ряде говоров — и с основой на [б], например, *урабóм*) не являются в современном белорусском языке показательными при интерпретации наличия твердого или мягкого исхода основы в форме 1 л. мн. наст.

Формы 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения с исходом основы на *твердый* согласный распростране-

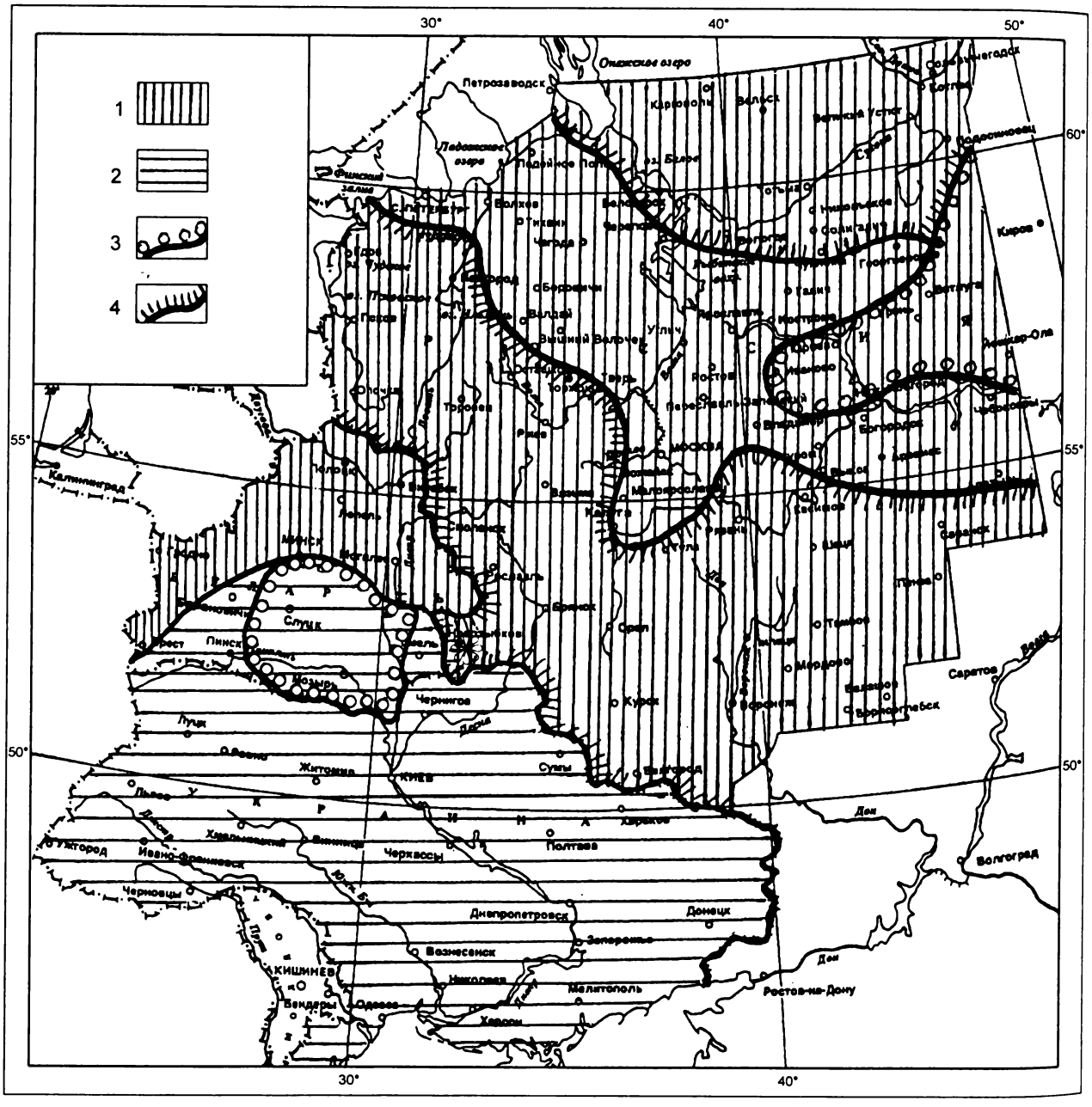
ны, в основном, в южной и юго-западной частях современного белорусского диалектного пространства. Большинству этих говоров не характерно фонетическое (позиционное) явление смягчения согласных в положении перед гласными переднего ряда (см. [ДАБМ, карта № 55 «Наяўнасць мяккіх ці цвёрдых [з], [с] у позіцыі перад "е", "и"»] и [ДАБМ, карта № 56 «Наяўнасць мяккіх ці цвёрдых [д], [т] (мяккіх [дз'], [ц'] або [д'], [т'] ці цвёрдых [д], [т]) у позіцыі перад "е", "и"»]; см. также [Нарысы 1964, карты №№ 6, 7 на с. 112, 119]). Поэтому в говорах данной южной и юго-западной зоны во всех формах парадигмы настоящего времени от глаголов I спряжения с конечным фиксированным ударением отмечается основа с твердым согласным в исходе, ср., например, говор с. Рухче Столинского района Брестской области, нас. п. № 961, формы 1 л. мн. наст. — *вы^{е}дéм//выдéмо, кладéм//кладéмо, идéм//идéмо, жнем//жнéмо*; формы 3 л.ед.наст. — *нысé, везé, кладé, идé, жне*, а также *нысéт', везéт', кладéт', идéт', жнет'* [ДАБМ, каментарыі: 607, 614]. В этих же говорах глаголы на заднеязычный согласный образуют форму 1 л. мн. наст. с твердыми согласными [k, γ] в исходе основы: *п'акóм, бераγóм* (см. [Попова 1995: 50]).

Но, возможно, в ряде южнобелорусских говоров, в которых находим твердые согласные в исходе основы формы 1 л. мн. наст., *фонетическое* явление смягчения согласных перед гласными переднего ряда в целом (за исключением позиции перед [е] в форме 1 л. мн. наст. — но это, скорее всего, уже морфологический фактор) и имеет место (см., например, *идз'éш, идз'é, идз'ац'é*, но *идóм*; *п'ачéш, п'ачé, п'ечац'é*, но *п'акóм* [Нарысы 1964: 236]). Об этом отчасти могут свидетельствовать и материалы некоторых говоров из Гомельской и Могилевской областей, ср.: говор с. Выдренка Могилевской области Краснопольского района, нас.п. № 636, формы 1 л. мн. наст. — *н'асóм, кладóм, идóм, жном, жывóм, γрабóм* (но и: *кладз'óм, идз'óм, жн'ом, γраб'óм*) при наличии форм 3 л. ед. наст. — *н'ас'óт, в'аз'óт, кладз'óт, жн'от, γрабйóт*; *н'ас'é, кладз'é, жн'е, жыв'é, γраб'é, с'ачé*; *н'ас'éц', жыв'éц', жн'ец'*; и форм 2 л. мн. наст. — *н'ис'иц'ó//н'ас'óц'а, в'идз'иц'ó, кладз'иц'ó//кладз'óц'а, идз'иц'ó//идз'óц'а, жн'иц'ó//жн'óц'а* [ДАБМ, каментарыі: 612, 619]; говор с. Озерщина Гомельской области Речицкого района, нас. п. № 909, формы 1 л. мн. наст. — *н'есóм, в'едóм* (но и: *идз'óм*) при наличии форм 3 л. ед. наст. — *н'ес'é, в'ез'é, кладз'é* [Там же: 606, 613]; говор с. Волосовичи Гомельской области Чечерского района, нас. п. № 924, формы 1 л. мн. наст. — *н'асóм, в'адóм, кладóм, идóм, жном, завóм, γрабóм, прападóм* (но и *идз'óм*) при наличии форм 3 л. ед. наст. — *н'ас'éц', в'аз'éц', кладз'éц', идз'éц', жн'ец', γраб'éц'*; *н'ас'é, в'аз'é, б'ар'é, идз'é, жн'е* [Там же: 606, 613]; говор с. Малков Гомельской области Ветковского района, н. п. № 930, формы 1 л. мн. наст. — *в'адóм, кладóм, жном, γрадóм* (но и *н'ас'óм*) при наличии форм 3 л. ед. наст. — *н'ас'é, в'аз'é, кладз'é*; *идз'éц', жн'ец', γраб'éц'* [Там же: 607, 613]; говор с. Комаричи Могилевской области Быховского района, н. п. № 593, формы 1 л. мн. наст. — *н'асóм, пан'асóм, пасóм* (но и *н'ас'óм, вадз'óм, кладз'óм, идз'óм, γраб'óм*) при наличии форм 3 л. ед. наст. — *н'ас'é, кладз'é, жыв'é, шуγн'é*; *н'ас'éц', в'аз'éц', γраб'éц', с'ачéц', б'арéц'* [Там же: 606, 612]. Однако, как следует из приведенных примеров, в данных говорах процесс унификации основы в форме 1 л. мн. наст. по твердому варианту основы в формах 1 л. ед. и 3 л. мн. наст. еще не проведен последовательно, о чем свидетельствует наличие вариативных форм 1 л. мн. наст. с твердым и мягким исходом основы, употребляющихся в рамках одной и той же ЧДС. К сожалению, диалектными материалами, подтверждающими полное завершение аналогического выравнивания основы только в форме 1 л. мн. наст. по твердому варианту и формирование в связи с этим новой морфонологической характеристики в словоизменительной модели глагола (т. е. <Т ~ Т'> = <1 л. ед., 1 л. мн., 3 л. мн.> ~ <2–3 л. ед., 2 л. мн.>), мы не располагаем, хотя, несомненно, такие говоры имеются (ср. приведенные выше примеры из [Нарысы 1964: 236]; см. также [ВСИ 1995: 52]).

Следует при этом отметить очень интересную закономерность: в тех говорах, в которых вариант с твердым согласным в исходе основы зафиксирован (из «средних» форм) в одной лишь форме 1 л. мн. наст., тематический гласный в ней может быть реализован только гласным [о] под ударением. Если же твердый согласный основы в форме 1 л. мн. наст. оказывается перед ударным гласным [е] (например, *нысéм//нысéмо*), то и во всех остальных формах парадигмы настоящего времени в исходе основы будет представлен твердый согласный (т. е. *нысý, нысéш, нысé, нысéмо, нысытé, нысýт*).

Белорусские диалектологи наличие твердых согласных в позиции перед передними гласными (или их непередними рефлексами) только в одной лишь форме 1 л. мн. наст. в глаголах I спряжения объясняют проявлением процесса выравнивания глагольной основы по формам 1 л. ед. и 3 л. мн. наст. и справедливо полагают, что эта черта является яркой специфической осо-

Карта № 5. Твердость-мягкость конечного согласного основы в глагольной форме 1 л. мн. наст.

Условные обозначения

1) **[t']** — *н'ес'ém*, *н'ес'óм*; *вóз'им*; *н'ес'émo* и др.;
2) **[t]** — *несéм*, *несóм*; *вóзым*; *несéмо*, *вóзымо* и др.;
3) **[k]** — в формах типа *пекóм*, *береýóм*;
4) **[k']** — в формах типа *пек'óм*, *береý'óм*; *пек'ém*, *береý'ém*.

бенностью белорусского диалектного языка; другим восточнославянским языкам она не свойственна (непоследовательно данное явление известно некоторым крайним северным украинским говорам, см. выше).

Формы 1 л. мн. наст. от глаголов I спряжения с исходом основы на *твердый* согласный образуются в белорусском языке со следующими флексиями (и «классными показателями»): -[о́-м] — *идо́м//идо́м, н'ас́о́м, жном, жывом, ўрабо́м, п'ако́м, с'ако́м, стрыўо́м* (такие формы употребляются в говорах сел, расположенных прежде всего на юге Брестской области и в бассейне р.Припять, а также в достаточно большом регионе, идущем от Минска на юг и юго-восток и охватывающем Гомельскую область, юго-западную часть Могилевской области и южную часть Минской области [Нарысы 1964, карта № 22; ДАБМ, карты №№ 150, 158; ДАБМ, каментарыі: 611–614; ВСИ-1995: 52 и карта на с. 44 — ареалы № 2 и № 4); -[а-м] — *кра́дам, накра́дам, ста́нам, бу́дам, мо́ўам, ка́ўам* (Брестская и Гродненская области [Нарысы 1964: 237, 259, 266]); -[о-м] — *йе́дом, бу́дом, ста́ном* (южные районы Гомельской области), *ко́ўом* (бассейны рек Припять и ее притоков Случи, Птичи, Горыни и Уборти) [Там же: 236, 261, 266]; -[е́-м] — *нысе́м, выде́м, иде́м* (говоры на крайнем юго-западе вдоль южной государственной границы, см. [ДАБМ, карта № 150], отметим специально говоры таких сел, как: в Брестской области — с. Орехово Малорытского района, н. п. № 951; с. Замосце Дивинского района, н. п. № 955; с. Мохро Ивановского района, н. п. № 958; с. Рухче Столинского района, н. п. № 961; с. Нижние Жары Гомельской области Комаринского района, н. п. № 1027); -[а́-м] — *неса́м, веда́м, клада́м, веза́м, жнам, ида́м, hраба́м* [ДАБМ, говор с. Орехово Брестской области Малорытского района, н. п. № 951); -[е-м] — *ко́лем, сы́плем, ме́лем, по́лем* (говоры сел, расположенных на крайнем юге, в Брестской области: с. Крытышин Ивановского района, н. п. № 738; с. Страдечь Брестского района, н. п. № 946; с. Рухче Столинского района, н. п. № 961; с. Остров Пинского района, н. п. № 965; с. Нижние Жары Гомельской области Комаринского района, н. п. № 1027); -[ы-м] — *ме́лым, по́лым, дре́млым, сы́плым* (говоры сел, расположенных в Брестской области: с. Остромечево Брестского района, н. п. № 660; с. Горка Дрогичинского района, н. п. № 701; с. Крытышин Ивановского района, н. п. № 738; с. Богдановка Логишинского района, н. п. № 762; с. Хойно Пинского района, н. п. № 962); -[е́-мо] (чаще)//-[а́-мо] (реже) — *нысе́мо//ныса́мо, кладе́мо//клада́мо, жне́мо//жна́мо, везе́мо//веза́мо, выде́мо//выда́мо, йиде́мо//йида́мо* (говоры сел юго-западных районов Брестской области: с. Улица Дрогичинского района, н. п. № 698; с. Зосимы Кобринского района, н. п. № 690; с. Дубой Заречный Столинского района, н. п. № 773; с. Рухче Столинского района, н. п. № 961; с. Леплева Брестского района, н. п. № 949; с. Орехово Малорытского района, н. п. № 951; с. Хотислав Малорытского района, н. п. № 957; с. Замосце Дивинского района, н. п. 955); -[е-мо́] — *кладемо́, выдемо́, жнемо́, ўребемо́, идемо́* (говоры сел, расположенных в Пружанском, Антопольском, Жабинском районах Брестской области; в Комаринском районе Гомельской области — см. [Мацкевич 1959: 153; ДАБМ, карта № 150); -[о-мо́] — *н'есомо́, кладомо́, в'едомо́, жномо́, гребомо́* (такие формы отмечены в говорах юга Брестской области и в некоторых говорах Гомельской области, например, в нас. пп. №№ 976, 978 — см. [ДАБМ, карта № 150]); -[ы-мо] — *ме́лымо, ко́лымо, дри́млымо* (см., например, говоры сел Брестской области: с. Хмелево Каменецкого района, н. п. № 661; с. Ставы Высоковского района, н. п. № 662; с. Тельмы Брестского района, н. п. № 665; с. Тевли Кобринского района, н. п. № 691; с. Гирск Кобринского района, н. п. № 699; с. Горка Дрогичинского района, н. п. № 701; с. Хотислав Малорытского района, н. п. № 957, см. [ДАБМ, карта № 151]); -[е-мо] — *ме́лемо, по́лемо, ко́лемо, дры́млемо* (данные формы также отмечены в говорах Брестской области: с. Ляховичи Дрогичинского района, н. п. № 740; с. Стахово Столинского района, н. п. № 770; с. Дубой Заречный Столинского района, н. п. № 773; с. Страдечь Брестского района, н. п. № 946; с. Замосце Кобринского района, н. п. № 955 и мн. др.).

Приведем также формы 1 л. мн. наст., образованные от глаголов II спряжения, исход основы которых оканчивается на *твердые* согласные: -[ы-мо́] — *сыдымо́, спымо́, ўп'адымо́, дывымо́с'* (такие формы характерны для говоров Жабинковского, Каменецкого, Дрогичинского, Высоковского, Брестского, Кобринского, Ивановского, Антопольского и др. районов Брестской области, ср. говоры сел: Рясна, н. п. № 657; Залесье, н. п. № 658; Хмелево, н. п. № 661; Козловичи, н. п. № 664; Новоселки, н. п. № 689; Турно, н. п. № 693; Воротыничи, н. п. № 694 и др.); -[ы-мо] — *во́зымо, хо́дымо, ко́сымо, поса́дымо* (эти формы отмечены в говорах Брестского, Березовского, Каменецкого, Жабинковского, Малорытского, Ивановского, Дрогичинского и др. районов Брестской области, ср. говоры сел: Подречаны, н. п. № 656; Радваничи, н. п. № 703; Пески, н. п. № 721; Гошево, н. п. № 729; Застружье, н. п. № 734 и др.); -[ы-м] — *во́зым, хо́дым, ко́сым* (данные формы зафиксированы в говорах тех же районов Брестской области).

Приведенный материал свидетельствует о том, что формы 1 л. мн. наст. от глаголов I и II спряжений, характеризующиеся *твердым* согласным в исходе основы, отмечены на юге и юго-западе Беларуси. При этом интерес представляют собой многообразные (диалектные) морфологические и фонетические варианты. Вариативность этих форм в указанном компактном ареале обусловлена, во-первых, таким морфологическим фактором, как наличие разных флексий (*-м* и *-мо*), а во-вторых, — разнообразной фонетической реализацией «классного показателя» и различиями в акцентном контуре в форме 1 л. мн. наст. Указанные варианты в самых различных сочетаниях сосуществуют либо в одной и той же ЧДС (распределяясь и по разным возрастным группам, и по конкретным глаголам), но могут употребляться и в соседних ЧДС. Таким образом, в рамках одной и той же ЧДС могут быть зафиксированы сосуществующие варианты формы 1 л. мн. наст. от одного и того же глагола (например, *кладём*//*кладéмо*, *кóлем*//*кóлымо*), от разных глаголов (например, *кладём*//*кладéмо*, но только *жнем*, *несéмо*; *сыдымó*, но *вóзым*), в разных возрастных группах (например, *кладéмо* — в речи старшего поколения, *кладём* — в речи среднего и младшего поколения). Такое сосуществование различных форм образует внутрисистемные варианты. Варианты же, отмеченные в разных говорах (например, в ЧДС$_1$ — *кладём*, *вóзым*, в ЧДС$_2$ — *кладéмо*, *вóзымо*), представляют собой уже диалектное соответственное явление. В качестве иллюстрации сказанного приведем *вариативные* (в пределах одной и той же ЧДС!) формы 1 л. мн. наст. с твердыми согласными в исходе основы, образованные от глаголов I спряжения и зафиксированные в некоторых юго-западных белорусских говорах (см. [ДАБМ, каментарыі: 613–614, 617]): *кóлем*, *пóлем*; *несáм*, *ведáм*, *кладáм*, *везáм*, *идáм*, *жнам*, *hрабáм*; *нысéм*, *выдём*, *идём*; *кóлемо*, *пóлемо*; *несáмо*, *ведáмо*, *кладáмо*, *везáмо*, *жнáмо*; *стережéмо*, *сечéмо* — говор с. Орехово Брестской области Малорытского района, н. п. № 951; *нысéмо*, *выдéмо*, *кладéмо*, *идéмо*; *пóлымо*, *мéлымо*; *кóлемо* — говор с. Хостислав Брестской области Малорытского района, н. п. № 957; *ведём*, *кладём*; *hребáм*; *вадáмо*, *кладáмо*, *насáмо*, *идáмо*, *жнáмо*, *бы^{e}рáмо*; *дрымнамо*; *сыплемо*, *мéлемо*, *пóлемо*, *кóлемо* — говор с. Замосце Брестской области Дивинского района, н. п. № 955; *везём*; *пóлым*; *несéмо*, *сычéмо* — говор с. Богдановка Брестской области Логишинского района, н. п. № 762; *не^{ы}сём*, *вы^{e}дём*, *кладём*, *идём*, *жнем*, *урыбём*; *мéлем*, *пóлем*, *кóлем*; *не^{ы}сéмо*, *вы^{e}дéмо*, *кладéмо*, *идéмо*, *жнéмо*, *урыбéмо*; *мéлемо*, *пóлемо*, *кóлемо*; *урыбéмо* — говор с. Рухче Брестской области Столинского района, н. п. № 961; *уребóм*; *сцеражéм*, *несéмо*, *везéмо*, *кладéмо*, *пы^{e}чéмо*; *мéлемо*, *пóлемо*, *кóлемо* — говор с. Дубой Заречный Брестской области Столинского района, н. п. № 773; *идём*, *кладём*, *жнем*, *ур'ребём*, *сечём*; *жывóм*; *мéлем*, *пóлем*, *кóлем*; *идéмо*, *ур'ебéмо*; *мéлемо*, *пóлемо*, *кóлемо*; *кладéмо* (флексии -[мó], -′[мо] и -′-[мо] отмечены в речи старшего поколения) — говор с. Нижние Жары Гомельской области Комаринского района, н. п. № 1027.

Обращаясь к вопросу о наличии в белорусских говорах в форме 1 л. мн. наст. основы с твердым или мягким согласным в исходе, нельзя не обратить внимания на то, что в рамках одной и той же ЧДС глаголы I спряжения с фиксированным наконечным ударением и с подвижным или наосновным ударением могут иметь разные реализации консонантного исхода основы с точки зрения твердости-мягкости, хотя какая-то закономерность в выборе того или иного согласного, возможно, и усматривается. Так, в формах с наконечным ударением от глаголов I спряжения находим твердые согласные (например, *несóм*, *кладéмо*), в формах же с наосновным ударением употребляются мягкие согласные (например, *м'ёл'ем*, *дрéмл'имо*). Данное обстоятельство может свидетельствовать о том, что в позиции перед ударными гласными переднего ряда мягкие согласные легче (быстрее) утрачивают свою палатальность по сравнению с мягкими согласными, находящимися в позиции перед безударными гласными переднего ряда. Приведем некоторые примеры: говор с. Усохи Гомельской области Тереховского района, н. п. № 942 — *н'асóм*, *в'адóм*, *идóм*, *жном* (но и *ураб'óм*) и *м'ёл'ам*, *пóл'ам*, *кóл'ам*; *м'ёл'им* (см. [ДАБМ, каментарыі: 613, 617]); говор с. Приболовичи Гомельской области Лельчицкого района, н. п. № 976 — *н'есóм*, *клодóм*, *идóм*, *плетóм*, *зовóм*, *ж'ивóм*; *н'есóмо*, *кладóмо*; *жном* и *кóл'ом*, *пóл'ом*, *м'ёл'ом* (см. [Там же: 613, 617]) и мн. др.

Следует, однако, подчеркнуть, что отмеченное явление вряд ли можно считать фонетической закономерностью. Во-первых, это явление проведено в современных белорусских говорах непоследовательно, а во-вторых, — оно ограничено определенным набором согласных (так, сохранение мягкости наблюдается только у [л'] и в глаголах, имеющих исконно мягкие основы).

В центральных и северо-восточных белорусских говорах глагольные основы в форме 1 л. мн. наст. оканчиваются на мягкий согласный. Этот ареал примыкает к ареалу русских говоров, в которых также в исходе основы глагольных форм 1 л. мн. наст. употребляется мягкий согласный.

III. Реализация «тематического гласного» (= «классного показателя») в форме 1 л. мн. наст. глаголов I спряжения с наконечным ударением

(см. также [Попова 2005]).

Современные восточнославянские диалекты различаются между собой и по реализации тематического гласного в форме 1 л. мн. наст. глаголов I спряжения с ударением на этом тематическом гласном. Релевантным в данном различении (противопоставлении) является наличие в одних говорах лабиализованного гласного [о] (например, *н'ес'о́м*, *н'есо́м)* и нелабиализованного гласного [не-о] (например, *несе́м*, *неса́м*, *неси́м*...), — в других. См. карту № 6 (с. 136).

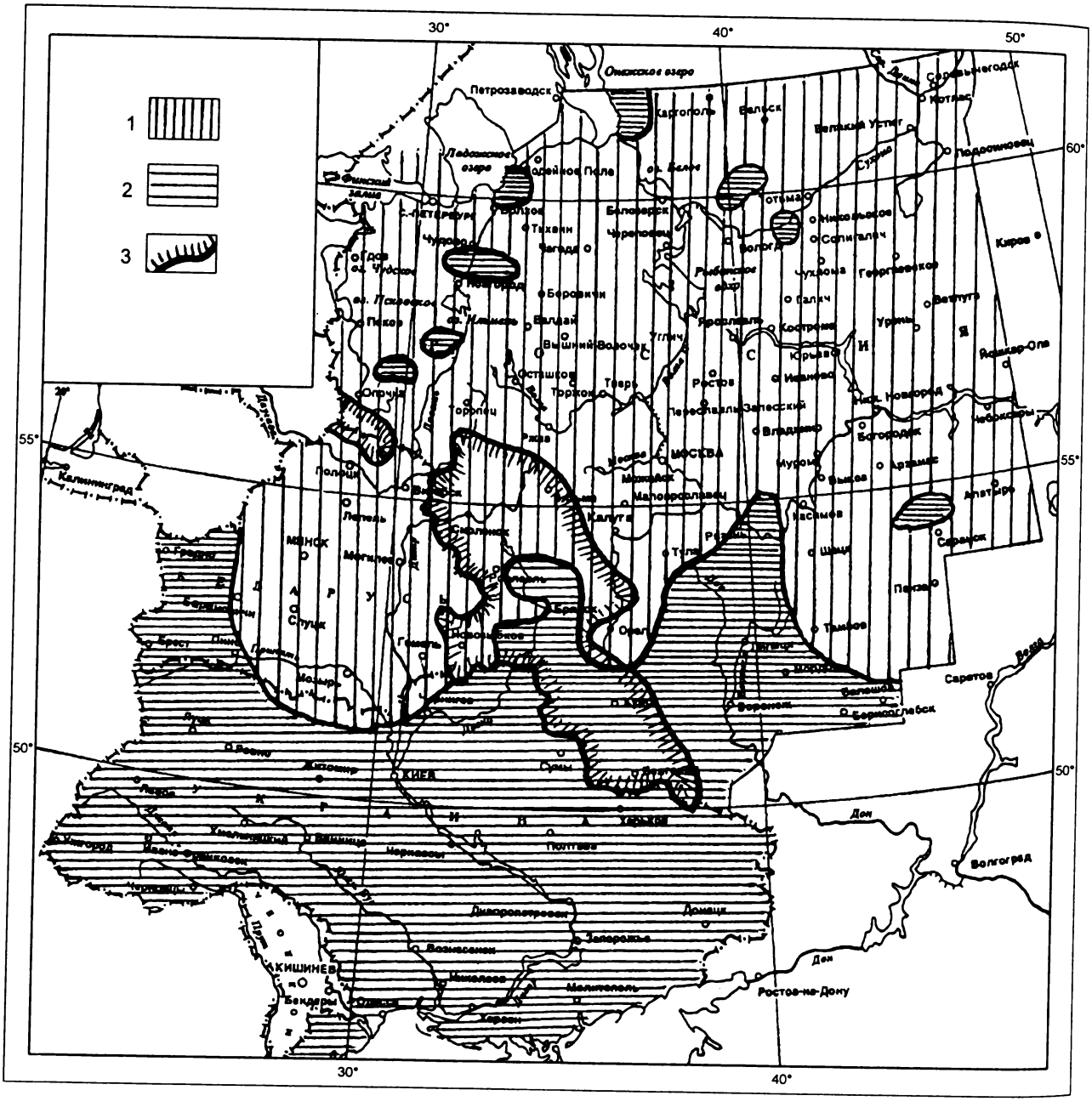
Те говоры, в которых глаголы I спряжения с наконечным ударением имеют в форме 1 л. мн. наст. акцент на гласном флексии /мо/ или /ме/ (т. е. *несемо́*, *несеме́*), в указанном противопоставлении не участвуют. Очень редко встречаются говоры, в которых в форме 1 л. мн. наст., образованной либо от глаголов I спряжения, но с наосновным или подвижным ударением, либо от глаголов II спряжения с наконечным ударением, находим на месте «классного показателя» лабиализованный гласный [о] (например, *ко́л'ом*, *сп'ом*, *с'ад'з'о́м*). Эти случаи будут оговорены особо.

Известно, что переход [е > о] в восточнославянских диалектах имел место после падения редуцированных. Однако он не был общевосточнославянским явлением и протекал в диалектах, переживших его, поразному и неодновременно (см. [Орлова 1970: 27]). Кстати, и падение редуцированных проходило в восточнославянских диалектах в разное время, распространяясь по восточнославянской территории с юго-запада на северо-восток (см., например, об этом в [Шахматов 1915; Трубецкой 1987]), см. также [Шевельов 2002: 335], который специально отмечает, что раньше всего этот процесс охватил украинские говоры (начало XII в.), затем белорусские и, наконец, русские (XIII в.).

Напомним, что в позднепраславянском (дописьменном) периоде гласный [о] употреблялся после твердых согласных. В позициях после согласных переднеязычного и средненебного ряда (т. е. [j, l', n', r'] и шипящих) он перемещался вперед и делабиализировался: **selo*, но **pol'e*, **ž'enojǫ*, но **zeml'ejǫ*. В древнерусский период после вторичного смягчения согласных, т. е. появления на месте полумягких новых палатальных согласных, и — позднее — после падения редуцированных многие диалекты древнерусского языка пережили как бы противоположное описанному явление, а именно — фонетически обусловленное изменение [е > о], когда гласный [е] после мягких согласных (как старых, так и новых), оказавшись в позиции перед твердыми согласными, переходил в [о], в позиции же перед мягкими согласными сохранял свое исконное звучание. По этому поводу С. Б. Бернштейн писал: «...переход /е/ в /о/ мог иметь место только после завершения эпохи силлабем, после завершения фонологизации твердых и мягких согласных. А в эту эпоху исконная мягкость и мягкость новая уже не различались. В положении перед /е/ все согласные были мягкими» [Бернштейн 1961: 278]. Таким образом стали возможными и постепенно широко распространились по говорам древнерусского языка сочетания мягких (палатальных) согласных с последующим [о]. К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев справедливо отмечают, что «лабиализация ['е] после мягкого согласного (исконного или вторичного), связанная с отодвижением гласного в более заднюю зону образования, означала важное изменение во всей системе языка, так как создавала возможность появления слога новой структуры, являющегося сочетанием согласного с последующим лабиализованным гласным среднего подъема, т. е. слога типа *t'o*. Такое изменение не могло ограничиваться лишь положением после исконно смягченных согласных, а должно было затронуть положение после смягченного согласного любого происхождения. Это изменение, очевидно, активно происходило после падения редуцированных, прежде всего в новых закрытых слогах под влиянием последующего твердого согласного. Именно в этот период твердые согласные теряли свой лабиовелярный характер, изменяясь в велярные звуки. При изменении согласный передавал лабиальность предшествующему гласному [е]» [Горшкова, Хабургаев 1997: 94].

Результаты наиболее последовательного изменения ['е > 'о] на территории восточнославянских языков находим в говорах Ростово-Суздальской земли, на основе которых позже сформировалась диалектная зона центра как русского, так и всего восточнославянского диалектного пространства. Многочисленные факты отсутствия данного изменения или факты непоследовательного его проявления характеризуют периферийные севернорусские говоры, в частности, те, которые генетически связаны с диалектом Древнего Новгорода и его области, а также периферийные южнорусские говоры. В украинских и южнобелорусских говорах, примыкающих к указанным южнорусским говорам и представляющим юго-западную периферию Восточной Славии, изменение [е > о] было отмечено

Карта № 6. Реализация тематического гласного (= «классного показателя») в форме 1 л. мн. наст. лабиализованным или нелабиализованным гласным ([о] или [не-о])

Условные обозначения

1) **[о]** — *п'ес'о́м, несо́м; по́л'ом; с'адз'о́м* и др.
2) **[не-о]** — *п'ес'е́м, нысе́м, по́л'ем, по́лем, с'адз'и́м, сыды́м, п'ес'е́мо, несо́мо* и др.
3) — зона диссимилятивного аканья на русской территории (см. [ДАРЯ, 1, карта № 2]).

только в позиции после шипящих и [j] (см. [Там же: 92–96]). (Кстати, относительно украинского языка существует мнение, что еще до падения редуцированных наличие [е] или [о] в зависимости от твердости–мягкости последующего согласного, — ср. *пшеница*, *челядь*, но *пшоно* — первоначально утвердилось в полесско-киевском регионе; впоследствии это явление распространилось в белорусских, а затем и в русских говорах. Однако в XVI–XVII вв. в центральных и северноукраинских говорах гласный [о] < [е] стал употребляться не только после исконно мягких (например, средненебных, шипящих) — *жона*, но и после других (палатализованных) согласных — *льон* [Шевельов 2002: 206–208].)

При рассмотрении реализации «тематического гласного» («классного показателя») в форме 1 л. мн. наст. глаголов I спряжения с наконечным ударением в восточнославянских диалектах (где наличие [е] или [о] можно рассматривать и как фонетическое явление — в одних диалектах, и как явление, обусловленное морфологической аналогией, — в других) важно учитывать, что эта форма, имеющая на месте «тематического гласного» либо [о], либо [не-о], может быть членом *разных* словоизменительных моделей, таких, например, как: 1) все «средние» формы парадигмы наст.вр. данных глаголов (в том числе и формы 1 л. мн. наст.) характеризуются наличием ударного гласного [о]; 2) гласный [о] находим лишь в форме 1 л. мн. наст.; в остальных «средних» формах произносится нелабиализованный гласный; 3) все «средние» формы парадигмы наст.вр. (в том числе и форма 1 л. мн. наст.) имеют на месте «классного показателя» нелабиализованный гласный; 4) к форме 1 л. мн. наст. с [о] могут присоединяться и другие (разные в разных говорах) «средние» формы парадигмы наст. вр. (например, *н'ес'ém'*, *н'ес'ет'é*, но *н'ес'óш*, *н'ес'óм*; или *н'ес'ет'é*, но *н'ес'óш*, *н'ес'óт*, *н'ес'óм* и т. п.). Однако мы в данном описании рассматриваем реализацию «классного показателя» лабиализованным или нелабиализованным гласным в одной лишь форме 1 л. мн. наст. и не касаемся вопроса о том, в какую конкретно словоизменительную модель (=парадигму настоящего времени) входит в каждом отдельном говоре данная форма.

Русский язык

Говоры русского языка в подавляющем своем большинстве имеют [о] в форме 1 л. мн. наст. глаголов I спряжения с фиксированным наконечным ударением. Это прежде всего говоры севернорусского наречия, среднерусские говоры, а также говоры на севере и востоке ареала с аканьем (в Тамбовской, Тульской, Калужской, Орловской, Рязанской областях, на Дону и на Кубани) — см. [Обнорский 1953: 104–105; Орлова 1970, карта № 4]. В остальных говорах, в основном, южнорусских, находим либо [е] (*н'ес'ém*) — в одних говорах, либо [о] (*н'ес'óм*) — в других, либо варианты с [е] и [о] (*н'ес'ém*//*н'ес'óм*) — в пределах одного и того же говора, см. [ДАРЯ-II, карта № 82; Орлова 1970, карта № 4]. Однако в современном русском языке отсутствие перехода [е > о] в форме 1 л. мн. наст. отмечено не только в южных говорах, но и в западных, а также в некоторых северо-западных и северо-восточных говорах. При этом В. Г. Орлова, ставя специально вопрос о том, можно ли объединять судьбу ударного [е] в формах парадигмы настоящего времени глаголов I спряжения с рядом других примеров, иллюстрирующих чисто фонетическое явление изменения [е > о], решает его положительно: «поводом для включения вопроса о произношении /е/ или /о/ в глагольной флексии в рассмотрение процесса изменения /е/ в /о/ дает характер распространения соответствующих глагольных форм. Ареалы употребления ударенного тематического гласного /е/ в том или ином кругу форм глагола... по общему местоположению связаны с той же территорией, что и распространение реликтовых случаев произношения /е/ под ударением в корнях слов» [Орлова 1970: 26]. В действительности же следует отметить, что в настоящее время данные два ареала совпадают далеко не полностью (см. [Там же, карты №№ 3, 4]): на южной части территории наблюдается весьма последовательное распространение глагольных парадигм с [е], не перешедшим в [о]; что касается северной территории, то случаи с непереходом [е>о] чаще встречаются в говорах ее северо-западной части, и наличие [е] здесь относится явно к «остаточным» явлениям (см. [Там же: 26]).

Вполне естественно, что на территории распространения русского языка наибольший интерес представляет именно сохранение старого [е] в позиции под ударением перед твердым согласным (в частности, в глагольных формах 1 л. мн. наст.). Как справедливо отмечает В. Г. Орлова, явление наличия [е] в указанной позиции на территории распространения русского языка носит в настоящее время «реликтовый» характер; отмечено оно в мелких разрозненных ареалах и в основном на периферии русского диалектного пространства [Там же: 22].

Вопросу реализации тематического гласного в парадигме настоящего времени глаголов I спряжения в

свое время большое внимание уделил С. П. Обнорский. Так, он писал: «В старорусском тип спряжения должен был представляться формами *несеши* > *несеш* > *несёш*, *несет'* > *несет* > *несёт*, *несем* > *несём*, *несете*, т. е. всюду, кроме 2 л. мн. ч., к XIV–XV вв. должны были явиться лишь формы на *о*. Отсюда естественная почва для вытеснения и во 2-м л. мн. ч. основы *несе* через *несё*, что мы находим в современном литературном языке» [Обнорский 1953: 104–105]. С. П. Обнорский подчеркивал, что «в имеющемся диалектном материале нет единства в отражении данной черты всей системой современного цельного русского языка, объяснение чему надо искать в прошлом самого языка» [Там же: 105]. Он считал, что в основе наличия перехода [е > о] в одних говорах и отсутствия этого перехода в других лежит фонетический закон изменения [е > о] после мягких и шипящих согласных перед твердыми. Диалектные материалы, которыми он располагал, позволили (правда, достаточно приближенно) выделить на современном русском диалектном пространстве зоны с [о] в «средних» формах парадигмы настоящего времени глаголов I спряжения (это севернорусские и среднерусские говоры, а также в пределах южнорусского наречия — говоры на севере и востоке ареала с аканьем, расположенные в Тамбовской, Тульской, Калужской, Орловской, Рязанской губерниях и в Донской и Кубанской областях) и зоны с [е] (это в южнорусском наречии диссимилятивно акающие говоры в Смоленской губернии и в некоторых уездах Калужской, Тамбовской, Тульской, Орловской и Рязанской губерний, а также отдельные говоры в севернорусском наречии). Особый интерес вызывает наличие в полосе аканья, с одной стороны, говоров, глагольные парадигмы настоящего времени которых имеют на месте тематического гласного лабиализованные звуки типа [о], и с другой, — говоров с тематическим гласным, реализованным нелабиализованными звуками типа [е]. Пытаясь найти объяснение этому факту, С. П. Обнорский обратил внимание на отсутствие перехода [е > о] в диссимилятивно акающих говорах и высказал гипотезу о существовании в прошлом в этих говорах особого узкого и полудолгого [е], который не мог измениться в [о]. В других же акающих говорах, в которых мы находим как [е], так и [о] в данной позиции, гласный [е], по-видимому, никогда не был узким звуком и поэтому в ряде случаев «в результате непрерывного воздействия на периферию из центра, из Московской округи, где были вообще лишь формы на *о*, акающие говоры могли усваивать *о*» [Там же: 106, 107, 109]. Для понимания механизма появления нефонетических новообразований с [о] и сохранения в большинстве случаев форм с [е] в акающих говорах С. П. Обнорский предлагает следующие схемы этих процессов: 1) в одних говорах наличие гласного [о] является органичным для форм 2 л. ед. и 1 л. мн. наст., а в формах 3 л. ед. и 2 л. мн. наст. появление этого звука обусловлено аналогией в результате выравнивания основ; 2) в других говорах — наличие [е] в формах 2 л. ед., 3 л. ед. и 2 л. мн. — закономерно, в форме же 1 л. мн. наст. этот гласный является аналогическим новообразованием [Там же: 106]. Он приводит следующие примеры из акающих говоров с различным соотношением гласных [е] и [о]: 1) только [е] — *несешь*, *несем*... (Скопинский уезд Рязанской губернии); 2) варианты [е]//[о] — *несем*//*несём*, *несешь*//*несёшь* (в говорах многих сел в Тульской, Калужской, Курской, Рязанской, Воронежской, на севере Орловской губерний); 3) гласный [о] только в форме 1 л. мн. наст., в остальных формах парадигмы настоящего времени — гласный [е] (в говорах сел Ельнинского, Медынского, Мосальского, Сапожковского уездов): по мнению С. П. Обнорского, здесь сохраняется старейшая система с соотношением форм на [о//е] в зависимости от положения перед твердым или мягким согласным (см. [Там же: 106–107]); ср. также положение в некоторых юго-восточных белорусских говорах, о чем говорилось ранее (см. с. 131).

Большой интерес вызывают и случаи наличия в глагольных формах гласного [е] в севернорусских говорах (т. е. в ареале с оканьем), которые С. П. Обнорский склонен считать «отражением старины» [Там же: 108]. Он приводит примеры с [е] (и не только в формах 1 л. мн. наст., но и в других формах парадигмы настоящего времени) из некоторых говоров крайней северной и восточно-новгородской диалектных групп: *сойдетця*, *деретця* (Архангельский, Онежский, Тотемский, Сапожковский, Новгородский уезды); *идем*, *бьесся*, *иде*, *жге*, *идете* (Вытегорский уезд); *ведешь*, *ведем*, *ведете*, *ведеть* (Олонецкий уезд); *идет*, *идем* (Вологодская губерния); *идет*, *идем*, *дерешься*, *деремся*, *берется* (Грязовецкий уезд); *идет*, *идем* (Тотемский уезд); *даеш*, *дает*, *даем*, *даете* (Боровичский уезд) и др. (см. [Там же: 107–108]).

В результате анализа диалектного материала по реализации «тематического гласного» в парадигме настоящего времени глаголов I спряжения С. П. Обнорский делает следующий вывод: «Формы на *е* следует считать органическими лишь для территории исконного диссимилятивного аканья и для незначительных пунктов в черте севернорусских говоров, относя ко

всей прочей территории русских говоров лишь формы на *о*. Формы на *о* в пределах старого диссимилятивного аканья — пришлые формы, как след воздействия с севера среднерусских говоров, в частности, Московской округи, литературного языка (ср. *е* в речи женщин в Рязанской губ.)» [Там же: 109].

Сопоставление карт ДАРЯ (т. I, № 2 «Гласный не *а* на месте *о* и *а* в первом предударном слоге при диссимилятивном аканье», и т. II, № 82 «Фонема <е> в ударенных окончаниях 2-го и 3-го лица единственного числа и 1-го и 2-го лица множественного числа глаголов I спряжения с основой на парный твердый согласный») подтверждает наблюдение С. П. Обнорского относительно совпадения в основных чертах ареалов распространения в южнорусских говорах диссимилятивного аканья, с одной стороны, и отсутствия результатов изменения [е > о] (т. е. реализации «классного показателя» нелабиализованным гласным типа [е]) хотя бы в одной из «средних» форм парадигмы настоящего времени, с другой; но следует отметить, что ареал с [е] в глагольных формах оказывается несколько шире ареала с диссимилятивным аканьем за счет продвижения на восток данной характеристики глагольных парадигм (это елецкие, оскольские, южнотульские и восточно-брянские говоры).

С разными артикуляционными свойствами гласных [е] и [о] в севернорусских и южнорусских говорах связывают в какой-то степени наличие и отсутствие изменения ['е > 'о] в этих говорах К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев. Так, в тех южнорусских говорах, которые *не пережили* данного изменения, гласный [е] был, по их мнению, тембрально неоднородным, имел *и*-образный призвук и согласные перед ним были постоянно смягчены [Горшкова, Хабургаев 1997: 92]. Иной характер имели гласные [е] и [о] в тех периферийных севернорусских говорах, в которых, на фоне повсеместного [о], отмечены спорадические случаи *сохранения* исконного [е] и отсутствие его изменения в [о]: в этих говорах фиксируется слабая лабиализованность [о], тембральная однородность [е] и возможность неполного смягчения согласных перед [е] (см. [Там же: 93]). Интересно привести здесь следующее соображение Н. С. Трубецкого: «В великорусских говорах с дифтонгами особенно часты случаи сохранения старого *е* (из *е*, *ь*) перед твердыми согласными»; этот факт «находит объяснение именно в том, что смягчение согласных перед *е* в этих говорах вообще первоначально было ослаблено, а для перехода *е* в *ё* непременным условием является смягчение, притом сильное, предшествующей согласной» [Трубецкой 1987: 431]. Кстати, рассматривая переход [е > о] в общеславянском масштабе, Л. Э. Калнынь пришла к выводу о синтагматической природе этого явления, а именно — о воздействии последующего твердого согласного на предшествующий гласный, проявляющемся в передвижении гласного к заднему ряду и в его лабиализации. В тех говорах, в которых в позиции *t'*-*t* синтагматическое значение твердого согласного было выше, чем значение предшествующего мягкого согласного, имело место изменение [е > о]. Наличие такого изменения свидетельствует об ослаблении контактной связи гласного с предшествующим согласным и усилении антиципации следующего твердого согласного (дистактная связь) [Калнынь 2001: 42–43].

В. Г. Орлова, специально изучавшая явление наличия/отсутствия перехода [е > о] в парадигме настоящего времени глаголов I спряжения с фиксированным наконечным ударением (в том числе и в форме 1 л. мн. наст.) в русских говорах по материалам ДАРЯ (см. [Орлова 1970: 22–28]), считает случаи с [е], как уже указывалось выше, реликтовым явлением, характеризующим южные, юго-западные и северные периферийные говоры (в центральных говорах находим регулярное изменение [е > о]). При этом она отмечает на южной территории весьма последовательное употребление гласного [е] в «средних» формах парадигмы настоящего времени и выделяет две разновидности глагольных парадигм с гласным [е], не изменившимся в [о]: 1) одна характерна для говоров западной территории (это Великолукская и Смоленская области и западная часть Брянской области); в указанных говорах преобладает парадигма с чередованием [е]//[о]: *не*[*сé*]*шь*, *не*[*сé*]*ть*, *не*[*се*]*мé*, но *не*[*с'ó*]*м* (и реже *не*[*сé*]*м*); 2) другая характеризует говоры собственно южных и юго-восточных территорий с преобладающим употреблением гласного [е] во всех формах парадигмы настоящего времени. На севере (прежде всего в его северо-западной части) гласный [е], отмеченный чаще всего в единичных глагольных формах парадигмы настоящего времени, встречается лишь в отдельных говорах, образующих по этому признаку мелкие разорванные ареалы. В. Г. Орлова высказывает предположение, что на юге сохранению гласного [е] «в любом количестве глагольных форм должна была содействовать общая задержка в изменении гласного [е] под ударением». Характеризуя переход [е > о] на русской территории как фонетическое явление, она специально подчеркивает, что «в составе русского языка были говоры, в которых этот переход наметился сразу после падения редуцированных, но с другой сто-

роны также и говоры, в которых он намечался значительно позднее. Возможно, что в части говоров он отсутствовал совсем, а позднее возникал под воздействием говоров, развивших это изменение в более раннее время» [Орлова 1970: 27]. Оценивая результаты изменения [е > о] в севернорусских говорах, В. Г. Орлова делает следующие выводы: 1) по времени изменение [е > о] более поздним было, видимо, в говорах новгородского происхождения; 2) это явление в настоящее время на севере носит явные следы процессов междиалектного взаимодействия; 3) в современных северных говорах изучаемые формы находятся в остаточном состоянии [Там же: 26, 27].

Как видим, В. Г. Орлова, в отличие от С. П. Обнорского, К. В. Горшковой, Г. А. Хабургаева и Л. Э. Калнынь, не связывает разную судьбу гласного [е] (перешедшего и не перешедшего в [о]) с его артикуляционно-акустическими характеристиками и с синтагматическими особенностями предшествующего гласному [е] и последующего согласных.

Таким образом, данный вопрос в русской исторической диалектологии до сих пор остается дискуссионным. По этому поводу Л. Л. Касаткин пишет: «Отсутствие перехода *е* в *о* в глагольных окончаниях отмечено во многих русских говорах, южнорусских и севернорусских. По неизвестным для нас причинам в этих говорах процесс перехода *е* в *о* остановился, не охватив эти морфы» ([Касаткин 1999: 374]; см. также: [Там же: 371–375]).

Украинский язык

Из трех восточнославянских языков украинский язык в отношении реализации «классного показателя» в форме 1 л. мн. наст. глаголов I спряжения с наконечным ударением представляет наиболее однообразную картину. Только в среднеполесском ареале, в говорах сел, которые расположены на крайнем севере, вдоль государственной границы с Беларусью (в основном, в Чернобыльской зоне), формы 1 л. мн. наст., образованные не только от глаголов I, но и II спряжения, могут иметь лабиализованный гласный [о] (как в позиции под ударением, так и в безударном положении): *берóм*, *сп'ом*, *кáжом*. Как указывалось выше, гласный [о] употребляется преимущественно в формах с флексией *-м*; поэтому в одной и той же ЧДС могут сосуществовать такие варианты, как *б'ерóм*, но *б'ерéмо*; *кáжом*, но *кáжемо*; *сп'ом*, но *сп'імó*. Однако формы с [о] встречаются в украинских говорах достаточно редко, как правило, от единичных глаголов и только с флексией *-м* (зафиксированы лишь редчайшие формы, образованные от возвратных глаголов, с тематическим гласным [о] и с флексией *-мо*, например, *колúшомос'*); тематический же гласный, выраженный нелабиализованным звуком (например, [е, е^{и}, и, і]), отмечен в данной узкой полосе северных среднеполесских говоров в форме 1 л. мн. наст. с флексиями *-м* и *-мо*, образованной от любого глагола I и II спряжений. Украинские говоры, в которых возможен гласный [о], сосуществующий в качестве варианта с более распространенным нелабиализованным гласным (например, *б'ерóм//б'ерéм//б'ерéмо*, *кáжом//кáжем//кáжемо*), вплотную примыкают к южным белорусским говорам, в которых также употребляются вариативные формы 1 л. мн. наст. с [о] и [е].

Как известно, в украинском языке в большинстве его говоров отсутствует явление изменения [е > о] в позиции после мягких согласных перед твердыми, отмеченное в других восточнославянских языках, где оно возникло после падения редуцированных. Г. Ю. Шевелев, на основании показаний памятников письменности и данных современной диалектологии, полагает, что первоначальная дистрибуция гласных **о* и **е* после средненебных и **j* сохранилась в украинских говорах лишь отчасти. До XIII в., по-видимому, можно говорить о наличии трех диалектных зон, различающихся между собой рефлексами этих гласных. Это: 1) северная и северо-восточная зона (Полесье и Киевщина) с [е] перед мягкими согласными и [о] во всех остальных случаях (например, *пшениця*, *челядь*, но *пшоно*, *вчора*); 2) Галичина и Подолье с [е] во всех позициях (что сохранялось, видимо, вплоть до XVII в.); 3) Волынь и южная Берестейщина с гласным [æ] во всех позициях (который в XVII в., возможно, изменился в [а], например, *двáрі*, *васнá*, *чарвóний*) [Шевельов 2002: 205–212].

В памятниках письменности по традиции находим во всех позициях букву ***е*** независимо от традиционного произношения. Но с XVI в. появляются и формы с ***о*** (например, в Одреховской грамоте 1573 г. — ***жоноу***, а в Верковичском евангелии XIV в. регулярно встречаются с ***о*** и формы 1 л. мн. наст. — ***рєчомъ, можомъ, хощомъ***) (цит. по [Шевельов 2002: 195, 202]).

В дальнейшем, после падения редуцированных, украинский язык не пережил изменений [е > о], возможно, из-за частичного отсутствия смягчения согласных перед гласными переднего ряда. Современный украинский язык во всех говорах (за исключением некоторых пограничных с русскими, белорусскими, польскими и словацкими) имеет перед [е] (из **е*, **ь*,

*ę) и [и] (из *i) твердые согласные. Однако перед [і] из *ě (*л'íто, с'ім*), а также перед слабым *ь в конце слова (*ден' < *dьnь*) и [а] из *ę (*déc'am' < *desętь*) употребляются мягкие зубные согласные.

В украинистике единое мнение о том, имело ли место в истории украинского языка смягчение согласных перед гласными переднего ряда, отсутствует. Такие ученые, как, например, А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, А. Е. Крымский, Е. Ф. Карский, Т. Лер-Сплавинский, Н. Н. Дурново, Н. С. Трубецкой, представители «Московской школы» решают этот вопрос положительно и убедительно доказывают вторичность украинского отвердения согласных перед гласными переднего ряда. Например, Н. С. Трубецкой уверенно говорит об отвердении ранее палатализованных губных и зубных согласных перед «слоговыми гласными переднего ряда (после юго-западного падения глухих, но до ассимиляции *t'j* в *t't'*), которое без всяких видимых причин... так и не вышло за пределы малорусской области» [Трубецкой 1987: 157, 428]. А. А. Потебня, В. Ганцов, С. Смаль-Стоцкий и некоторые другие отрицают факт смягчения согласных перед гласными переднего ряда в украинском языке. Так, О. Н. Трубачев склоняется к мысли о том, что твердость украинских согласных перед *е* и *і* — это «древняя твердость, сохранившаяся на архаизирующих периферіях» [Трубачев 2000: 19]. Различных компромиссных позиций (например, что смягчались только зубные, или что данный процесс происходил по-разному в различных диалектах и т. п.) придерживаются Л. А. Булаховский, К. Михальчук, Г. Ю. Шевелев, Л. Э. Калнынь. Однако ни одна из существующих в науке точек зрения не имеет безусловной доказательности. Г. Ю. Шевелев, например, делает вывод, что в староукраинском периоде (по его периодизации, — это середина XI – конец XIV вв.), а возможно, и ранее, все согласные смягчались перед *ě (скорее всего еще в доисторическое время), перед *ę > [а] (вероятно, уже в середине X в.) и перед слабым *ь (вторая половина XII в.). Что касается качества согласных перед [е] из *е и *ь, перед [е] из *ę и перед [и] из *i и *y, то существуют доводы как признающие факт смягчения согласных в этих позициях, так и отрицающие его. Во всяком случае данные памятников письменности свидетельствуют о том, что автоматическое смягчение зубных (кроме [ц']) и губных перед гласными переднего ряда отсутствовало. Более того, и исконно мягкие *l' и *n' в конце XII – нач. XIII вв. перед гласными переднего ряда пережили процесс отвердения (их мягкость сохранялась только перед гласными непереднего ряда и в позиции конца слова). Однако единства в судьбе согласных перед гласными переднего ряда в украинских говорах нет. Так, в узкой полосе северных среднеполесских говоров, которые в период XVI – XVIII вв. были подвержены сильному влиянию белорусских говоров, полностью охваченных результатами смягчения согласных перед [е] (любого происхождения), также фиксируется наличие мягких согласных перед гласными переднего ряда [е] < *е, ь и [и] < *i (см. [Шевельов 2002: 229–254]), в отличие от остальных украинских говоров.

Специального внимания заслуживает точка зрения Л. Э. Калнынь, которая высказывает интересные соображения по поводу особой судьбы украинских согласных в позиции перед рефлексами передних гласных. В частности, она считает, что в одном и том же праславянском диалекте не все передние гласные одинаково влияли на предшествующие согласные (ср. судьбу согласных в украинском языке перед рефлексами *ě, *ę и слабого *ь, с одной стороны, и перед рефлексами *е, *i и сильного *ь, с другой): смягчение происходило перед напряженными гласными *ě и *ę и перед утрачивающимся слабым *ь в результате его антиципации; перед рефлексами же *i, *е и сильного *ь мягкость у согласных не развилась из-за того, что эти гласные не были напряженными, т. е. «в праукраинских диалектах в качестве приоритетного фактора, вызывающего смягчение согласных, выступала не просто локализация гласного в переднем ряду, а напряженность его артикуляции даже и при условии отодвинутости гласного в более заднюю зону. Рефлексы *i, *е, *ь не были напряженными, поэтому мягкость перед ними не развивалась» (см. [Калнынь 2001: 51–56]).

Кстати, заметим, что наличие смягчения согласных перед рефлексами *ě, *ę (давшего [а]) и слабого *ь роднит украинский язык с остальными восточнославянскими языками; отсутствие же последовательного смягчения согласных перед рефлексами *е, сильного *ь, *ę (перешедшего в [е]) и *i, а также отвердение исконно мягких *l' и *n' в ряде позиций отделяет украинский язык от русского и белорусского языков.

Таким образом, именно отсутствие результатов смягчения согласных перед передним гласным [е] разного происхождения в подавляющем большинстве говоров украинского языка явилось препятствием для его изменения в лабиализованный гласный [о]. В связи с этим нельзя безоговорочно согласиться с В. Г. Орловой, которая писала: «Наличие гласного /е/, а не /о/ после согласных вторичного смягчения в украинском языке правильнее, видимо, считать явле-

нием, связанным с более поздней утратой палатальности этими согласными» [Орлова 1970: 24]. Более правдоподобной представляется точка зрения К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаева, отмечающих, что «результаты изменения [е > о] после шипящих известны и по диалектам украинского и белорусского языков; однако в этих диалектах отсутствует изменение [е > 'о] после парных мягких согласных, а сами согласные перед [е] произносятся с неполной мягкостью». И далее: «Очевидно, в современных формах типа [л'ед] в русских говорах и диалектах украинского и белорусского языков не следует видеть делабиализацию и вторичное отвердение, а с достаточным основанием можно считать такие формы архаичными» [Горшкова, Хабургаев 1997: 93, 94].

Иная ситуация отмечается в крайних северноукраинских говорах, в которых наблюдаются результаты фонетического изменения [е > о] (в том числе и в глагольных формах 1 л. мн. наст.), что свидетельствует о том, что эти говоры пережили процесс смягчения согласных перед гласными переднего ряда. В настоящее время данная система (а именно — наличие мягких согласных перед гласными переднего ряда и гласного ['о] из ['е] в позиции перед твердыми согласными) разбалансирована: в ней прослеживаются следы междиалектного взаимодействия, результаты позднейшего отвердения согласных и последствия различных аналогических процессов. В качестве иллюстрации сказанного приведем некоторые примеры из двух говоров Чернобыльской зоны (рассматриваются глагольные формы 1 л. мн. наст. как с наконечным, так и с наосновным ударениями): с [о] — *снуйо́м*, *пом'йо́м*, *поб'йо́м*, *к'іда́йом*, *чепл'а́йом*, *бера́м*, *ідо́м*, *н'ecóм*, *ста́ном*, *тчом*, *ка́жом*; однократно отмечена форма *коли́шомос'*; с [е] — *дайе́м*, *пос'йе́м*, *помога́йем*, *соб'іра́йемос'*, *іде́м*, *бу́дем*, *везе́м*, *в'изме́м*, *побу́дем*, *т'а́гнем* (говор с. Денисовичи Полесского района Киевской области); с [о] — *побйо́м*, *ск'іртую́м*, *зло́жуйом*, *зб'і́райом*, *копа́йом*, *с'е́йом*, *отс'е́йом*, *ід'о́м*// *ідо́м*//*йдо́м*, *кладо́м*, *пр'ідо́м*, *тром*, *бера́м*//*б'ера́м*, *мном*, *гребо́м*, *живо́м*, *рвом*, *ст'ел'ом*, *вйа́жом*, *ка́жом*, *пла́чом*; с [е] — *поб'ийе́м*, *ш'і́йем*, *зло́жуйем*, *с'е́йем*, *отс'е́йемо*, *пр'іб'іра́йемос'*, *клад'е́м*, *зв'ез'е́м*, *бу́дем*, *вйа́жем* (говор с. Рудьки Чернобыльского района Киевской области) [Говірки 1996: 36–119].

В говорах остальной территории Украины находим на месте «классного показателя» нелабиализованный гласный [е] (или другие нелабиализованные гласные неверхнего подъема), перед которым согласные в одних говорах являются мягкими, а в других — твердыми (качество предшествующего согласного — это уже результат позднейшего развития отдельных диалектных систем): *несе́м*//*несе́мо*//*несемо́*, *ста́н'ем*, *ста́н'е*^{и}*м*, *бере́м*//*бере́мо*//*беремо́* (в говорах среднеполесского ареала); *несе́м*//*несе́мо*//*несемо́* (в северно- и юго-восточных украинских говорах); *несе́м*//*несе́мо*, *ста́нем*//*ста́немо*, *ка́жем*//*ка́жемо* (в правобережных среднеподнепровских, восточно-волынских и восточно-подольских говорах); *несе́м*//*несе́мо*, *бере́м*//*бере́мо*, *ка́жем*//*ка́жемо* (в западно-среднеполесских, западно-полесских, западно-волынских, западно-подольских говорах); *ко́племе*, *с'іда́йеме*, *ко́лыме*, *сте́лыме*, *бере́ме*, *несе́ме* (в крайних юго-западных говорах).

Подробное описание различных вариативных образований глагольной формы 1 л. мн. наст. в украинских говорах см. выше, в первом разделе данного комментария.

Белорусский язык

В белорусских говорах «классный показатель» в форме 1 л. мн. наст. может быть реализован либо ударными гласными [е, о, и, ы, а], либо безударными гласными [е, о, и, ы, а] в зависимости от спряжения глагола, твердости/мягкости исходного согласного основы и акцентной характеристики данной формы.

Во многих говорах в глаголах I спряжения с наконечным ударением наличие [е] или [о] на месте «классного показателя» обусловливается качеством конечного согласного основы: в позиции после исконно мягких согласных (т. е. шипящих и [j]) употребляется гласный [о] (*с'ач'о́м*, *с'ач'о́мо*, *бйо́м*, *бйо́мо*), а после других согласных — [е] (*идем*, *идемо*, *н'асе́м*, *н'асе́мо*). Подобная картина наблюдается и в глаголах I спряжения с наосновным или подвижным ударением в парадигме настоящего времени (*ка́жом*, но *ста́нем*) [Нарысы 1964: 235]. Однако аналогические явления, характерные для диалектной глагольной словоизменительной системы в белорусском языке, привели к тому, что сфера употребления тематических гласных [о́, о] и [е́, е] (и других нелабиализованных гласных) в формах 1 л. мн. наст. глаголов I спряжения в отдельных диалектах изменилась; ср., например, наличие таких форм, как: *идо́м*, *несо́м*, *везо́м*, *бере́у́о́м*, *пеко́м*, *в'а́жом*, *мы́йом*, *др'е́мл'ом*, *ста́ном*, *бу́дом* в некоторых южных белорусских говорах [Нарысы 1964: 236, 266; ДАБМ, карты №№ 150, 154 и комментарии к ним] или формы типа *идемо*, *ка́жемо*, *вйа́жемо*, *м'е́л'емо* в некоторых говорах юго-западных районов Беларуси [Нарысы

1964: 236]. В [АУМ 3, часть IV, с. 217] находим материал из ряда юго-восточных говоров, в которых «классный показатель» может быть также выражен гласным [о] — *нес'о́м* (см. подробнее выше). Во многих говорах отмечается наличие вариантов, обусловленных разной реализацией тематических гласных и твердостью/мягкостью конечного согласного основы (*идéмо//идз'о́м*, *несéмо//н'ас'о́м*; *идéмо//идо́м*); в говорах Столинского и Лунинецкого районов употребляются как бы промежуточные формы приведенных выше вариантов: *идо́мо*, *кладо́мо* [Нарысы 1964: 236–237]; ср. также однократно встретившуюся нам форму *коли́шомос'* в одном северном украинском говоре (см. выше). Важно отметить, что конечный безударный [о] в окончании *-мо* в говорах с наличием «промежуточных» форм очень неустойчив и легко утрачивается: *идо́мо* > *идо́м*. В результате в белорусских говорах отмечается расширение распространения форм типа *идо́м*, *н'асо́м* из юго-восточного ареала в направлении к северу и северо-востоку: в настоящее время эти формы активно вытесняют из употребления формы типа *идéмо*.

Здесь уместно напомнить о типичном только для белорусского языка (из трех восточнославянских языков) диалектном явлении: в некоторых юго-восточных говорах в глаголах I спряжения с основой на губные, зубные и задненебные согласные в формах 2 и 3 л. ед. и 2 л. мн. наст. основа оканчивается на мягкие согласные, в форме же 1 л. мн. наст. находим соответствующий твердый согласный, тематический гласный [о] и флексию [м], например: *п'ачéш*, *п'ачé*, *п'ечат'é//п'ечац'é*; *ид'éш*, *ид'é//идз'é*, *ид'ет'é//идз'ец'é*, но *идо́м*, *п'ако́м*, *жыво́м* (см. [ВСИ 1995: 52; Нарысы 1964: 236]. (Однако, как показывают диалектные материалы, в других белорусских говорах в «средних» формах парадигмы настоящего времени может быть обобщен либо твердый, либо мягкий согласный, — см. [Мацкевич 1959; Нарысы 1964; ДАБМ — карты и комментарии; ВСИ 1995]; см. также другие материалы по белорусской диалектологии.) В данном случае речь, по-видимому, может идти о сложном и разновременном взаимодействии, с одной стороны, аналогических процессов в парадигмах глаголов типа *п'аку́*... и *иду́*..., и, с другой, — о судьбе фонетического явления перехода [е > о] после палатальных, палатализованных и отвердевших согласных (см., например: [Аванесов 1947; Мацкевич 1959: 47, карта № 3; Нарысы 1964: 235–237]; см. также выше о реализации «классного показателя» в украинских говорах). Определенный интерес в этом плане представляют приводимые уже выше материалы из северноукраинского говора с. Денисовичи Полесского района Киевской области, которые как будто бы свидетельствуют о том, что в данном говоре также отмечены парадигмы настоящего времени некоторых глаголов, характеризующиеся твердыми согласными в исходе основы форм 1 л. ед., 1 л. мн. и 3 л. мн. наст. и мягкими согласными — в исходе основы форм 2, 3 л. ед. и 2 л. мн. наст. (см. [Говірки 1996: 26, 27, 58, 63, 72, 73 и др.]), например, *йд'éш*, *пóйд'е*, *ідéм*; *ул'áн'еш*, *стáн'е*, *од:охнóм*; см. также [Назарова 1985, карты № 74, 105]. (Следует отметить, что в данных южнобелорусских и северноукраинских говорах много общих черт. Это может свидетельствовать об общности их развития. Г. Ю. Шевелев называет зону между нижними течениями Припяти и Десны (ее правобережье) и по течению Днепра в этой же области Киевско-Полесской зоной, на которой еще в доисторические времена начала формироваться самостоятельная диалектная группа; в XVI–XVII вв. она была подвержена сильному белорусскому влиянию [Шевельов 2002: 208, 241, 244]). По мнению белорусских диалектологов, такое явление наблюдается в говорах, переживших первоначально отвердение согласных перед гласными переднего ряда, а впоследствии — новое смягчение (т. е. 3 л. ед. *ид'é* > *идé* > *ид'é*, но *ид'éм* > *идéм* > *идóм*) [Нарысы 1964: 236].

Спорадически, в отдельных говорах, тематический гласный [о] при флексии [м] могут иметь формы 1 л. мн. наст., образованные и от глаголов II спряжения, и от нетематических глаголов, например: *йадóм*, *дадóм*; *с'аджóм*, *ул'адóм*, *л'ажóм* (говоры в Слуцком и Копылском районах) [Нарысы 1964: 237]; *с'адз'óм*, *ул'адз'óм*, *стайóм* (некоторые северо-восточные говоры; говоры в Минской и на западе Витебской областей [Там же: 262]). Наличие данных форм обычно объясняется процессом унификации форм в парадигме настоящего времени.

Таким образом, по характеру реализации «классного показателя» в форме 1 л. мн. наст. глаголов I спряжения (а именно — лабиализованным или нелабиализованным гласным) вся восточнославянская территория делится по горизонтали на два больших ареала: *южный*, с нелабиализованным гласным типа [е], наличие которого имеет корни, по-видимому, в глубокой древности, и *северный*, с лабиализованным гласным типа [о], появление которого связывается с более поздним периодом развития восточнославянских языков — со временем после падения редуцированных. Небольшие островки с [е] на русском севере считаются исследователями архаической чертой. Важно при этом отметить, что отдельные говоры, имеющие [е] в

интересующей нас глагольной форме (а именно — украинские, западнобелорусские, южнорусские, севернорусские), характеризуются определенными различиями и в хронологическом отношении, и в характере обусловленности этого явления. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что та общая тенденция развития лабиализованных и нелабиализованных гласных среднего ряда среднего подъема в восточнославянских диалектах, которая сложилась еще в позднепраславянский (дописьменный) период, в каждом из языков получила свое индивидуальное (местное, диалектное) воплощение.

* * *

В качестве дополнительной характеристики материального облика глагольной формы 1 л. мн. наст. в современных восточнославянских диалектах отметим некоторые закономерности. Так, глаголы I спряжения с фиксированным наконечным ударением могут по говорам иметь в исходе основы 1 л. мн. наст. как твердые, так и мягкие согласные, а «классный показатель» при этом может быть реализован как гласным [о], так и гласным [не-о] (т. е. *н'ес'о́м*, *несо́м*; *н'ес'е́м*, *несе́м*). Глаголы I спряжения с наосновным ударением, имеющие в исходе основы [й], могут на месте «классного показателя» иметь гласные [о] и [не-о] (т. е. *с'ёйом*, *с'ёйем*). Глаголы I спряжения с наосновным ударением и с согласным [л'] в исходе основы также употребляются с «классным показателем» [о] и [не-о] (*дре́мл'ом*, *дре́мл'ем*; *по́л'ом*, *по́л'ем*). Однако после отвердевшего [л] на месте «классного показателя» лабиализованный гласный, по-видимому, запрещен (т. е. только *по́лем*, *дре́млем*, *по́лым*, *дре́млым*, но никак не *+по́лом*, *+дре́млом*). Что касается глаголов II спряжения с наосновным ударением, то в исходе основы находим как твердые, так и мягкие согласные, однако на месте «классного показателя» в диалектных материалах зафиксирован только нелабиализованный гласный (т. е. *ко́с'им*, *ко́сим*, *ко́сым*, *ко́сам*, но никак не *+ко́с'ом*, *+ко́сом*).

Это свидетельствует о том, что в системе глагольного словоизменения явно выделяются определенные группы глаголов, характеризующиеся теми или иными признаками, из которых наиболее существенными являются: тип спряжения, тип ударения и морфонологическая характеристика исхода основы.

Кроме того, отметим, что современная диалектная ситуация в восточнославянских языках убедительно показывает, насколько сложной была история становления глагольной формы 1 л. мн. наст. (как одной из форм глагольной парадигмы настоящего времени), в которой *по-разному* в разных диалектах переплелись и фонетические, и морфонологические, и морфологические, и аналогические явления, а также факты междиалектного взаимодействия. В результате на всем восточнославянском диалектном пространстве выделяются, с одной стороны, области, которые свидетельствуют о том, что процесс формирования глагольных форм парадигмы настоящего времени, фактически, завершен, и, с другой, — области, в говорах которых этот процесс находится еще в стадии становления, о чем свидетельствует наличие многочисленных вариантов однозначных форм глагольной парадигмы настоящего времени (в том числе и формы 1 л. мн. наст.).

Отметим также, что в связи с предпринятым анализом разных явлений, характеризующих глагольную форму 1 л. мн. наст. в восточнославянских диалектах (это — флексия, твердость-мягкость исхода основы и реализация «классного показателя»), в данном комментарии неизбежно присутствует неоднократное обращение к одному и тому же диалектному материалу, который, однако, каждый раз рассматривается с разных сторон (в зависимости от обсуждаемого вопроса).

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов 1947 — *Аванесов Р.И.* Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ им. Ломоносова. Вып. 2. 1947.

Бевзенко 1960 — *Бевзенко С.П.* Історічна морфологія української мови. Ужгород, 1960.

Белоусов 1982 — *Белоусов В.Н.* История форм повелительного наклонения // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

Бернштейн 1961 — *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

Борковский, Кузнецов 1965 — *Борковский В.И.*, *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1965.

Бромлей 1977 — *Бромлей С.В.* О взаимодействии форм изъявительного и повелительного наклонений в восточнославянских языковых системах // ОЛА. МИ. М., 1977.

Бромлей, Булатова 1972 — *Бромлей С.В.*, *Булатова Л.Н.* Очерки по морфологии русских говоров. М., 1972.

Булаховський 1956 — *Булаховський Л.А.* Питання походження української мови. Київ, 1956.

Ван-Вейк 1957 — *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. М., 1957.

Виноградов 1972 — *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1972.

Возний 1969 — *Возний Т.М.* Система дієслівних форм часу в говірці села Бітлі на Львівщини // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

ВСИ 1995 — Восточнославянские изоглоссы 1995. М., 1995.

ВСИ-2 1998 — Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2. М., 1998.

ВСИ-3 2000 — Восточнославянские изоглоссы. Вып. 3. М., 2000.

Говірки 1996 — Говірки Чорнобильської зони. Тексти. Київ, 1996.

Горшкова, Хабургаев 1997 — *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1997.

Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. Отв. ред. Шведова Н.Ю. М., 1970.

Довгопол 1969 — *Довгопол С.Ф.* Деякі особливості словозміни говірки села Котельви на Полтавщини // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

Довгопол 1970 — *Довгопол С.Ф.* Спостереження над змінами деяких українських говірок Кубані // Праці XIII респ. діал. наради. Київ, 1970.

Дроздовський 1971 — *Дроздовський В.П.* Про деякі фонетико-морфологічні явища, пов'язані з граматичною аналогією // Праці XII респ. діал. наради. Київ, 1971.

Дурново 1969 — *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.

Житецкий 1889 — *Житецкий П.Г.* Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в. Киев, 1889.

Закревська 1966 — *Закревська Я.В.* Система особових форм дієслова в західних говорах української мови (теперішній час) // Українська лінгвістична географія. Київ, 1966.

Иванов 1982 — *Иванов В.В.* История временных форм глагола // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

Калнынь 2001 — *Калнынь Л.Э.* Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001.

Касаткин 1999 — *Касаткин Л.Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Керницький 1971 — *Керницький І.М.* Деякі морфологічні особливості бойківських і лемківських говірок за пам'ятками XVI–XVII ст. // Праці XII респ. діал. наради. Київ, 1971.

Клепикова 1964 — *Клепикова Г.П.* К характеристике системы ударения одного переходного гуцульско-покутского говора // КСИС, № 41. М., 1964.

Клепикова, Попова 2004 — *Клепикова Г.П., Попова Т.В.* Некоторые вопросы украинского диалектного словоизменения: интерпретация диалектного материала, собранного в одной ЧДС. 1. Глагол (формы инфинитива и презенса) // ИСД, № 9. М., 2004.

Лизанец 1969 — *Лизанец П.М.* Морфологічні особливості деяких українських говірок Пінщини (БРСР) // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.

Майборода 1970 — *Майборода А.В.* Писаний документ ХУП ст. як джерело вивчення історичної діалектології // Праці XIII респ. діал. наради. Київ, 1970.

Матвіяс 1990 — *Матвіяс І.Г.* Українська мова і її говори. Київ, 1990.

Мацкевич 1959 — *Мацкевич Ю.Ф.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск, 1959.

Нарысы 1964 — Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.

Нарысы па гісторыі 1957 — Нарысы па гісторыі беларускай мови. Мінск, 1957.

Николаев, Толстая 2001 — *Николаев С.Л., Толстая М.Н.* Словарь карпато-украинского торуньского говора. М., 2001.

Обнорский 1953 — *Обнорский С.П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Образование 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Онишкевич 1962 — *Онишкевич М.Й.* Словацько-українські мовні зв'язки // Питання слов'янознавства. Львів, 1962.

Орлова 1970 — *Орлова В.Г.* Изменение /е/ в /о/ // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Панькевич 1958 — *Панькевич І.* До питання генези українських лемківських говорів // Славянская филология. II. М., 1958.

Попова 1995 — *Попова Т.В.* Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов I спряжения типа рус.лит. *печь, беречь* // ВСИ 1995. М., 1995.

Попова 2005 — *Попова Т.В.* К вопросу об изменении [е] в [о] в восточнославянских диалектах // ИСД, 5. М., 2005.

Правопіс 1957 — Аб удакладненні і частковых зменах існуючага беларускага правапісу. Пастанова Савета Міністраў БССР № 249 ад 11 мая 1957 г.

Русанівський 1971 — *Русанівський В.М.* Структура українського дієслова. Київ, 1971.

Селищев 1952 — *Селищев А.М.* Старославянский язык. Часть II. М., 1952.

Солонська 1970 — *Солонська Г.Т.* Про українсько-російські міжмовні контакти на діалектному рівні // Праці XIII респ. діал. наради. Київ, 1970.

Трубачев 2000 — *Трубачев О.Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // ВЯ, 2000, № 5.

Трубецкой 1987 — *Трубецкой Н.С.* О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // *Трубецкой Н.С.* Избранные работы по филологии. М., 1987.

Шахматов 1915 — *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

Шевельов 2002 — *Шевельов Ю.* Історична фонологія української мови. Переклад з англійської. Харків, 2002.

Якобсон 1985 — *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985.

И. А. БУКРИНСКАЯ, О. Е. КАРМАКОВА

Названия орудия для ручной молотьбы и его деревянных частей

Названия орудия для ручной молотьбы и его частей, как и многих традиционных орудий труда, относятся к архаической культурной лексике, восходящей к праславянскому фонду, в связи с чем их лингвогеографическое изучение представляет несомненный научный интерес.

Материалом для анализа и построения карт послужили сведения, содержащиеся в национальных атласах: Дыялекталагічны атлас беларускай мовы [ДАБМ], Атлас української мови [АУМ 1, АУМ 2], Диалектологический атлас русского языка [ДАРЯ III, ч. I, карты; ДАРЯ III, комментарии], а также в различных словарях и монографиях.

При анализе мы основывались на следующих картах: ДАБМ, карта 257 «Назвы цапільна», карта 258 «Назвы часткі цэпа — біча»; АУМ 1, карта 167 «Суфікси іменника *бич*», АУМ 2, карта 146 «Морфемна структура іменника *бияк*», карта 311 'ціпилно', использован цикл карт по названию цепа и его деревянных частей — ручки и бьющей части [ДАРЯ III, ч. I, карты 39–41]. Заметим, что белорусский и украинский атласы не содержат карт по названию орудия для ручной молотьбы. Это, скорее всего, связано с повсеместным распространением наименования *цэп* блр. и *ціп* укр., что не исключает наличия в отдельных населенных пунктах каких-то единичных названий.

Вначале обратимся к этнографическим исследованиям, которые свидетельствуют, что у восточных славян были известны три способа обмолота хлебных злаков: *топтание* (вытаптывание зерен ногами людей или рабочего скота), *волочение* (лошади или быки тянут телеги, катки по снопам) и *битье*. Преобладающим в традиционной деревне являлось битье, которое могло происходить по-разному. По замечанию Д. К. Зеленина, старейшим способом обмолота посредством битья считается тот, при котором никакого орудия вообще не употребляется: колосьями бьют по краю доски, бочки, корзины, скамьи, и таким образом выбивают зерна, оставляя целой солому, необходимую для различных хозяйственных нужд. Этот способ носит название *хвостание*, от глагола *хвостать* 'бить, хлестать, сечь' [Зеленин 1992]. Д. К. Зеленин отмечал редкость подобного способа обмолота; и в материалах ДАРЯ содержатся описания его лишь в отдельных деревнях преимущественно Нижегородской обл., спорадически в Псковской и Новгородской. Известно также битье с помощью примитивного орудия, которое называли *кичи́га*, *па́лица*, *пра́льник*, *валёк*, *лапта́*, *ла́па*. Обычно оно делалось из ветки с суком или же ствола с корнем, реже применялась просто изогнутая палка. Как правило, им обивали лен и коноплю, но на территории северного наречия (Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Новгородская губ.) таким образом обмолачивали и хлебные злаки. Однако самым распространенным было битье с помощью специального орудия — цепа, имеющего различные названия в зависимости от территории бытования.

Вопрос о названии цепа и его частей входит в программы собирания диалектного материала разных языков и языковых семей на территории Европы. Карты, показывающие распространение цепа как основного ручного орудия для обмолота хлебов, представлены также в этнографических атласах [Русские 1967: карты 10, 11; Polski atlas entograficzny 1958: mapy 9, 12, 13].

На территории Восточной Славии использовались три основных вида цепов, различающиеся устройством. Так называемый русский тип цепа изготовляли следующим способом: в верхнем утолщенном конце ручки сверлился воронкообразный или трубкообразный канал, имевший выход сбоку; через него протягивался сыромятный ремень (*пу́то*, *пу́тце*) — это могла быть и веревка, — обертывался вокруг ручки и закреплялся гвоздем или же завязывался. Второй конец ремня укреплялся подобным образом на бьющей части или же проще: на биле делалось углубление, где и закреплялся ремень. Эта конструкция орудия связана с присущим русским крестьянам приемом: вращать цеп над головой, а потом ударять по снопам.

У южновеликоруссов, как и украинцев, ручка и било могли соединяться двумя-тремя ременными петлями или же при помощи *капиц*, широких полос из ремня, одна из которых крепится (приколачивается, привязывается) к ручке, прикрывая ее верхнюю часть, другая — к билу. В свою очередь капицы соединяются между собой тонким ремнем (*гуж*, *на́вязь*).

На северо-западе, в Новгородской, Псковской губерний и в местах, пограничных с Белоруссией, как и в самой Белоруссии, *путо* продевалось в отверстие,

высверленное в бьющей части цепа, или обвязывалось вокруг выточенной головки била, а второй конец укреплялся аналогично на головке ручки.

Этнографические исследования и атласы не дают четко документированного распределения цепов разных видов по территории, известны лишь фрагментарные описания их бытования. Мы полагаем, что лингвистический материал может способствовать уточнению этого вопроса.

Рассмотрим прежде всего лингвистический ландшафт названия самого орудия. С этой точки зрения территория Восточной Славии делится на три четких ареала (см. карту 1). Наиболее обширный из них, объединяющий говоры белорусского, украинского языков, целиком южное наречие и восточную часть среднерусских говоров русского языка, занимают названия с корнем **сěръ*, родственного глаголу **сěpiti*: блр. *цэп*, рус. *цеп*, укр. *цíп*. [ЭССЯ 3: 185–186; Трубачев 1966: 133–134]. Подобные наименования орудия существуют во всех славянских языках: сербохорватском, словенском, чешском, словацком, верхне-лужицком, нижне-лужицком, полабском, польском, словинском.

На территории южнорусских говоров встречается лексикализованный вариант *цоп* (на месте **ě*[1] представлено *о*), образующий небольшие островные ареалы в верхнем течении Оки, в Рязанской Мещере — вокруг г. Касимова, в бассейне рек Цны и Мокши — всего в 100 населенных пунктах. В [Опыт 1852] *цоп* приводится с пометой «нижегор.».

В южнопсковских, части новгородских и онежских говорах отмечается слово *кеп* с отсутствием аффрикаты, начальное *к-* находим и в наименованиях частей цепа, ручки и бьющей части: *кепóк*, *кепéц*, *кепúнка*, *кевьё*, *кевúна* (см. ниже). Формы с отсутствием эффекта второй палатализации подробно описаны в литературе и являются чертой, характеризующей племенной диалект кривичей[2] [Глускина 1968; Зализняк 1988; Николаев 1988].

Второй ареал охватывает говоры только русского языка, где известны наименования орудия *молотúло*, *молотúлка* (**moltidlo*). *Молотúло* распространено в северо-восточной диалектной зоне, т. е. на территории северного наречия — в вологодской, костромской группах говоров, а также в части говоров владимиро-поволжской группы, завершение ареала находим в архангельских говорах [Комягина 1994: карта 113]. Вариант *молотúлка* образует компактный ареал в селигеро-торжковских и белозерско-бежецких говорах, который примыкает в районе Рыбинского водохранилища к территории бытования слова *молотúло*. Кроме того, отдельные небольшие ареалы наименования *молотúлка* известны на всей территории северо-западной диалектной зоны. Надо заметить, что на этой же территории встречается в качестве названия орудия и лексема *цеп*, как одна, так и при сосуществовании с *молотúлом*.

Названия орудия обмолота с рассматриваемым корнем, этимологически восходящим к глаголу **moltiti* ‘бить, колотить’, не имеют широкого распространения в славянских языках. За пределами Восточной Славии они зафиксированы чаще у южных славян: сербохорв. *mlátilo*, *млáтило*, словен. *mlatílo* [ЭССЯ 19, 191–192], болг. *млатúлка*, *млатúло* [Речник 1975; Чукалов 1972], также чеш. редк. *mlatidlo*. Известны и иные производные, обозначающие цеп: сербохорв. *mlat*, *mlatac*. Единично в русских говорах представлены словообразовательные и морфологические варианты описываемых названий: *молотúл*, *молотúга*, *молотúха*, *молотя́лка* [ДАРЯ III: карта 39], *молотáло*, *молотúлье*, *молотúльня*, *молотя́га* [СРНГ 18: 239].

Третий ареал располагается на русском северо-западе — новгородские, псковские, ладого-тихвинские, онежские говоры — и характеризуется большим разнообразием вариантов названий с корнем **vęz-/vǫz-*: *прúвязь*, *прúвяза*, *прúвоза*, *прúуз*, *прúузь* и др. Наименования *привуз*, *приуз* зафиксированы и в архангельских говорах по течению Онеги, Сев. Двины, Пинеги, реже Мезени и на побережье Онежского полуострова [Комягина 1994: карта 113][3]. Мы перечислили далеко не все модификации указанного корня, различные фонетические, морфологические и акцентологические варианты приводятся в [Кармакова 1991][4]. Вероятно,

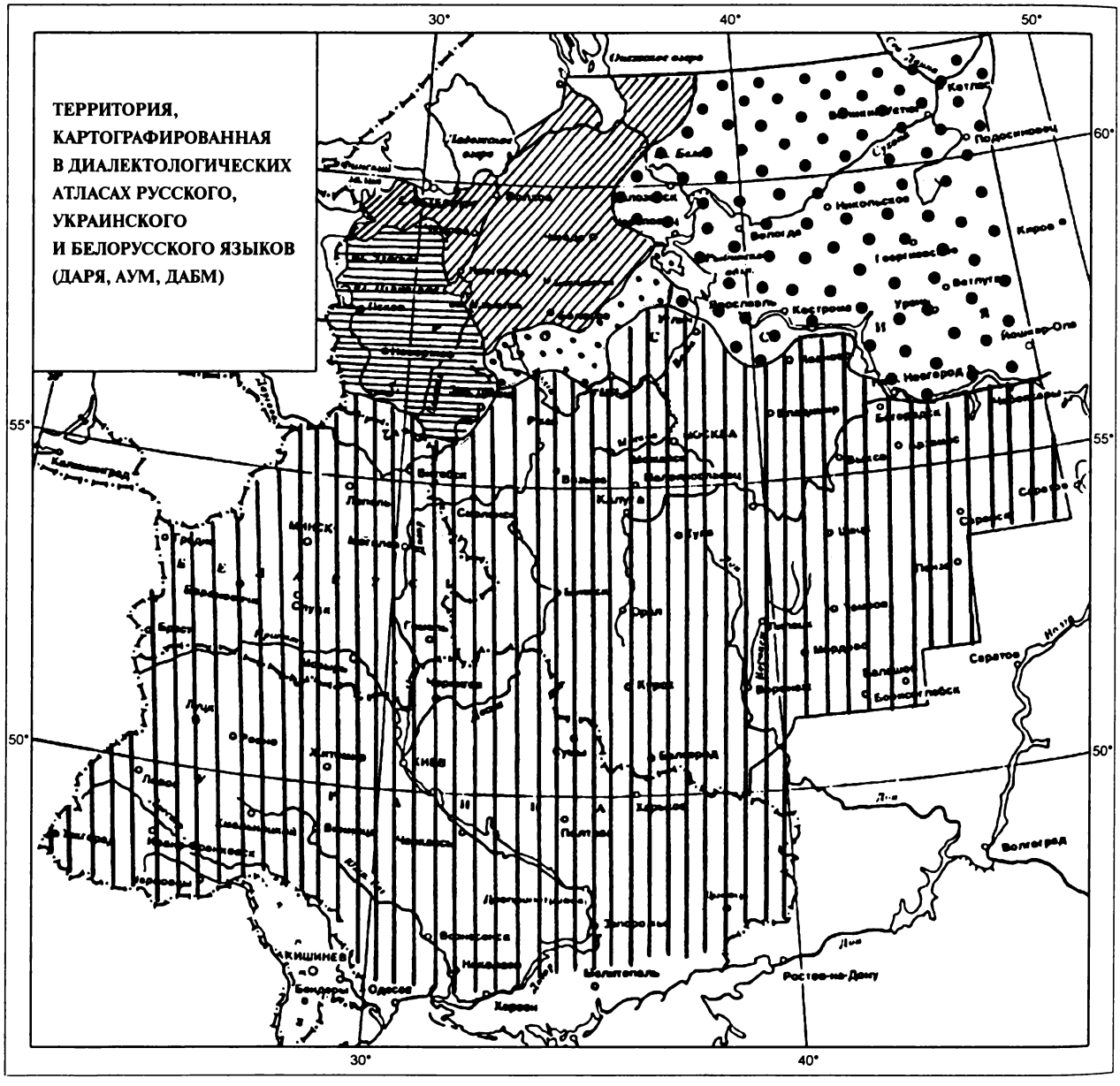
[1] По мнению А. В. Тер-Аванесовой, исследовавшей рефлексы **ě* в восточнославянских диалектах, форма *цоп* могла появиться в говорах южного наречия под влиянием выравнивания соотношения ударных и безударных гласных у существительных акцентной парадигмы *b*: *цапы́* — *цоп* по аналогии с *жаны́* – *жон*, *двары́* – *двор* и т. п.

[2] Другой взгляд содержится в статье Я. И. Бьёрнфлатена [1993], который считает, что исходная форма с начальным *ц* – *цепец* изменяется на форму с начальным *т'* – *тепец*, так как «наблюдается распад аффрикат на взрывной зубной» [С. 11], а в дальнейшем происходит изменение *т'* в *к'* — *кепец*. Объяснение иных случаев наличия заднеязычных согласных на месте ожидаемых аффрикат «надо искать на основании симбиоза дославянского языкового субстрата и славянской речи» [С. 19]. При этом автор ссылается на гипотезу А. С. Герда о пути заселения Псковщины славянами.

[3] Наличие в архангельских говорах названий орудия обмолота от двух корней — *вуз-/уз-* и *молот-* еще раз свидетельствует о двух колонизационных потоках, которые осваивали эти земли — новгородском и ростово-суздальском.

[4] Известно также, что в некоторых диалектах названия *прúвязь* и *молотúлка* могут обозначать не ручное орудие, а каток или доску, привязываемую к лошади, при лошадном способе обмолота.

Карта № 1. Названия орудия для ручного обмолота *

* Расшифровку легенды см. на с. 160.

ранее и здесь, на северо-западе, было распространено название орудия *цеп/кеп*, сохранившееся к середине XX в. лишь в отдельных говорах. Об этом свидетельствуют производные *цепо́к*, *цепе́ц*, *кепо́к*, *кепе́ц* и др. Его вытеснению способствовал тот факт, что наименования от корня **vęz-/vǫz-* имеют прозрачную внутреннюю форму; они мотивированы устройством орудия: деревянные детали просто привязывали одну к другой, а слово *цеп* стало непонятным, утратило мотивацию. Однако можно предполагать, что и названия с корнем **vęz-/vǫz-* являются старой лексической инновацией, поскольку имеют достаточно компактный ареал, расположенный на территории, которую занимали кривичи и словене, чьи племенные языки сформировали характерные диалектные черты говоров северо-западной зоны.

Иная точка зрения на формирование этих диалектов содержится в трудах А. С. Герда, В. Б. Крысько и Я. И. Бьёрнфлатена, полагающих, что псковский диалект складывался на северно-русской новгородско-словенской основе в процессе взаимодействия с неславянским субстратом. Позднее происходило продвижение псковского диалектного ядра на юг, столкновение его с диалектом кривичей Днепро-Двинского ареала, в результате чего осуществлялась «кривичизация псковского диалекта» [Герд 2001: 15].

Кроме вышеперечисленных встречаются и иные наименования орудия ручного обмолота, не дающие заметных ареалов: *ручни́к*, *бич*, *оби́ч*, *мотови́ло*. Небольшой ареал названия *ручни́к* отмечен вокруг Пскова и южнее — по течению р. Великой, на западе доходит до границы с Эстонией и Латвией.

Обратимся к рассмотрению лингвистического ландшафта названий ручки цепа, представленных на карте 2[5]. Самыми распространенными архаическими наименованиями как для орудия, так и для его рукоятки в восточнославянских языках являются названия с корнем **сěр-*. Их ареал охватывает не только белорусские и украинские говоры, но и продолжается в юго-западных русских говорах. Основной в белорусских говорах выступает форма *цапі́льна* (ср. р.), реже *цапі́льня* (ср. р. реже ж. р.). В районе русско-белорусского пограничья зафиксирован акцентологический вариант блр. *цапі́льно́* (от среднего течения Днепра до Гомеля, а также ареал на северо-запад от Минска), рус. *цепильно́* / *цепилно́* (в брянских говорах западнее Десны). На севере Белоруссии, в Витебской области, отмечены архаические формы *цапавíдла*, *цапавíла* и производные от них *цапавíліна*, *цапавíльна* (ср. р.) [ДАБМ: карта 257].

Основные варианты украинских названий: *ціпи́лно*, *ціпи́*[л']*но*, *ціпи́*[ў]*но*, последний встречается в основном в карпатских говорах [АУМ 2: карта 311].

В русских говорах чаще отмечаются формы *цепи́льня*, *цепи́льна* — по линии Рославль — Брянск — Севск — Суджа; *цепи́лина* распространена севернее: от верховьев Западной Двины до Смоленска. Помимо этого на русской территории есть еще один ареал наименования *цепи́льна*, *цепи́льня*, находящийся на юго-востоке по линии Рязань – Моршанск – Тамбов – Балашов, т. е. в рязанской группе говоров южного наречия, который достаточно удален от основного ареала названий с корнем **сěр-*[6]. Все перечисленные наименования представляют собой праславянскую словообразовательную модель — производные с суффиксом **-ьло* от **cěpidlo* (*цепило*) [ЭССЯ 3: 185]. Подробный анализ словообразовательных моделей рукоятей орудий содержится в [Азарх 2000]. Всего же наименований с указанным корнем в русских говорах известно более тридцати, их перечень приводится в конце статьи. Названия ручки орудия от корня **сěр-* являются единственными видовыми наименованиями, образующими значительный ареал.

Кроме того, в русских говорах спорадически отмечены видовые именования *молотило*, *молотилка* и *приуз*, *приузь*, распространенные на той же территории, где данное имя обозначает само орудие.

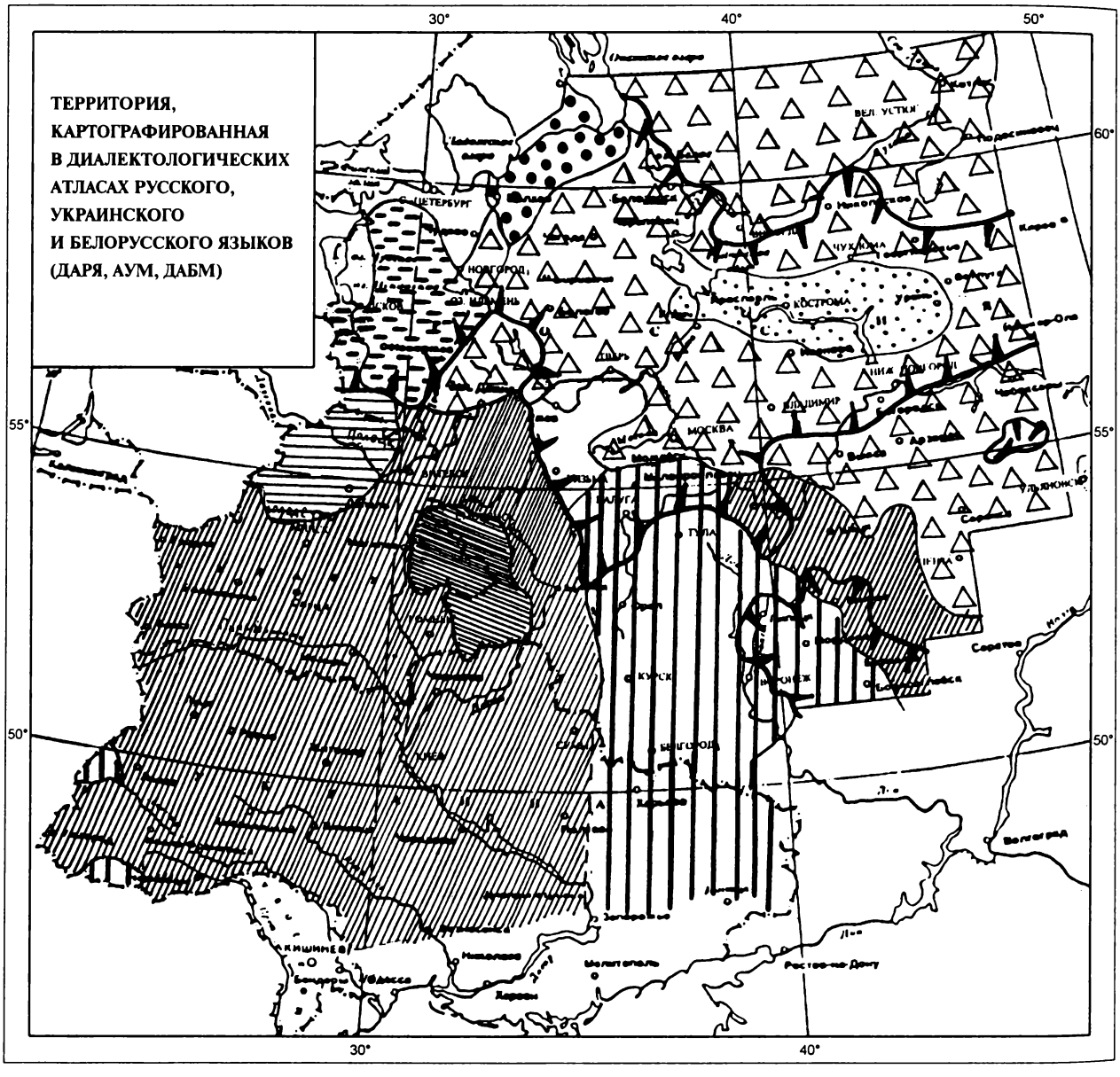
Остальные наименования ручки цепа являются родовыми, т. е. по говорам обозначают рукояти различных орудий.

В восточнославянском регионе отмечаются наименования ручки, образованные от глагола **dьržati*. Они представляют собой компактную зону в южном наречии русского языка, вдающуюся клином в ареал *цепи́лина*, *цепи́льня*. Острие клина почти достигает Москвы, проходя севернее Серпухова и Коломны (см. карту). Лексема *держа́лень* по материалам ДАРЯ является наиболее распространенной, зафиксирована в Белгородской, Курской, Орловской, Тульской, Воронежской обл., а также Ярославской [ЯОС 3]. Здесь же единично представлен дериват *держальня*. В меньшем числе говоров восточнее описанного ареала отмечено название *держа́лка*, граничащее в свою очередь с территорией, где известно наименования *цепильня* — юго-

[5] По техническим причинам на всех картах произведена существенная генерализация материала и показаны лексемы, дающие ареалы, прочие названия указаны в словнике после статьи. Сосуществование разных именований также не отражено на картах.

[6] Определить, являются ли производные *цепи́льня*, *цепи́льна* в восточной группе южного наречия исходно существительными женского или среднего рода невозможно, так как эти говоры характеризуются переходом существительных ср. рода с безударными окончаниями в жен. род (*больша́я ста́да*, *пуста́я по́ля*).

Карта 2. Названия ручки цепа *

* Расшифровку легенды см. на с. 160.

восточные говоры (Рязанская, Тамбовская обл.). Названия различных орудий и приспособлений на *-лк(а)* типа *держалка* являются продуктивными в русском языке (*прялка*, *косилка*, *молотилка*, *мялка*, *сушилка*). Единично на данной территории встречаются слова *держало*, *держалье*, *держальник*. В междуречье Северного Донца и Хопра отмечен дериват *держак*, ареал которого продолжается в говорах позднего заселения: русских донских, украинских — харьковских, днепропетровских, донецких. В материалах, собранных для украинского атласа, но не картографированных в т. 3, приведены названия *держало*, *держальна* и самое частотное *держак*, которое в упомянутых говорах наряду со значением 'ручка цепа' употребляется в качестве обозначения рукояти различных орудий [Гриценко 1984: 48–50; Словарь донских говоров 1991][7].

Кроме того, название *держáк* образует два небольших ареала в украинских говорах на границе с Польшей, а также в Закарпатье, на границе с Румынией; дериваты с корнем *держ-* отмечаются и в говорах правобережного Полесья [Никончук 1985: 144]; в белорусских говорах подобные именования единичны. Что касается других славянских языков, то в значении ручки цепа дериваты от рассматриваемого корня отмечены в западнославянской зоне: в чешских, словацких, польских говорах [ЭССЯ 5; MAGP: mapa 378].

Среди лингвистов нет единого мнения о времени появления названий с корнем *держ-* в качестве ручки цепа. Ю. С. Азарх пишет, что дериваты *держальня*, *держалень* отражены в памятниках южнорусской письменности с начала XVIII в. и что подобные образования вытеснили с этой территории первичные наименования с корнем **сёр-*: *цепильня*, *цепилина*, разорвав единый ареал их распространения (см. карту 2). Другие же именования с корнем *держ-* являются инновацией в лексико-семантической группе названий рукоятей [Азарх 2000: 52].

Существует достаточное число аргументов, позволяющих иначе трактовать инновационность/архаичность образований с этим корнем на данной территории. Так, ареал распространения наименований с корнем *держ-* совпадает с пучком архаических изоглосс, описанных [Николаев 1994: 39–42], назовем лишь некоторые из них: конечное ударение у существительных жен. рода типа *тучá*, *воля́*; распространение формы *твет* (цвет), представляющей отражение процесса развития **kv* (в позиции II палатализации) > *t'v'*, особая система распределения форм глагола 3 л. ед. и мн. числа настоящего времени с наличием и отсутствием конечного *-т*. С. Л. Николаев, опираясь на лингвистические и археологические данные, связывает эти особенности с племенным диалектом вятичей, который, по его мнению, имеет общие языковые черты с лехитскими говорами и предполагает «специфическую связь «правятичских» позднепраславянских говоров с «пралехитскими» [Николаев 1994: 40]. Наличие именований ручки цепа с корнем *держ-* именно в польских и чешских говорах свидетельствует об исконности наименований *держалень*, *держак* и др. для южнорусских говоров. Кроме того, описываемая территория характеризуется пучком лексических архаических изоглосс: *тепинка* 'бьющая часть цепа' (см. ниже), *закута* 'название постройки для скота при доме', *каток* 'палка для выколачивания белья', названия муравьев с корнем **кот-*: *кумары*, *ку(о)маши*.

Далее остановимся на именованиях, присущих только русским говорам, их номенклатура наиболее разнообразна. Так, производные *ка́дка*, *ка́дце(-о)*, *кадýшка*, *катýшка* и др. варианты с корнем *кад-/кат-* (см. словник) занимают обширное пространство северо-востока и востока центральной части России, к тому же образуют ареалы в селигеро-торжковских и белозерско-бежецких говорах, сходные с ареалами распространения названия орудия *молоти́лка*. Перечисленные слова являются суффиксальными производными от **kadь* [ЭССЯ 9]. Единично в вологодских говорах зафиксированы составные названия: *молоти́льная ка́дка*, *молоти́льное ка́дце*. В пределах описанного ареала производные от корня *кад-* единично отмечаются и как названия бьющей части цепа.

Скорее всего номинации с корнем *кад-* мотивированы устройством цепа, при котором в верхней части ручки делалось воронкообразное углубление, как при долблении кадки. Появление глухой согласной /т/ в деривате *катушка* и под. было связано, на наш взгляд, с процессом деэтимологизации слова, соединении этого названия с появившимся позднее *молотильным катком* — приспособлением, состоявшим из камня с выступами или бревна с вделанными в него чугунными зубьями.

Можно предположить, что именно на территории, где употреблялись наименования *молоти́ло* и *ка́дка*, бытовал «русский» тип цепа (см. выше). Еще раз подчеркнем, что в белорусских и украинских говорах подобные названия рукояти не отмечены даже единично.

В русских северо-западных говорах известны в качестве номинаций ручки производные от корня **сёv-*: *цеви́на*, *кеви́на*, *теви́на*, *цевьё*, *тевьё*. Слова с этим кор-

[7] Поскольку в АУМ 3 не картографировано название ручки цепа, граница между ареалами названий с корнем *держ-* и наименованием *ціпильно* дана условно.

нем широко распространены во всех славянских языках со значениями 'трубка, ствол', 'катушка, шпулька для наматывания пряжи'. Лексема *цевьё* со значением 'рукоять' зафиксирована в древнерусском языке и в русских диалектах [Трубачев 1966: 112; ЭССЯ 3; ЯОС 10]. На упомянутой территории перечисленные наименования употребляются как в значении 'ручка цепа', так и в значении 'катушка, шпулька'. В белорусских и украинских говорах *цеўйо* не образует ареала, отмечено в единичных населенных пунктах [ДАБМ: карта 257; Никончук 1985: 144].

Лексемы с начальными [т'] и [к'] *кеви́на*, *тевúна*, *кевьё*, *тевьё*, как уже говорилось, связаны с отсутствием эффекта второй палатализации; начальное [т'], возможно, отражает переход [к'] > [т'], отмечаемый в говорах вокруг Новгорода и в среднем течении р. Ловати [ДАРЯ I: карта 68].

Несомненный интерес вызывают производные от усеченной основы **mati*-: *мáтка*, *мáтица*, бытующие в говорах севернее Новгорода: ладого-тихвинских и онежских. В качестве ручки цепа *мáтица* значится и в Словаре русских народных говоров: Петрозав., Олон., 1898, Медвежьегор. КАССР, Волог., Ленингр. [СРНГ], а *мáтка* — в Ленингр. обл. [Филин 1936]. Другие славянские языки не знают подобного именования ручки цепа.

В древнерусском языке одно из значений рассматриваемых слов — 'осевая, опорная или скрепляющая часть чего-либо'. На его основе закрепляется и значение 'центральная балка в доме', широко распространенное в говорах восточнославянских языков [ЭССЯ 17; СРНГ].

Наиболее близкие значения данной лексемы отмечаются в польском: 'главный корень, главный ствол дерева', польск. диал. 'основная доска у прялки' [ЭССЯ 17].

В говорах всех трех языков, но чаще в русских, зафиксировано название *ручка* (реже *рукоятка*). На русской территории оно не образует одного обширного ареала, но распространено почти по всей территории, по преимуществу вокруг больших городов: Москвы, Петербурга, Новгорода, Ярославля, на территории позднего заселения, во многих говорах сосуществуя с другими наименованиями. Этот факт свидетельствует о его вторичности, так как цеп выходил из употребления, связанные с ним специальные названия забывались, а в случае необходимости употреблялось родовое деспециализированное наименование *ручка*. На карте с помощью изоглоссы обобщенно показана территория бытования этой лексемы в русских говорах. Наименование *ручка* встречается в украинских говорах [Дзендзелевский 1959; Никончук 1985; АУМ 3, материалы] и единично в белорусских [ДАБМ, комментарии].

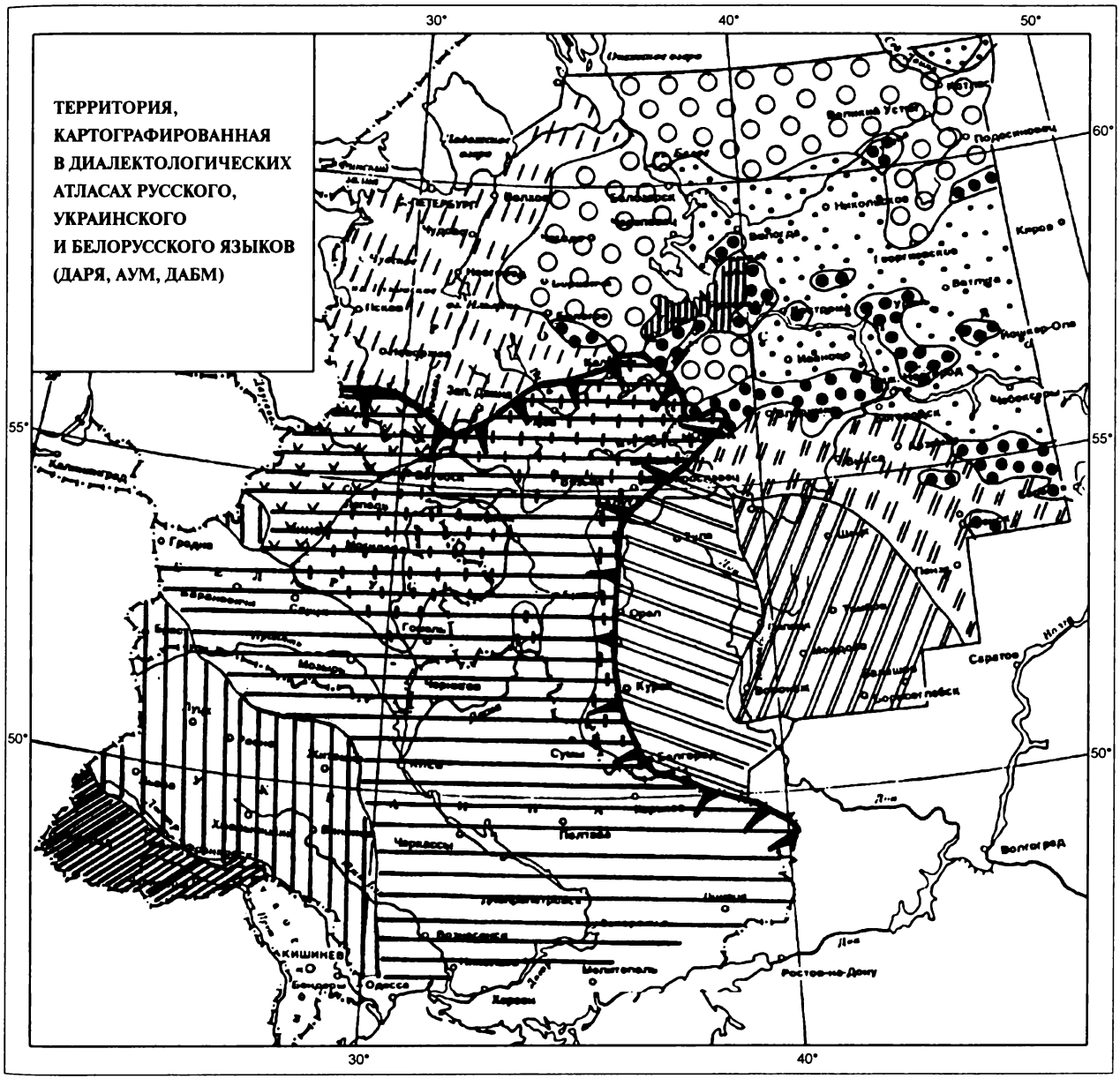
В костромских и нижегородских говорах в качестве названия ручки употребляются лексемы *батóг*[8], *батожóк*, *бадóг*, *бадожóк*, *падóг* и др. Они широко известны во всех славянских языках со значениями 'палка', 'жердь', 'кол', 'посох', 'бич', 'кнут', 'плеть', 'трость', 'шест' и др. Но только в русских говорах данные номинации обозначают части цепа, при этом гораздо чаще бьющую часть орудия (см. ниже). Названия *батог*, *батожок* часто употребляются диалектоносителями при объяснении устройства орудия и не являются собственно терминами, о чем свидетельствует большое количество примеров как в материалах ДАРЯ, так и в региональных словарях, например: «Приузом молотили, батожок длинный, к нему на ремешке привязывается битень, тоже батожок покороче. Онеж.» [СРГК 1994]. Когда цепы вышли из употребления, деревянные составляющие стали называть любым именованием со значением 'палка'.

На территории восточной части ярославских говоров, в костромских, и нижегородских говорах, судя по материалам ДАРЯ, наблюдается наибольшее смешение (чересполосица) различных родовых наименований ручки цепа: так, кроме упомянутых *батог* и под., отмечены *черен*, *черенок*, *палка*, *кадка*, *ручка*, а в отдельных говорах известно сосуществование двух лексем. На карте это смешение показано отдельным знаком. Деспециализированное название *палка* чаще приводится в северо-западной диалектной зоне, образуя небольшие ареалы. В этой зоне вообще много населенных пунктов, не содержащих ответов на вопрос, связанный с наименованием цепа и его составляющих.

Перейдем к описанию названий бьющей части цепа и прежде всего рассмотрим те из них, которые дают четкие и значимые ареалы. Более других в Восточной Славии известны номинации, производные от глагола **biti*, имеющие прозрачную внутреннюю форму: рус. *бич*, *бúчик*, *бичýк*, *битéц*, *обичёвка*, *бúло*; блр. *біч*, *бічýк*, *біцýк*, *абічóўка*, укр. *бич*, *биáк*, *бúлень*. Восточная граница фиксации упомянутого корня почти полностью совпадает с 36° в. д. и, проходя по левому берегу Оки через Калугу и Серпухов, достигает Москвы; северная граница идет южнее Опочки, Торопца, Великих Лук, Твери. Самое распространенное назва-

[8] Заметим, что в качестве наименования самого орудия – цепа – *бадог*, *бадожок*, *батожок*, *батожчик*, *батуг* отмечены в архангельских говорах [АОС I], а *батыг* в Пеновском районе Тверской обл. [Селигер 2003].

Карта № 3. Названия бьющей части цепа *

* Расшифровку легенды см. на с. 160.

ние рус. *бич*, блр. *біч*, укр. *бич* занимает юго-западную часть русской территории, белорусские центральные и юго-западные говоры, а также северо-восточную часть украинских (см. карту 3). Вокруг Невеля находим образование *обичёвка*, ареал продолжается в белорусских говорах и доходит до Полоцка. По Днепру, севернее Смоленска, зафиксировано слово *бичик*, кроме того, оно встречается на восточной периферии ареала *бич*; южнее Смоленска по линии Смоленск – Сычевка вплоть до Рославля и Вязьмы отмечено наименование *бичу́к*. В украинских закарпатских и прикарпатских говорах бытует лексема *би́лень*, не засвидетельствованная в материалах других восточнославянских атласов. В западных и южных говорах Украины широкой полосой располагается ареал наименования *бия́к*, который имеет продолжение в брестских говорах Белоруссии. В украинских говорах позднего заселения распространена лексема *біч* [АУМ 3].

Архаичное название *би́ло* не образует четких крупных ареалов, оно встречается в отдельных населенных пунктах по всей территории ДАРЯ, образуя небольшие рваные ареалы, перемежающиеся ареалами названия *молотило*, лишь в костромской группе северного наречия. Оно единично зафиксировано также в украинских и белорусских говорах.

Подобно названиям ручки, наименования бьющей части в русских диалектах часто образованы от корня **сěр-*. Так, дериваты *цепе́ц*, *кепе́ц*, *тепе́ц*, *цепо́к*, *кепо́к*, *тепо́к* известны в основном в псковских и новгородских говорах. Происхождение наименование *тепец* может иметь двоякое объяснение: 1) на тех территориях, где известен переход [к'] > [т'], *кепец* дало *тепец*; 2) в говорах, где нет подобного перехода, возможно, *тепе́ц* образовано от глагола *тепти́* 'бить' [Фасмер III; Николаев 1994: 38].

Интересно проследить распространение названия *цепе́ц*. Оно имеет основной ареал в южнопсковских говорах, а затем узкой полосой проходит через селигеро-торжковские, тверские говоры, далее встречается севернее Москвы и в восточных среднерусских говорах по линии Касимов – Муромом – Алатырь.

С территорией, на которой известно именование *цепец*, соседствуют ареалы еще двух дериватов от корня **сěр-*: *цепни́к* и *цепи́льник*, отмеченные во владимирских, рязанских говорах и южнее г. Алатыря.

Анализируя географию перечисленных выше названий, можно заметить соответствие описанного ареала так называемому «кривичскому поясу», связанному с переселением южнопсковских кривичей на восточные земли [Филин 1972: 60]. Данная территория характеризуется пучком архаических изоглосс, рассмотренных в [Николаев 1988]. Кривичский пояс прослеживается и на лексических картах ДАРЯ: такая же конфигурация свойственна ареалам лексем *одо́нье / оде́нье* 'большая укладка снопов', *сто́йка / стоя́нка* 'малая укладка снопов', *па́лец*, *напа́лок* 'рукоятка на косовище' [ДАРЯ III].

Наименования *тепе́ц*, *тепо́к* образуют большой и довольно четкий ареал в восточной группе южного наречия (рязанские, тамбовские, воронежские говоры), для данной территории с большой долей вероятности можно говорить о связи рассматриваемых слов с глаголом *тепти*. Из других славянских языков в качестве бьющей части цепа *терес* отмечен в словенском языке [Pletersnik 1894].

Компактный ареал в южнорусских говорах занимает лексема *цепи́нка*, образованная от корня **сěр-*: изоглосса, ее ограничивающая, проходит через Белгород – Курск – Орел – Калугу – Серпухов – Москву – Коломну – Липецк. По границам этого ареала между названиями *цепинка* и *тепец* зафиксирована *тепи́нка*. Наименования *цепинка / тепинка* Николаев считает «собственно вятичской лексической инновацией, ареал которой хорошо соответствует ареалу вятичей» [Николаев 1994: 42].

Во владимирско-поволжских и примыкающих к ним костромских говорах в качестве бьющей части известны дериваты от глагола **moltiti* — *молоти́ло* и *молоти́лка*. Территория их распространения представляет собой небольшие разрозненные ареалы, в то время как те же слова в качесте названия самого орудия дают большой и компактный ареал в севро-восточной зоне (см. карту 1). Вероятно, первоначально они обозначали именно бьющую часть (название дано по функции), а затем были перенесены на все орудие. *Молотило* в качестве названия бьющей части цепа зафиксировано в [СлРЯ XI–XVII, 9], там же отмечено прилагательное *молотильный*.

Как уже говорилось, на территории северного наречия в качестве названия бьющей части цепа встречается лексема *бато́г* и варианты: *бадо́г*, *пато́г*, *адо́г*.

Происхождение слова *бато́г* этимологами трактуется по-разному. Одни считают это образование славянским: **batogъ* — производное от основы глагола **batati* 'бить, колотить' [ЭССЯ 1: 165–166], другие же — заимствованием (иранским, тюркским). Повторим, что в русских говорах *бато́г* и варианты могут означать любую из деревянных частей цепа, а также вообще деревянную палку, используемую для различных нужд. В значении 'бьющая часть цепа' *батог* широко распространен в вологодских говорах, бело-

зерско-бежецких и южной части ладого-тихвинских без сосуществования с другими наименованиями этой части орудия. Наличие вариантов с меной глухих и звонких согласных объясняется фонетическими особенностями тех говоров, в которых они распространены. В них более важным является противопоставление согласных по напряженности/ненапряженности, а глухость/звонкость выступает как сопутствующий признак [Касаткин 1999]. В качестве бьющей части цепа варианты *бадог*, *батог* и др. дериваты с таким же корнем широко распространены в архангельских говорах [АОС, СГРС], не картографированных в ДАРЯ.

В вологодских и костромских говорах известен достаточно обширный ареал родового названия *палка* (*палочка*), при этом сосуществования с другими, носящими терминологических характер именованиями почти не отмечено, в двух десятках населенных пунктов на этой территории дано составное название *молотилна(я) палка*. Можно предположить, что именно его имела бьющая часть, со временем определение *молотильная* утратилось.

Кроме номинаций, имеющих значительные и четкие ареалы, встречаются и такие, которые отмечены в единичных пунктах по всей территории ДАРЯ: *дуби́нка*, *дубе́ц*, *па́дубок*, *валёк*, *колоту́шка*, *голо́вка*, *головя́шка*. Скорее всего они носят вторичный характер и возникли в тот период, когда орудие стало выходить из обихода.

Итак, мы развернули подробное лингвогеографическое описание наименований цепа и составляющих его деревянных деталей, которые имеют хорошо читаемые ареалы, некоторые из них восходят к праславянскому лексическому фонду, а потому обладают вкупе с явлениями других языковых уровней диагностическими свойствами при толковании членения восточнославянского диалектного континуума.

Белорусские, украинские и юго-западные русские говоры объединяются в большой ареал, в котором орудие именуется *цеп*, названия ручки — производные с корнем **сёр-*: *цепи́льно́*, *цепи́льня*, *цепови́ло*, *цепови́дло*, *цепови́льня*, а названия бьющей части образованы от основы глагола **biti*: *би́лень*, *бия́к*, *бич*, *обичёвка*, *би́чик*, *бичу́к*. Похожую конфигурацию имеют изоглоссы и других лексических явлений, например, ареалы слова *ха́та* 'крестьянская жилая постройка', *жи́то* 'рожь', *мост* 'пол' и т. д. (ДАРЯ III). В исследовании [Филин 1972: 520–534] приведены слова, названные «лексическими диалектизмами ранней поры», которые также соотносимы с названной территорией: *(о)болонье* 'низменное поречье, луг'; *глей* 'глина', *глек* 'кувшин' (см. также [Трубачев 1966: 218]); *ба́гно* 'топь, болото'; *крини́ца* 'родник, ключ' [Трубачев 1966: 221–225], *яр* 'овраг'. Таким образом, целый ряд лексических изоглосс объединяет белорусские, украинские и юго-западную часть русских говоров.

Противопоставление юго-западных и северо-восточных территорий в рамках восточнославянского языкового континуума имеет давнюю традицию. Обособлению юго-западных диалектов в языковом отношении способствовали исторические события: Литовско-Русское государство, а далее польско-литовский государственный союз [Филин 1972: 60; Аванесов 1955; Горшкова 1972].

Подробное лингвогеографическое описание распространения наименований орудия и его деревянных частей в их соотношении даны в [Букринская, Кармакова 1998]. По рассматриваемому комплексу, как и по некоторым другим лексическим чертам, русские говоры представляют собой более дробное образование, нежели говоры белорусского и украинского языков. Сплошной анализ карт лексического выпуска ДАРЯ позволяет выделить на основе пучков изоглосс несколько значимых ареалов: 1) новгородско-ладого-тихвинский; 2) псковский; 3) южнопсковско-смоленский (продолжается в северо-восточных белорусских говорах); 4) владимирско-поволжский; 5) южный центральный; 6) юго-восточный [Букринская, Кармакова 2004].

Исходя из положения об устойчивом характере лексики, которое разделяют многие лингвисты (В. Манчак, В. Порциг, П. Ивич, О. Н. Трубачев, Г. А. Климов, А. Ф. Журавлев), допустимо утверждать, что отдельные пучки лексических изоглосс выделяют территории, соотносимые с племенными языками: словен — новгородско-ладого-тихвинский ареал, псковских кривичей — псковский ареал, южных кривичей — южнопсковско-смоленский ареал, вятичей — южный центральный ареал, славян Верхнего Дона — юго-восточный ареал, а с восточнославянским племенем славян, носителей браслетообразных сомкнутых височных колец [Седов 1994], соотносим владимирско-поволжский ареал, составляющий ядро центральной диалектной зоны и расположенный в Волго-Клязьминском междуречье [Букринская, Кармакова 2003]. По мнению Николаева, именно этот диалект лег в основу русского литературного языка [Николаев 1994], вот почему изучение данной территории представляет, на наш взгляд, несомненный интерес. Однако рассматриваемый регион, как видно из карт 2 и 3 по названиям деревянных частей орудия (и по некоторым другим лексическим картам), характеризуется смешением различных диалектных черт. Это объясняется тем фактом, что территория Волго-Клязьмин-

ского междуречья не являлась этнически однородной. Так, в VIII–IX вв. ее населяло упомянутое выше восточное славянское племя, которое В. В. Седов называет «северной ветвью восточного славянства» [Седов 1999: 265–267]. В X–XI вв. сюда с юга пришли вятичи, а с XI–XII вв. на этих землях расселились южные кривичи, кроме того, на севере описываемой территории обнаружены археологические памятники, свидетельствующие и о поселении словен. Поэтому, изучая лингвистические феномены, отмечаемые на подобных «пестрых» территориях, всякий раз следует тщательно анализировать ареал распространения явления, сопоставляя его с изоглоссами других архаических черт, данными славянских языков и археологии.

РЕПЕРТУАР НАЗВАНИЙ ОРУДИЯ ДЛЯ РУЧНОЙ МОЛОТЬБЫ И ЕГО ДЕРЕВЯННЫХ ЧАСТЕЙ

БЕЛОРУССКИЕ ГОВОРЫ (по ДАБМ)

Назвы цапільна

аб'артайа́ ед.	калтуйа́ ед.	цапавíла	цап'е́л'н'о ед.	цапільно́
аб'и́чышча ед.	к'елтайа́ ед.	цапавíліна ед.	цап'и́л'н'ица ед.	цапíльня
баранав'и́к ед.	па́лка ед.	цапавíльна	цап'и́л'н'о ед.	цапо́льна ед
быче́л'но ед.	п'ехаўйо́ ед.	цапавíска ед.	цапíдла ед.	цапо́ка ед.
бычо́вн'а ед.	ру́чка ед.	цапавíшча ед.	цапíдло ед.	цапо́лка ед.
з'аржа́к ед.	цаўйо́ ед.	цапауе́ ед.	цапíла ед.	цэп
з'ажа́н'н'а ед.	цапав'е́лина ед.	цапе́ўйе ед.	цапíлка ед.	чап'и́л'ина ед.
з'ажа́лно ед.	цапав'и́л'н'а ед.	цап'е́н'н'е ед.	цапíльна	чап'и́лна ед.
калтайа́ ед.	цапав'и́на ед.	цап'е́л'ина ед.	цапíльна́ ед.	чап'и́л'н'а ед.
калтаўйа́(о́) ед.	цапавíдла ед.	цапе́л'на ед.	цапíльнішча ед	че́ран ед.

Назвы часткі цэпа — біча

аб'и́ч ед.	б'ица ед.	б'ичо́лка ед.	була́ўка ед.	калтуйа́ ед.
аб'ичейка ед.	б'ицук ед.	б'ичук ед.	быйе́к ед.	к'илтайа́ ед.
аб'ичо́ўка ед.	б'ич ед.	біцу́к	быйо́к ед.	спада́к ед.
абічо́ўка	б'ича́йка ед.	біч	быч ед.	цэп ед.
ба́бка ед.	б'ича́к ед.	бічо́ўка	быча́к ед.	цыбу́к ед.
б'и́ло ед.	б'ича́лка ед.	бічу́к	быч'е́лно ед.	шъбалдо́ўка ед.
бийу́к ед.	б'ичейка ед.	бíчык ед.	үало́ўка ед.	
б'ийе́ц ед.	б'ичо́к ед.	біяк	кача́лка ед.	

РУССКИЕ ГОВОРЫ (по ДАРЯ)

Названия орудия для ручной молотьбы

бадо́к ед.	молоти́ха ед.	привýз ед.	при́муз	прю́за ед.
би́ло ед.	молоти́лка ед.	при́вуза	примý ед.	ручни́к
бич ед.	мотови́ло ед.	привýза ед.	при́муза	самоло́т ед.
кат ед.	оби́ч	привýзь	примýза ед.	свя́слы ед.
кеп ед.	па́лка ед.	при́вяз	при́уз	цеп
кепе́тики ед.	при́воз	привя́з ед.	приý ед.	цепки́ ед.
копа́лки ед.	приво́з ед.	при́вяза	при́узда	цепь
молоти́га ед.	при́воза	при́вязь	при́узд ед.	цоп
молоти́л ед.	приво́за ед.	привя́зь ед.	при́узь	
молоти́лка	при́возь	при́гузь	приу́зь ед.	
молоти́ло	при́вуз	пригу́зь ед.	при́юз ед.	

Названия ручки цепа

бадо́г/к
бадожо́к
бата́жник ед.
бато́г/к
бато́жник ед.
батожо́к
грабе́льник ед.
граблеви́ще ед.
грабови́ще ед.
деревя́шка ед.
держа́ ед.
держа́вень ед.
держа́влень ед.
держа́к
держа́лен
держа́лень
держа́лец ед.
держа́лина ед.
держа́лка
держа́ло
держа́лок ед.
держа́ль ед.
держа́лье
держа́льник
держа́льня
держаны́ ед.
держа́нье
дуби́нка
ка́дка
ка́дочка
кады́лка
кады́шечка
кады́шка
ка́дца
ка́дца молотильна ед.
ка́дце
ка́дце молотильно ед.
ка́дцо
кады́шка ед.
ка́точка
кату́шка
кеви́на
кевье́
кекеви́на ед.
кепе́тик ед.
кол ед.
коло́дка ед.
коло́дочка ед.
коло́мно ед
кула́к ед.
ма́тка
ма́тица
ма́точка ед.
молоти́лка
молоти́ло
молоти́льник
мутови́ще ед.
мя́тица ед.
обиче́вье ед.
око́сье ед
падо́г/к
падожо́к
па́лка
па́лка молотильная ед.
па́лочка
при́воз ед.
при́возь
при́вузь
при́гузь ед.
при́уз
при́узь
пуговье́ ед.
рыча́г ед
ра́твище ед.
ра́товище ед
ра́товье ед.
руковя́тка ед
рукоя́тка
рученóк ед.
ру́чка
ру́чка молотильная ед.
ручни́к ед.
стебло́ ед.
стеболя́вина ед.
стегно́ ед.
тевúн ед.
тевúна
тевье́
тепи́лина
тепи́линка
тепи́льня
тепи́шница ед.
три́бица ед.
тру́бица ед
тя́га ед.
тепе́ц
цеви́лина
цеви́на
цеви́нка
цевье́
цеп
цепе́лина ед.
цепе́ль ед.
цепе́льна
цепе́льник ед.
цепельни́ще ед.
цепе́льня ед.
цепе́ц
цепи́вна ед.
цепи́вня
цепи́ла ед.
цепи́лен ед
цепи́лина
цепи́линка
цепи́лка ед.
цепилно́
цепи́льна
цепи́льник
цепильно́
цепи́льня
цепи́ля ед.
цепи́на
цепи́нка
цепи́ще
це́пка ед.
цепли́на ед.
цепни́к
цеповúлина
цеповúна
цеповúнка
цеповúще
цепы́льня ед.
цоп ед.
чапи́на ед.
чепе́лина ед.
чепи́лина ед.
чепи́на ед.
че́рен
черени́ще ед.
черено́ ед.
черенóк ед.
чере́нь
черешóк ед.
ше́стик ед.
шестóк ед.

Названия бьющей части

бада́г ед.
бадо́г
бадожо́к
бадожо́к молотильный ед.
бадожúнка ед.
бадёк молотильный ед.
баду́г ед.
бата́г ед.
бато́г
бато́г молотильный ед.
бато́жинка ед.
бато́жка ед.
бато́жник ед.
батожо́к
бато́чек ед.
бúвень ед.
бúйчик ед.
бúлица ед.
бúлка ед.
бúло
бúльчик ед.
бита́ ед.
бúтень ед.
бúтец ед.
бúтик ед.
бúтка ед.
битóк ед.
бúтца ед.
бúтчик ед.
битю́к ед.
бич
бичéйка ед.
бúчик
бичúк ед.
бúчичег ед.
бúчук ед.
боёк ед.
бота́лочка ед.
брусóк ед.
буёк ед.
булы́жник ед.
бу́тышко ед.
бухáло ед.
бухта́ло ед.
валёк
валóк ед.
верту́шка ед.
гúрька ед.
головúца
голóвка ед.
головя́шка ед.
де́рево ед.
дубúнка
дубúночка
ка́дка
ка́дочка
ка́дочка молотильная ед.
кадýшечка ед.
кадýшка
ка́дца
ка́дцо
калдáй ед.
калдáсик ед.
калдáш ед.
калдáшник ед.
калдéй ед.
капе́ц ед.
капúтик ед.
катóк
катóчек ед.
кату́к ед.
качáлка ед.
кевéц ед.
кевúна ед.
кепе́тик ед.
кепе́ц
кепúнка
кепóк
кепь ед.
кúпец ед.
киселя́йка ед.
колобáшка ед.
колотáшка ед.
колотúлка ед.
колоту́шка
конéц ед.
кувыкáлка ед.
кяп ед.
лотóк ед.
мáтица ед.
мóлот ед.

молоте́бельник ед.
молоте́льник ед.
молоти́лка
молоти́ло
молоти́льник
мота́лка ед.
мотови́ло ед.
нацеплина ед.
нацепник ед.
нацепничек ед.
нос ед.
обива́лка ед.
оби́ч ед.
обича́йка ед.
обичёвка
оби́чец ед.
оцеп ед.
па́дбица ед.
па́двица ед.
па́дбок ед.
па́йдубок ед.
па́дбук ед.
па́довица
падожо́к ед.
па́дубник ед.
па́дубок
па́лка
па́лка боевая ед.
па́лка молотильная ед.
па́лка обо́йная ед.
па́лочка
па́лочка молотильная ед.
пано́к
побато́г ед.
побива́ло ед.
поби́тчик ед.
подве́сок ед.
подцеп ед.
поле́но ед.
поле́нце ед.
поле́шко ед.
поли́нце ед.
поля́к ед.
по́сох ед.
пошибок ед.
привуза ед.
привязь ед.
при́уз
при́уза
при́узда ед.
приузь ед.
ска́лка ед.
стеба́лка ед.
стебло́ ед.
стежо́к ед.
сту́калка ед.
тепе́ц
тепе́чик ед.
тепи́лка ед.
тепи́льник ед.
тепи́на ед.
тепи́нка
тепи́ночка ед.
тепни́к
тепо́к
тепо́чек ед.
те́почка ед.
те́пчик ед.
уда́рник ед.
хлесто́к ед.
хлыст ед.
ходу́линка ед.
цев ед.
цеви́на ед.
цевьё ед.
ценапе́льник ед.
цеп
цепа́льник ед.
цепе́льник
цепе́льнички
цепе́льня ед.
цепе́ц
це́пик ед.
цепи́лина ед.
цепи́лка ед.
цепи́ло
цепи́льник
цепи́льня ед.
цепи́на ед.
цепи́нка
цепи́ночка ед.
цепни́к ед.
цепови́на ед.
цепови́нка ед.
цепови́ца ед.
цепо́к
цепы́льник ед.
чепе́ц ед.
чепи́лка ед.
чубу́к ед.
язы́к ед.
ядро́ ед.

УКРАИНСКИЕ ГОВОРЫ (по АУМ)

Частина ціпа, яку тримають у руках

бук ед.
держа́к
держа́лно ед.
держално́ ед.
де́ржал'но ед.
де́ржало ед.
держа́ло ед.
держа́лен' ед.
де́ржело ед.
держа́но ед.
де́ржина ед.
ди́ржак ед.
па́лиц'а
па́лка
прут ед.
пал'і́чка ед.
рукоя́тка
руковя́тка ед.
ручни́ца ед.
ру́чица ед.
ру́чка
ручн'е́к ед.
трима́к ед.
цев'йо́
цепі́дло ед.
цип'і́лн'а ед.
ципи́ско ед.
ципо́виско ед.
ціпа́л'н'а ед.
ціпе́л'н'а
ціпи́лно
ціпи́л'но
ціпи́ло
ц'іпи́на́ ед.
ціпи́н'а ед.
ц'іпин'е́ ед.
ц'іпи́лна ед.
ц'іпи́ло ед.
ц'іпи́ви́но ед.
ц'іпови́но ед.
ціпи́лишче е.
ц'іпи́л'н'а ед
ц'іпи́л'н'е
ц'іпи́л'ник ед.
ц'іпи́лно
ц'іпи́л'но
ц'іпи́ўно
ц'іпи́но
ц'іпи́шче ед.
ціпови́на
ц'іпел'н'а́нка
ц'іпо́ўйе ед.

Частина ціпа, якою б'ють

бат'і́г ед.
биёк ед
би́лен ед
би́лен' ед
би́чик
бича́к ед
бия́к
би́ло ед
бич
бы́л'це ед
бійа́к
біч
бі́лен'
біли́нйа ед.
б'іл'а́к ед.
дриўце́ ед.
забийа́к ед.
ка́челка ед.
кій ед.
ме́ч'ік ед.
обийе́к ед.
па́лка ед.
ціпил'но́
ц'іпи́нка ед.
цурпа́шок ед.
убива́л'ник ед.
уда́рн ик ед.
хлест ед.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов 1955 — *Р.И.Аванесов.* Проблема образования языка русской (великорусской) народности // ВЯ, 1955, №5.

Азарх 2000 — *Ю.С. Азарх.* Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000.

АОС — Архангельский областной словарь. Вып.1. Изд. МГУ, 1980.

Бьёрнфлатен 1993 — *Ян.И.Бьёрнфлатен.* Псковские говоры в общеславянском контексте // Норвежские доклады на XI съезде славистов (Братислава, сентябрь 1993 г.). Осло, 1993.

Букринская, Кармакова 1998 — *И.А.Букринская, О.Е.Кармакова.* Интерпретация лексических изоглосс в связи с вопросами раннего диалектного членения восточнославянских языков // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. М., 1998.

Букринская, Кармакова 2003 — *И.А.Букринская, О.Е.Кармакова.* Противопоставление центральных и периферийных ареалов в восточнославянской лингвогеографической традиции // Славянское языкознание. Материалы конференции. К XIII Международному съезду славистов. М., 2003.

Букринская, Кармакова 2004 — *И.А.Букринская, О.Е.Кармакова.* Лингвистическое картографирование как метод изучения лексики диалектов // Исследования по славянской диалектологии, 9 .М., 2004.

Герд 2001 — *А.С.Герд.* Очерк исторической диалектологии Верхней Руси (История ландшафта). СПб., 2001.

Глускина 1968 — *С.М.Глускина.* О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке // Псковские говоры. Вып. II. Псков, 1968.

Горшкова 1972 — *К.В.Горшкова.* Историческая диалектология русского языка. М., 1972.

Гриценко 1984 — *П.Ю.Гриценко.* Моделювання системы диалектной лексики. Київ, 1984.

Гриценко 1990 — *П.Ю.Гриценко.* Ареальне варювання лексики. Київ, 1990.

Дзендзелевский 1959 — *Й.О.Дзендзелівський.* Назви сільскогосподарських знарядь та їх частин у говорах закарпатськоі области // Ужгородський університет. Наукові записки, т. XXXVII. Філологія. 1959.

Зализняк 1988 — *А.А.Зализняк.* Древненовгородское койне // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.

Захарова, Орлова 1964 — *К.Ф.Захарова, В.Г.Орлова.* Диалектное членение русского языка. М., 1964.

Зеленин 1992 — *Д.К.Зеленин.* Восточнославянская этнография. М., 1992.

Кармакова 1991 — *О.Е.Кармакова.* Изучение комбинаторики цепа и его частей // Современные русские говоры. М., 1991.

Касаткин 1999 — *Л.Л.Касаткин.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Комягина 1994 — *Л.П.Комягина.* Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.

Николаев 1988 — *С.Л.Николаев.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.

Николаев 1989 — *С.Л.Николаев.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.

Николаев 1994 — *С.Л.Николаев.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ, 1994, № 3.

Николаев 1998 — *С.Л.Николаев.* Восточнославянский континуум с точки зрения исторической лингвогеографии // Международная конференция «Проблемы сравнительно-исторического языкознания в сопряжении с лингвистическим наследием Ф.Ф.Фортунатова. Тезисы докладов. М., 1998.

Никончук 1985 — *М.В.Никончук.* Сільскогосподарська лексика правобережного Полісся. Київ, 1985.

Опыт 1852 — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением имп. Академии наук. СПб., 1852.

Речник 1975 — Българско-английски речник. София, 1975.

Русские 1967 — Русские. Историко-этнографический атлас: Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. М., 1967.

СГРС — Словарь говоров русского севера. Т.1, Екатеринбург, 2001.

Седов 1994 — *В.В.Седов.* Восточнославянская этноязыковая общность // ВЯ, 1994, №4.

Седов 1999 — *В.В.Седов.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999.

Селигер 2003 — Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь, Вып. 1. СПб., 2003.

Словарь донских говоров — Словарь русских донских говоров, т.1 — 2. Изд. Ростовского университета, 1991.

Сл.РЯ XI — XIII — Словарь русского языка XI–XIII вв., вып. 9. М., 1982.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–4. Изд. СПб университета, 1994–1999.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–39. Л., СПб., 1965–2005.

Толстой 1997 — *Н.И.Толстой.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // *Н.И.Толстой.* Избранные труды. Т. I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.

Трубачев 1966 — *О.Н.Трубачев.* Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966.

Филин 1936 — *Ф.П.Филин.* Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.–Л., 1936.

Филин 1972 — *Ф.П.Филин.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.

Хабургаев 1979 — *Г.А.Хабургаев.* Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979.

Чукалов 1972 — *С.К. Чукалов.* Русско-болгарский словарь. М., 1972.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–.

ЯОС — Ярославский областной словарь. Т. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

MAGP — Mały atlas gwar polskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, t. XII, 1969.

Plet. — *M.Pleteršnik.* Slovensko-nemški slovar. I–II. Ljubljana, 1894–1895.

Polski atlas etnograficzny. 1958 — Polski atlas etnograficzny. Zeszyt próbny. PAN. Wrocław, 1958.

Карта № 1. Названия орудия для ручного обмолота

	Русск.	Блр.	Укр.
1	цеп	цэп	ціп
2	молоти́ло	–	
3	молоти́лка	–	–
4	при́уз, при́узь, при́вуз	–	–
5	при́вяз, при́вязь	–	–

Карта 2. Названия ручки цепа

	Русск.	Блр.	Укр.
1	цепи́лина цепи́льна цепи́льня	цапі́льна цапі́льня	ціпи́лно ціпи́льно ціпи́ўно
2	цепови́льна	цапавіла цапавідла цапавільна	–
3	цепильно́ цепилно́	цапільно́	–
4	держа́лень держа́лка держа́к	–	держа́к
5	цеви́на, тевина́, кевина́	–	–
6	ма́тка, ма́тица	–	–
7	ка́дка, ка́дца, ка́дочка, кадуш́ка	–	–
8	территория бытования названия ру́чка		
9	отмечены различные наименования: бато́г, падо́г, че́рен, черено́к, па́лка, ка́дка		

Карта № 3. Названия бьющей части цепа

	Русск.	Блр.	Укр.
1	ареал названий, образованных от глагола *biti		
2	бич	біч	бич
3	бичу́к,би́чик	бічу́к, біцу́к, бі́чык	–
4	обиче́вка	абічо́ўка, бічо́ўка	–
5	–	бія́к	бия́к
6	би́ло	–	–
7	–	–	би́лень
8	цепе́ц, тепе́ц, кепе́ц	–	–
9	цепе́ц, цепи́льник, цепни́к	–	–
10	тепе́ц, тепо́к	–	–
11	тепи́нка, цепи́нка	–	–
12	молоти́ло, молоти́лка	–	–
13	бато́г, бадо́г	–	–
14	па́лка	–	–

Г. П. КЛЕПИКОВА

Названия укладок снопов (в поле)

Программы восточнославянских атласов содержат два вопроса, посвященных наименованиям укладок снопов в поле. Эти вопросы (а также темы карт, созданных на основе собранных по этим вопросам материалов) формулируются следующим образом.

1. 'малая укладка снопов в поле' (ДАРЯ, в. 152; тема к. № 50 в 3-м т. — «Названия малых укладок снопов зерновых культур»); 'малая укладка снапоў ў полі' (ДАБМ, в. 205; тема к. № 286 — «Назвы малой укладкі снапоў ў полі»]; 'купа, у яку складають снопи у полі' (АУМ, в. 29; тема карт — «копи [снопів у полі]» [т. 2, к. № 318, т. 3/1, к. № 98, т. 3/2, к. № 103; некартографированные материалы 1-го т. см. в: АУМ 3/4, с. 101]). **2.** 'большая укладка снопов *или* сена в поле' (ДАРЯ, в. 153; тема карты № 51 в 3-м т. — «Названия больших укладок снопов *и* сена»); 'вялікая укладка снапоў ці сена ў полі' (ДАБМ, в. 206; тема карты № 288 — «Пашырэнне слоў *стог*, *скірда*, *тарпа*»); 'велика кладка снопів у полі, на току' (АУМ, в. 30; карты не составлялись, материалы ответов см. в: АУМ 3/4).

Приведенные выше сведения позволяют сделать некоторые выводы относительно общих условий сопоставительного изучения и картографирования интересующих нас названий в масштабах восточнославянского диалектного континуума.

Во-первых, в собранных примерно в середине XX в. диалектных материалах, по-видимому, находит косвенное отражение (а для многих природно-экономических зон Европейской части бывш. СССР, возможно, и реконструкция) достаточно архаичной стадии развития одного из направлений сельскохозяйственного производства — земледелия, — базировавшегося преимущественно на широком применении ручного труда и — соответственно — ограниченном применении несложных сельскохозяйственных машин [1]. Очевидно также, что по мере постепенной механизации полевых работ, — за счет, в частности, роста числа и мощности уборочных машин, например, комбайнов (там, где это было возможно и рентабельно по природным условиям — центр и юг России, отдельные районы Беларуси, бóльшая часть Украины), традиционные методы и приемы уборки урожая (скашивание, вязание снопов формирование из них «укладок» различной величины и формы — для просушивания хлебов и т.д.) были заменены новыми, соответствовавшими использованию более совершенной техники (прямой обмолот в поле, вывоз готового зерна на механизированные токи для его сушки или непосредственно на элеваторы и под.). Старые традиции уборки зерновых культур лучше сохранялись в тех зонах Восточной Славии, где современные машины не могут быть применены в полной мере (ср., например, районы Русского Севера, горные и предгорные районы на юго-западе Украины и др.). Значительные изменения в практике сельскохозяйственного труда по существу никак не отражаются в материалах атласов, хотя, вероятно, многие случаи функционирования в говорах лексических дублетов могли быть комментированы в духе учета указанного внеязыкового фактора.

Во-вторых, близкие в целом формулировки соответствующих вопросов Программ трех атласов, анкетированные диалектные данные и составленные на их основе в каждом атласе карты обнаруживают вместе с тем значительные различия, что существенно затрудняет их *прямое* сопоставление и изучение. Эти различия описываются с помощью не только лингво-ареалогических критериев (= противопоставленность ~ непротивопоставленность, многочленность ~ одночленность, многоплановость ~ одноплановость и др.) [2], но также и критерия «осложненность *внеязыковыми* различиями». Последний дает возможность квалифицировать некоторые диалектные явления, отраженные на картах национальных атласов, как имеющие статус «лексико-внеязыковых» (точнее — «лексико-этнографических») [3]. Несомненно, при сопоставительном изучении различий такого рода «внеязыковая (=этнографическая) составляющая» требует особого внимания, — для того, чтобы обобщающая данные отдельных атласов карта отражала прежде всего собственно языковые (= лексико-семантические) различия, а различия внеязыкового плана (определяемые мерой неполной тождественности самих реалий) были, по возможности (зависящей в конечном счете от *качества* материалов этих атласов), минимизированы.

Рассмотрим вначале характер лексико-внеязыковых различий, отмечаемых в названиях реалии 'боль-

шая укладка...' — как они зафиксированы в национальных атласах.

Так, на к. № 51 ДАРЯ присутствуют названия не только с н о п о в, но и с е н а. При этом из-за неполноты семантической информации география каждого из значений картографируемых лексем (например, *зарод*, *одонье* и др.) не всегда устанавливается точно [4]; остается неясным и распространение наиболее частотной лексемы *скирд(а)* и ее вариантов [5]. В ДАБМ (к. № 288) устанавливается распространение названий *стог*, *скірда*, *тарпа*, однако сведения об их семантике, содержащиеся в комментариях, неполны, что не позволяет дать их точную ареалогическую характеристику [6]. Наконец, в АУМ, как указывалось выше, содержатся лишь комментарии к собранным материалам по в.30, при этом ответы собирателей редко приводятся с перечислением анкетированных нас. пп., чаще всего дается обобщенное описание ареалов, охватывающих те или иные группы говоров [7] (попутно, где это возможно, уточняется семантика отдельных лексем). Наконец, в АУМ нашли частичное отражение названия укладок из *несвязанных* в снопы зерновых [8]. Сказанное выше свидетельствует о значительных трудностях, препятствующих детальному изучению названий 'больших укладок...' в масштабах *всей* Восточной Славии.

Более перспективным представляется сопоставительное изучение названий 'малой укладки снопов в поле', поскольку материалы национальных атласов были собраны с учетом нескольких общих признаков самой реалии. Такими признаками являются прежде всего (*1*) «(снопы) *зерновых* культур» [9] и (*2*) «нахождение (укладки снопов) *в поле*» [10].

(*3*) Вместе с тем признак «величина укладки» (=количество снопов в ней) понимается (и, следовательно отражается на картах атласов) по-разному, что должно учитываться при сопоставлении имеющихся данных. Так, с одной стороны, составители карт в ДАРЯ и ДАБМ исходят, по-видимому из некоторого обобщенного, количественно непостоянного, понятия «малой укладки» [11], и точное число снопов отражено лишь в названиях укладки из 10-ти снопов, ср. рус. диал. *деся́ток*, *деся́тка* и др. (ДАРЯ, к. № 50, комм. с. 161), бел. диал. *дзеся́тка*, *дзеся́так* и др. ([*z'a*=, *z'u*=, *z'e*=] — ДАБМ, к. № 286, комм. 875 и сл.) [12].

С другой стороны, на картах АУМ основные противопоставления явлений связаны с презентацией названий, содержащих *точные* указания на различие в численности снопов в разных видах малых укладок. Хотя формулировка вопроса программы [см. выше] впрямую не ориентирует экспланаторов на сбор соответствующего материала, составители карт принцип учета количества снопов в укладке выбрали в качестве основного; в то же время этот принцип применяется в достаточно общем виде, что позволяет в целом группу подобных названий отграничивать от группы названий укладок, именуемых **большими** и содержащих значительно (на порядок) больше снопов [13].

Последовательно «количественный» критерий при интерпретации и картографировании собранных данных проведен в к. № 318 (АУМ, 2-й т.), ср.: 'названия укладок из 10 снопов' (*де'с'атка/ стро'пец/ 'кучка/ 'л'ашок*): '~ из 15 снопов' (*пйат'нац'атка/ 'купка/ п'іўк'лан'а/ 'мандел*': '~ из 20 снопов' (*'мандел'/ двад'ц'атка/ ма'радик/ по'лук'іпок/ хрест* и др.): '~ из 30 снопов' (*к'лан'а/'мендл'а/ п'іў'копа* и др.) [14]. Ср. несколько иную трактовку противопоставленных явлений на к. № 98 в АУМ 3/1: [*ко'па* '60 снопов'] ~ *п'іў'копа/ по'лук'іпок* (30 снопов), *хрест/ пйат'нац':атка* (15 снопов), *'пйатка* (5 снопов — единично); на к. № 103 АУМ 3/2: [*ко'па* '60 снопов'] ~ *п'іў'копа/ по'лук'іпок* (30 снопов), [*к'лан'а* '60 снопов'] ~ *п'іўк'лан'а/ пйат'надц'атка/ хрест/ к'і'с'ора* (15 снопов) и под.[15]

Таким образом, при сопоставительном изучении интересующих нас названий в качестве равно релевантного для восточнославянских диалектов может быть принято такое обобщенное (= абстрагированное от точного количественного показателя) понимание объекта номинации (= *малая* укладка), которое предложено самими составителями сходных карт национальных атласов и эксплицировано в виде *набора* принятых для картографирования лексических единиц (при отсутствии такой карты в 1-м т. АУМ этот набор может быть установлен по аналогии с данными АУМ 2, 3/1, 2). В то же время допущение подобного понимания «малой величины (укладки)» приводит к необходимости в принципе отказаться от приведения на карте, суммирующей данные национальных атласов, наименований, производных от соответствующих числительных (5, 10, 15, 20, 30, 40 и иных). Это решение может быть дополнительно мотивировано и непоследовательностью, как показано выше, отражения названий такого типа на картах ДАРЯ, ДАБМ, АУМ.

Материалы атласов показывают, что такой признак реалии, как (*4*) «способ укладки снопов» достаточно внимательно учитывался экспланаторами при описании данной лексической группы (особенно при разграничении вариантов, зафиксированных в отдельных говорах). Показателен в этом отношении опыт ДАРЯ, в котором информация о способах укладки снопов за-

нимает важное место в комментарии к к. № 50. В качестве основных отмечены два типа: 1) снопы кладутся на землю горизонтально, в определенном порядке (крест-накрест или в виде сруба); для наименования таких укладок употребляются главным образом лексемы *к(х)рест*, *к(х)рестец* [16], единичны случаи использования данной лексемы в значении укладок иного типа (см. в р-не Брянска, Твери и др. — комм., с. 160); 2)снопы устанавливаются комлями на землю в вертикальном, в наклонном друг к другу положении и сверху накрываются снопом колосьями вниз, в виде веера. Этот тип представлен на русской территории вариантами *формы* укладки — круглая (коническая) укладка (наиболее распространенный вариант) и продолговатая [17], варьируются также число снопов в ней [18] и укладываемые сельскохозяйственные культуры. Существование подобных этнографических различий в некоторых случаях находит отражение в языке в виде специальных терминов для отдельных видов укладок, что фиксируется и собирателями [19]. Вместе с тем полное отражение семантики конкретных лексических единиц в ее связи с явлениями внеязыковой действительности не представляется возможным (см.: ДАРЯ, комм., с. 160). Приведем некоторые пояснения, содержащиеся в комм. к ДАРЯ. В качестве наиболее частотных названий 'укладок конической формы' считаются *ба́бка* (*абабка*, *ababok* и под.) [20], *шиш*, *поп(ок)*, *суслóн*, *ки́лос(а)* [21], 'продолговатой формы' — *гру́д(к)а* [22], *ку́чка* (север) [23], *кочу́ра* (*кочéра*) [24], *кобылка*, *скамейка*, *свинка* и др.; во многих случаях тип укладки не комментируется (там же, с. 162).

В ДАБМ, судя по комментарию к к. № 286 (с. 874), картографировались только названия укладок снопов, «которые поставлены вертикально колосьями вверх и накрыты сверху одним, иногда двумя, снопами, перевернутыми вниз колосьями», поэтому отведены от картографирования названия укладок иного типа, ср. *мéдл'а* 'из 21 снопа, уложенных крестом' (п. 795), *ба́пка* 'скіданы авёс' (п. 175) (там же, с. 875).

При обработке и картографической интерпретации материалов АУМ признак «способ укладки (снопов)», по-видимому, не играл существенной роли, о чем говорит, в частности, редко встречающиеся в комментариях соответствующие пометы собирателей (resp. составителей карт). Так, в АУМ (т. 1) находим пояснения: *ко'па* (60 снопов), «покладених колоссям усередину й покритих снопом зверху» (спорадически во всех говорах тома), *хрест* и под. (15 снопов), «покладених навхрест» (некоторые говоры Левобережной Украины) (АУМ 3/4, с. 101). Можно предполагать, впрочем, что лексемы *хрест (крест*, *криж* и под.) на картах других томов (2, 3/1, 3/2) обозначают укладку того же типа (см. также данные словарей).

При определении оптимального набора лексем, которые должны быть включены на обобщающую карту нашего сопоставительного изучения данной группы названий, важно специально рассмотреть существительные с корнем *стой=/ стай=/ стан=*, зафиксированные во многих восточнославянских диалектах и имеющие заметно варьирующуюся семантику (в пределах семантического поля «земледельческая терминология»). Так, в ДАРЯ в значении 'конусовидная (или продолговатая) укладка' названия *стóйка*, *стоя́нка*, *стóйня* отмечено в виде небольшого и относительно компактного ареала в говорах Северо-Запада (р-н Опочки, В. Лук), восточнее — в ареале островного типа (р-н Торжок – Старица – Тверь [ю.-вост. Твери и *стóюшка*]), далее — *стóйка*, *поставу́шка* (р-ны Волоколамск, Москва), *поставóк* (р-н Александрова); редкие фиксации — в р-не Рыбинска, Владимира (*стóйка*), вост. Костромы (*поставу́шка*) и др. Еще один достаточно компактный ареал распространения *поставу́шка* (впрочем, при параллельном употреблении и иных лексических вариантов) отмечен в р-не Арзамас – Алатырь – Саранск, восточнее — и фиксация названия *стоя́нка* (комм., с. 162, 163). Кроме того, в некоторых говорах северо-запада *стóйка* означает 'горизонтальную укладку' (там же).

По данным ДАБМ, в некоторых говорах юго-востока Беларуси в значении малой укладки (снопов) также употребляются однокоренные, см.: *ставóк*, *стаук'и́*, *станк'и́* (редко) (р-н Мозыря), на юго-западе — *ставéц*, *ста́ўка* 'то же' (р-н Бреста); на севере и западе отмечены небольшие островные ареалы — *стайа́нк'и* (сев. Полоцка, ю. Витебска), *стайа́нк'и*, *стайачк'и́* (редко), *стайа́к* (*стайак'и́*) (зап. Молодечно) (к. № 286 и комм.). В некоторых говорах Украины также известны названия с тем же корнем и в том же значении, см., например: единичные *сто'йан* (сев. Ровно), *с'таўчик* (сев. Ковеля) (АУМ 2, комм. с. 71); сюда же следует относить и термин *с'тайка* 'укладка снопов меньше «копы»' (единично, сев. Николаева — АУМ 3/2, комм., с. 49). В то же время материалы 1-го т. указывают на наличие в говорах однокоренных названий в несколько ином значении, см.: *ста'вок*, *сто'йак* 'ряд из 10–15 снопов' (сев. Коростень), также — *с'тайа* 'ряд снопів або кіп, полукіпків' (островные ареалы в р-не Киев – Канев – Сумы, р-н Полтавы, южнее Винницы, в р-не Кировограда), *с'тайка* 'то же' (р-н Днепропетровска) (АУМ 3/4, с. 101). Единичны случаи фиксации *с'тай-*

ка — ‘большая укладка снопов (= 5–6 «коп» или 20 «хрестов»)’ (р-н Луганска, Северодонецка, так же — в украинских говорах Воронежской обл. России).

Такие различия в семантике лексем с указанными корнями (в том числе — колебания в характеристике объекта номинации *по величине*: «маленькая у.» ~ «большая у.») дают основание отвести перечисленные выше названия от картографирования на обобщающей карте (см. ниже).

* * *

Итак, анализ материалов, содержащихся в национальных атласах и относящихся к названиям ‘малой укладки снопов (в поле)’, выявляет большое число подобных названий, что объясняется, как уже говорилось, не только собственно лингвистическими причинами (манифестированными, в частности, в существовании на территории Восточной Славии многокомпонентного лексического противопоставления, основанного на использовании в диалектах одного или нескольких языков — в процессе номинации данного объекта — *различных* мотивационных признаков[25]), но и причинами внелингвистическими, прежде всего наличием варьирования признаков, характеризующих самое реалию.

Очевидно, что при *сопоставительном* изучении указанной группы терминов, образующих в ареальном плане «сложное диалектное различие, осложненное внеязыковыми различиями» (см. выше), допускающее неполную тождественность набора лексем (= номинаций), набору именуемых объектов (= укладок разных типов и видов)[26], целесообразно оперировать **не** всей совокупностью зафиксированных в атласах лексем, а наиболее значимыми для целей подобного сопоставления, а именно — для описания восточнославянского диалектного ландшафта *в целом* и выявления *основных* единиц его членения, — при том, что их последующая диахроническая интерпретация может быть важна для решения проблем формирования восточнославянского языковой общности.

Отбор лексем для обобщающей карты (см. карту 2) осуществлен на основании , по крайней мере, двух критериев. Во-первых, ареального, т. е. с учетом величины, конфигурации, типа ареала того или иного названия. В результате в «поле сопоставления» должны войти лексемы, а) отмеченные в 3-х или 2-х языках (независимо от величины их ареала), б) отмеченные, как правило, в одном языке, но имеющие в нем значительное распространение, в) как исключение — некоторые лексемы, зафиксированные в небольших ареалах на территории одного языка, но имеющие значение для содержательной характеристики отдельных единиц диалектного членения Восточной Славии (ср., например, ареалы заимствований в русских и украинских говорах)[27]. За редким исключением не картографируются локальные и единичные наименования, содержащиеся в комментариях национальных атласов.

Во-вторых, при отборе лексем важен и учет характера различий самой реалии, находящих непосредственное отражение в ее названиях. Так, из «поля сопоставления» исключаются лексемы, образованные от числительных, поскольку установка на выявление наименований, указывающих на *точное* число снопов в укладке, не была выдержана последовательно ни в одном национальном атласе; и, напротив, принимаются во внимание названия, обозначающие укладки из различного числа снопов (от 5–6 до 30 и даже более), которые информаторами (а также составителями карт) интерпретированы обобщенно — как *малые* укладки (в противоположность *большим*) (см. выше). По соображениям нетождественности реалий отводятся от картографирования и названия с корнями *стай=*, *стой=*, *став=* и под. (см. выше).

Таким образом, в соответствие с изложенным, на обобщающей карте № 2 отражены следующие лексемы (resp. их дериваты).

(1) Рефлексы слав. *babъka (ЭССЯ 1, 107), а также *obbabъka/*obbabъkъ (там же, 26, 93) (при этом значение ‘укладка…’ рассматривается как вторичное) см. в: рус. диал. *бабка* (*бапка*, *абабка*, *баба*, *бабочка*, *бабайка* и др. — ДАРЯ III, комм., с. 161, 162); бел. диал. *бабка* (*бапка*, *абабак*, *ба́бык* и др. — ДАБМ, комм., с. 875 и сл.); укр. диал. *бабка* (АУМ 3/4, с. 101), *бапка* (там же, 3/2, с. 49).

(2) Рефлексы слав. *krъstъ (ЭССЯ 13, 76; Фасмер II, 374; ЕСУМ 2,86; названия ‘укладок’ — вторичны): рус. *к(х)рестец*, *к(х)рест* (*к[х]рестик*, *хрестоκ*, *хрестак*, *хрещик* и др. — ДАРЯ, комм., с. 161, 162); укр. диал. *хрест* (*хрестик*, *хрешчик*) (АУМ 3/4, с. 101), *хрест* (*крист*) (АУМ 2, с. 71)[28], *хрест*(’) (*хрестик*, *христец*’) (АУМ 3/1, с. 23), *хрест* (*хрест’іўка)* (АУМ 3/2, с. 49)[29]; редко, лишь в говорах зап. Ужгорода, вост. Словакии, фиксируется форма *криж* (из западнославянских языков, ср. польск. krzyż, слвц. kríž и под.; о романской этимологии этой формы [: лат. crux, -cis] см. в: Фасмер II, 388; Machek 243 и т. д.). В белорусских говорах, по данным ДАБМ, подобное название встречается редко, ср.: (ў) *кры’жык’и* (сев. Минск).

(3) Дериваты с корнем слав. *klad= (: слав. *klada, *kladъka, *kladьna — от глагола *klasti [ЭССЯ 9, с. 179–181 и сл.]), ср. рус. диал.(редко) *кладка (кладок, кладушка* и др. — ДАРЯ, комм., с. 162); шире подобные названия отмечены в украинском: *к'лан'а (к'лон'а, п'іў'клон'а* и др. — АУМ 3/4, с. 101), *к'лан'а (к'лад-н'а* — АУМ 2, с. 71), *к'лан'а* (АУМ 3/2, с. 49)[30].

(4) Продолжения нем. Mandel '15 штук чего-либо (снопов и др.)', через посредство западнославянских языков (ЕСУМ 3, 379), отмечены в белорусских и украинских говорах, см.; бел. диал. *ме́ндл'а (ме́дл'и, мы́дл'а, ме́тл'а), ме́ндл'ик (ме́дл'ик, мы́дл'ик* и др.), *мы́дел' (ме́тал'), ме́ндал'* и под. (обширный ареал в западной части Беларуси — ДАБМ, комм., с. 875 и сл.). Данное название в виде компактных ареалов зафиксировано в западноукраинских говорах (надсанские, к юго-западу от Львова, а также — в лемковских [р-н Бардейова]; ср. также в говорах на территории Польши — р-н Пшемышля, Бялы Подляской): *'мендил', мен'дел'ік* и под. (АУМ 2, № 318, и с. 71); ср. также буков. *ма́ндиль* 'укладка из 15-ти снопов' (ЕСУМ).

(5) В юго-западных белорусских говорах (р-н Бреста) отмечен небольшой ареал названий *л'а́шка (л'е́шка), л'а́шо́к, л'а́шк'и (л'е́шк'и)* (единично — *бл'а́шка, л'ах'е́*) (ДАБМ); то же название — в вариантах *'л'ашка, 'л'ашок* — зафиксировано АУМ в двух микроареалах на северо-западе Украины (сев.-зап. Ковеля и сев. Ровно [междуречье рр. Случ и Горынь]), а также в некоторых украинских говорах в Восточной Польше (АУМ 2, № 318, с.71). Этимология данной группы лексем неясна, — по крайней мере, они не рассматриваются в ЕСУМ (где находим только: *ляшівка* 'вид гриба' [< *лишка*], ляшка 'конюшина' [м.б., от *лягати, лежати*], *ляшок* 'масть вола' — [3, 334], что, однако, на наш взгляд, не проясняет происхождение сельскохозяйственного термина); возможно сопоставление бел., укр. *ляшка, ляшок* с *ляха* 'грядка' и др. (< слав. *lěха — ЕСУМ 3, 345; также: слав. *lěха/ *lěхъ — ЭССЯ 14, 184–187).

(6) Незначительным распространением в Восточной Славии характеризуются названия 'укладок снопов', которые восходят к слав. *stroръ(< *sroръ [?], о нем см., например, в: Фасмер III, 781, — там же о рус., бел. *строп*, укр. *стріп* 'крыша; чердак; потолок' и под.) и могут рассматриваться как результат развития некоторых первичных значений; ср. ю.-бел. *стропе́ц (стропцы́, стрыпча́к)* (р-н Пинска — ДАБМ), сев.-зап. укр. *стріп, ст'рупчик, ст'р'ічик, ст'румчик* [!]) (междуречье рр. Турья и Горынь).

(7) Наконец, во многих восточнославянских диалектах, в виде небольших островных (или «цепочечных») ареалов, национальные атласы отмечают названия, восходящие к слав. *kuča (возможно, дериват от слав. *kuka/ *kukъ [с суфф. =j=]; далее — и.-е. *keu-k=/ *kou-k= [ЭССЯ 13, 79]; ср. и: Фасмер II, 437; ЕСУМ 3, 167 и др.). См. многочисленные фиксации названий *кучка (куча)* в севернорусских говорах (сев.-зап. Вельска, сев. Сольвычегодска, в говорах долины р. Ветлуга, в р-не Яранска — Йошкар-Ола, р-н Солигалич — Галич), единично — вост. Будгощь, вост. Тихвин, Боровичи, зап. Белозерска; редко оно отмечается в средне- и южнорусских, см., например, зап. В. Луки, сев. Осташкова, вост. В. Волочек, ю. Вязьмы и Москвы, в р-не Иваново, также — сев. Трубчевска, сев.-зап. Новозыбкова, зап. Борисоглебска и др. (ДАРЯ, к. № 50). Бел. диал. *кучка* образует небольшой, но достаточно компактный ареал в р-не Мозыря (по обеим сторонам р. Припять), микроареалы зафиксированы ДАБМ и в р-не Гомеля, ю. Могилева, зап. Слуцка, а также около Бреста; спорадически данное название отмечается в северноукраинских говорах: (сев. Коростень — АУМ 3/4, с. 101; сев. Новоград-Волы́нский — Ровно — АУМ 2, к. № 318, с. 71).

Многие названия известны, по данным атласов, в диалектах лишь одного языка Восточной Славии; некоторые из этих названий распространены на обширной территории, другие являются локализмами.

(8) Так, в северо-западной и северной частях русского диалектного континуума хорошо представлен термин *суслон* (из *су=* [< *sǫ=] и *слон=* к [=sloniti] — Фасмер III, 675), при этом во многих говорах, наряду с ним, употребляются и иные термины (ДАРЯ, комм. с. 161; см. и выше). В белорусских говорах *суслон* единично отмечен сев.-зап. Пинска (ДАБМ, комм., п. 718).

(9) Значительный ареал, преимущественно на украинской языковой территории, охватывает названия, восходящие к слав. *kopa (< слав.*kopati — ЭССЯ 11, с. 10–12; ЕСУМ 2, 564 и др.); данные о распространении укр. диал. *копа* и однокоренных в говорах, представленных в 1-м т. АУМ (Полесье, Надднепрянщина) приведены в общем виде в комментариях к нему: *ко'па* 'загальна назва купи снопів (до 60)' — «в *усіх* говорах тому»; 'купа із 60 снопів, складених колоссям усередину й прикритих снопом зверху' — «*спорадично* в *усіх* говорах тому»; *п'іў'копа* 'купа із 30 снопів' — «у *всіх* говорах тому»; *по'лук'іпок* — 'загальна назва купи до 30 снопів' — «*зрідка* у *всіх* говорах тому»; 'купа із 30 снопів' — «у *більшості* північнополіських, подільських, південної частини середньонаддніпрянських, полтавських, степових, *зрідка в решті* говорів тому» и под. (АУМ 3/4, с. 101). На всей территории 2-го т. АУМ распространено, но не картографирова-

лось название *копа* '60 снопов' (комм., с. 71), к. № 318 показывает, что варианты *п'іў'копа*, *по'лук'іпок* (с метатезой — *ко'луп'іток*) и др. '30 снопов' отмечены в большей части говоров, — исключение составляют многие карпатоукраинские (некоторые закарпатские, гуцульские, южнобуковинские) и соседние с ними говоры на левом берегу р. Днестр, где фиксируются названия *хрест* и родств., *к'лан'а* (иногда, правда, параллельно с другими), ср. также надсянские говоры, где обычно употребление термина *'мандил'* (см. выше); ср. также наличие деривата *к'іпка* 'более 30 снопов' в говорах ю. Дрогобыча, зап. Калуша, ю.-зап. И.-Франковска (не картографировалось — АУМ 2, с. 71). В говорах 3/1 т. АУМ наиболее частотны названия *копа*, *п'іў'копа*, *по'лук'іпок* (редко с метатезой — *ко'луп'івок*), в отдельных зонах (например, в украинских говорах Курской и Воронежской обл.) и *коп'на* '60 снопов', — соответственно — *п'іў'коп'на* (к слав. *korьna < *kopati — ЭССЯ 11, 43) (к. № 98, с. 23); на юге Украины практически повсеместно отмечены: *'ко'па* '60 снопов' (редко и параллельно с *копа* — также *коп'на* 'то же') и *по'лук'іпок* (*по'лук'іп*, *по'лук'іпка*, *по'луп'івок*) и *п'іў'копи* (*полу'копа*) и др. '30 снопов' (АУМ 3/2, к. 3 103, с. 49). О рус. диал. *копа* и родств., отведенном от картографирования в ДАРЯ по семантическим причинам, см. подробнее в комм., с. 164; бел. диал. *капа́* '*большая* укладка...' отмечено единично лишь в комм. к к. № 288 ДАБМ.

Остальные учтенные на к. № 2 названия зафиксированы в небольших, но достаточно четко очерченных ареалах, как правило, в говорах одного языка.

Таковы (10) рус. диал. *гру́да*, *гру́дка* (единично — *полугрудок*) исконного происхождения (из слав. *grǫda/*grǫdъ — подробнее: ЭССЯ 7, 146–148), распространенные в говорах бассейна р. Мологи, в р-не Весьегонска, сев. Бежецка, а также в р-не Ярославль – Рыбинск – Пошехонье, и далее — во многих вологодских (р-н оз. Кубенского, ю. и вост. Вологды, зап. Тотьмы), единично в архангельских (ДАРЯ, комм. с. 162), и (11) рус. диал. *ки́лоса*, *ки́лос* — заимствование из прибалтийско-финских языков (ср. фин. kuhläs 'то же', см.: Фасмер II, 233)[31], отмеченное компактно на северо-западе (побережье Чудского оз. и Финского залива, по течению р. Луга), иногда — параллельно с *бабка*, *суслон*, *стоянка* и др. (см к. № 50, с. 161, 163).

Локализмами являются некоторые юго-западно-(=южно)украинские названия. Ср., например, (12) *к'і́шора* (сев. Одессы, Николаева — АУМ 3/4, с. 101), *к'і́с'ора*, *к'і́шори*, *т'і́с'ор* (Одесская обл., украинские говоры в Молдове — 3/2, к. № 103) — заимствование из восточнороманских говоров, источник — рум. picior 'нога' (ЕСУМ 2, 444), ср. однако рум. диал. (Мунтения, юг Трансильвании) piĉór, ĉiĉór, t''iŝór '(небольшая) укладка в 5–6, 13, 15 снопов' (ALR sn I, № 58), но и вариант k'iĉóru 'укладка в 13, 15 снопов' (юго-восток — там же, № 59)[32]. Укажем и на рус. диал. *кисе́ра* небольшой скирд, известное в некоторых островных диалектах старообрядцев Одесской обл. (СРГО 2, 259), которое может быть прямым заимствованием из румынского или опосредованным — из украинского.

Локализмами в периферийных украинских говорах (см. АУМ 2, к. № 318) являются и заимствования из венгерского: (13) *ма'радик* 'укладка из 20 снопов' (в лемковских говорах Восточной Словакии и в юго-восточных польских — АУМ 2, № 318; в ЕСУМ [3, 389] и: *маради́к*) — продолжение венг. maradék 'остаток отары' < венг. marad 'оставлять и под.' (об этимологии последнего — MNyTESz 2, 841–842), а также (14) *'ракош* 'то же' (в части западнолемковских говоров р-на Бардейов, часто — параллельно с *'мандил'* — по-видимому, из венг. rakás 'куча, купа' — от глагола rak 'класть, складывать и под.' + суфф.=ás (см.: MNyTESz 3, 339).

* * *

Сопоставительное изучение отобранных по определенным критериям названий 'малых укладок снопов...' в русских, белорусских, украинских говорах позволяет выявить основные (=наиболее ареалогически значимые) *единицы* членения восточнославянского диалектного континуума. Это: (1) *бабка* и родств., представленные в ареале, охватывающем западные, северо-западные, некоторые северные русские и центральные, восточные белорусские говоры; (2) достаточно большими являются ареалы терминов, охватывающие группы говоров отдельных языков, — *суслон* (компактно в севернорусской зоне), *груд(к)а* (несколько дистантно расположенных [= разорванных] ареалов — также в севернорусской зоне), *хрест(ец)*, *крест(ец)* (южнорусская зона, но и в примыкающих к ней некоторых говорах на востоке Украины, а также в закарпатской и южноукраинской микрозонах), названия с корнем *коп=* (*копа*, *п'іў'копа* и др.), характерные для большей части украинских говоров; (3) небольшие по величине ареалы различных конфигураций, отражающие существование лексических параллелей между говорами восточнославянских языков, ср. русско-белорусско-украинскую изолексу *кучка* и под., русско-украинскую изолексу, представленную названиями с

корнем слав. *klad=, белорусско-украинские локализмы типа *л'а́шка* и под., названия с корнем слав. *s(t)rop=, а также продолжения нам. Mandel; (4) наконец, определенную роль в характеристике восточнославянского ландшафта играют и периферийные микроареалы заимствований, отмеченных лишь в одном языке, — таковы зап.-рус. *килос(а)*, ю.-укр. *к'ї́шора* и под., ю.-зап. укр. *марадик*, *ракош*.

Описанный выше тип пространственной дифференциации восточнославянской языковой территории, с одной стороны, как целое впервые выявлен в рамках исследовательского проекта «Восточнославянские изоглоссы» (= ВСИ); с другой, — для данного типа характерны некоторые ареальные признаки, которые были отмечены и в иных типах членения Восточной Славии, ср., в частности, констатацию *обособления* украинских говоров (всех или той или иной их части), фиксацию отдельных языковых черт только в русских говорах и под. [33]

Результатом проведенного выше, по данным национальных атласов) сопоставительного изучения определенной группы терминов является *в целом* объективная, на наш взгляд, картина дифференциации изучаемого лингвистического пространства. Вместе с тем, в силу известного несоответствия по отдельным языкам объема имеющейся в нашем распоряжении информации (как лингвистического, так и внелингвистического плана) (см. выше), эта картина, вероятно, нуждается в определенных уточнениях и детализации. Это может быть выполнено, по нашему мнению, в случае, если на базе разработки темы ВСИ будет реализован проект международного научного сотрудничества ученых России, Беларуси и Украины «Проблема восточнославянского единства. Лингвогеографический аспект», который предусматривает более полную и всестороннюю, чем это осуществлено в программах уже изданных атласов, формулировку лексико-семантических вопросов, учитывающих не только собственно лингвистические аспекты, но этнографически корректную характеристику самой реалии [34].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В материалах атласов как правило не фиксируются и ситуации, связанные с наличием (разграничением) форм собственности в сельском хозяйстве (индивидуальное, коллективное). Можно привести всего несколько примеров подобного рода. Так, в ДАБМ (комм. к к. № 288, с. 880 и сл.): *с'к'и́рды* '(укладки снопов) в *колхозе*' (п. 14), *с'ки́рда* 'то же' (пп. 83, 170, 532, 536), *у с'ц'и́ртах* 'то же' (п. 379) и под.; в ДАРЯ — лишь пометы «хронологического» характера: *крестéц — старое*, *бабки — новое*, *теперь в крестцы не кладут* и под. (с. 160); редки комментарии такого рода и в АУМ, ср., например: *ст(')і(и,о)жок* «невелика кладка снопів круглої форми у домашньому и колективному господарстві» (т. 1; см. в: АУМ 3/4, с. 101)

[2] ДАРЯ III (1996), с. 32 и сл. Это позволяет прежде всего выявить на территории всей Восточной Славии зоны распространения лексем с тем или иным корнем (и их дериватов), констатировать наличие в различных восточнославянских языках параллелизма в употреблении подобных лексем или, напротив, лексические эксклюзивы, зафиксированные в тех или иных группах говоров одного языка и др.

[3] Там же, с. 43.

[4] Лишь для некоторых говоров (и их групп) удается отразить на карте различие/ совпадение названий, с одной стороны, укладок снопов, а, с другой, — укладок сена (ДАРЯ III, с. 165 и карта).

[5] Это название не картографировалось, «поскольку оно распространено практически повсеместно», хотя одновременно указывается: «...Однако реже, чем на остальной территории, оно встречается в говорах Западной группы Южнорусского наречия, на территории Рязанской Мещеры, а также на самом Северо-востоке территориии ДАРЯ» (там же, с. 165).

[6] Ср., например, типы помет собирателей: *с'к'и́рда* (снопы, сено) (п. 28), *ск'и́рда* (сено; *къпна́* — снопы) (п. 60), *ск'ирда* (сено) (п. 63), *с'ц'и́рта* (зерновые) (п. 70), *ў клады* (сено, снопы) (п. 119), *ск'и́рда* (снопы — в колхозе) (п. 170), *с'ц'и́рта* (обмолоченные снопы) (п. 195), *ў с'ц'и́рту* (рожь) (п. 206), *с'ц'и́рда* (солома) (п. 213), *с'к'ирда́* (снопы) (п. 222), *с'к'и́рда* (много снопов) (п. 243), *ск'и́рда* (сено, снопы) // *скла́дня* (п. 289), *ў ск'и́рды* (сено) (п. 349) и под. (ср. и: *ск'и́рда* — дрова [п. 116]).

[7] Ср. в АУМ, т. 1 (Полесье, Надднепрянщина): *с'кирда* «*загальна* назва кладки снопів, соломи, сіна (переважно у полі)», но и: «*зрідка* у всіх говорах тому»; «велика кладка снопів прямокутної форми (переважно у полі)»; «*у більшості* говірок тому»; *ст(')і(и, о, уо)г* «кладка снопів круглої форми у полі — *у більшості* поліських говірок тому, *зрідка* в середньонаддніпрянських, полтавських говірках» и под.; *ожеред* «велика кладка соломи у полі — у поліських говірках, *зрідка* у решті говорів тому — *майже* послідовно» и др. Правда, фонетические варианты лексемы *скирда* специально анализируются на к. № 105, а *ожеред* — на к. № 118. Во 2-м т. АУМ: с'ки('і, е)р'т(д)а «велика кладка снопів у полі (кіп 40–60), прямокутної форми — *майже* послідовно у поліських, волинських, подільських, наддністрянських, надсянських, *зрідка* у бойківських, гуцульських, буковинських говірках» и под.; *(в, г)о(у)жеред* «велика кладка соломи (рідше й сіна) — *у частині* східноволинських, наддністрянських і подільських говірок» и под. В АУМ (3/1): *с'ки('і)р'д(т)а* «велика кладка снопів (250–500) у полі прямокутної форми — у всіх говорах тому; загальна назва великої кладки снопшв, нев'язаного хліба, соломи, сіна — *зрідка* у всіх говорах тому»; *ст(')і(и, о)г* «велика кладка снопів (15–20 кіп) у полі... — *у частині* слобожанських говірок»; *оже(и)ред* «велика кладка соломи — *зрідка* у всіх говорах тому» и др. (подробнее см. в: АУМ 3/4, с. 101).

[8] Ср. на к. № 98 АУМ 3/1: *ко'па* 'велика кладка в'язаного або нев'язаного хліба', *коп'на* 'тоже', *ко'пиц'а* 'переважно нев'язаного хліба'; на к. № 103 АУМ 3/2: *ко'пиц'а* 'велика кладка нев'язаного хліба'.

[9] Уточнение типа культур, названия которых картографируются, было важно прежде всего для карты № 50 ДАРЯ (см. выше); это позволило составителю обеспечить тематическое единство данной карты (а в дальнейшем облегчило сопоставление ее с соответствующими картами ДАБМ и АУМ). В комментариях к ней приведены выявленные анкетаторами названия укладок снопов иных сельскохозяйственных культур, в частности, льна; при этом обращается внимание и на иной тип укладок данной культуры — в виде двойного ряда снопов, прислоненных друг к другу (ДАРЯ III, с. 164). Сведения о фиксации названий укладок незерновых культур единичны в ДАБМ (ср., например, упоминание об укладках льна — *кучках* [п. 941, комм., с. 876] и отсутствуют в комментариях к АУМ.

[10] Фиксация во всех вопросниках *места* нахождения укладок существенно, так как позволило уже на стадии анкетирования получить вполне сопоставимый материал.

[11] В комм. ДАРЯ (с.161) приведены некоторые варианты численности снопов в укладке: *к(х)рест* и под. обозначает укладку «из 15–20 снопов, иногда 50», *бабка*, *шиш*, *поп* — «5–10 снопов, накрытых сверху 1–2 снопами», *суслон* — «10–20 снопов», *груд(к)а* — «10–12 снопов яровых и 10–20 снопов озимых», *ки́лоса* — «10–12–15 снопов» и под. Показательно также, что в ДАРЯ отводятся от картографирования названия *полушка*, *полукопок*, *полкоп(и)а* и др., которые относятся к укладкам в 30–50 снопов, которые воспринимаются как большие (там же, с. 164). В то же время в АУМ укладки из 30 снопов считаются «малыми» (см. ниже). В ДАБМ констатируется, что обычно число снопов в малой укладке не превышает 10 снопов ржи (иногда — 10–15), 5–10 снопов яровых (комм., с. 874); ср. и некоторые пометы собирателей: *ба́пка* — 10 снопов ржи, 6 снопов пшеницы (п. 18), *ба́пка* — 10–15 снопов ржи, 5–6 овса (п. 377), *ба́пк'и* — 15–20 снопов ржи (п. 64), *ба́пка* — 10–15 снопов ржи, 20–25 — ячменя (п. 74), *ба́пка* — 30 снопов (п. 103), *ме́ндл'ік* — 10 снопов (рожь или пшеница) (п. 179), *ба́пка* — 4 снопа (рожь, пшеница), пятым снопом накрывают (бывает и по 15–20 снопов) (п. 302), *ба́пка* — 18–20 снопов (п. 305), *ба́пка* — 21 сноп (п. 313), *ба́пка* — 20–25 снопов, накрытых двумя снопами (п. 331), *аба́пка* — 15–30 снопов (п. 586) и др. (с. 875 и сл.). Одновременно не картографируется название *ба́пка* — укладка из 60 снопов (п. 258), как не отвечающее теме карты (там же, с. 874).

[12] Вместе с тем в комментариях к ДАРЯ находим и иные названия количественно *определенных* укладок, см.: из 5-ти снопов — *пятерик* (в 22 нас. пп. [!]), единично — *пятёрка* (С. 43), *пятирушка* (С. 598), *пятина* (С. 538), *пяток*, *пятки* (= «широко распространены на севере, а также на территории говоров к западу от Москвы»); из 6-ти снопов — *шестерик* (7 нас. пп.), *шестуха* (Зап. 324); из 7-ми — *семерик* (38 нас. пп. [!]) и др. Основанием отведения их от картографирования служит то обстоятельство, что «во многих случаях они являются дополнительными при других названиях», ср., например: «*семерик — ржаная бабка из 7 снопов*» и др. (там же, с. 161). В ДАБМ названия, образованные от иных числительных, чем 10, не отмечены.

[13] Так, если в комментариях 1-го т. (ответы на в. 30) нет сведений о примерном числе снопов в большой укладке, то во 2-м т. отмечено, что это: 40–60 «коп» (1 копа — 60 снопов) (*с'кирда* и варианты), 200–300 снопов (*[в]о'денок*), 200–500 снопов (*бо'ґлий*), 80, 90, 180 снопов (*к'ладе"и'*, *к'ладн'а*); в АУМ 3/1: 250–500 снопов (*с'кирда* и варианты), 15–20 «коп» (*ст'іг* и варианты), 20–30 «коп» (*о'денок*); в АУМ 3/2: 20 «коп» (*с'кирда* и варианты). Кроме того, только в материалах 3/1, 2 тт. встречается упоминание о сложенных в укладки, но не связанных в снопы зерновых (см. выше).

[14] Впрочем, составитель карты прибегал и к известным обобщениям реально зафиксированных фактов. Так, *'кучка* может содержать и 15–20 снопов, *'л'ашок* — 15–20, *хрест* — 18–22, *по'лук'іпок* — 15, 42, до 88, *ма'радик* 13–15, 30 и под. Наконец, не картографировались названия укладок с иным числом снопов — 5 (*'пйатки/ пйатач'ки/'д'ідик*), 40 (*сороч'и'а/ сорок'и'а/ сорок'іўка*), 10–20 (*ко'пйак/ ко'пйек*), более 30 (*'к'іпка*), и др. (АУМ 2, с. 71).

[15] Данные о численности небольших укладок см. и в материалах 1-го т. АУМ: наиболее частотно название укладки в 60 снопов *ко'па*, в 30 снопов — *ко'па/ по'лук'іпок/ п'іў'копа/ к'лап'а/ три'ц'атка*, в 15 — *к'лап'а/ п'іўк'ла(о)и'а/ пйат'нац'атка/ хрест* (также — *ч'вертка/ к'ї'шора*), в 40 — *со(а)роч(о)и'а*, в 10 — *де(и)'с'атка/ 'бабка*, в 20 — *двад'ц'атка*, в 5 — *'пйатка/ пйа'ток*; кроме того, зафиксированы названия укладок, производные от числительных 9, 11, 13, 14, 16–18 и др.; ср. также: *хрест* — 22–30 снопов, *'кучка* — 10–20 и под. (АУМ 3/4, с. 101).

[16] Составитель карты полагает, что в *крест(ец)* можно видеть орфографическую а не транскрибированную запись (с. 160).

[17] Отметим, что в этнографическом атласе «Русские» (М., 1967) на к. № 9 показано распространение лишь горизонтальных укладок крестообразной формы (= *крестец*) и вертикальных **круглой** формы — *бабка* (как будто, судя по рисунку, бо́льших размеров) и *суслон* (меньших) (схематично география этих типов представлена на нашей **к. 1**). Сведения о продолговатых укладках в этом атласе отсутствуют.

[18] В комментарии к карте № 50 содержится пояснение, что *бабка*, по данным ДАРЯ, содержит меньше снопов (5–10), чем *суслон* (10–20) (там же, с. 160).

[19] Так, собранный материал позволил отразить на к. № 50 *соотношение* языковых (лексических) противопоставлений и противопоставлений чисто этнографического характера, ср. *суслон* — 'укладка озимых снопов': *ба́бка*, *гру́да*, *ку́чка*, *кочу́ра*, *кобы́лка*, *сви́пка*, *скаме́йка* — 'укладка яровых снопов' (северо-запад, часть севернорусских говоров). О сосуществовании двух и более вариантов укладок может свидетельствовать и параллельное употребление на той же карте двух (и более) лексических вариантов: *хрес(тец)* ~ *бабка* (~ *суслон*) и др. в среднерусских говорах. Подобный параллелизм терминов (и соответственных форм укладок) отражен и в атласе подмосковных говоров, в котором находим две карты — № 66 'малая укладка зерновых и технических культур для просушки (от 5 до 20 снопов, которые составляют в виде кружка стоймя *колосьями кверху* и накрывают последним сно-

пом' (*бабка*, *стойка*, *коза*, *поп* и др.) и № 67 'малая укладка снопов, уложенных *крестом* (10, 13 и 30 снопов)' (*крестец*, *копушка* и др.) (*Войтенко А.Ф.* Лексический атлас Московской области. М., 1991) (курсив наш. — *Г.К.*).

[20] Редко — *бабка* 'продолговатая укладка' (там же, с. 161, 163).

[21] Но и: *суслон* 'горизонтальная укладка' (единично) (с. 161, 163).

[22] Ср. и: 'укладка конической формы' (из 10–20 снопов) (с. 162, 163).

[23] На западе и юго-западе — 'укладка конической формы' (с. 162).

[24] Единично: *кочера* 'горизонтальная укладка' (север, п. 1169).

[25] Подробно данный аспект, на материале ДАРЯ, проанализирован в: *Букринская И.А.*, *Кармакова О.Е.* Мотивация названий малой укладки снопов зерновых культур в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II (VIII). М., 2004.

[26] О.Н. Мораховская писала в связи с этим типом диалектных различий в лексико-семантической сфере следующее: «...в структуре таких различий... нарушается соответствие определенных слов всегда одному и тому же предмету или одной и той же его разновидности. Слово может быть в одних диалектных системах названием только одной бытующей здесь разновидности объекта наименования, в других — другой разновидности, характерной для данной местности, в третьих двух или нескольких разновидностей, поскольку они там имеются. В ряде диалектных систем каждая из разновидностей будет иметь свое название» (ДАРЯ. III комм., с. 44).

[27] В то же время исключаются из обобщающей карты диалектные названия, зафиксированные в микроареалах в некоторых зонах русской языковой территории и квалифицируемые как вторичные («метафорические»), ср., например, «зоонимические» наименования — *кобы́лка* (вост. Рыбинска, зап. Галича), *сви́нка* (сев. Галича, р-н Юрьевца, зап. Йошкар-Олы и др.) / *борово́к* (сев. Углича, вост. Костромы, ю. Канаша, зап. Саранска и под.), *бо(а)ра́н* (сев. Вытегры) (возможно, *свинка*, *боровок* могут рассматриваться как возникшие аналогии с *кабан* 'стог, скирда', которое в свою очередь оценивается в качестве заимствования — через удмурт. kaban 'то же' — из чуваш. kaBan, ср. башкир. käbän, тат. kibän и др. [Фасмер II, 149]). Упомянем также иные виды вторичных наименований: *скаме́йка* (р-н Иваново, Юрьевца, сев. Саранска), *поп(ок)* (ю. Владимира, но и р-н Духовщины и др.), *шиш(ок)* (ю. Владимира, ю. Александрова, р-н Иваново, вост. Саранска) и под. Не картографируются и некоторые локальные наименования, например, *кочу́ра*, *коче́ра* и под., отмеченные в нескольких микроареалах в восточновологодских говорах (всегда употребляются параллельно с *суслон*) и восходящие к слав. *kočega (с корнем *kok= [вариант — kuk=/kouk] и суфф.=eг= — ЭССЯ 10, 105, 103; ср. и: Фасмер II, 358–359). Не картографируются и локализмы, представленные в комментариях к к. № 286 ДАБМ: *z'adók* (р-н Мозыря), *шу́рк'и́* (единично — между Барановичи – Слуцк), *шарк'и́* (сев.-вост. Минска) и др. В комментариях АУМ также приведены названия, которые не учтены на нашей обобщающей карте, ср.: *(у) журавел'* (ю. Киева, вост. Б. Церкви), *(у) козел* (ю.-зап. Конотопа, вост. Киева), *(у) баранчик* (сев. Коростеня) и под. (АУМ 3/4, с. 101), также — *'ə'ідик*, *'попэк* (ю.-зап. Черновцы), *'гусар* (Вост. Словакия) и др. (АУМ 2, с. 71)

[28] В комментариях АУМ 2 (с. 71) приведено закарп. *крыт*, по-видимому, опечатка, ср. форму *кырст*, отраженную в Атласе И. А. Дзендзелевского (ЛАЗГ III, № 398).

[29] Употребление продолжений слав. *kьrstъ в данном значении в закарпатских (и лемковских) говорах, возможно, оказало влияние на румынские северо-западные говоры (обл. Марамуреш), где фиксируются название cruce (и варианты) 'копна; полкопны' (ALR I, № 58, 59), которые могут быть интерпретированы как *кальки* слав. kьrstъ; напротив, отмеченные в говорах Баната, Олтении варианты cîrstă cîrstʒéʒă, crăstáʒă, cîrstáʒă и др. 'полкопны; копна' (там же) являются лексическими *заимствованиями* из (южно)славянских языков.

[30] Укр. *клания*, несомненно, из *кладня* (слав. *kladьna — см. выше; см. и: ЕСУМ). В то же время, учитывая географию указанного варианта, следует иметь в виду и возможность заимствования из румынского — ср. сельскохозяйственный термин cláie (cláńe и др.) 'копна; полкопны' и под., являющийся старым славизмом, о чем свидетельствует широкое его распространении в говорах (ALR sn I, № 59, 67, 118) (см. и: *Mihaila Gh.* Studii de lexicologie şi istorie a lingvisticii româneşti. Bucureşti, 1973. P. 57, 28).

[31] Подробнее о соответствующих прибалтийско-финских формах см. и: *Мызников С.А.* Атлас субстратных и заимствованных формах русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003. С. 141.

[32] При этом отмечается (см., например: Rosetti, p. 181), что для рум. picior (: лат. petiolus к pes [pedis] 'нога') обычным является как раз значение 'нога', — в противоположность другим романским языкам, где продолжения лат. petiolus обозначают 'винная бочка', 'стебель' и под. (Meyer-Lübke № 6324a). Таким образом, указанные выше румынские диалектные фиксации образуют локальную *семантическую* параллель к соответствующим западнороманским формам, поскольку значение 'укладка снопов' может быть сопоставлено со значениями 'винная бочка', 'стебель' (= «нечто округлое, широкое» ~ «нечто, состоящее из стеблей»). Ср. однако арум. cičior, kičior 'нога и под.' (Papahagi 354, 600).

[33] Об этом подробнее см. и в: *Попова Т.В.* «Восточнославянские изоглоссы» и проблема дифференциации восточнославянского диалектного континуума // ИСД. 8. 2002; *Она же.* Сопоставление данных национальных атласов как метод установления новых изоглосс // ИСД. 9. 2004; *Букринская И.А.*, *Кармакова О.Е.* Лингвистическое картографирование как метод изучения лексики диалектов // Там же и др.

[34] Об этом проекте см. в: *Калнынь Л.Э.*, *Клепикова Г.П.*, *Попова Т.В.* Славянская диалектология: некоторые итоги и перспективы развития (к 40-летию Координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения)// ОЛА.МИ. 2004.

СОКРАЩЕНИЯ

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. 1–3. Київ, 1982–1989.

ЛАЗГ III — *Дзендзелівський Й.О.* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області України. III. Ужгород, 1993.

СРГО — Словарь русских говоров Одесщины. 1–2. Одесса, 2000.

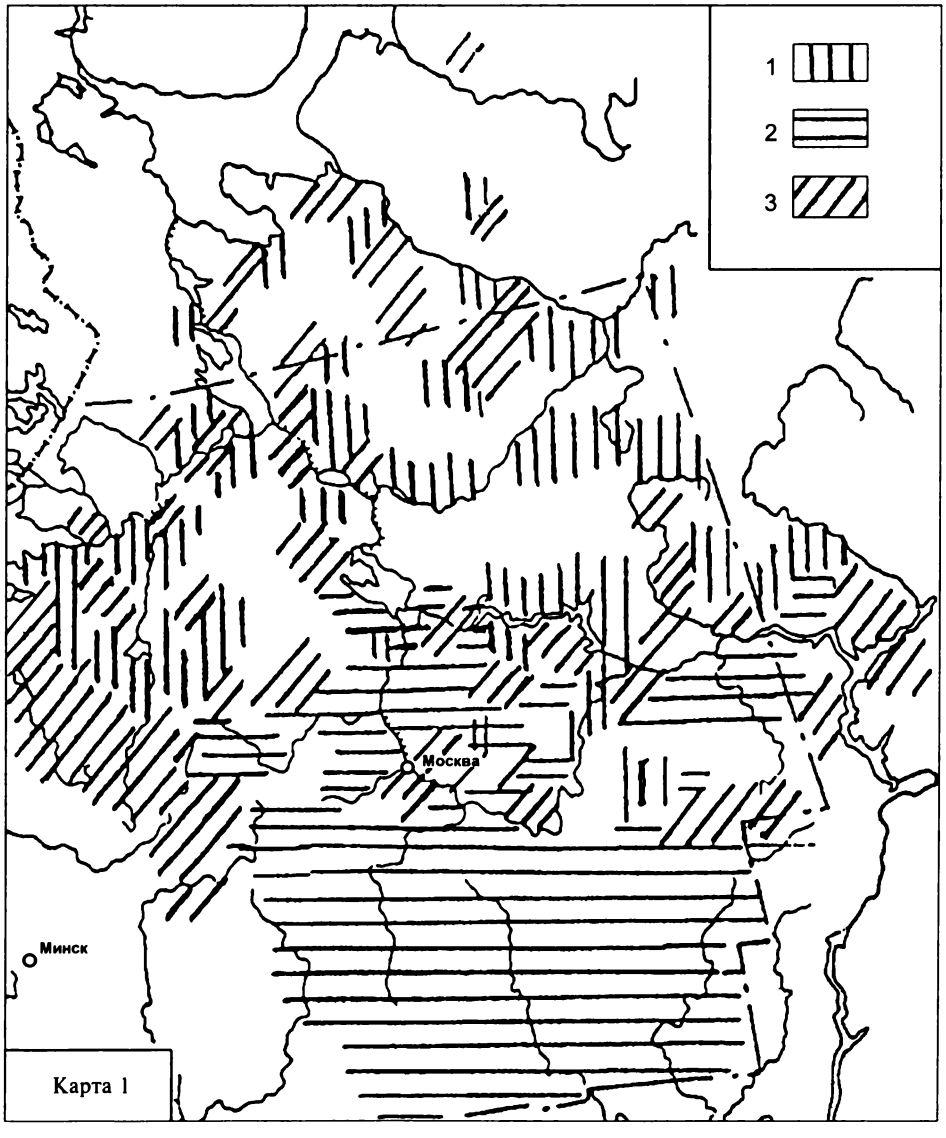
ALR sn — Atlasul lingvistic român. Serie nouă. I. Bucureşti, 1956.

MNyTESz — A magyar nyelv történeti etimológiai szótára. 1–3. Budapest, 1967–1976.

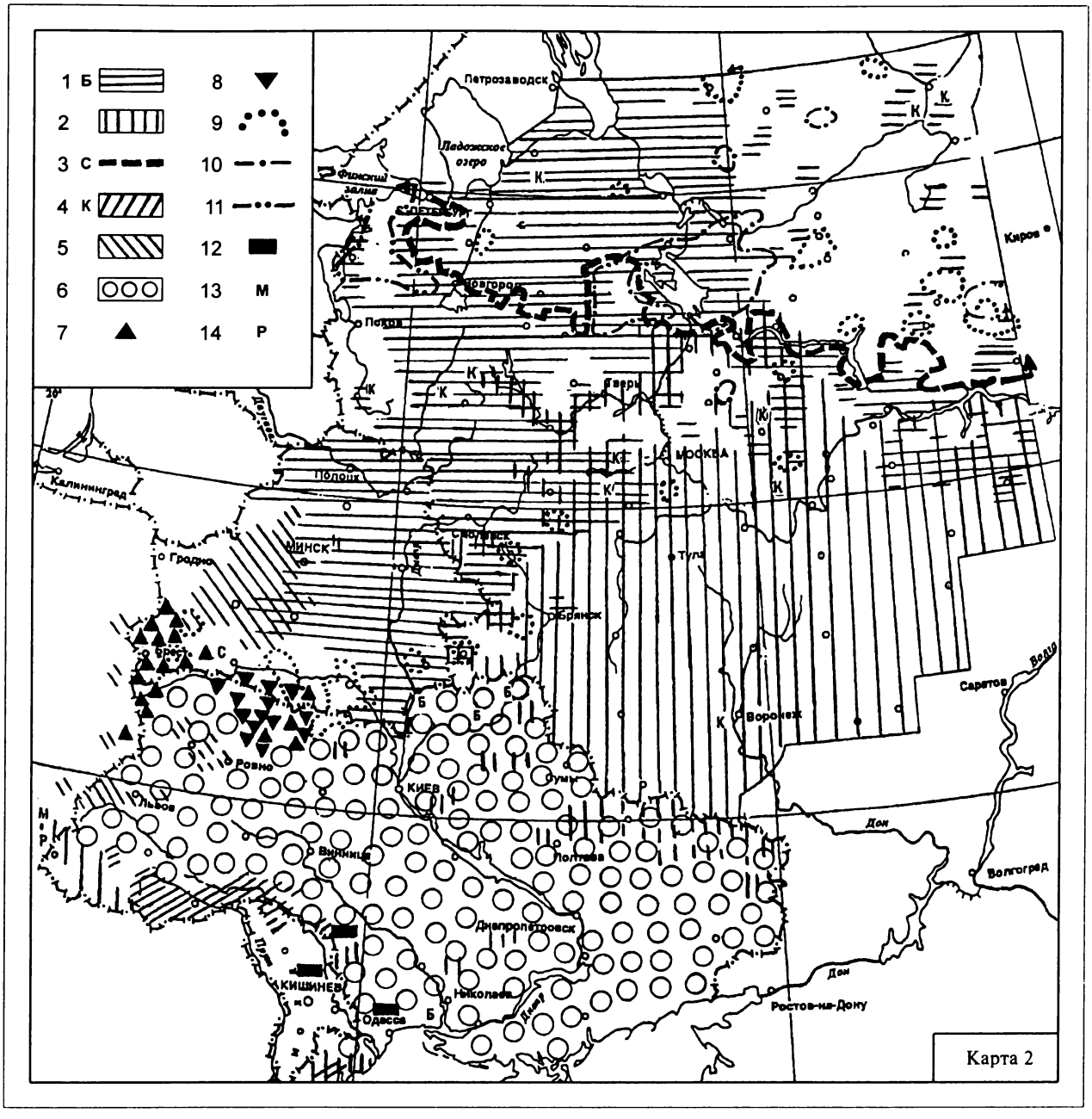
Papahagi — *Papahagi T.* Dicţionarul dialectului aromân general şi etimologic. Bucureşti, 1963.

Rosetti — *Rosetti A.* Istoria limbii române. I. Bucureşti, 1964.

Остальные сокращения см. в издании ИРЯ РАН «Этимология».

1 — *суслоны*, 2 — *крестцы*, 3 — *бабки*

1 – рефлексы слав. *babъka, 2 – рефлексы слав. *krьstъ, 3 – рус диал. *суслон*, 4 – дериваты с корнем *klad=, 5 – продолжения нем. Mandel, 6 – укр. *копа* и дериваты, 7 – бел. диал., укр. диал. *л'ашка* и под., 8 – бел. диал. *стропец*, укр. диал. *стріп*, 9 – рус. диал. *куч(к)а*, 10 – рус. диал. *груд(к)а*, рус. диал. *килоса*, 12. укр. диал. *к'ішора* и под., 13 – укр. диал. *марадик* и под., 14 – укр. диал. *ракош*.

К 85-летию Софьи Владимировны Бромлей

У истоков реализации проекта «Восточнославянские изоглоссы» стояла Софья Владимировна Бромлей, которая разработала концепцию этого лингвогеографического труда и систематизировала весь материал, содержащийся в трех национальных атласах (ДАРЯ, АУМ и ДАБМ), подготовив его тем самым к сопоставительному картографированию на всем восточнославянском пространстве. К сожалению, ею была опубликована только одна статья с изложением теоретических основ будущего восточнославянского атласа («Восточнославянские языки как объект лингвогеографии» // Восточные славяне: Языки. История. Культура. М., 1985), а несколько ранее вышли в свет тезисы на эту же тему («Лингвогеографическое изучение восточнославянской языковой области» // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений. (Душанбе, 12–15 ноября 1979 г.). М., 1979).

Публикуемый в настоящем выпуске доклад был прочитан Софьей Владимировной на заседании Бюро ОЛЯ АН СССР 7 февраля 1990 г. и сохранился только в рукописном виде. Те идеи, которые содержатся в этом докладе, не потеряли своей актуальности и сегодня. Поэтому мы и предлагаем его вниманию читателей.

Т. В. Попова

С. В. БРОМЛЕЙ

Восточнославянские изоглоссы

Со второй половины 1987 года в план Института русского языка была включена тема «Восточнославянские изоглоссы», предполагающая совместную с академическими институтами Украины и Белоруссии работу по созданию нового лингвогеографического труда, который объединил бы на общих картах диалектные явления восточнославянских языков. Диалектологи Украины и Белоруссии поддержали идею создания Восточнославянского лингвистического атласа (далее — ВСЛА) и согласились участвовать в ее осуществлении. Межреспубликанское сотрудничество по этой теме было оформлено официально. Годом начала был установлен согласованный на заседании координационного совета при ОЛА 1 сентября 1987 г., общий срок завершения темы — конец 1995 г.

1. Чем обусловлена необходимость создания ВСЛА?

Известно, что лингвистическая география с самого начала ее зарождения у нас в середине XIX в. (мы ведем ее от Срезневского) развивалась на материале всей совокупности восточнославянских языковых систем. Крупнейшие лингвисты конца XIX-начала XX веков (такие, как Шахматов, Дурново, Булаховский) строили свои историко-лингвистические концепции также на совокупном восточнославянском материале. На нем же основан и первый лингвогеографический труд — карта, созданная в 1915 г. Московской диалектологической комиссией.

Однако в послереволюционный период лингвогеографическое изучение восточнославянских диалектов сосредоточилось в рамках отдельных республик — России, Украины и Белоруссии, языки которых приобрели статус национальных. В ходе длительного и трудоемкого процесса создания национальных атласов, послужившего мощным толчком к развитию в наших республиках диалектологии, внимание диалектологов сосредоточилось в основном на внутринациональных задачах этой науки. Традиции лингвогеографического изучения общевосточнославянской проблематики оказались на несколько десятилетий фактически прерванными, что явилось в какой-то степени тормозом для назревших проблем исторической диалектологии. В результате такая важнейшая проблема, как восстановление диалектных процессов древнерусской эпохи, приведших к сложению трех языковых объединений, которые определили в дальнейшем специфику русского, украинского и белорусского языков, оказалась в периферийном положении.

В настоящее время все больше оживляется интерес к восточнославянской проблематике в широком смысле. Она волнует сегодня не только лингвистов. В этом направлении происходит консолидация сил ученых всех гуманитарных профессий — историков, археологов, этнографов, антропологов. Проявляется взаимный интерес к разного рода источникам, которые могут содержать данные для выдвижения в этой об-

ласти новых идей и более углубленной проработки и проверки прежних.

Естественен и своевременен поэтому и поворот диалектологии (вернее — ее возврат) к общевосточнославянской проблематике. Он и выражается в идее создания ВСЛА как источниковедческой базы обеспечения этого направления.

К осуществлению этой задачи мы подходим на новом витке науки, имея за плечами ценнейший опыт создания национальных атласов и базирующихся на них исследованиях.

2. ВСЛА задуман как труд, занимающий промежуточное положение между ОЛА и национальными лингвистическими атласами — русским, белорусским и украинским. Это положение определяется двумя факторами. С одной стороны, восточнославянские языки, как известно, отличаются гораздо большей структурной близостью между собой по сравнению с языками других групп — южно- и западнославянских. Поэтому программа ОЛА как межъязыкового атласа не обеспечивает фиксацию на его картах необходимого числа языковых черт, релевантных для восточнославянской территории. Многие из них просеиваются в ОЛА как сквозь ячейки слишком крупного сита. С другой стороны, картографирование восточнославянских различий в границах республик (как это осуществлено в национальных атласах) не дает целостного представления о распространении диалектных явлений, многие из которых не укладываются в рамки атласов, перекрывая их границы в разных направлениях. Такие особенности восточнославянского диалектного ландшафта, как отсутствие четких границ между украинским и белорусским языками (имею в виду переходную зону Полесья, разъятую между двумя атласами), плавный переход от белорусских говоров к русским говорам, при картографировании в разных атласах оказавшийся эксплицитно не выраженным, нерасчлененность языковых и диалектных особенностей (ср. — оканье-аканье как диалектное различие русского языка и определяющее языковое различие украинского и белорусского), очевидная структурная близость далеких дистантных зон (например, многих черт украинского языка и русского севера) — все это говорит о целостном, неделимом характере восточнославянского ландшафта. Эта его органическая целостность на этапе создания национальных атласов выпала из поля зрения и поэтому лишь частично восстанавливается при механическом сложении карт 3-х национальных атласов, поскольку для каждого из них естественно отбирались в основном те явления, которые существенны для его внутреннего членения.

Между тем как раз те элементы языкового ландшафта восточнославянской языковой области, которые не укладываются в рамки современных национальных языков, относятся к наиболее древним. Они несут на себе отпечаток тех исторических эпох племенного и раннефеодального периодов, на протяжении которых шел процесс формирования отдельных восточнославянских языков и их диалектов. Причем процессы языковые и диалектные были настолько тесно взаимосвязаны и близки по времени, что и поныне явления языковые и диалектные с трудом поддаются разграничению. Из этого следует, что заключенную в восточнославянском ландшафте историко-лингвистическую информацию надо изучать на диалектном уровне, вне республиканских границ. Восстановление этого ландшафта, представление его на общих картах, и должно быть выполнено в ВСЛА.

3. Из всего множества задач, которые смогут решаться на базе данных ВСЛА, следует выделить задачи исторические и типологические.

3.1. В историческом аспекте на первый план выдвигается изучение социально обусловленных языковых процессов древнерусской поры, приведших к формированию на базе древнерусских диалектов современных восточнославянских языков с определяющими чертами их диалектного членения. Исторические цели атласа определяют ориентацию при отборе явлений для карт на судьбу древнейших архетипов в каждом из языковых уровней. Все восточнославянские раритеты, независимо от характера их локализации, должны быть картографированы для восточнославянского языкового ландшафта как целостного историко-лингвистического объекта. Например, такой заведомо русский факт, как наличие постпозитивного согласуемого члена в части севернорусских говоров следует безусловно рассматривать как феномен общевосточнославянского значения. Его перекличку с болгарским постпозитивным членом еще следует осмыслить. Заповедником архаизмов является юго-запад восточнославянской территории: юго-запад Белоруссии и Украина, в особенности западная. Недаром мы находим в украинском атласе апелляции к носовым гласным, к редуцированным как отдельным этимологическим единицам, рефлексы которых не сливаются однозначно с другими элементами на диалектном уровне. В украинских говорах в большей степени, чем где бы то ни было, сохраняется исконная мягкость шипящих, слабая развитость корреляции по твердости-мягкости, глухости-звонкости, имеется множество архаизмов в морфологическом строе. Перекличку этим же архаическим явлениям на ходим на русском северо-востоке. Выяв-

ление на картах наиболее архаических зон, заповедников восточнославянских раритетов (как белорусско-украинское Полесье, отдельные зоны русского Севера и др.), их возможно полная и целостная лингвогеографическая атрибуция — также одна из важнейших задач атласа. Однако эти зоны должны предстать на картах как органическая часть восточнославянского ландшафта, т.е. быть включены в картину континуальных преобразований тех же языковых элементов за пределами этих зон. Это даст основу для системного восстановления языковых процессов на всем пространстве восточнославянской территории. Анализ их в контексте социально-историческом даст возможность воссоздать картину становления современного языкового и диалектного состояния восточнославянского мира.

3.2. Значение ВСЛА не сводится однако к решению задач ретроспективного характера. Надо помнить, что архаизм в лингвогеографическом аспекте становится архаизмом только тогда, когда на части территории появляется и распространяется новообразование. Накопление новообразований происходит на разных территориях по каким-то своим законам, определяется каждое особыми причинами и приводит к разным результатам. Эти результаты могут быть оценены в типологическом аспекте. Причем, если на материале диалектов отдельных языков типологические различия обычно выявляются слабо, то на общевосточнославянском фоне они начинают играть значительно ярче.

Известно, что в фонетике восточнославянских диалектов идет накопление черт, свидетельствующих о ее консонантизации. Выявленное в связи с этим на русском материале противопоставление систем центральных и периферийных по признаку консонантность ~ вокальность в значительной степени выигрывает в общевосточнославянском масштабе, так как периферийные русские говоры являются непосредственным продолжением говоров восточнославянского запада, причем вокальность их (в первую очередь — украинских) гораздо выше.

В области грамматики достаточно явно на восточнославянском материале выявляется развитие отдельных черт аналитического строя, таких, как уменьшение числа форм в парадигмах (факты омонимии падежных окончаний), уменьшение числа синонимичных окончаний (вытеснение непродуктивных словоизменительных типов), развитие агглютинативности в строении флексий, стандартизация морфем (устранение морфонологических чередований) и т.п. Эти процессы неравномерно проходят в диалектах. Меньше всего синтетизм поколеблен в украинских и южно-белорусских говорах (на Украине имеют место даже новообразования синтетического характера), и наоборот, наиболее активно черты аналитизма развиваются в южнорусских говорах. О развитии аналитизма в русском языке говорилось уже много (Булаховский, Андреаш, Скаличка, Затовканюк и др.), но, главным образом, на материале литературного языка. Задача атласа — показать явно диалектный (т.е. живой, спонтанный) характер развития этого процесса, эксплицировать его на конкретных явлениях, отобразив на картах пучками изоглосс, что поможет выявить зоны наиболее интенсивной иррадиации тенденций аналитизма.

В связи с задачей картографирования типологических отношений в работе над атласом будет отрабатываться методика построения типологических карт. Это тем более необходимо, что вообще этот атлас, по сравнению с национальными, должен в большей степени ориентироваться на показ общих закономерностей, абстрагируясь от конкретного материала в случаях, когда он в достаточной мере отражен в национальных атласах.

4. Говоря о задачах, связанных с созданием ВСЛА, нельзя упускать из виду значение этого мероприятия в культурологическом аспекте, его место в общем комплексе работ по изучению древнерусской культуры и ее национальных вариантов.

Эта работа может и должна вскрыть огромный пласт языковых данных, которые способны значительно обогатить наши представления о культурных ценностях древнерусской эпохи и о народах — ее духовных наследниках. Для этого культурологический подход должен быть заложен в построение самого атласа, а работа над ним — широко опираться на данные других гуманитарных дисциплин — археологии, социальной истории, в контексте которых она должна быть осознана.

В рассматриваемом аспекте среди других сторон языка особое место занимает лексика, наиболее непосредственно связанная с семантикой. Именно в лексике обнаруживается связь с элементами материальной и духовной культуры, в многообразных формах выявляется менталитет народа, его языковое видение мира: это связь названия и реалии, слова и значения, разные типы лексико-семантических связей, разная дифференциация понятий внутри одного семантического поля, разные ее основания. Ценная информация этого рода заложена и в сопровождающих лексику словообразовательных явлениях, указывающих на различия в типах мотивации, которые, варьируясь по говорам, сами по себе могут быть темой карт. В расширительном

смысле во всех этих лексических феноменах заложена специфическая культурно-этническая информация, не поддававшаяся ранее учету, но имеющая значительный культурный интерес. Я уже не говорю о культурно-историческом значении лексических заимствований, которые в наиболее непосредственной форме отражают культурные контакты с другими народами (разными на разных участках восточнославянской территории), или о значении лексики архаической, уходящей в прошлое вместе с архаическими чертами быта, которая сохраняется, зачастую, уже только в устной традиции. И многое другое.

Сохранить и донести все это богатство до читателя, если не непосредственно на карте, то в комментариях, — одно из важнейших условий того, чтобы атлас оказался на уровне тех требований, которые к работам такого рода предъявляет современная наука с ее гуманитарными устремлениями, видящая приоритеты в изучении культуры народа, его духовного наследия.

Поэтому для диалектологов России, Украины и Белоруссии работа над ВСЛА — это, помимо всего прочего, одна из форм консолидации научных сил для изучения языка восточных славян как одной из составляющих культуры. Все мы в равной мере заинтересованы в этой работе, призванной средствами лингвогеографии осветить общий для всех трех народов период, в недрах которого зародились наши языки. На фоне общих языковых переживаний древнейшей поры рельефнее вырисуется специфика каждого из языков, его неповторимое структурное и духовно-культурное своеобразие.

Научное издание

Восточнославянские изоглоссы

Вып. 4

ISBN 5-88744-064-3

9 785887 440644

Подписано в печать 21.09.2006.
Формат 84 × 108/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Усл. п. л. 18,48. Тираж 800 экз.
Заказ № 7204.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография
им. В. И. Смирнова». 214000, г. Смоленск,
проспект им. Ю. Гагарина, 2.

45-00